

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Тезисы докладов
XXV
Международной
научной
конференции

«КИТАЙ
И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ:
ФИЛОСОФИЯ
ЛИТЕРАТУРА
КУЛЬТУРА»

Москва 5 – 6 июня 2024 г.

Москва
ИКСА РАН
2024

УДК 008(510+5-012)(082)
ББК 71(5Кит+55)я43
Т29

Рецензенты:

Руководельникова М.Б., к.филол.н., доцент,
зав. кафедрой восточных языков Института лингвистики РГГУ;
Серова С.А., д.ист.н, главный научный сотрудник
Института Востоковедения РАН

Ответственный редактор:

Н.Л. Кварталова

Т29 Тезисы докладов XXV Международной научной конференции «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура». Москва, 5—6 июня 2024 г. М. : ИКСа РАН, 2024. — 348 с.

ISBN 978-5-8381-0485-4

DOI 10.48647/ISSA.2024.76.42.001

В сборнике опубликованы тезисы участников двадцать пятой Международной научной конференции Центра изучения культуры Китая, прошедшей в ИКСа РАН в смешанном очно-заочном формате 5 и 6 июня 2024 года. В конференции приняли участие более восьмидесяти ученых из России, Китая, Беларуси, и Нидерландов. В докладах были затронуты современные проблемы философии, литературы и культуры Китая и других стран Восточно-Азиатского региона.

Ключевые слова: Китай, философия, культура, история, литература, Япония, Корея, Вьетнам.

УДК 008(510+5-012)(082)
ББК 71(5Кит+55)я43

ISBN 978-5-8381-0485-4

© Коллектив авторов, 2024
© ИКСа РАН, 2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of China and contemporary Asia

**XXV International Scientific
Conference
“China and East Asia:
Philosophy, Literature, Culture”**

June 5—6, 2024

Abstracts

Moscow
ICCA RAS
2024

Reviewer:

Svetlana A. Serova, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences;

Maria B. Rukodelinikova, PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of Oriental Languages, Russian State University
for the Humanities

Editor-in-Chief:

N.L. Kvartalova

XXV International Scientific Conference “China and East Asia: Philosophy, Literature, Culture”. June 5—6, 24. — M.: ICCA RAS, 2024.

Abstracts of the twenty fifth International scientific conference of the Center for the Study of Chinese Culture, held at the ICCA RAS in a mixed part-time format on June 5 and 6, 2024, are published in the collection. More than eighty scientists from Russia, China, Belarus and Netherlands took part in the conference. The reports touched upon modern problems of philosophy, literature and culture of China and other countries of the East Asian region.

Keywords: China, Philosophy, Culture, History, Literature, Japan, Korea, Vietnam.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Философия и религия

Белая И.В.

Комментарии Цао Вэнь-и на «Дао Дэ цзин»
в ракурсе даосской алхимии 20

Блажекина А.Ю.

Образ добродетельной женщины в трактате «Кун-цзы цзя юй» 23

Ван Сяо 王潇

Русская православная церковь за границей в Харбине и ее влияние
на духовный мир китайцев в первой половине XX века 27

Главева Д.Г.

Принцип естественной и несовершенной красоты в японской
эстетической философии ваби-саби 31

Дудников П.С.

Религиозная жизнь современных китайцев в даосском храме
Черного козла (Циньянгуан 青羊宫): несколько полевых наблюдений 37

Зиганьшин Р.М.

Тема «возвращения» в китайской традиции 40

Кварталова Н.Л.

Математическая логика в Китае в первой трети XX века 42

Князев Я.М.

О даосских комментариях «Дао Дэ цзина» (на примере 28 чжана) 44

Крушинский А.А.

Спиринский путеводный луч света в темном царстве эрзац перевода 47

Луань Вэй 栾威

Некоторые мысли об интеграции марксизма и традиционной
китайской культуры 50

Пушкарская Н.В.

Источники космологической концепции годяньского текста
«Да И шэн шуй» «大一生水» 53

Хуан Лилиан 黄立良

Слово о человеке, который остается в моем сердце —
памяти М.Л. Титаренко 56

Цюй Цзясинь	
Феномен поклонения «божьем людям» в китайских народных верованиях	59
Чжоу Лайшунь 周来顺	
Исследование философии Бердяева с точки зрения современных китайских учёных	62
Чирков К.А.	
Особенности периодизации этапов развития религиоведения в Китае (с начала XX века до эпохи «реформ и открытости»)	66
Шэнь Юаньин 申元瑛, Вэй Жань 蔚然	
«Бытие и Время» и «Чжуан-цзы»: ценность «существования»	69
Шэнь Юаньин 申元瑛	
Концепция «я» с точки зрения ценностей в главе «Об уравнивании вещей» Чжуан-цзы	73

Секция 2. Язык, письменность, вопросы перевода

Александия А.Г.	
Некоторые особенности синтаксических конструкций в дунхуанских текстах религиозного содержания: пассивная конструкция с мэн 蒙	77
Банкова Л. Л., Лысякова К. А.	
Китайский жестовый язык: становление, проблемы и влияние звучащего языка	80
Ван Ичунь 王艺纯	
Анализ практического значения современной языковой среды для изучения литературы в Китае и странах Восточной Азии	82
Виноградская В.Б.	
«Годовые инвентаризации» в китайском интернете: от слова года до метаобзоров	87
Глазунова В.В.	
Роль дополнительной графемы «государь» в песне «Рубим сандал» 伐檀 из Аньхойской рукописи Шицзина	90
Завьялова О. И.	
Дискуссия о судьбе упрощенных иероглифов в современном Китае	93
Исаев А.С.	
Идиоматические особенности перевода на русский язык названий китайских кинофильмов	96
Кутафьева Н. В.	
Наречия с количественным значением в японском языке	100

Пэн Юйхай 彭玉海	
Передача расширенного значения метафоры глаголов с эмоциональным концептом	104
Сяо И	
К определению межкультурного понятия «会意字» (идеограмма) в китайской письменности	109

Секция 3. Литература

Березкин Р.В.	
«Жизнеописание Господина Прекрасных добродетелей» Юань Цаня как ранний образец китайской идеализированной автобиографии	117
Ван Ицзюнь 王逸群	
Повествование о повседневной жизни в произведениях Хань Дуна «Тьма» и «Волчьи следы»	120
Ваишквичус В. Ю.	
Образ бунтаря в китайской детско-юношеской литературе	123
Го Сяньшу 郭贤姝	
Сохранение народных традиций: описание китайской культуры в произведениях Гэ Ляна	126
Дондокова М.Ю.	
Образ поэта в лирике Хань Дуна 1980—2000 гг.	130
Емельчикова Е.Н.	
Кулинарная история литературы Китая: взгляд любителя	133
Игнатенко А. В., Пахомова Е. С.	
Культурные особенности китайской литературной антропоники в прозе Мосян Тунсю	136
Комаровская П. А.	
Женская образность в народных песнях региона Гуаньчжун (пров. Шэньси, КНР)	140
Коробова А.Н.	
Перо и кисть Фэн Циция: роль живописи эпохи Сун в становлении художника и писателя	143
Ли Синьмэй 李新梅	
Перевод и исследование Белинского в Китае в связи с национальным проектом Китая «Перевод и исследование Полного собрания сочинений Белинского»	146
Лю Ядин 刘亚丁	
Современные российские писатели и традиционная китайская культура	151

Митькина Е. И.	
Переводы западных детективов в начале XX века и их влияние на становление жанра в Китае	155
Пиццов К. М.	
Губительница и мстительница — образы двух женщин конца эпохи Мин в творчестве Лу Цююня	157
Стеженская Л.В.	
Лю Се о литературном жанре <i>фэньшань</i>	160
Унгурян С. В., Вельма Д. Ю.	
Лакуны перевода: Сравнительный анализ двух переводов ключевого сборника Сянь-мао «Сахарские новеллы» (1976)	163
Цзин Сюаньжу 荆萱茹	
Сравнительное исследование культуры чая в литературе Восточной Азии	165
Цой И. В.	
Цикл рассказов Ли Инсона «Вглубь незнакомого времени» как пример постмодернистской прозы Южной Кореи (1980-е гг.)	170

Секция 4. Культура

Барский К.М.	
Эволюция китайских представлений о социально-нравственном и профессиональном идеале дипломата	174
Ван Мэн 王猛	
Институт Конфуция: интернационализация образования Китая	177
Ван Фурс Цзыи 王富勒斯·仔怡	
Особенности китайского характера, формируемые на разных стадиях развития личности	180
Верченко А.Л.	
«Культурная концепция» Си Цзиньпина и усиление связи культуры с идеологией в «Новую эпоху»	184
Вихрова К. А.	
Преодоление традиции киберпанка в романе «Мусорный прибой» Чэня Цюфая	187
Гао Цин 高青	
О роли традиционной культуры в современном Китае	190
Голосова Е.В.	
Проблемы трансформации восприятия и структуры китайского классического сада	193

Данилова Е.А.	
Китайская игра Го как эффективный инструмент развития стратегического мышления политической и деловой элиты	197
Дышенов А.В.	
«Клубок противоречий» в творчестве Линь Юйтана: конфуцианство, даосизм и христианство	201
Завидовская Е.А.	
Религиозный ландшафт провинции Юньнань по материалам цинского альбома из собрания Научной библиотеки СПбГУ	204
Киселева Е.А.	
Химическое исследование традиционного окрашивания тканей у народности <i>ли</i>	207
Колебина М.С.	
Конформизм и протест в уличном искусстве КНР	210
Ле Тхи Хонг Фьонг	
Концепция «социально вовлеченного буддизма» вьетнамского монаха Тхитя Нята Ханя	214
Ли Тунсинь 李桐馨	
Культурные особенности китайского экспортного фарфора эпох Мин и Цин (1368—1911) на примере мифологических и религиозных мотивов	219
Ляхович Е.В.	
Основные типы композиционной организации росписи китайского фарфора XVII—XVIII вв.	225
Меньшикова М.Л.	
Подарки наследнику русского престола Николаю Александровичу от китайского императора Гуансюй в 1895 и 1896 годах	228
Меркулов К.К.	
О важнейших особенностях историко-философской модели системосинергетики био- и геостратегических отношений России и Союзного государства с Китаем в XXI веке	235
Михайлова Л.Е.	
Исследование российско-вьетнамского взаимодействия в современном культурном поле	239
Пиковер А.В.	
«Дао Дэ цзин в теории и практике Тайцзи»	242
Соколов И.А.	
Чай, чайный бизнес и чайная культура китайских провинций Цзянсу и Внутренняя Монголия в 2023—2024 годах	245

Сунь Юаньюэ 孙元越	
Современное состояние исследований распространения китайской культуры в процессе преподавания китайского языка в Монголии	248
Ткачёва А.В., Стрельцов Д.И	
В чем заключается уникальность глазурованного керамического декора в архитектуре Китая периодов Мин (1368—1644) и Цин (1644—1912)	254
Цю Вэньжун 邱文蓉	
Изучение результата распространения английского перевода трактата Сунь-цзы «Искусство войны» на примере обзоров книги на американском сайте Amazon	258
Чжан Цзюньи 张君义	
Взаимовлияние китайских шахмат в государствах китайского культурного ареала	263
Чжан Юн 张勇	
Китайские обычаи ухода за захоронениями на примере могилы летчика Г.А. Кулишенко в Ваньчжоу	268
Чжао Линьлин 赵琳琳	
Влияние идеи «гармонии» на изучение китайского языка в мире с точки зрения распространения конфуцианства в Восточной Азии	272
Чжу Юйжу 朱玉茹	
Межкультурное взаимодействие в культуре чая Китая и стран Восточной Азии	277
Шеметова А.А.	
Ценностные основания социокультурной адаптации китайских обучающихся в Беларуси	280

Секция 5. Искусство

Ван Ихэн 王一恒	
Духовность в ландшафте промышленных руин на северо-востоке Китая	285
Ван Минъян 王明洋	
Влияние и механизм трансляции китайской культуры в Восточной Азии на примере современной китайской живописи	289
Ван Цзыюнь 王紫昀	
«Сад» китайских и восточноазиатских идей в области художественного мышления	293
Вострикова Е. А.	
Иконография цветущей дикой сливы <i>мэхва</i> в живописи эпохи Чосон	298

Донченко А. И.	
«Городской пейзаж» — новый вид китайской традиционной пейзажной живописи	301
Ду Шаньдэ 杜尚劫	
Живопись <i>мочжу</i> как отражение моральных установок художника в эпоху Юань	304
Ляхович Е. В.	
Основные типы композиционной организации росписи китайского фарфора XVII—XVIII вв.	307
Харитошкина А. А.	
Роль зрительного восприятия в анализе традиционной китайской живописи	310

Секция 6. Музыка, театр, танец

Жань Цзинхун 冉锦红, Чжан Сюэ 张雪, Хуан Фэн 黄凤	
Сычуаньское «исполнение баллад» (<i>цинъюнь</i>) как нематериальное культурное наследие Китая — на примере «Новая рифма старой улицы»	314
Лю Цзини 刘婧怡	
Тема патриотизма в китайской классической музыке первой половины XX века	317
Медведева Ю. П.	
Китай в зеркале европейской оперы: эволюция восприятия в XVIII — первой половине XIX вв.	319
Петрунина С. Ю.	
Органические инструменты в музыке Тань Дуня	322
Старостина Н. Б.	
«Осенние гуси» из «Чудесных тайных нот» (1425) как образец логики музыкального развития циневой музыки эпохи Мин	325
Цуй Гэ	
Символизм в китайских народных танцах	328
Сведения об авторах	332

CONTENT

Section 1. Philosophy and religion

Irina Belaya

- Commentaries by Cao Wen-yi on the “Dao De jing”
from the perspective of Daoist alchemy 20

Anastasia Blazhkina

- The image of a virtuous woman in the treatise “Kongzi Jia Yu” 23

Wang Xiao

- The Russian Orthodox Church Abroad in Harbin and its influence
on the spiritual world of the Chinese in the first half
of the twentieth century 27

Diana. Glaveva

- The principle of natural and imperfect beauty in the Japanese
aesthetic philosophy of wabi-sabi 31

Pavel. Dudnikov

- Religious Life of Contemporary Chinese in Daoist Qingyang Temple:
Some Fieldwork Observations 37

Rinat Ziganshin

- The theme of “return” in the Chinese tradition 40

Nataliya Kvartalova

- Mathematical logic in China in the first third of the twentieth century 42

Iaroslav Kniazev

- About the Daoist commentaries of “Dao de jing”
(on an example of 28 zhang) 44

Andrey Krushinskiy

- Spirin's guiding ray of light in the dark kingdom of ersatz translation 47

Luan Wei

- Some Thoughts on the Integration of Marxism and Traditional
Chinese Culture 50

Natalia Pushkarskaia

- Sources of the cosmological concept of the Guodian's text
«Da yi sheng shui» «大一生水» 53

Huang Liliang

- Some kind words about a person, who is forever in my heart 56

Qu Jiixin	
The phenomenon of worship of deified people in Chinese folk beliefs	59
Zhou Laishun	
Research on Berdyaev’s Philosophy from the Perspective of Contemporary Chinese Scholars	62
Kirill. Chirkov	
“The Features of the periodization of the stages of the development in religious studies in China (from the beginning of the 20th century to reform and opening-up era)”	66
Shen Yuanying, Wei ran	
Being and Time and Village on the Value of “existence”	69
Shen Yuanying	
The Concept of "Self" in The Adjustment of Controversies under the Threshold of Value	73

Section 2. Language, writing, translation issues

Armen Alexanyan	
Some peculiarities of syntactic constructions in Dunhuang religious texts: passive construction ‘蒙 + V’	77
Liudmila Bankova, Ksenia Lisyakova	
Chinese sign language: genesis, problems and spoken language influence	80
Wang Yichun	
Analysis of the practical significance of the modern language environment for the study of literature in China and East Asian countries	82
Veronika Vinogradskaya	
“Annual Inventories”: from Word of the Year to Meta-Reviews	87
Victoria Glazunova	
The function of the additional element ‘sovereign’ in the text “Cutting the Sandalwood” 伐檀 (the Anhui manuscript version of the Book of Songs)	90
Olga Zavyalova	
Discussion on the restoration of traditional variants of characters in modern China	93
Alexander Isaev	
Idiomatic features of translating Chinese film titles into Russian	96
Nataliia Kutafeva	
Adverbs with quantitative meaning in Japanese language	100
Peng Yuhai	
Extension-Intension Inheritance of Verbal Emotional Conceptual Metaphor	104

<i>Xiao Yi</i>	
The definition of the intercultural concept of “会意字” (ideogram) in chinese writing	109

Section 3. Literature

<i>Rostislav Berezkin</i>	
“Biography of the Gentleman of Wonderful Virtues” by Yuan Can as an early example of Chinese autobiographical literature	117
<i>Wang Yiqun</i>	
The Narrative of Everyday Life in Han Dong's Fictions — a case study of “Gloominess” and “Wolf Tracks”	120
<i>Valentina Vashkyavichus</i>	
The image of the rebel in Chinese children's and youth literature	123
<i>Guo Xianshu</i>	
The watchfulness and inheritance of folk tradition — Chinese cultural writing in Ge Liang's works	126
<i>Maksara Dondokova</i>	
The poet's image in Han Dong's poetry of the 1980-2000's	130
<i>Elena Emelchenkova</i>	
A history of food in Chinese literature: an amateur's overview	133
<i>Alexander Ignatenko, Ekaterina Pahomova</i>	
Cultural features of chinese literary anthroponymy in the prose of Moxiang Tongxiu	136
<i>Polina Komarovskaya</i>	
Female imagery in folk songs the Guanzhong region (Shaanxi Province, China)	140
<i>Anastasia Korobova</i>	
Pen and brush of Feng Jicai: the role of Song Dynasty painting on his formation as an artist and a writer	143
<i>Li Xinmei</i>	
Translation and Research on Belynsky in China—Discussion on the Chinese National	146
<i>Liu Yading</i>	
Contemporary Russian Writers and Traditional Chinese Culture	151
<i>Evgenia Mitkina</i>	
Translations of Western detective stories at the beginning of the twentieth century and their influence on the development of the genre in China	155

<i>Konstantin Pistsov</i>	
The destroyer and avenger – images of the two women of the end of Ming Era in the works of Lu Qiyun	157
<i>Lidiya Stezhenskaya</i>	
Liu Xie’s critique of fengshan	160
<i>Sofia Ungurian, Denis Velma</i>	
Translation Gaps: A Comparative Analysis of Two Translations of Sanmao’s Key Collection of Stories “Stories of the Sahara” (1976)	163
<i>Jing Xuanru</i>	
A Comparative Study of Tea Culture in East Asian Literature	165
<i>Inna Tsoy</i>	
The series of stories by Lee Inseong “Into the Unfamiliar Time” as an example of postmodern prose in South Korea (1980s)	170

Section 4. Culture

<i>Kirill Barsky</i>	
The evolution of Chinese ideas about the social, moral and professional ideal of a diplomat	174
<i>Wang Meng</i>	
Confucius Institute: Internationalization of Education in China	177
<i>Van Furs Tszyi</i>	
Features of the Chinese character formed at different stages of personal development	180
<i>Alla Verchenko</i>	
Xi Jinping’s Cultural Concept and Strengthening the Connection between Culture and Ideology in the “New Era”	184
<i>Kseniya Vikhrova</i>	
Overcoming the cyberpunk tradition in Chen Qiufan’s novel The Waste Tide	187
<i>Gao Qing</i>	
On the role of traditional culture in modern China	190
<i>Elena Golosova</i>	
Problems of transformation of perception and structure of the Chinese garden	193
<i>Elena Danilova</i>	
The logic of governance decision-making by representatives of the Chinese political and business elite through the prism of the philosophy of the Chinese strategic game of Go	197

Alexander Dyshenov	
“A Tangle of Contradictions” in Lin Yutang's works: Confucianism, Taoism and Christianity	201
Ekaterina Zavidovskaya	
Religious Terrain of Yunnan Province in the Qing Period Album from the Collection of the Academic Library of St. Petersburg State University (No. Xyl.F-25)	204
Elena A. Kiseleva	
Chemical research of ethnographic dyeing of fabrics in China	207
Maria Kolebina	
Conformism and protest in Chinese street art	210
Le Thi Hong Phuong	
Vietnamese monk Thich Nhat Hanh's concept of “socially engaged Buddhism”	214
Li Tongxin	
Cultural Exchanges and Differences in Chinese Export Porcelains of the Ming and Qing Dynasties: An Example of Mythological and Religious Elements	219
Ekaterina Lyakhovich	
Main principles of compositional organization in Chinese porcelain painting of the 17—18th centuries	225
Maria Menshikova	
Gifts to Nikolai Alexandrovitch, the Heir to the Russian Throne from the Chinese Emperor Guangxu in 1895 and 1896	228
Katenary Merkulov	
On the most important features of the historical and philosophical model of system synergetics of bio- and geostrategic relations between Russia and the Union State with China in the 21st century	235
Liudmila Mikhailova	
Cultural Programs between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam (Study of Russian-Vietnamese interaction in the modern cultural field)	239
Alexander Pikover	
“Tao Te Ching in the theory and practice of Tai Chi”	242
Ivan Sokolov	
Tea, tea business and tea culture of the Chinese provinces of Jiangsu and Inner Mongolia in 2023—2024	245
Sun Yuanyue	
The current state of research on the spread of Chinese culture in the process of teaching Chinese in Mongolia	248

<i>Alexandra Tkacheva, Dmitriy Streltsov</i>	
What is the uniqueness of glazed ceramic decoration in Chinese architecture during the Ming (1368—1644) and Qing (1644—1912) periods?	254
<i>Qiu Wernong</i>	
A study on the communication effect of the English translation of “Sunzi Bingfa” The Art of War—Taking the book reviews on Amazon.com as an example	258
<i>Zhang Junyi</i>	
Weiqi as a cultural factor influencing interactions between countries in Sinosphere	263
<i>Zhang Yong</i>	
Chinese customs of caring for burials using the example of the grave of pilot G.A. Kulishenko in Wanzhou	268
<i>Zhao Linlin</i>	
From the spread of Confucianism in East Asia to the impact of “harmony” thought on international Chinese education	272
<i>Zhu Yuru</i>	
An analysis of the cross-cultural exchange of tea culture between China and East Asian countries	277
<i>Alesia Shemetava</i>	
Value bases of sociocultural adaptation of Chinese students in Belarus	280

Section 5. Art

<i>Wang Yiheng</i>	
Spirituality in the Landscape of Industrial Ruins in Northeast China	285
<i>Wang Mingyang</i>	
Study on the transmission mechanism and influence of Chinese Culture in East Asia — Take contemporary Chinese painting as an example	289
<i>Wang Ziyun</i>	
The 'Garden' of Artistic Ideologies in China and East Asian Countries	293
<i>Ekaterina Vostrikova</i>	
Iconography of Maehwa in Korean Traditional Painting of Chosŏn Era	298
<i>Anna Donchenko</i>	
“Urban Landscape” — a new type of Chinese traditional landscape painting	301
<i>Du Shangjie</i>	
In the Yuan era, how the character and moral attitudes of the artist are reflected in Mozhu painting	304

<i>Ekaterina Lyakhovich</i>	
Main principles of compositional organization in Chinese porcelain painting of the 17—18th centuries	307
<i>Anastasiya Kharitoshkina</i>	
The role of visual perception for the analysis of traditional Chinese painting	310

Section 6. Music, theater, dance

<i>Ran Jinhong , Zhang Xue, Huang Feng</i>	
Sichuan “ballad performance” (qingyin) as an intangible cultural heritage of China — exemplified by “New Rhyme of an Old Street”	314
<i>Liu Jingyi</i>	
The theme of patriotism in Chinese classical music of the first half of the 20th century	317
<i>Yulia Medvedeva</i>	
China in the mirror of European opera: evolution of perception in the 18th — first half of the 19th centuries	319
<i>Sofia Petrunina</i>	
Organic instruments in Tan Dun’s music	322
<i>Nina Starostina</i>	
“Autumn Geese” from “Handbook of Spiritual and Marvelous Mysteries” (1425) as an example of the logic of the musical development of Qin music of the Ming era	325
<i>Cui Ge</i>	
Symbolism in Chinese folk dances	328
Information about authors	332

Секция 1
Философия и религия

И.В. Белая
Институт Китая и современной Азии РАН;
Институт Востоковедения РАН

**Комментарии Цао Вэнь-и на «Дао Дэ цзин»
 в ракурсе даосской алхимии**

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния идей «Дао Дэ цзина» на творчество даоски Цао Вэнь-и 曹文逸 (1039—1115), жившей в эпоху Северная Сун (960—1127). Цао Вэнь-и была единственной женщиной-философом среди многочисленных комментаторов «Дао Дэ цзина». В «Даосском каноне» (*Дао цзан* 道藏) ее комментарии представлены сразу в трех сборниках. Их особенностью является интерпретация «Дао Дэ цзина» в качестве наставлений по «внутренней алхимии» (*нэй дань* 內丹) — даосских методов совершенствования духа через преобразование тела. Помимо комментариев к «Дао Дэ цзину» Цао Вэнь-и написала «Песнь о великом Дао-Пути одухотворенного источника» (*Лин юань да дао гэ* 靈源大道歌) в которой изложила принципы сущностного единства духа-шэнь и дыхания-ци, прибегнув к образам «Дао Дэ цзина». Она утверждала, вторя наставлениям Лао-цзы, что жизнь на основе естественности (*цзы жань* 自然) и недеяния (*у вэй* 無為) является условием пестования бессмертного Изначального духа (*юань шэнь* 元神).

Ключевые слова: Даосизм, Цао Вэнь-и, «Дао Дэ цзин», комментарии.

Irina V. Belaya
Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences.
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

**Commentaries by Cao Wen-yi on the “Dao De jing”
 from the perspective of Daoist alchemy**

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of the ideas of the “Dao De jing” on the work of the Daoist nun Cao Wen-yi 曹文逸 (1039—1115), who lived in the Northern Song era (960—1127). Cao Wen-yi was the only female philosopher among the many commentators of the “Dao De jing”. In the Daoist Canon (*Dao zang* 道藏), her commentaries are presented in three collections. Their peculiarity is the interpretation of the “Dao De jing” as instructions on “inner alchemy” (*nei dan* 內丹) — Daoist methods of improving the spirit through the transformation of the body. In addition to commentaries on the “Dao De jing”, Cao Wen-yi wrote the “Song of the Great Dao of the Spiritualized Source” (*Ling yuan da dao ge* 靈源大道歌), in which she outlined the principles of the essential unity of the spirit and the breath, resorting to images of the “Dao De jing”. She ar-

gued, echoing the instructions of Lao-zi, that life based on suchness (*zi ran* 自然) and non-action (*wu wei* 無為) is a condition for nurturing the immortal Primordial spirit (*yuan shen* 元神).

Keywords: Daoism, Cao Wen-yi, “Dao De jing”, comments.

Цао Вэнь-и 曹文逸 (1039—1115) — единственная женщина-философ, написавшая комментарий к «Дао Дэ цзину». Ее таланты были высоко оценены императором Хуэй-цзуном, который пожаловал ей титул «Совершенная в литературном даровании» (*Вэнь-и чжэнь-жэнь* 文逸真人). Комментарии Цао вошли в «Собрание комментариев к “Дао Дэ цзину”» (*Дао дэ цзин цзи чжэ* 道德經集註) 1229 г. даосского деятеля Пэн Хэ-линя 彭鶴林 (1185—1251) [中華道藏 2004, XI, 320—468]. Их уникальность заключается в интерпретации «Дао Дэ цзина» через призму учения даосской «внутренней алхимии» (*нэй дань* 內丹).

Например, в комментарии к строчке из 1 *чжана*: «Безымянное — Неба и Земли начало. Обладающее именем — мать 10000 вещей» Цао Вэнь-и использует понятие Великий предел (*Тай цзи* 太極), но соотносит его с человеческим телом и концепцией перинатального развития, как ее представляло даосское самосознание в эпоху Сун:

«Безымянное называют корнем Дао. Безымянное — это ни наличие, ни отсутствие, и оно не имеет отношения к тому, что имеет форму (букв. сосуд). Это то, что называют рождающее Небо и Землю, дающее начало 10000 вещей. [Дао] одаривает [всех] небесной душой-*лин*, и распространяет [везде] лучезарности-*цзин*. Когда они ниспускаются в тело человека, тогда становятся духом-*шэнь* и внутренней природой-*син*. Великий Путь-Дао пуст и безмолвен, а то, что следует после Дао-Пути — это *дэ*. Дэ — это обретение. Все вещи устанавливаются, обретая его (т.е. обретая Дао). Это и есть рождающее истинное Единое. Единое — это начало [того], что обладает именем. А вот тогда, когда Единым становится прорывающееся Ци, тогда оно зовется Великим пределом, или Тайцзи. Тайцзи порождает Небо и Землю. Когда же прорывающееся Ци становится податливым и откликающимся, оно ниспускается в эмбрион. Накопленная [часть] становится формой, а чудесная [часть] становится дыханием. Это называется жизненной силой-*мин*. Человек рождается между Небом и Землей, Небо и Земля пребывают в недеянии. Поскольку люди прославляют их применение, три дара полны, 10000 вещей завершены. Поэтому называют матерью» [中華道藏 2004, XI, 324].

道真仁靜先生曹道沖曰：無名謂道本，無名非有非無，不涉器位，所謂生天地始萬物者也。分靈散景，降在人身，則為神性，大道虛寂，次道者德也。德者得也，萬物得之而成，是生真一。一者有名之始，而沖氣為一，謂之太極。太極生天地，沖氣委和，降於胎中，積者為形，妙者為息，是謂命也。人生天地中，天地無為，因人顯用，三才備矣，萬物成矣，故曰母。

Помимо комментариев, Цао Вэнь-и написала «Песнь о великом Дао-Пути одухотворенного источника» (*Лин юань да дао э* 靈源大道歌) из 32 семисложных четверостиший, в которой также содержатся отсылки к «Дао Дэ цзину» [中華道藏 2004, XXVII, 761—762]. Это классическое произведение по даосской «внутренней алхимии», описывающее процесс преобразования духа и *ци* в стихотворной форме.

В 9 стихотворении Цао объясняет метод работы с дыханием, призывая добиваться его мягкости: «Грубое *ци* сделай мягким, тогда дух-*шэнь* навсегда пребудет» [中華道藏 2004, XXVII, 761], отсылая к 10 *чжану* «Дао Дэ цзина»: «Если грубое семя-энергию довести до мягкости, можно ли обратиться новорожденным?» [Лукьянов 2000, 182].

В 16 стихотворении Цао делает еще одну отсылку — к строке 3 *чжана*: «Деяй недеяние, и тогда не будет неуправляемого» [Лукьянов 2000, 180]. Учитывая контекст, Цао Вэнь-и использует цитату из «Дао Дэ цзина» в качестве ответа на вопрос: «Что следует взять за основу на начальном этапе практики»? «Пребывай в недеянии и не будет того, что не делается» [中華道藏 2004, XXVII, 762]. Следовательно, Цао считает недеяние (*у вэй* 無為) способом достижения состояния Дао.

Библиографический список

Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. М.: Вост. лит., 2000.
中華道藏 [Китайский «Даосский канон»]. 張繼禹編. 北京: 华夏出版社, 2004, 48 冊.

А.Ю. Блажкина
Институт Китая и современной Азии РАН

**Образ добродетельной женщины
 в трактате «Кун-цзы цзя юй»**

Аннотация. В данном докладе анализируется образ добродетельной женщины в конфуцианском трактате «Кун-цзы цзя юй». Принято считать, что постановка гендерного вопроса начинается с «Лунь юй». В «Кун-цзы цзя юй» приводятся исторические примеры добродетельных женщин, которые выступают аналогом конфуцианского благородного мужа; женщины принимают участие в ритуальной практике, однако сфера их участия ограничена общественными предписаниями. В трактате «Кун-цзы цзя юй» подчеркивается, что женщина не существует автономно, «не действует самочинно», она всегда рассматривается в тесной взаимосвязи с мужчиной: отцом, мужем, сыном. Она существует для мужчины, назначение ее бытия раскрывается через надлежащие взаимоотношения с мужчиной. Проанализировав содержание «Кун-цзы цзя юй», автор доклада приходит к выводу, что негативные высказывания о слабом поле, за исключением упоминаний о распущенных, вульгарных женщинах, фривольных певичках, способных погубить правителя и ввергнуть страну в состояние хаоса, в тексте отсутствуют. В конфуцианской философии и гендерные, и социальные роли всегда четко разграничены, именно это гарантирует гармоничное функционирование всей Поднебесной.

Ключевые слова: «Кун-цзы цзя юй», гендерные отношения, добродетель, женщина.

Anastasia Y. Blazhkina
**Institute of China and Contemporary Asia
 of the Russian Academy of Sciences**

**The image of a virtuous woman
 in the treatise “Kongzi Jia Yu”**

Abstract. This report analyzes the image of a virtuous woman in the Confucian treatise “Kongzi Jia Yu”. It is generally accepted that the formulation of the gender question begins with “Lun Yu”. The “Kongzi Jia Yu” provides historical examples of virtuous women who act as an analogue to the Confucian noble husband; Women take part in ritual practice, but the scope of their participation is limited by social norms. The treatise “Konzi Jia Yu” emphasizes that a woman does not exist autonomously, “does not act arbitrarily,” she is always considered in close relationship with a man: father, husband, son. She exists for a man, the purpose of her being is revealed through a proper relationship with a man. Having analyzed the contents of “Konzi Jia Yu”, the author of the report comes to the con-

clusion that there are no negative statements about the weaker sex, with the exception of references to promiscuous, vulgar women, frivolous singers who can destroy the ruler and plunge the country into a state of chaos. In Confucian philosophy, both gender and social roles are always clearly delineated; this is what guarantees the harmonious functioning of the entire Celestial Empire.

Keywords: political philosophy, Confucianism, “Kongzi Jia Yu”.

Гендерный вопрос в конфуцианстве имеет долгую историю, хотя он не был ключевым и почти всегда находился на интеллектуальной периферии соответствующей традиции. Принято считать, что истоками своими он уходит в «Лунь юй»: «Учитель сказал: «Только женщину и ничтожного трудно воспитать: когда их приближаешь, — выходят из послушания, когда отдаляешь, — злятся» (XVII, 25) [Беседы и суждения 2011, 406]. Утверждение на первый взгляд довольно женоненавистническим, некоторое время таковым и считалось, однако большинство современных исследователей сходятся на том, что уничижительного отношения к женщине в цитате из «Лунь юя» не прослеживается. В подтверждение данного тезиса профессор Фэн Кэчжэн (冯克正) в период с 2020—2022 гг. написал серию из четырех статей, в которой подробно проанализировал суть и историю развития искомой цитаты из «Лунь юя» [冯克正 2022, 21—26]. Вместе с тем едва ли Конфуция и его последователей можно заподозрить в том, что свои философские изыскания они адресовали слабому полу или же, что конфуцианцы наделяли женщин особого рода нравственным началом, отличным от мужчин, вполне достаточно для начала будет и того, что женщина в принципе поддается воспитанию. В трактате «Кун-цзы цзя юй» образу добродетельной женщины уделяется определённое внимание. Главными добродетелями слабого пола являются целомудрие (贞 *чжэнь*) и послушание (顺 *шунь*) (I, 4), (III, 6)¹. В главе «Разъяснения о подлинной морали» приводятся конкретные примеры женского трудолюбия, уважения этических норм древности и мудрости. Так мать луского чиновника в ранге *дафу*, Гунфу Вэньбо², которую звали Цзинцзян выступает в «Кун-цзы цзя юй» в качестве интеллектуального и нравственного идеала женщины-аристократки: «Мать Гунфу [Вэньбо] поистине мудра» (XLIII, 20). Кроме того, она является аналогом благородного мужа, следует основополагающим этическим константам конфуцианства, а потому вслед за ней, «женщины из клана

¹ Зд. и далее в круглых скобках дается указание на соответствующую главу и чжан «Кун-цзы цзя юй» в переводе Блажкиной А.Ю. по изданию: Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция) / пер. с кит., исслед. и примеч. А.Ю. Блажкиной; отв. ред. В.М. Майоров. М.: ИКСА РАН, 2022.

² Гунфу Вэньбо (公父文伯) или (公甫文伯) или Гунфу Чу (公父歆) — луский *дафу*, двоюродный дядя главного министра царства Лу — Ци Кан-цзы.

Гунфу придерживаются середины и стремятся к добродетели, выправляют посредством ритуала» (XLIV, 13). О мудрости и добродетельности Цзянцзян подробно рассказано в памятнике «Го юй» [Речи царств 1987, 101—105], приведенные выше отрывки из трактата «Кун-цзы цзя юй» практически полностью совпадают с текстом «Го юй». Кроме Цзинцзян в «Кун-цзы цзя юй» содержится упоминание о матушке-воспитательнице луского Сяо-гуна¹, она названа «прекрасной» или «добродетельной» (良妣), правитель любил и уважал ее до такой степени, что носил по ней траур как по родной матери (XLIII, 12). Более того, в тексте прямо сказано, что женщины принимают участие и в ритуальной практике, в частности жертвоприношение духу очага (燔柴于灶 *фань чи юй цзао*) — это жертвоприношение, которое должны совершать пожилые женщины (老妇 *лао фу*) (XLII, 7). Что касается ритуала как поведенческой основы этики, то к эмоциональной составляющей, к знанию содержания норм, к внешнему виду женщин предъявляются довольно жесткие требования. В частности, в «Кун-цзы цзя юй» Кун-цзы дает наставления своей племяннице касательно траурной прически (髻 *чжуа*): «Шпилька из орешника должна быть длиной в один *чи*, а длина ленты, [скрепляющей волосы] должна быть в восемь *цуней*» (XLII, 18). В основном, сфера церемониальной практики, в которой участвовали женщины, ограничивается траурным, погребальным и свадебным ритуалами, составной частью последнего был ритуал поднесения сговорных даров родителям невесты. Такая ограниченная сфера участия выглядит вполне логично, исходя из привычного образа жизни женщины в традиционном обществе: «Находиться за порогом дома за исключением посещения похорон родственников — не соответствует долгу» (XXVI, 1).

Женщина не существует автономно, «не действует самочинно» (事无擅为 *ши у шань вэй*) (XXVI, 1), она всегда рассматривается в связи с мужчиной: отцом, мужем, сыном. Женщина существует для мужчины, назначение ее бытия раскрывается через надлежащие взаимоотношения с мужчиной, и в этом нет ничего уничижительного или оскорбительного. В тексте «Кун-цзы цзя юй» мы не найдем негативных высказываний о слабом поле, за исключением упоминаний о распущенных, вульгарных женщинах, фривольных певичках, способных погубить правителя и ввергнуть страну в состояние хаоса (XIX, 7). В конфуцианской философии и гендерные, и социальные роли всегда четко разграничены, именно это гарантирует гармоничное функционирование всей Поднебесной.

¹ Сяо-гун (孝公) (?—769 гг. до н.э.) — правитель царства Лу (795—769 гг. до н.э.) по имени Чэн (称).

Библиографический список

Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция) / пер. с кит., исслед. и примеч. А.Ю. Блажкиной; отв. ред. В.М. Майоров. М.: ИКСа РАН, 2022.

Го юй (Речи царств) / пер. с кит., вступ. и примеч. В.С. Таскина; отв. ред. М.В. Крюков. М.: Наука, 1987.

冯克正: 宠幸致祸的历史教训与孔子的告诫 — “唯女子与小人为难养也” 辨 (四) [Фэн Кэчжэн. Исторический урок благосклонности, вызывающей катастрофу, и предостережение Конфуция — «Только женщину и ничтожного трудно воспитать». Часть 4] 《走进孔子》杂志 2022 年第 3 期, 第 21—26 页.

*Ван Сяо***Санкт-Петербургский государственный университет**

**Русская православная церковь за границей в Харбине
и ее влияние на духовный мир китайцев
в первой половине XX века**

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о религиозном и культурном влиянии русской православной церкви на местное китайское население Маньчжурии в первой половине XX века. Харбин являлся центром Китайской Восточной Железной Дороги, которая обеспечивала удобное транспортное сообщение для исхода русских эмигрантов, и в 1930-е годы число русских переселенцев достигло почти 300 тыс. человек, даже превысив число местных китайцев, поэтому Харбин получил наименование «Русский Харбин». В то же время Харбин, как место наибольшей концентрации русских переселенцев в Китае, территориально находился на Дальнем Востоке России, отсюда и название «Восточная Москва». В 1922 году здесь была создана Харбинская и Маньчжурская епархия, которая не относилась к Пекинской Духовной Миссии, поэтому миссии здесь не существовало. Разумеется, главной целью епархии послужило духовное окормление русских православных верующих, для чего в Харбине издавалось многочисленное количество церковных произведений и периодических изданий на русском языке. Однако это не означает, что оно не оказало влияния на китайцев, и даже некоторые китайцы перешли в православие, в том числе меньшинства (маньчжуры, корейцы) и аборигены (эвенки и тунгусы). О том, как православное христианство интегрировалось в Харбине, и о его красочных и разнообразных отношениях с местными китайскими традиционными и народными религиями (даосизмом, буддизмом, шаманизмом) и верованиями (конфуцианством) рассказывает наш сегодняшний доклад.

Ключевые слова: Харбинская и Маньчжурская епархия, китайские православные, религии и вероисповедание.

*Wang Xiao***St. Petersburg State University**

**The Russian Orthodox Church Abroad in Harbin
and its influence on the spiritual world of the Chinese
in the first half of the twentieth century**

Abstract. This article examines the religious and cultural influence of the Russian Orthodox Church on the local Chinese population of Manchuria in the first half of the 20th century. Harbin was the center of the Chinese Eastern Railway, which provided a convenient transport link for the exodus of Russian emi-

grants, and in the 1930s the number of Russian immigrants reached almost 300 thousand of people, even exceeding the number of local Chinese, so Harbin was called “Russian Harbin”. At the same time, Harbin, as the place of the largest concentration of Russian settlers in China, was located in the Far East of Russia, hence the name “Eastern Moscow”. In 1922 here was established the Harbin and Manchurian Diocese, which did not belong to the Beijing Ecclesiastical Mission, so there was no mission here. Of course, the main purpose of the diocese was the spiritual feeding of Russian Orthodox believers, for which purpose numerous church works and periodicals in Russian were published in Harbin. However, this does not mean that it had no influence on the Chinese, and even some Chinese converted to Orthodoxy, including minorities (Manchus, Koreans) and aborigines (Evenks and Tungus). How Orthodox Christianity has been integrated in Harbin, and its colorful and diverse relationship with local Chinese traditional and folk religions (Taoism, Buddhism, Shamanism) and beliefs (Confucianism) is described in our report today.

Keywords: Harbin and Manchuria Diocese, Chinese Orthodox, religions and denominations.

После начала Октябрьской революции 1917 года большое количество белых русских эмигрантов, выступавших против советского режима, рассеялось по всему миру. Маньчжурия на территории Китая создавала благоприятные условия для притока русских эмигрантов в восточные страны. Поскольку Харбин представлял собой центральный узел Китайской Восточной Железной Дороги, его богатые минеральные ресурсы и уникальная география создавали превосходные перспективы для поселения русских эмигрантов и основания Русской православной церкви за границей. В 1922 году в Харбине была официально учреждена епархия с кафедрой для православной диаспоры. Харбинская и Маньчжурская епархия была независима от Русской Духовной Миссии в Пекине и непосредственно подчинена Архиерейскому Синоду Русской Православной Церкви Заграницей. В Харбине было создано не только множество храмов, но и духовные заведения (*Богословский институт святого Владимира, Харбинская Алексеевская духовная семинария*), издательства (*издательство Священника Николая Киклович, издание обители милосердия*), типографии (*типография Посох, Заря*), библиотеки (*библиотека православного Христианина*), монастырей (*Казанско-Богородицкий мужской монастырь*) и другие культовые организации (*Христианский союз молодых людей*), что позволило богословской мысли Русской Православной Церкви выжить и расцвести. Все это придавало духовное окормление и преемственность русским верующим в Харбине.

Вместе с этим православная церковь пришла к взаимодействию с традиционными китайскими религиями, проявляя терпимость и уважение к другим вероисповеданиям. В этом процессе интуитивно наиболее оче-

видны две проблемы: религиозное мышление и культурная интеграция. Согласно традициям китайской культуры, принесение жертв предкам и мудрецам является общепринятым предписанием. Люди почитали своих предков, называя их имена, принося им жертвы и сжигая бумажные деньги. В конфуцианской культуре отсутствует четкая граница между почитанием и поклонением, а также ясное разъяснение о смысле существования после смерти и поклонения предкам. Русская православная церковь терпимо относится к этому явлению и рассматривает этот феномен как ритуал и обряд на моральном уровне, скорее мемориального характера, чем духовного причастия. С идеологической точки зрения, хотя в трудах Конфуция нет рассуждений о Боге, это не означает, что он был атеистом. Конфуций никогда не говорил о Боге, он говорил о Небе. Об этом говорится также в «Ши цзин»: «Небо, рождая на свет человеческий род, человеческий род, Тело и правило жизни всем людям дает». А согласно библейскому описанию: «Ис 66:1: “Так говорит Господь: небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих»». Таким образом, в китайском традиционном образе мышления и христианской мысли также есть сходство.

В первой половине двадцатого века некоторые китайцы Маньчжурии, в том числе малочисленные и коренные аборигены, приняли православную веру. Например, оленные эвенки из долины реки Эргунь, традиционной верой которых является шаманизм, также приняли православие. А в период Маньчжоу-Го эвенки приходили в Храм святителя Иннокентия Иркутского, чтобы креститься, проводить свадьбы и похороны. Многие местные тунгусы приняли православие, и на их надгробиях нарисованы кресты. Однако шаманизм, сосуществующий с этими православными храмами, ничуть не нарушается и исправно выполняет древние обряды. Это представляет собой интересный феномен «религиозного дуализма».

Библиографический список

Баконина С. Н. Церковная жизнь Русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920—1931 гг. М.: ПСТГУ, 2014.

Игумен Филарет. Религиозный Отдел, Харбин, 1936.

Коростелев, Караулов: Православие в Маньчжурии (1898—1956). Очерки истории. М.: ПСТГУ, 2019.

Митрополит Филарет (Вознесенский). Конспект по закону Божию, Харбин, 1936.

Покровский Н. П. Курс православного догматического богословия. Харбин.: Казанско-Богородицкого мужского монастыря, 1933.

Прот. Вознесенский. Сокращенный Православный Христианский Кахитизис/перезд. Комит. Русской Православной Молодежи, Харбин, 1938.

Родионова К. И. Харбин. Вера и отчуждение. М.: Нов. Лит. Обоз., 2024.

Темномеров, Аполлоний Михайлович (прот.; 1867—1933). Наставление в Законе Божиим: Молитвы. Священная история. Богослужение Православной Церкви. О вере и жизни христианской / Составил помощник главного наблюдателя за преподаванием Закона Божия в начальных городских училищах Петрограда прот. Аполлоний Темномеров. Издание Школьной Секции Общества Возрождения России — Харбин: 1924.

贾英哲：道教在哈尔滨地区的传播 [Распространение даосизма в Харбине] // 龙江春秋——黑水文化论文集之三：传统文化. 2020, 第4期, 第134—140页.

孙宝艳：论 20 世纪早期东正教对哈尔滨民众生活的影响 [О влиянии православного христианства на народную жизнь Харбина в начале XX века]. 2011, 50 页.

唐戈：宗教接触的一个反例：东正教与萨满教在中俄边境的相遇 [Образец религиозного взаимодействия: встреча православного христианства и шаманизма на российско-китайской границе] // 世界宗教研究. 2021, 第4期, 第120—127页.

王志军、王美华：20 世纪上半叶哈尔滨俄罗斯东正教史述论 [Исторический очерк о Русской православной церкви в Харбине в первой половине XX века] // 世界宗教研究. 2022, 第12期, 第102—112页.

王志军：哈尔滨俄罗斯东正教史研究综述 [Обзор исследований по истории Русской православной церкви в Харбине] // 世界宗教研究. 2015, 第6期, 第149—157页.

王志军：论哈尔滨城市史上两次重要的中俄文化碰撞 [О двух значимых китайско-российских культурных столкновениях в городской истории Харбина] // 世界宗教研究. 2016, 第6期, 第82—87页.

张艳杰：哈尔滨俄侨精神世界探析——基于东正教视角 [Анализ духовного мира российских эмигрантов в Харбине с точки зрения православного мировоззрения] // 世界宗教研究. 2020, 第4期, 第134—140页.

Д.Г. Главева

Научный центр «Глобальный Диалог»

Принцип естественной и несовершенной красоты в японской эстетической философии ваби-саби

Аннотация. Ваби-саби — это японская эстетическая философия, которая ценит красоту несовершенства, мимолетности и незавершенности. Она прославляет естественный цикл роста, распада и смерти, находя красоту в простых, скромных и непрехотливых вещах. Эту концепцию можно найти повсюду в японском обществе. Вам больше не нужно быть идеальным. Ваби-саби доказывают, что вы уникальны, потому что ваши недостатки отличают вас от всех остальных. Философия ваби-саби позволяет быть собой.

В японской философии и культуре существуют понятия, которые невозможно перевести одним или несколькими словами. Ваби-саби (侘寂) состоит из двух иероглифов, каждый из которых обозначает свою собственную категорию. Ваби (侘) означает «простота», «несовершенство», «грубоватость», «сдержанная красота». Саби (寂) означает «подлинность», «налет старины», «отпечаток времени». Саби ассоциируется с «непостоянством» (все проходит). Вместе ваби-саби передают ощущение «скромной красоты» или «спокойной элегантности», а также ощущение признательности за мимолетность и скоротечность жизни.

Философия ваби-саби показывает нам, что ничто в природе не вечно и не совершенно. И это как бы навевает тоску и печаль. Несмотря на кажущуюся тоску и печаль, ваби-саби — позитивная философия. Так как ничего не вечно, то и не стоит суетиться и куда-то торопиться. Пора замедлиться, остановиться, насладиться этим моментом, осознать, что то, что есть сегодня, не будет завтра. Каждое мгновение жизни неповторимо, так что извлекайте как можно больше из этих мгновений.

Ваби-саби — это искусство жить с миром в гармонии, не приукрашивая действительность и замечая прекрасное в несовершенном.

Ключевые слова: ваби-саби, простота, несовершенство, мимолетность, незавершенность, грубоватость, сдержанная красота, спокойная элегантность.

Diana G. Glaveva

Senior Research Fellow, Global Dialog

The principle of natural and imperfect beauty in the Japanese aesthetic philosophy of wabi-sabi

Abstract. Wabi-sabi is a Japanese aesthetic philosophy that appreciates the beauty of imperfection, transience and incompleteness. She celebrates the natural cycle of growth, decay and death and finds beauty in simple, modest and unpreten-

tious things. This concept can be found everywhere in Japanese society. You don't have to be perfect anymore. Wabi-sabi proves that you are unique because your flaws make you different from everyone else. The Wabi-sabi philosophy allows you to be yourself.

In Japanese philosophy and culture, there are concepts that cannot be translated into one or more words. Wabi-sabi (侘寂) consists of two characters, each representing its own category. Wabi (侘) means “simplicity”, “imperfection”, “roughness”, “understated beauty”. Sabi (寂) means “authenticity”, “a touch of antiquity”, “imprint of time”. Sabi is associated with 'transience' (everything passes). Together, wabi-sabi convey a sense of “humble beauty” or “quiet elegance,” as well as a sense of appreciation for the fleeting and transience of life.

The Wabi-sabi philosophy shows us that nothing in nature is eternal or perfect. And this seems to evoke melancholy and sadness. Despite the apparent melancholy and sadness, wabi-sabi is a positive philosophy. Since nothing lasts forever, there is no need to worry and rush. It's time to slow down, stop, enjoy this moment, realize that what is today will not be tomorrow. Every moment of life is unique, so make the most of them.

Wabi-sabi is the art of living in harmony with the world, without embellishing reality and noticing the beauty of the imperfect.

Keywords: wabi-sabi, simplicity, imperfection, evanescence, incompleteness, roughness, modest beauty, quiet elegance.

Мы часто стремимся к совершенству во всех областях. Мы готовы бороться за него и изо всех сил стремиться к отметке «идеально», чтобы испытать чувство удовлетворения. Сегодня мы предъявляем к себе все более высокие требования. Это касается нашего жилья и его интерьера, нашей карьеры и нашего собственного тела. Нас подгоняет необходимость выглядеть безупречно в социальных сетях и в жизни. Наступает момент, в котором мы замечаем, что на самом деле мы не очень-то счастливы. А совершенство всего лишь иллюзия. Как нам быть? Ответ на этот вопрос дает японская эстетическая философия *ваби-саби*.

Ваби-саби — это японская эстетическая философия, которая ценит красоту несовершенства, мимолетности и незавершенности. Она прославляет естественный цикл роста, распада и смерти, находя красоту в простых, скромных и неприхотливых вещах. Эту концепцию можно найти повсюду в японском обществе. Вам больше не нужно быть идеальным. *Ваби-саби* доказывают, что вы уникальны, потому что ваши недостатки отличают вас от всех остальных. Философия *ваби-саби* позволяет быть собой.

В японском языке нет универсального определения *ваби-саби*. Сами японцы не смогут объяснить, что это такое. У них понимание интуитивное. *Ваби-саби* не преподается — большинство населения впитывает его через наблюдение и опыт. Для логически мыслящего представителя за-

падного мира такая задача сложна. Нам нужно все объяснить — шаг за шагом, этап за этапом. Нужны точные инструкции и совершенно точный перевод. Но это не всегда применимо к японской философии.

В японской философии и культуре существуют понятия, которые невозможно перевести одним или несколькими словами. Они присутствуют не только в искусстве, но и в обычной, повседневной жизни современного японца. *Ва́би-са́би* (侘寂) состоит из двух иероглифов, каждый из которых обозначает свою собственную категорию. *Ваби* (侘) означает «простота», «несовершенство», «грубоватость», «сдержанная красота». *Саби* (寂) означает «подлинность», «налет старины», «отпечаток времени». Саби ассоциируется с «непостоянством» (все проходит). Вместе *ваби-саби* передают ощущение «скромной красоты» или «спокойной элегантности», а также ощущение признательности за мимолетность и скоротечность жизни. Но эта «скромная красота» всего того, что нас окружает, как правило «скрытая», её нужно увидеть и прочувствовать. *Ваби-саби* — это способность видеть красоту в естественном, несовершенном и мимолётном. Дело не в том, что мы видим, а в том, как мы видим. *Ваби-саби* — эстетика скромной и неуловимой красоты: это прелесть вещей естественных, скромных и простых.

Ваби-саби — это не дорогой букет роз, завернутый в блестящий целлофан, а цветок из собственного сада; *ваби-саби* — это одиноко стоящее кривое деревце на вершине холма. *Ваби-саби* — это чашка с трещинкой или маленьким отколотым кусочком. *Ваби-саби* пропагандирует естественность и небезупречность. Именно это помогает увидеть истинную красоту вещей и влюбиться в них. Практически все виды японского традиционного искусства пронизаны эстетикой *ваби-саби*, напоминающей нам, что ничто не совершенно и не вечно, всё течет и изменяется: икебана, чайная церемония, сады камней, поэзия. К эстетике *ваби-саби* можно отнести и *ханами* (любование сакурой) — прекрасные нежные цветки распускаются на мгновение с точки зрения вечности и тут же облетают. *Ваби-саби* выходит за рамки красоты отдельного предмета или места. Это реакция человека на истинную, глубокую, скрытую красоту. У каждого человека *ваби-саби* индивидуальное, потому что каждый воспринимает мир по-своему.

Чтобы приблизиться хоть немного к пониманию *ваби-саби*, следует прежде всего понять, как японцы смотрят на мир и как они видят мир, как они познают мир? Японцы познают мир практически-конкретно-чувственно. Они смотрят очень внимательно и слушают очень внимательно. Взгляд продлевать себя в слухе, обонянии, осязании, вкусе. Но подобное «обнохивание» и «ощупывание» мира являются следствием визуальной перцепции «ближнего пространства» и особого трепетного отношения к природе. Для европейца природа — антитеза, от которой он

защищается. Японец же приспосабливается к природе, вписываясь в нее. Культ природы породил специфическое ощущение пространства, не признающее четких границ между внутренним и внешним интерьером и, например, садом.

Природные условия японских островов оказали заметное влияние на формирование национальной психологии японцев и на их мировидение. Извержения вулканов, землетрясения, наводнения, горные обвалы и ураганы испокон веку способствовали выработке таких качеств как терпеливость, самообладание и сноровка. В отношении природы и жизни японцы питают диаметрально противоположные чувства: чувство обреченности и чувство благоговения. Жизнь воспринимается в ее печальной прелести, зовущей ценить и любоваться каждым мигом бытия в этом времени и в этом пространстве. В отношении к природе у японцев на первое место выдвинулось *эмоционально-эстетическое переживание*. Оно было окрещено буддийским ощущением иллюзорности, эфемерности мира и человеческой жизни. Собственно, поэтому оно было лишено открытой жизнерадостности и всегда заключало в себе момент быстротечности. Буддийская идея эфемерности человеческого существования была своеобразно интерпретирована в элегическом ключе и представлена в виде меланхолического *мулзё* (непостоянства). Красота, раскрываясь в своей высшей точке, ощущалась как мгновенная, едва уловимая и преходящая, готовая в следующий миг исчезнуть бесследно. Отсюда вырастал и сам тип отношения к миру природы — *любование* (из которого впоследствии развилось религиозное созерцание). Любование природой — это не просто «смотрение», но обязательно переживание, изощренное восприятие окружающего мира всеми органами чувств, в первую очередь зрения.

Ощущая себя частицей изменчивого, пульсирующего мира, человек стремился открыть для себя знамения вечности, закодированные в алой листве клена, в бело-розовой дымке цветения сакуры, в первой трели камышевки, в неожиданном снегопаде. Развивается своеобразная *«кадровость восприятия»*. Взгляд фиксируется на единичном и конкретном, доступном непосредственно-чувственному восприятию и наблюдению: не лес, а дерево; не дерево, а лист; не лист, а прожилка на нем [Мещеряков 1992, с. 12]). Именно через единичное постигается всеобщее. Чтобы ощутить глубину бытия, нужно сосредоточиться на одном. Постепенное «сужение взгляда» развивает чуткость к мгновению как явлению вечного, непроявленного. А в результате детальной фиксации мига происходит продление мгновения до вечности, некая психокаллиграфия мига.

Эстетический принцип *ваби-саби* подразумевает, что нужно успеть мгновение это уловить и отразить вокруг себя, выйдя в состояние «просветленного ума». Принцип *сатори*: как достичь просветленного разума

и увидеть подлинную красоту вещей. В состоянии сатори мы можем разглядеть подлинную природу вещей.

Во второй половине XVI века мастер чайной церемонии и философ Сен-но Рикю сформировал три основных принципа *ваби-саби*: 1. *Ничто не вечно*; 2. *Ничто не закончено*; 3. *Ничто не совершенно*. Именно Сен-но Рикю сформировал принцип простоты как основной эстетический идеал [Игнатович 1997, 233].

У *ваби-саби* нет правил, которым обязательно нужно следовать, главное — выбирая вещи, которые будут окружать вас ежедневно, не покупать ничего лишнего, не стараться заполнить пространство мелочами. *Ваби-саби* — это изящество простоты, здесь важны детали, но каждая из них должна быть функциональной, единственной в своем роде. Философия *ваби-саби* — это стиль жизни, который присутствует повсюду. Для интерьера *ваби-саби* — самые ценные вещи — старинные, с историей и следами использования, содержащие в себе «жизнь». Посуда *ваби-саби* обладает большим количеством дефектов. Посуда с изъянами и потёртостями считается идеалом как раз благодаря своей неидеальности. Так, посуда становится не просто очередной безликой частью сервиза: она уникальна, у неё есть своя история и своя судьба, о которой могут рассказать несовершенства. Вещи *ваби-саби* — это небольшие неяркие предметы, будто обращенные внутрь. Они сокращают психологическую дистанцию между человеком и вещью. *Ваби-саби* означает внешнюю скромность, наделенную внутренней силой и целостностью. Изучение *ваби-саби* следует начинать с древнего искусства *ваби-ча* — вида чайной церемонии, возникшего в XV—XVI веках. Основавшие его чайные мастера отдавали предпочтение японской керамике, а не популярной в то время идеально выполненной китайской. Это был вызов тогдашним нормам прекрасного. На их чайных приборах не было привычных символов красоты (яркие цвета и затейливая роспись), и гостям предлагалось рассматривать неброские цвета и текстуры. Эти мастера выбирали несовершенные, грубоватые предметы, потому что «*ваби-саби* предполагает что-то незаконченное или неполное, оставляя простор для воображения» [Matsumoto, 2020].

Философия *ваби-саби* показывает нам, что ничто в природе не вечно и не совершенно. И это как бы навеивает тоску и печаль. Несмотря на кажущуюся тоску и печаль, *ваби-саби* — позитивная философия. Так как ничего не вечно, то и не стоит суетиться и куда-то торопиться. Пора замедлиться, остановиться, насладиться этим моментом, осознать, что то, что есть сегодня, не будет завтра. Иероглифы, составляющие выражение «*итиго итиэ*», можно дословно перевести с японского языка как «один раз — одна встреча» или «один момент — одна возможность». А это значит, что событие, происходящее сейчас, — это и есть главная ценность

жизни. *Каждое мгновение жизни неповторимо, каждый встреченный нами человек особенный*, так что извлекайте как можно больше из этих мгновений. *Ваби-саби* — это искусство жить с миром в гармонии, не приукрашивая действительность и замечая прекрасное в несовершенном.

Библиографический список

Игнатович А.Н. Философские, исторические и эстетические аспекты синкретизма (на примере «чайного действия»). М., 1997.

Мещеряков А.Н. Взгляд и нечто. Близорукость и дальнорукость японской культуры. — Ориентация — поиск. Восток в теориях и гипотезах. М., 1992.

Francesc Miralles, Héctor García. Wabi sabi. De Japanse wijsheid van imperfectie. Boekerij, Amsterdam, 2022.

Matsumoto Kiyoshi. Wabi-sabi, Japan's simplistic way of life, Apr 21, 2020). URL: <https://medium.com/@kiyoshimatsumoto/wabi-sabi-japans-simplistic-way-of-life-40fb0ec3492> (дата обращения: 12.03.2024).

Wabi-sabi: perfecte imperfectie.2020. URL: <https://www.katernjapan.nl/wabi-sabi-perfecte-imperfectie/> (дата обращения: 12.03.2024).

П. С. Дудников

Санкт-Петербургский государственный университет

**Религиозная жизнь современных китайцев
в даосском храме Черного козла (Цинъянгуан 青羊宮):
несколько полевых наблюдений**

Аннотация. Доклад посвящен религиозным практикам современных китайцев, которые довелось наблюдать автору в даосском храме Черного козла (Цинъянгуан 青羊宮) — центре даосской школы Цюаньчжэнь города Чэнду провинции Сычуань. Цинъянгуан — обширный монастырь с множеством павильонов, в которых имеет место поклонение целому ряду божеств. Среди храмовых построек автор выделяет места наибольшего религиозного притяжения. Цинъянгуан славится статуей черного козла, которой приписываются свойства исцеления от болезней. В храме наблюдается особая популярность культа Трёх чиновников (*сань гуань* 三官), исполняющих административные функции в преисподней-Подземном узилище. Моления в их адрес преследуют цель избавления индивида, а также его предков от наказания в Ином мире. Кроме того, автору довелось присутствовать при отправлении обряда Желтого реестра (*Хуан лу чжэй* 黃籙齋) в Палате Трёх чистых (Саньциндянь 三清殿), который также призван избавлять умершего родственника заказчиков церемонии от мучений в преисподней. Автор доклада предполагает, что обрядность, направленная на облегчение посмертной участи, видится одним из наиболее ярких проявлений религиозной жизни в современных даосских храмах.

Ключевые слова: даосизм, религии Китая, Сычуань, Чэнду, Дворец Черного козла.

Pavel S. Dudnikov

St. Petersburg State University

**Religious Life of Contemporary Chinese
in Daoist Qingyang Temple:
Some Fieldwork Observations**

Abstract. This paper focuses on the religious practices of contemporary Chinese, which were observed at the Daoist Qingyang Temple, which is the center of Daoism in Chengdu, Sichuan. Qingyang Temple is a vast monastery with many pavilions in which the worship of a number of deities takes place. Among shrines, the author identifies the places of big religious movement. Qingyang Temple is famous for its statue of a green goat, which is credited with curing diseases. The cult of the Three Officials (*san guan* 三官), who perform administrative functions in the Earth-Prisons, is particularly popular in the temple. Their prayers are intend-

ed to spare the individual, as well as his ancestors, from punishment in the Netherworld. In addition, the author had the opportunity to attend the performance of the Yellow Roster Levee (*Huanglu zhai* 黃錄齋) in the Hall of the Three Pure Ones (San Qing dian 三清殿), which is also intended to spare the deceased relative of the ceremony's customers from torment in the Earth-Prisons. The author of the paper suggests that rituals aimed at alleviating postmortem fate are seen as one of the most prominent manifestations of religious life in contemporary Daoist temples.

Keywords: Daoism, Chinese Religion, Sichuan, Chengdu, Qingyang Temple.

Дворец Черного козла (Циньянгун 青羊宮) — это важнейшее даосское святилище школы Полного совершенства (Цюаньчжэнь 全真) в городе Чэнду (провинция Сычуань). Он дал название району в западной части города (Циньянцюй 青羊區), в котором располагается сразу несколько известных исторических мест. Название этого храма восходит к легенде о Лао-цзы, который якобы предстал перед Инь Си в облике черного козла. По другим преданиям, под личиной черного козла скрывался посланник Владыки-повелителя Востока — Отрок-в-Зеленом (Цин-тун 青童) [Белая 2018, 120].

Автор этих строк, пока длится его стажировка в Чэнду, несколько раз побывал в Циньянгуне. По итогу этих посещений представлены некоторые наблюдения о религиозных практиках мирян в современном даосском храме.

Циньянгун включает в себя павильоны, предназначенные для поклонения целому ряду божеств и сакральных фигур. Помимо святилищ, в нем также имеется площадка для занятий дыхательными практиками-*цигун* 氣功 и боевыми искусствами, чайная, столовая с постной едой (*су цай* 素菜), музыкальный кабинет. Заметная часть монастыря отведена под монашеские кельи. Всё это образует обширный архитектурный и парковый комплекс.

Наиболее крупный павильон Циньянгуну — Палата Трёх чистых (Саньциндянь 三清殿) — посвящён божествам-владыкам высших небесных сфер. Невозможно обойти стороной прекрасный Павильон Восьми триграмм (Багуатин 八卦亭) с алтарём Высочайшему Старому Владыке (Тай-шан Лао-цзюнь 太上老君), который располагается перед Саньциндянь. Перед входом в Зал Трёх чистых находится важнейшая реликвия — медная статуя Черного козла (или Черного барана). Посетители поглаживают чудесного козла за те или иные части тела, дабы избавиться от болезней [Архитектура даосизма 2024, 147—151].

Автору этих строк посчастливилось застать даосскую поминальную церемонию, которая отправлялась в Зале Трёх чистых. Обряд Желтого реестра (*Хуан лу чжэй* 黃錄齋) преследует целью избавление умершего родственника от мучений в преисподней-Подземном узилище (*Ди юй* 地

獄). Порядок проведения церемонии, а также связанные с ней представления о загробной жизни, восходят еще к V веку (к даосскому учению Линбао 靈寶). Ритуальное действие, часть которого составлял монашеский хор с оркестром, проходило перед изображением Почитаемого на небесах Избавителя от мучений (Цзю-ку тянь-цзунь 救苦天尊). В ходе церемонии сжигался свиток с декламируемым священным текстом.

За Саньциндянь располагается другое место религиозного притяжения — павильон, посвящённый Трёх чиновникам (*сань гуань* 三官) — главам администрации Иного мира. Заслужив своим прошением милость Трёх чиновников, посетители рассчитывали облегчить свою посмертную участь и участь своих предков. Помимо людного пространства перед алтарём, в павильоне пользуются успехом услуги гадания.

Таким образом, характеризуя религиозную жизнь во Дворце Черного козла, можно подметить не только важные для даосизма ритуалы, направленные на оздоровление и достижение долголетия, но и литургию, направленную на силы преисподней и на избавление от посмертных мучений. Об этом можно судить по наибольшей популярности именно святилища Трёх чиновников, а также по отправлению церемоний Желтого реестра.

Библиографический список

Архитектура даосизма (перевод с китайского Шевченко М.Ю.). М.: Шанс, 2024.

Белая И.В. В поисках «женской алхимии»: история создания «Нюй дань хэ бянь» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Вып. III (27). 2018. Т. 2. С. 111—129.

Р.М. Зиганшин
Институт востоковедения РАН

Тема «возвращения» в китайской традиции

Аннотация. Тема «возвращения» является одной из важнейших и актуальнейших тем религиозно-психологического и мифологического сознания. Возвращение часто обусловлено неудовлетворенностью существующей действительностью. Идея утраты Рая, Золотого века, некоего идеального мира и состояния. Идеал даосов — возвращение к естеству, природе, от которого человек со временем отходит все дальше и дальше. Это глубоко сидит в архетипах китайского мировоззрения. Время в китайской традиции циклично, тогда как у европейцев — линейно. Каждый цикл — мысленное возвращение в исходное состояние.

Ключевые слова: Китай, возвращение, Дао, мифология.

Rinat M. Ziganshin
Institute of Oriental Studies RAS

The theme of “return” in the Chinese tradition

Abstract. The theme of “return” is one of the most important and relevant topics of religious, psychological and mythological consciousness. The return is often caused by dissatisfaction with the existing reality. The idea of losing Paradise, the Golden Age, some ideal world and state. The ideal of the Taoists is a return to nature, nature, from which man moves further and further away over time. This is deeply embedded in the archetypes of the Chinese worldview. Time in the Chinese tradition is cyclical, whereas in Europeans it is linear. Each cycle is a mental return to the initial state.

Keywords: China, the return, Tao, mythology.

Практически для всех традиционных обществ, мифологий и религий характерно сакрально-ритуальное, священное отношение к первоначалу и первопричине. У Аристотеля, например, центральным понятием его космологии является Перводвигатель, которым он обосновывал вечность, разумность и значимость мира. К этому первоначалу необходимо ритуально возвращаться, поскольку оно является неким высшим идеалом, образцом, служит в высшей степени священным примером совершенствования, поскольку совершил его сам Творец.

Космогония есть модель для подражания в любой области: не только потому, что Космос является идеальным архетипом одновременно для всех творческих ситуаций и для любого творчества — но также и потому, что Космос — это божественное творение; он освящен в самой своей структу-

ре. В расширительном смысле все, что есть совершенного, наполненного, гармоничного, плодоносного, одним словом: все, что есть «космизированного», все, что похоже на Космос, — все священно [Элиаде, 41].

Возвращение и обращение китайцев к Дао также можно считать неким циклическим космогоническим актом. Дао здесь выступает и как некий высший идеал, и как Творец всех явлений мира. Именно в Начале существовали совершенные правители древности и идеальные совершенномудрые. Культ предков и священное отношение к древности связаны именно с этим, что нашло отражение практически у всех традиционных китайских философских школ. В трактате «Дао дэ цзин», § 16 говорится: «Нужно сделать (свое сердце) предельно беспристрастным, твердо сохранять покой, и тогда все вещи будут изменяться сами собой, а нам останется лишь созерцать их возвращение. (В мире) — большое разнообразие вещей, но (все они) возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к сущности. Возвращение к сущности называется постоянством. Знание постоянства называется (достижением) ясности, а незнание постоянства приводит к беспорядку и (в результате) к злу. Знающий постоянство становится совершенным; тот, кто достиг совершенства, становится справедливым; тот, кто обрел справедливость, становится государем...». Священное отношение к древности характерно и для Конфуция: «Я передаю, но не создаю; я верю в древность и люблю ее...» («Лунь Юй» VII, 1): «Я не родился со знаниями. Я получил их благодаря любви к древности и настойчивости в учебе...» («Лунь Юй» VII, 21).

Таким образом, возвращение к истокам является здесь и символом, и непременным условием самосовершенствования и достижения успеха. У-цзы, один из китайских военных классиков, также связывает достижение Дао, а значит совершенства, с возвращением: «Путь есть то, что обуславливает обращение к первооснове и возвращение к первоначалу. Долг есть то, что обуславливает совершение поступков и достижение результатов. Рассудительность есть то, что обуславливает удаление от вреда и приобретение выгоды. Сообразительность есть то, что обуславливает поддержание дела и сохранность сделанного» [Конрад, 318]. Таким образом, У-цзы такие важные для полководца и государя качества как долг, рассудительность и сообразительность ставит в цепь аналогий с Дао, а то, что они обуславливают — с возвращением. Этим он значительно усиливает свою аргументацию в беседе с вэйским князем Вэнь-хоу, которому и излагает свои мысли.

Библиографический список

- Конрад Н. И.* Синология: / Репринт с изд. 1977 г. М.: Ладомир, 1995.
Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. Большакова М.: «Инвест — ППП», СТ «ППП», 1996.

Н.Л. Кварталова
Институт Китая и современной Азии РАН

**Математическая логика в Китае
в первой трети XX века**

Аннотация. На рубеже веков логикой интересовались многие ученые, она была для Китая новой наукой, ведь только в конце XIX века появились первые серьезные переводы книг по логике. В докладе будет рассмотрена работа самого известного научного объединения, занимавшегося вопросами западной логики — кафедры логики университета Цинхуа.

Ключевые слова: история логики, университет Цинхуа, западная логика в Китае.

N.L. Kvartalova
ICCA RAS

**Mathematical logic in China
in the first third of the twentieth century**

Abstract. At the turn of the century, many scientists were interested in logic; it was a new science for China, because only at the end of the 19th century the first serious translations of books on logic appeared. The report will examine the work of the most famous scientific association dealing with issues of Western logic — the Department of Logic at Tsinghua University.

Keywords: history of logic, Tsinghua University, Western logic in China.

На рубеже веков логикой интересовались многие ученые, она была для Китая новой наукой, ведь только в конце XIX века появились первые серьезные переводы книг по логике. В 1875 году китайский переводчик и политический деятель Ван Тао 王韜 (1828—1897) опубликовал свой труд о Фрэнсисе Бэкроне и его индуктивном методе.

Анализом и переводом логических трактатов позже занимался и Янь Фу 严复, который перевел часть «Системы логики» Дж. Милля, а также «Лекции по логике» Джемсона и рассуждал о дедукции и индукции. Но переводов и даже учебников было недостаточно.

Но уже с конца XIX века по инициативе китайского правительства китайские подростки отправляются в США учиться, а в конце века правительство направляет юношей и на учебу в Японию. После 1911 года появились стипендии для студентов, обучающихся за рубежом. Таким образом, к двадцатым годам XX века в Китай уже вернулись специалисты, получившие европейское и американское образование. Многие из

них ушли в политику и другие сферы, но многие остались преподавать в университетах.

Интерес же непосредственно к изучению математической логики возрос только после визита в Китай Бертрانا Рассела 伯特兰·罗素, который прочитал по ней единственную лекцию в Пекинском университете. Но затем в этом процессе немалую роль сыграли популяризаторы западной науки — Чжан Шэньфу (張申府, 1893—1986), Лян Цичао. И к концу 20-х годов логика как дисциплина появляется в Университете Цинхуа (в то время — Цинхуа сюэсяо), в котором создается поначалу кафедра аналитической философии, где и изучают логику. Тогда на кафедре преподают Чжао Юаньжэнь (趙元任, 1892—1982), У Цзай (吳在) и философ Чжан Пэнчунь (張彭春, П.К. Чанг, 1892—1957). Но поначалу уклон был в прагматизм и психологизм, и лишь с 1926 там начинают преподавать математическую логику.

С 1929 года на кафедре работает и Фэн Юлань (馮友蘭, 1895—1990), но он больше все же тяготел к истории философии.

Шэнь Юдин (沈有鼎, 1909—1989) был выпускником кафедры, он впоследствии учился у Генри Шеффера в Штатах, затем в Германии, а потом вернулся на родную кафедру в 1935 году, где читал авторский курс «Изучение логики», в котором критически осмыслялись современные логические исследования.

В таком виде кафедра просуществовала недолго: в начале Второй китайско-японской войны в 1937 году Университет Цинхуа стал сначала частью Национального временного университета Чанши, а позже (1938—1945) частью Национального юго-западного ассоциированного университета в Куньмине.

Дальнейшая судьба логики в Китае также интересна, но это уже другой этап развития истории и другие идеологические реалии.

*Я.М. Князев***Институт Востоковедения РАН**

**О даосских комментариях «Дао дэ цзина»
(на примере 28 чжана)**

Аннотация. Статья посвящена комментариям «Дао дэ цзина», написанным даосскими деятелями. «Дао дэ цзин» является ключевым трактатом, который заложил основу даосской философской традиции и оказал влияние на все сферы даосской культуры, а комментаторская традиция, возникшая вокруг него, стала фундаментом даосского философского дискурса. В статье рассмотрены и переведены комментарии даосского отшельника Хэ-шан-гуна 河上公 (II в. до н.э.), относящиеся к нескольким строкам 28 чжана «Дао дэ цзина». На примере изменения образов вокруг понятий *си/ци* 谿 и *гу* 谷 и их трактовки в данных комментариях показан расцвет даосской комментаторской традиции. Данные комментарии и многие другие входят в состав нескольких томов даосского канона «Дао цзана» 道藏, что формирует целостную картину комментаторской литературы «Дао дэ цзина» и упрощает исследование. Таким образом, данные комментарии иллюстрируют философский и литературный портрет взглядов даосской традиции того периода, а также являются самостоятельным памятником своей эпохи, что подчеркивает важность их изучения, интерпретации и введения в научный оборот.

Ключевые слова: Китай, даосская философия, «Дао дэ цзин», комментарии.

*Iaroslav M. Kniazev***Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences**

**About the Daoist commentaries of «Dao de jing»
(on an example of 28 zhang)**

Abstract. This article is dedicated to «Dao de jing» commentaries, written by daoist activists. «Dao de jing» is a crucial text, fundamental for the daoist philosophical tradition; it affected all the spheres of the daoist culture, and the commentators' tradition, which formed around it, became fundamental for daoist philosophical discourse. The article observes and translates commentaries of a daoist hermit He-shang-gong 河上公 (2nd century BC) which are related to 28 zhang of «Dao de jing». Changes in commentaries related to concepts of *xi/qi* 谿 и *gu* 谷 and their perception illustrates dawn of daoist commentary tradition. These commentaries among many others are included in several tomes of Daoist canon «Dao zang» 道藏, it forms complex perception of «Dao de jing» commentary tradition and simplify research. Therefore, these commentaries illustrate philosophical and literally image of daoist traditional perception of this period, and moreover they

are self-sufficient monument of their era. It underlines importance of their research, interpretation and introduction into scientific circulation.

Keywords: China, Daoist philosophy, *Dao de jing*, commentaries.

«Дао дэ цзин» является одним из важнейших даосских трактатов. Несмотря на его специфику, практически каждый переводчик хотя бы раз пробовал переводить его. Поэтому в настоящее время опубликовано огромное количество переводов, в том числе более двадцати на русский язык [см.: Кобзев 2023, 108]. Большая часть переводов опирается только на текст самого источника и не учитывает опыт китайских (особенно даосских) комментаторов. В связи с этим их авторы могли упустить важные особенности, характерные для даосской традиции, в рамках которой и было создано данное сочинение. Следовательно, необходимость в изучении и переводе комментариев не меньше, чем самого «Дао дэ цзина».

Одни из первых комментариев были написанные отшельником Хэ-шан-гуном 河上公 (II в. до н.э.) [河上公 2004]. Он посвятил всю жизнь изучению «Дао дэ цзина» и его комментированию, и даже представил свои толкования как «учебник по личностному самосовершенствованию и социальному благоустройению» императору Вэнь-ди (правил 180—157 гг. до н.э.) [Кобзев 2023, 106]. Для примера рассмотрим фрагменты комментариев к 28 чжану, поскольку он содержит минимальное количество абстрактных образов.

[ДДЦ]: «Кто знает свое женское, хранит свое мужское, становится ложбиной Поднебесной» [Лукьянов 2000, 188].

[Комментарий Хэ-шан-гуна]: «Мужское — это метафора величия, а женское — метафора скромности. Хотя человек знает свое величие, он должен сохранять скромность и полагаться на мужскую силу и женскую слабость. Если это так, тогда Поднебесная соберется вместе, подобно водам, несущимся в глубоком потоке» [河上公 2004, 141].

雄以喻尊,雌以喻卑。人雖自知其尊顯,當復守其卑微,去其雄之強梁,就其雌之柔和,如是則天下歸之,如水之游深谿。

[ДДЦ]: «Ставшего ложбиной Поднебесной постоянное Дэ не оставляет» [Лукьянов 2000, 188].

[Комментарий Хэ-шан-гуна]: «Если люди смогут преисполниться в своем смирении, подобно глубокому потоку, тогда в них будет всегда присутствовать Дэ и ее будет невозможно отделить от них» [河上公 2004, 141].

人能謙下如深谿,則德常在,不能離於己也。

[ДДЦ]: «И возвращает в [состояние] младенца» [Лукьянов 2000, 188].

[Комментарий Хэ-шан-гуна]: «Вновь стать младенцем (т.е. вернуться в утробу матери, подобно Лао-цзы — *Я.К.*), глупым, а точнее преисполненным неведения» [河上公 2004, 141].

復當復志於嬰兒，蠢然無所知也。

[ДДЦ]: «Кто знает свою славу, хранит свой позор, становится руслом Поднебесной» [Лукьянов 2000, 189].

[Комментарий Хэ-шан-гуна]: «Слава — это метафора благородства, а позор — метафора низости. Познав собственную славу, следует оберегать себя (т.е. свою репутацию — *Я.К.*) от загрязнения. Если это так, тогда Поднебесная соберется вместе, подобно водному потоку, стекающему в глубокую ложбину» [河上公 2004, 142].

榮以喻尊貴，辱以喻汙濁也。知己之有榮貴，當守之以汙濁，如是則天下歸之，如水流入深谷也。

Согласно Хэ-шан-гуну, «мужское» и «женское» противопоставляются друг другу как «величие» и «скромность», а «слава» и «позор», как «благородство» и «низость». Через сохранение баланса между ними, не пренебрегая ни одним из качеств можно добиться единства и гармоничного функционирования Поднебесной. Если человек сможет преисполниться смирения, подобно воде в глубинах, тогда его нравственная составляющая — Дэ станет неотделимым качеством его личности.

В центре комментариев Хэ-шан-гуна — идеал благородного мужа и добродетели, которым тому должно следовать — уравнивать мужские качества — благородство, стремление к славе, женскими — природной скромностью, смирением и нравственной чистотой, в чем видится обращение к конфуцианским идеалам. У Хэ-шан-гуна потоки воды, стекающие в ложбину — образ объединения Поднебесной.

Таким образом, обращение к комментариям представителей даосской традиции дает возможность исследователю и переводчику расшифровать и углубить даосскую терминологию, позволяя лучше понять текст «Дао дэ цина».

Библиографический список

Кобзев А.И. «Дао-дэ цзин»: главный канон китайской философии в первом академическом переводе на русский язык // Вопросы Философии. № 3. 2023. С. 103—131.

Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. М.: Вост. лит., 2000.

河上公. 道德真經註 [Хэ-шан-гун Комментарии к «Совершенной книге-основе о Дао и дэ»] // 中華道藏. 張繼禹編. 北京: 华夏出版社, 2004, 冊 9, 第 127—168 页.

А.А. Крушинский
Институт Китая и современной Азии РАН

**Спиринский путеводный луч света
 в темном царстве эрзац-перевода**

Аннотация. Идентифицируется такой частный, но любопытный случай синологической логореи, как получившая широкое распространение в научных и околонучных кругах перестроечной и постперестроечной России (преимущественно коммерческая) практика «перевода» уже многократно переведенных на русский язык философских текстов Древнего Китая. В качестве демонстрационного примера выбран наиболее пострадавший от импотентных переводческих домогательств «Канон о *Дао* и *Дэ*».

Как известно, нейросетевая симуляция вербального творчества обнаруживает себя, с одной стороны, пространными разглагольствованиями (в нашем случае это могут быть, напр., увязания в нескончаемых филологических тривиальностях, а также нагромождение непроходимых завалов «историографического» трэша, преподносимых в качестве неотъемлемых атрибутов академической учености), а с другой — игнорированием субстантивных аспектов, действительно релевантных обсуждаемой теме. Например, в одном из таких симулятивных «переводов» *Даодэцзиня* ключевой вопрос (так все-таки, о каких двух/ о какой двоице «сходных по происхождению, но различающихся по имени» идет речь в самом конце первой главы этого важнейшего памятника древнекитайской философской мысли?) остается не то, что без ответа, но даже без упоминания.

По мнению автора предлагаемых тезисов, лишь прорывные текстологические прозрения В.С. Спирина способны не только подсказать единственно правильный ответ на вышеозначенный непростой вопрос, но и наметить пути избавления от засилия эрзац-переводов (в том числе и компьютерно-генерированных).

Ключевые слова: синологическая логорея, древнекитайская философская классика, «Канон о *Дао* и *Дэ*», компьютерная пародия на перевод.

Andrey. A. Krushinskiy
**Institute of China and contemporary Asia
 of the Russian Academy of Sciences**

**Spirin's guiding ray of light
 in the dark kingdom of ersatz translation**

Abstract. Such a particular but curious case of sinological logorrhea is identified as the (mainly commercial) practice of “translating” the philosophical texts of Ancient China that have already been repeatedly translated into Russian, which

has become widespread in scientific and pseudo-scientific circles of perestroika and post-perestroika Russia. The Canon of Tao and Te, which suffered the most from impotent translation harassment, was chosen as a demonstration example.

As is known, a neural network simulation of verbal creativity reveals itself, on the one hand, with lengthy rantings (in our case, this could be, for example, getting bogged down in endless philological trivialities, as well as a pile-up of impenetrable rubble of “historiographical” trash, presented as integral attributes of academic scholarship), and on the other hand, by ignoring substantive aspects that are truly relevant to the topic under discussion. For example, in one of these simulated “translations” of the Daodejing, the key question (after all, which two “similar in origin, but different in name” is discussed at the very end of the first chapter of this most important monument of ancient Chinese philosophical thought?) remains not only unanswered, but even without mention.

According to the author of the proposed theses, only the breakthrough textual insights of V.S. Spirin are able to not only suggest the only correct answer to the above-mentioned difficult question, but also outline ways to get rid of the dominance of ersatz translations (including computer-generated ones).

Keywords: sinological logorrhea, ancient Chinese philosophical classics, “The Canon of Tao and Te”, computer parody of the translation.

Погружаясь в пышное многоцветье современных русскоязычных переводов китайской классики, восхищенный читатель словно попадает в школу чародейства и волшебства Хогвартса, чья неподражаемая учебная программа включает в себя, как известно, «защиту от темных искусств» (ср. китайские боевые искусства), «зельеваренье» (китайская алхимия), «уход за магическими животными» (драконоведение) и т.п.

К вящей радости любителя китайской экзотики, чарующий мир волшебной сказки с ее бесами, лисами-оборотнями и монахами-чародеями не расстанется с ним даже при обращении к, казалось бы, гораздо более серьезному жанру — я имею в виду без усталости переводимую на русский язык (уже многократно переведенную) древнекитайскую **философскую** классику.

Вообще говоря, перевод — это по определению не более чем **тень** пересказываемого оригинала. Но в российском случае эта переводческая тень за счет своих поразительных поэтических достоинств подчас способна оттеснить на второй план безнадежно проигрывающий ей в художественном отношении невзрачно прозаичный китайский оригинал.

Понятно, что художественная ценность едва ли может служить решающим критерием оценки перевода — особенно если речь заходит о «строго научных», тем паче, «академических» (если верить трогательно скромным самоаттестациям) переводческих опусах. Но все же, нельзя не огорчиться, когда у ревнителей академизма на смену захватывающей

напряженности поэтического нарратива приходит удручающее уныние докучной сказки про белого бычка.

Хуже того, при ближайшем рассмотрении выясняется, что один такой эксклюзивно «научный» как бы перевод уже самой первой главы *Даодэцзина* (знаменитейшего памятника древнекитайской философской мысли, пожалуй, в наибольшей степени пострадавшего от назойливых переводческих домогательств) не дотягивает даже до статуса нарратива — выстраиваемые им ряды фраз ну никак не складываются в повествование. Забавным образом, резюмирующая концовка (玄之又玄，眾妙之門) под пером донельзя академичного как бы переводчика, счастливо зажила свою собственную жизнь, без малейшей оглядки на начало той самой главы, которую она, вроде бы, была призвана подытоживать. Вот уж воистину, «пушка сама по себе, а mortar — сама по себе». Подобные перлы наводят на ужасные подозрения — а вдруг вся эта отмеченная характерно чатбовой пустопорожностью русскоязычная версия начальной главы *Лао-цзы* (соответственно, и **всего** «Канона о Дао и Дэ») представляет собой не более чем прелестный образчик нейросетевого компилятивного «творчества» (вполне посильного для, напр., GPT-3)?

Но если мы и в правду имеем здесь дело лишь с компьютерной пародией на перевод, то придется с печалью констатировать достижение еще одного знаменательного рубежа на бесславном пути деградации жанра и без того почти убитого рыночными поделками в гламурном стиле чайна-лайт. Перед лицом столь впечатляющего регресса отечественной переводческой рецепции философского наследия Древнего Китая остается уповать разве что на спиринский путеводный луч, всеконечно ведущий нас к спасительному выходу из темного царства как бы перевода.

Луань Вэй

Забайкальский государственный университет

**Некоторые мысли об интеграции марксизма
и традиционной китайской культуры**

Аннотация. Дискуссии о соотношении западной и традиционной китайской культуры в китайской теории не прошли мимо теории и практики марксизма. Как теория марксизм воспринимается частью западной культуры. А как практика трактуется в контексте социалистического строительства Китая. Поэтому проблема интеграции марксистской идеологии и традиционной культуры становится главным направлением при формировании нового пути развития Китая. Взаимодополняющая интеграция марксизма и традиционной китайской культуры является не только историческим выбором Китая в прошлом столетии, но и глубокой совместимостью между ними с точки зрения ценностей и других аспектов, а также результатом непрерывных исследований китайских коммунистов. Перед лицом новой ситуации в докладе 18-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая еще раз подчеркивалось, что культура является кровью нации и духовным домом народа. Время придало им новые коннотации, особенно в контексте «национальной лихорадки» и построения социалистической культурной державы, мы должны рационально исследовать исторический контекст интеграции этих двух стран, а не просто или произвольно сравнивать, и в полной мере использовать их функции на основе диалектического единства.

Ключевые слова: марксизм, традиционная китайская культура, культурная интеграция.

Luan Wei

Trans-Baikal State University

**Some Thoughts on the Integration of Marxism
and Traditional Chinese Culture**

Abstract. Discussions about the relationship between Western and traditional Chinese culture in Chinese theory influenced the theory and practice of Marxism. Marxism as a theory is explained as part of Western culture. And as a practice it is interpreted in the context of socialist construction in China. Therefore, the problem of integrating Marxist ideology and traditional culture becomes the main focus in the formation of a new path for China's development. The complementary integration of Marxism and traditional Chinese culture is not only China's historical choice in the past century, but also a profound compatibility between them in terms of values and other aspects, and the result of continuous research by the Chinese Communists. In the face of the new situation, the report of the 18th Na-

tional Congress of the Communist Party of China once again emphasized that culture is the blood of the nation and the spiritual home of the people. Time has given them new Connotations, especially in the context of “national fever” and the construction of a socialist cultural power, we must rationally explore the historical context of the integration of these two countries, and not simply or arbitrarily compare, and make full use of their functions on the basis of dialectical unity.

Keywords: Marxism, traditional Chinese culture, cultural integration

Будучи западным учением, марксизм может достичь интеграции с традиционной китайской культурой не только потому, что он соответствует ее практическим потребностям, но и потому, что они имеют глубокую совместимость с точки зрения ценностей, как показали результаты исследований китайских ученых. В последние годы, особенно в двойном контексте «лихорадки национального обучения» и строительства социалистической культурной державы, XVIII Всекитайский съезд КПК подчеркнул, что «культура есть кровь нации и духовный дом народа». По словам Ли Цзэхоу, культура не только оказывает большое влияние на общественную и частную жизнь, поведение китайцев, но и играет роль, которую нельзя игнорировать [李泽厚 2012, 25]. Поэтому рассмотрение с диалектических позиций исторического контекста интеграции марксизма и традиционной культуры будет способствовать углублению китаизации, модернизации и популяризации марксизма, что принесет пользу устойчивому развитию китайского общества в переходный период.

В трактовке культуры Сяо Цянь исходит из двух позиций. Он говорит о ней как о гуманизации, благодаря которой достигаются материальные блага и формируются духовные силы человека. И определяет культуру как систему, основным содержанием которой является социальная идеология, а формой ее выражения выступают политическая идеология, мораль, искусство, религия, философия [肖前 1994, 685—686], что соответствует марксизму. Дискуссии о марксизме ведутся вокруг двух позиций. Первая трактует его как теорию, вторая — как практику. Цзян Цзэминь, утверждает, что марксизм — это наука, которая развивается во времени, постоянно обновляясь [江泽民文选 2006, 194]. А так как согласно Марксу, степень реализации теории в стране всегда определяется тем, как она удовлетворяет потребности [马克思恩格斯选集 1995, 11], то можно понять, почему марксизм был выбран в качестве долгосрочной идеологии, отвечающей национальным потребностям Китая. При этом его интеграция с традиционной культурой обусловлена тем, что он отражает активную избирательность субъекта. Поэтому она есть неизбежный результат, основанный на активном выборе субъекта. Так как традиционная культура, с ее сильной инклюзивностью, способствует взаимодополняющей интеграции различных культур, то марксизм интегрируется с

концепцией идеального общества «Датун», с традицией гуманизма в китайской философии. Если У Аньцзя придерживается позиции, что марксизм является совершенно чужеродным продуктом, несовместимым с традиционной культурой [吴安家 1983, 16], то Чжан Дайнянь утверждает, что новая культура Китая — это синтез превосходных традиций Китая и передовых достижений Запада, поэтому доминирующей идеологией культуры Китая станет интеграция универсальной истины марксизма в рациональность традиций Китая. [张岱年 2008, 595]. Поэтому стоит говорить о диалектическом единстве марксизма и традиционной китайской культуры, которое предполагает объективное изучение традиционной китайской культуры и интерпретацию марксизма как руководящую идеологию. Таким образом, речь идет о китаизации марксизма, об отказе от слепого игнорирования и исторического нигилизма в период строительства культурной державы.

Библиографический список

- 马克思恩格斯选集 [Избранные произведения Маркса и Энгельса]: 第 1 卷 [М]. 北京: 人民出版社, 1995
- 江泽民文选 [Избранные произведения Цзян Цзэминя]: 第 2 卷 [М] 北京: 人民出版社, 2006
- 李泽厚. 说儒学四期 [Ли Цзэхоу. Четвертый период конфуцианства] [М]. 上海: 上海译文出版社, 2012
- 肖前. 马克思主义哲学教程 [Сяо Цянь. Курс марксистской философии] [М] 北京: 中国人民大学出版社, 1994
- 张岱年. 张岱年自选集 [Чжан Дайнянь. Избранные работы Чжан Дайняня] [М] 北京: 首都师范大学出版社, 2008
- 吴安家. 中共史学新探 [У Аньцзя. Новое исследование истории Коммунистической партии Китая] [М] 台北: 幼狮文化事业公司, 1983.

Н.В. Пушкарская
Институт Китая и современной Азии РАН

**Источники космологической концепции
годянского текста «Да И шэн шуэй» «大一生水»**

Аннотация. Доклад посвящен одному из возможных объяснений значения текста «Да И шэн шуэй» «大一生水» «Великое Единое порождает воду», обнаруженного во время археологических раскопок в месте Годянь 郭店 в 1993 г. Объяснение основывается на устройстве гадательных дисков, найденных при раскопках гробницы князя Жу Инь 阜阳 времен Западной Хань, а сам текст рассматривается как представляющий исходную космологическую модель процесса гадания. При этом гадательный инструмент *шипань* 栻盤 демонстрирует больший уклон в древнюю астрономию, а инструмент *чжаньпань* 占盤, скорее, демонстрирует уклон в прикладную математику, основанную на идеях двоичности и пятеричности, тесно связанных с восемью триграммами *ба гуа* 八卦 и «И-цзин» «易经» «Книгой перемен».

Ключевые слова: Годянь, «Да И шэн шуэй», Да И, гадательные устройства шипань и чжаньпань.

Natalia V. Pushkarskaia
Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences

**Sources of the cosmological concept
of the Guodian's text «Da yi sheng shui» «大一生水»**

Abstract. The report is devoted to one of the possible explanations for the meaning of the text «Da Yi sheng shui» «大一生水» «The Great One generates water», discovered during archaeological excavations at the site of Guodian 郭店 in 1993. The explanation is based on the working principles of fortune-telling discs found during the excavation of the tomb of Prince Ru Yin 阜阳 of the Western Han period, and the text itself is considered as representing the initial cosmological model of the divination process. At the same time, the *shipan* 栻盤 divination tool demonstrates a greater bias towards ancient astronomy, and the *zhanpan* 占盤 tool rather demonstrates a bias towards applied mathematics based on the ideas of binary and fivefold, closely related to the eight trigrams *ba gua* 八卦 and the «I Ching» «易经» «Book of Changes».

Keywords: Guodian, «Da Yi sheng shui», Da Yi, fortune telling devices shipan and zhanpan.

Текст «Да И шэн шуэй» «大一生水» «Великое Единое порождает воду» был обнаружен во время годяньских раскопок (1993). Текст пред-

ставляет собой 14 бамбуковых дощечек, приложенных к дощечкам с текстом «Лао-цзы» «老子» [荆门市博物馆 1998, 123—126].

Текст уникален прежде всего тем, что у него нет прямых аналогов среди классических китайских текстов, и он не был известен ученым ранее [Allan S. 2003, 237—285]. В нем впервые в китайской философии появляется космогония, в которой стихии воды придается столь большое значение: вода здесь предстает космогоническим субстратом, которое дает начало всем остальным частям мироздания. Кроме того, там указывается, что Великое Единое *Да И* 大一 скрывается (*цан* 藏) в воде, движется с временами года, совершает оборот и снова приходит к началу, становясь матерью всех вещей [荆门市博物馆 1998, 123—126].

Известно, что, например, в даосском трактате «Чжуан-цзы» «庄子» в главе «Тянь ся» «天下» «Под небесами» [天下] можно найти перекликающиеся с «Да И шэн шуэй» образы: Великое Единое Да И и вода являются здесь доминирующей метафорой. Но образ Единого, скрывающегося в воде, не встречается нигде: ни в самом «Дао дэ цзине» «道德经», ни в других известных текстах [Li Xueqin 2000, 55—60]. Среди конфуцианских текстов, использующих термин *Да И*, можно упомянуть «Записки о ритуале» «Ли цзи» «礼记» и главу «Действенность ритуала» «Ли юнь» «礼运» [礼运], «Вёсны и осени господина Люя» «Люйши чуньцю» «吕氏春秋» и главу «Великая музыка» «Да юэ» «大乐» [大乐]. Помимо этого, уже давно было замечено совпадение космологических концепций Великого Единого *Да И* 大一 и Великого Предела Тай Цзи 太极 в «Си цы чжуани» «系词传» [Li Xueqin 2000, 55—60].

Одной из наиболее интересных и убедительных гипотез происхождения и назначения текстов, подобно «Да И шэн шуэй» содержащих космологические концепции с использованием образа Одного или Единого *И* 一, связана с развитием древней астрономии и прикладной математики, применявшихся позднюю эпоху Чжоу в гадательной практике.

В ходе археологических раскопок гробницы времен Западной Хань (1977) были обнаружены довольно редкие гадательные инструменты, изображавшие устройство космоса [王襄天, 韩自强 1978, 12—31]. В период Воюющих царств устройство под названием *штань* 栻盘, известное в средневековой Европе как «космограф», использовали в гадательной практике [Allan S. 2003, 237—285]. Техника гадания на этом устройстве называлась «Лю жэнь» «六壬» «Шесть жэнь» и была основана на учении о пяти стихиях *у син* 五行 и *инь-ян* 阴阳. Причем среди пяти стихий главной в процессе гадания являлась вода *шуэй* 水, о чем свидетельствует название этой техники гадания, так как иероглиф *жэнь* 壬, обозначающий девятый небесный ствол из десяти небесных стволов *тянь гань* 天干, относится к стихии воды [Pregadio F. 2022, 364—412]. Другой гадательный диск под названием *чжаньпань* 占盘, найденный в той же гробнице, был предназна-

чен для гадания в технике «Тай И цзю гун» «太乙九宫» «Великое Единое в девяти дворцах» [王襄天, 韩自强 1978, 12—31].

Гипотеза Сары Аллан заключается в том, что «космограф» начал широко использоваться для гадания в период Воюющих царств, повлияв и на способ визуализации космоса, и на философские концепции, касающиеся управления государством. Наиболее важным моментом в этой космологической модели стало то значение, которое она придавала неподвижному центру, контролирующему все остальное (в случае с *штань* 栻盘 прообразом *Да И* является Полярная звезда) [Allan S. 2003, 237—285].

Что касается фразы о том, что *Да И* скрывается в воде, движется с временами года, совершает оборот и снова приходит к началу, то Ли Сюэцин предлагает объяснить эту мысль математически, называя ее прототипом того, что в дальнейшем оформилось в метод вычислений по числовому квадрату Девяти дворцов *цзю гун* 九宫 [李学勤 2005, 252—255].

Библиографический список

Allan S. The Great One, Water, and the Laozi: New Light from Guodian // *T'oung Pao*. 2003. Vol. 89. № 4. P. 237—285.

Li Xueqin. Lost Doctrines of Guan Yin as Seen in the Jingmen Guodian Chu Slips // *Contemporary Chinese Thought*. 2000. Vol. 32. № 2. P. 55—60.

Pregadio F. Daoism and Divination // *Handbook of Divination and Prognostication in China. Part 1: Introduction to the Field of Chinese Prognostication* / ed. by Lackner M., Lu Zhao. Leiden, Boston: Brill, 2022. P. 364—412.

荆门市博物馆: 郭店楚墓竹简 [Цзинмэньши боугуань Музей города Цзинмэнь. Годяньские бамбуковые дощечки из чуских захоронений]. Бэйцзин 北京: 文物出版社, 1998, 第 123—126 页.

天下 [Под небесами] // 庄子 [Чжуан-цзы]. URL: https://so.gushiwen.cn/guwen/bookv_a48122f13217.aspx (accessed: 05.04.2024).

礼运 [Действенность ритуала] // 礼记 [Записки о ритуале]. URL: https://so.gushiwen.cn/guwen/bookv_018653ac3639.aspx (accessed: 05.04.2024).

大乐 [Великая музыка] // 吕氏春秋 [Вёсны и осени господина Люя]. URL: https://so.gushiwen.cn/guwen/bookv_46653FD803893E4F0CD64BB8652585D6.aspx (accessed: 05.04.2024).

王襄天, 韩自强: 阜阳双古堆西汉汝阴侯墓发掘简报 [Ван Сянтянь, Хань Цзыцян. Краткий отчет о раскопках гробницы князя Жу Инь времен Западной Хань в Шуангудуе, рядом с городом Фуян] // 文物. 1978, 第 8 期, 第 12—31 页.

李学勤: «太一生水»的数术解释 [Ли Сюэцин. Математическое объяснение текста «Великое Единое рождает воду»] // 郭店老子与太一生水 [Годяньский Лаоцзы и Великое Единое рождает воду]. Бэйцзин 北京: 学苑出版社, 2005, 第 252—255 页.

Хуан Лилиан
НИУ ВШЭ, ИБДА РАНХИГС

Слово о человеке, который остается в моем сердце

Аннотация. В данной статье представлено краткое изложение некоторых эпизодов жизни академика М.Л. Титаренко так, как это видел своими глазами автор — Хуан Лилиан. Особое внимание Хуан Л. уделял не только профессиональным качествам М.Л. Титаренко, но еще и сквозь призму своих воспоминаний показал его человеческие качества: добросовестность, последовательность, честность, упорство в достижении поставленных целей, добросердечность и отзывчивость. Особое внимание автор уделяет созданию атмосферы того пространства, в котором жил М.Л. Титаренко. Описание рабочего кабинета, самого Института Дальнего Востока, автомобиля, костюма, как делового, так и традиционного китайского, который носил М.Л. Титаренко — все это создает очень теплый и близкий образ ученого мирового уровня, жизнь которого была наполнена чередой официальных встреч, рабочих совещаний и принятия решений на самом высоком государственном уровне. Особое место в этой статье занимает эпизод рукопожатия М.Л. Титаренко с руководителями ЦК КПК — Мао Цзэдуном, Чжоу Энлем, Лю Шаоци во время их встречи с делегацией Верховного Совета СССР во главе с К.Е. Ворошиловым, которая проходила весной 1957 года в Пекине.

Ключевые слова: Титаренко М.Л., Институт Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН), Общество российско-китайской дружбы, Общество советско-китайской дружбы, Международная конфуцианская ассоциация.

Huang Liliang
**Higher School of Economics,
Institute of Business Studies,
The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration**

**Some kind words about a person,
who is forever in my heart**

Abstract. The article is devoted to some episodes of the life of Professor M.L. Titarenko. Mr. Huang describes not only the official image of M.L. Titarenko, but also underlines the human qualities: good faith, consistency, honesty, persistence in achieving the goals, kindness, compassion etc. The depiction of the office of M.L. Titarenko, the atmosphere of Institute of Far East Studies of Russian Academy of Sciences, the car of M.L. Titarenko and even his costume both western and oriental (traditional Chinese one), which M.L. Titarenko used to wear —

all of these creates a vivid and alive image of the world class scientist, whose life was full of official meetings, workshops, and state-level decision making events. Mr. Huang also depicts the special episode when Mr. Titarenko shook hands with leaders of the Central Committee of Communist Party of China — Chairman Mao Zedong, Zhou Enlai, Lu Shaoqi, when they met the delegation of the Supreme Soviet of the USSR led by K.E. Voroshilov in 1957.

Keywords: M.L.Titarenko, Institute of Far East Studies of Russian Academy of Sciences, The Society of Chinese-Russian Friendship, International Confucius Society.

В этом году академику Титаренко исполнилось бы 90 лет. Я был знаком с ним с весны 2004 года. Незадолго до получения степени магистра философии в МГУ я поздравлял М.Л. Титаренко с его 70-летием, вот тогда мы и познакомились. Мы продолжали общаться вплоть до 1 марта 2016 года, когда я смахивал слёзы во время своей речи на церемонии прощания с ним в Институте Дальнего Востока Российской академии наук.

В течение 12 лет под его руководством я от простого иностранного студента из Китая вырос до научного сотрудника ИДВ РАН. Этот бесценный опыт и по сей день с ясностью воскрешаю в памяти. И это всё благодаря поддержке, заботе, руководству и наставничеству академика М.Л. Титаренко. Будучи простым китайцем, к своему счастью, именно под его началом я проработал эти 12 лет в ИДВ РАН. И это стало важным жизненным опытом, который трудно забыть, бесценным богатством, которым я буду дорожить вечно.

В конце апреля 2004 года, когда я еще учился в магистратуре философского факультета МГУ, один почтенный профессор, работавший еще в 50-е годы на факультете философии, попросил нас поздравить своего самого лучшего ученика — М.Л. Титаренко — с днём рождения. Поэтому мы все вместе из МГУ отправились в Институт Дальнего Востока Российской академии наук.

Это был первый раз, когда я увидел академика М.Л. Титаренко. Его кабинет был буквально пронизан китайской культурой. Мои глаза разбегались, а сердце не переставало восхищаться! Стены вокруг были сплошь завешаны образцами китайской живописи и каллиграфии. Среди них особо бросался в глаза свиток, на котором была каллиграфическая надпись на китайском языке — “俄中友谊，源远流长”. Надпись означала: «Российско-китайская дружба пребудет вечно».

На столе лежали китайские изделия ручной работы. Там были изящные вазы перегородчатой эмали, бронзовые колокола, статуэтки древних терракотовых воинов и боевых коней, а также различные изделия из нефрита и фарфора, особое место занимала двусторонняя вышивка с изображением панд. Там же лежали памятные медали и значки, которые были подарены академику М.Л. Титаренко делегацией из Китая во время её

визита в Россию. Все это вселило в меня глубокое уважение, а про себя я решил, что после окончания магистратуры я приду сюда учиться в аспирантуру. Гостей было много, поэтому мы произнесли тост и после того, как поздравили академика М.Л. Титаренко с его 70-летним юбилеем и вместе сфотографировались, сразу же уехали. Однако эта мимолетная встреча повлияла на всю мою дальнейшую жизнь.

Когда я учился в ЦМО при МГУ (еще до поступления на философский факультет), тогда зимой 2000 года, китайские друзья попросили меня отвезти в ИДВ экземпляр русского издания газеты «Китайский вестник» и оставить на вахте Института. В фойе Института около лифта я увидел две надписи на китайском языке: 有朋自远方来, 不亦乐乎 — “Иметь друга, прибывшего издалека — разве это не радостно?” и 学而实之, 不亦说乎 — “Изучать и применять на деле — разве это не приятно?” Я понял, что в Российских научных кругах разделяют традиционную китайскую философию.

За период от учебы в ЦМО до поступления на факультет философии МГУ, а потом от завершения обучения в аспирантуре ИДВ РАН, защиты кандидатской диссертации и работы в стенах Института и вплоть до настоящего времени, я постоянно анализировал и обобщал впечатления и достижения, накопленные за 50 лет моей жизни, а также моего становления, профессионального роста и совершенствования в коллективе Института Дальнего Востока РАН.

На протяжении 10 лет я наблюдал бурное развитие ИДВ РАН под руководством М.Л. Титаренко; я чувствовал, какие большие усилия он прилагает для улучшения отношений между Россией и Китаем; я был свидетелем того, как расцветали цветы российско-китайской дружбы под неослабным вниманием академика М.Л. Титаренко, какие блестящие результаты приносят глубокие исследования китайской культуры, которые велись под его руководством.

Цюй Цзясинь

МГУ им. М.В. Ломоносова

Феномен поклонения «божьем людям» 神人 в китайских народных верованиях

Аннотация. Основное содержание данного доклада посвящено феномену «поклонения небожителям» или «божьем людям» в китайских народных верованиях, включая его определение, историческую подоплеку, классические примеры, характеристики и условия его возникновения. В традиционном китайском обществе широко распространено поклонение богам. Китайский фольклорист У Бинъань считает, что основное содержание китайских народных верований включает поклонение природным объектам и силам природы, поклонение фантастическим объектам, поклонение персонажам со сверхъестественными способностями и поклонение фантастическим сверхъестественным силам. Среди них, в поклонении персонажам со сверхъестественными способностями, есть особое явление, которое У Бинъань резюмировал как «поклонение божьим людям (神人)», то есть поклонение «обожествленным людям». Это явление поклонения возникло в результате памятных мероприятий (коммеморации) в честь знаменитостей и героев. Народ создавал родовые залы для умерших знаменитостей, и со временем эти родовые залы превратились в храмы, и люди начали поклоняться этим историческим личностям.

Ключевые слова: поклонение божьим людям, апофеоз, китайские народные верования, коммеморация.

Qu Jiaxin

Moscow State University (MSU)

The phenomenon of worship of deified people in Chinese folk beliefs

Abstract. The main content of this report is devoted to the phenomenon of “worship of deified people” in Chinese folk beliefs, including its definition, historical background, classical examples, characteristics and conditions of its occurrence. In traditional Chinese society, the worship of gods is widespread. Chinese folklorist Wu Bing'an thinks that the main contents of Chinese folk beliefs include the worship of natural objects and natural forces, the worship of fantastic objects, the worship of characters with supernatural powers, and the worship of fantastic supernatural forces. Among them, in the worship of characters with supernatural powers, there is a special phenomenon that Wu Bing'an summarized as “worship of deified people (神人)”. This phenomenon of worship arose as a result of commemorative events (commemoration) in honor of celebrities and heroes. Peo-

ple created ancestral halls for deceased celebrities, and over time, these ancestral halls turned into temples, and people began to worship these historical figures.

Keywords: worship of deified people, apotheosis, Chinese folk beliefs, commemoration.

1: Представления о призраках, богах и божьих людях в китайских народных верованиях.

В древнем Китае верили, что души людей после смерти превращаются в призраков [Ло Цзецин (罗洁清) 1998, 80]. Хотя в современном китайском языке слово «призрак» часто используется для обозначения злых и ужасающих вещей с уничижительным подтекстом, однако в древнем китайском «призрак» на самом деле не полностью содержит в себе отрицательные эмоции, иногда даже там присутствует похвала.

В китайской народной жизни бинарная оппозиция между богами и призраками не закреплена: призраки, образованные душами, оставшимися после смерти, также становятся богами-предками после того, как их потомки принесут их в жертву. В глазах некоторых китайских фольклористов «поклонение божьим людям» рассматривается как такое же явление, как «поклонение человеческим призракам (人鬼)». Например, учёный Чжэн Тую однажды заметил: «В китайских народных верованиях вера в человеческих призраков чрезвычайно популярна. Боги-предки, боги промышленности, городские боги, боги земли и т. д. — все они относятся к человеческим призракам» [Чжэн Тую(郑土有) 1991, 36].

2: Примеры поклонения божьим людям в китайских народных верованиях.

Гуань Юй: Будучи известным генералом периода Троецарствия, Гуань Юй пользовался большим уважением за свою верность, храбрость и преданность. Обожествление Гуань Юя тесно связано с формированием народных легенд, литературных произведений, таких как «Роман о трех королевствах» [Лю Хайянь(刘海燕) 2006, 76]. Во времена династий Мин и Цин поклонение Гуань Юю было включено в национальную систему жертвоприношений и стало одним из официально признанных богов [Duara 1988, 783].

Мацзу: покровитель моряков, которому широко поклоняются в прибрежных районах Китая, особенно в провинции Фуцзянь, Гуандун, Тайвань и других регионах. Вера в Мацзу зародилась во времена династии Северная Сун. Прототипом является Линь Мо на острове Мэйчжоу в округе Путянь провинции Фуцзянь, который может предсказывать погоду и морские катастрофы [Лемешко 2017, 34]. При династиях Мин и Цин вера Мацзу стала одной из общенационально признанных народных религий, а ее храмы были распространены по прибрежным районам и даже в Юго-Восточной Азии [Ван Фанхуэй(王芳辉) 2008, 98—100].

3: Условия поклонения богочеловеку.

Основным фактором, влияющим на поклонение божьим людям, являются потребности общественного производства народа: главной особенностью китайской народной веры является ее утилитарный характер [У Бинъань(乌丙安) 1996, 9]. Следовательно, конкретная географическая среда и экономическая деятельность будут влиять на возникновение поклонения божьим людям.

Поскольку объектами поклонения божьим людям часто являются реальные исторические личности, то самым основным условием поклонения божьим людям является наличие сохранившихся героических подвигов. В то же время литературные произведения, основанные на исторических личностях, сыграли ключевую роль в формировании и распространении образов божьих людей. Эти произведения часто подчеркивают необыкновенные способности и нравственные качества божьих людей, тем самым углубляя поклонение им людей.

Наконец, официальное уважение и признание режимом определенных исторических личностей также является важным условием возникновения культа божьих людей. Официальная поддержка не только повышает легитимность поклонения божьим людям, но и способствует его распространению среди людей.

Библиографический список

1. Лемешко Ю.Г., Козлова И.Ю. Богиня Мацзу в контексте единого культурного пространства провинции Фуцзянь и Тайваня. Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки 76 (2017): 32—36.
2. Duara, P. Superscribing symbols: the myth of Guandi, Chinese god of war. The Journal of Asian Studies 47.4 (1988): 778—795.
3. 刘海燕: 关羽形象与关羽崇拜的传播与接受[Лю Хайянь: Распространение и признание образа Гуань Юя и поклонения Гуань Юю]//南开学报: 哲学社会科学版. 2006, 第1期, 第74—79页.
4. 罗洁清: “鬼”字的用法与鬼魂崇拜[Ло Цзецин: использование слова «鬼» и поклонение призракам]//殷都学刊. 1998, 第3期, 第83—87页.
5. 王芳辉: 标准化与地方化——宋元以来广东的妈祖信仰研究[Ван Фанхуэй: Стандартизация и локализация — исследование верований Мацзу в провинции Гуандун со времен династий Сун и Юань.]//文化遗产. 2008, 第3期, 第98—105页.
6. 乌丙安: 中国民间信仰. [У Бинъань: Китайские народные верования.]//上海人民出版社, 1996.
7. 郑土有: 仙化现象: 中国民间神灵的独特演变规律[Чжэн Тую: Феномен бессмертия: уникальная эволюция китайских народных духов]//思想战线. 1991, 第2期, 第34—41页.

Laishun Zhou
Heilongjiang University, Russian Philosophy
and Cultural Research Center, Moscow State University

**Research on Berdyaev's Philosophy
from the Perspective of Contemporary Chinese Scholars**

Чжоу Лайшунь
Хэйлунцзянский университет/МГУ

**Исследование философии Бердяева
с точки зрения современных китайских учёных**

Abstract. Since the 1930s, the Chinese academic community has been paying attention to Berdyaev and has gone through nearly a century of development. Since the beginning of the new millennium, the Chinese academic community has continuously heated up its research on Berdyaev, conducting in-depth studies on various themes such as his objectification, technological rationality, and historical philosophy. Chinese scholars point out that although Berdyaev's theory involves multiple levels, the fate of people and the times, and the way out for Russia and human society have always been its core themes. Based on the unique value of Berdyaev's ideas, it is particularly important and necessary to conduct in-depth research on his ideas on the occasion of his 150th birthday.

Keywords: Objectification; Eschatology; Modernity; Technical rationality.

**当代中国学者视域中的别尔嘉耶夫哲学研究
周来顺**

摘要：自上世纪 30 年代，中国学界关注别尔嘉耶夫始，至今已走过了近百年历程。进入新千年以来，中国学界对别尔嘉耶夫的研究持续升温，对别尔嘉耶夫的客体化、技术理性、历史哲学等诸主题进行了深入研究。中国学者指出尽管别尔嘉耶夫的理论涉及多个层面，但人与时代的命运，俄罗斯与人类社会的出路始终是其核心主题。基于别尔嘉耶夫思想的独特价值，在其诞辰 150 周年之际，深入研究其思想尤为重要与必要。

关键词：客体化；末世论；现代性；技术理性

作者简介：周来顺（1981—），男，中国，黑龙江大学哲学学院副院长、教授，俄罗斯哲学与文化研究中心主任，莫斯科国立大学访问学者，主要从事俄罗斯哲学研究。

别尔嘉耶夫是俄国白银时代哲学的重要代表，被誉为“20世纪俄国的黑格尔”、“当代最伟大的哲学家和预言家之一”。基于别尔嘉耶夫思想的重要性，中国学者自上世纪30年代便开始关注他的思想，1936和1937年分别翻译了别尔嘉耶夫的《基督教和阶级战争》与《新的中世纪》。自上世纪90年代以来，学界对别尔嘉耶夫的关注与研究持续升温。这种升温既体现在别尔嘉耶夫的《俄罗斯思想》、《末世论形而上学》、《自由精神的哲学》、《历史的意义》、《精神王国与凯撒王国》等重要著作相继翻译出版，也体现在每年都有以别尔嘉耶夫为题材的学术专著、学术论文、硕博学位论文等发表，而且对此的研究已从哲学、宗教学、美学扩展到文化学、政治学、民族学等领域。近年来中国学者对别尔嘉耶夫的研究又取得了诸多新进展，本文试图从客体化、历史哲学、技术理性批判等研究主题予以勾勒、分析。

一、客体化思想研究

中国学者在对别尔嘉耶夫思想的研究中，始终对客体化思想给予重要关注。针对19世纪末以来人类社会所面临的深层危机，别尔嘉耶夫如波德莱尔、西美尔一样，更多通过敏感的精神体验，感知到了现代社会的危机。在他看来，危机的实质是精神危机、文化危机、信仰危机，这一危机比政治、经济领域的危机更为深层、可怕。危机的深层根源源于恶、源于客体化，“在客体化过程中，一切生命都将死亡，存在会消失。”¹客体化理念构成了他思想的基石，“我的哲学意识之深化将我引向了客体化的理念，我以为这是自己的基石”²。

别尔嘉耶夫立足于宗教视域，就客体化的产生根源进行了分析，认为客体化源于恶，“恶的道路是以幻影手段追逐幻影，就是偷换、伪造、变存在为虚构。”³恶的根源不在神之中，也不在“与神并列的肯定存在之中，而在深渊的、非理性自由之中”⁴。虽然，在对恶的理解上，其深

¹ 别尔嘉耶夫：《论人的使命》，张百春译，上海：上海人民出版社，2007年版，第13-14页。

² 别尔嘉耶夫：《自我认知》，汪剑钊译，上海：上海人民出版社，2007年版，第223页。

³ 别尔嘉耶夫：《自由的哲学》，董友译，桂林：广西师范大学出版社，2001年版，第112页。

⁴ 别尔嘉耶夫：《自由精神哲学》，石衡潭译，上海：三联书店，2009年版，第122页。

受德国神秘主义思想家雅各·波墨深渊(Ungrund)理论的影响。恶的可怕性在于常以善的名义出现，法利赛主义及各种乌托邦等都与此有关，都允诺一个理想的天堂，最终却可能将人带入地狱之中。在对客体化生成根源分析基础上，指出客体化的实质是精神的客体化，客体化意味着堕落、隔绝、奴役，意味着精神与个性的消失，意味着海德格尔意义上常人世界的胜利。

二、技术理性批判研究

近年来基于世界范围内所面临的技术异化难题，中国学者日益重视技术理性批判问题。可以说对技术理性的批判与反思，构成了 20 世纪哲学领域的重大主题，西方主要哲学家和哲学流派几乎都涉及这一问题。人们看到技术理性在解放人的同时，也可能变成新的“神话”，变成奴役人的新方式。别尔嘉耶夫对技术理性的批判，也是在这一整体背景下展开的，指出“技术问题成了人的命运和文化的命运问题。”¹在对人与自然关系演进史考察基础上，他指出技术的兴起最初是基于自然界对人的奴役。面对着自然界自发力量对人的奴役，人试图通过技术不断战胜自然，尽管“人永远也达不到对自然界统治的彻底摆脱，他还周期性地要求返回自然界，以摆脱令他窒息的技术文明。”²通过技术文明，通过对自然界规律的掌握，确实一定程度上解决了自然对人的压迫与奴役问题。

然而，技术在解决以往的旧问题、解放人的同时，却使我们陷入了一系列可怕的新问题，包括技术的进步导致人自然本能的退化、人与大地关系的割裂、人破坏力的增强、人之欲望的膨胀等。尤其是随着现代科学技术在战争中的广泛应用，战争变得更为可怕，“战争不是军队之间的战斗，甚至不是民族之间的战斗，而是化学实验室之间的战斗，伴随着战争的将是对民族、城市和文明的灾难性的毁灭，也就是说有毁灭人类的危险。”³面对技术理性所带来的负面效应，别尔嘉耶夫指出浪漫

¹ 别尔嘉耶夫：《人和机器》，张百春译，载《世界哲学》2002年第6期，第45页。

² 别尔嘉耶夫：《论人的奴役与自由》，张百春译，北京：中国城市出版社，2002年版，第108页。

³ 别尔嘉耶夫：《论人的使命》，张百春译，上海：上海人民出版社，2007年版，第205-206页。

主义者所欲返回原初自然，以摆脱技术与文明对人的奴役是行不通的。出路则在于不应仅仅追求现世的、技术层面的“小写的真理”，而应追求“大写的真理”、拯救的真理，“只有在精神王国不断展现着的整体性真理之光，可以使这一切得到拯救。”¹

三、历史哲学思想研究

近年来，中国学者在对俄国历史哲学给予关注的同时，深入研究了别尔嘉耶夫的历史哲学思想。俄罗斯有着深远的历史哲学传统，自19世纪以来俄罗斯思想涉及最多的便是与个体与人类命运密切相关的历史哲学问题，“我们的哲学首先将是历史哲学”²。历史哲学在他的整个思想体系中占据着特殊位置，正如津科夫斯基所言：“处在别尔嘉耶夫整个世界观及其全部创造性著作中心的是历史问题；由此可以更好地理解别尔嘉耶夫思想的演变，以及他的世界观的一般基础。”³中国学者指出别尔嘉耶夫的历史哲学是时代性危机的产物，并就历史哲学的问题意识、基本要素、体系建构等进行了研究。在研究中指出，别尔嘉耶夫对历史哲学有着很高的期许，这种期许不仅体现在理论层面，将历史哲学作为整个体系的基础。也体现在实践层面，历史哲学有着明确的实践指向，最终目标在于战胜恶、客体化。

此外，中国学者还对别尔嘉耶夫的末世论、自由观、伦理学、文化学、现代性批判等思想进行了研究。在研究中指出，尽管别尔嘉耶夫关涉的理论涉及多个层面，但核心在于人与时代的命运，在于俄国与人类社会的未来出路问题。尽管这种理论因与社会现实和民众需求的脱节等原因，最终以失败而告终。使以别尔嘉耶夫为代表的俄国知识分子，面对着时代性危机在对人类出路的理论探索中，始终坚定地捍卫个体生命的价值，追寻理想的社会图景，并以人类的最终解放为崇高目标，是具有永恒价值的。基于别尔嘉耶夫思想的独特价值，在其诞辰150周年的今天，深入研究其思想尤为重要与必要。

¹ 别尔嘉耶夫：《精神王国与恺撒王国》，安启念等译，杭州：浙江人民出版社，2000年版，第8页。

² Бердяев Н.А. Русская идея. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2004, С. 40.

³ 津科夫斯基：《俄国思想家与欧洲》，徐文静译，上海：三联书店，2016年版，第216页。

К.А. Чирков
Институт Китая и современной Азии РАН

**Особенности периодизации этапов развития религиоведения
в Китае (с начала 20 века до эпохи
«реформ и открытости»).**

Аннотация. Актуальность данного научного исследования определяется его значимостью и интересом для общества, науки и других областей. Китайские специалисты выделяют три важнейших исторических этапа становления и развития национального религиоведения.

Первый этап связан с проникновением в Китай западных идей и новых знаний, исследования продолжались в период бурных китайских социальных реформ. Второй этап характеризуется как «упадок религиоведения» из-за сложных внутривосточных процессов в КНР и активной антирелигиозной пропаганды. С 1976 года начинается третий этап — период раскрепощения мысли и «возрождения религиоведения», связанный с приходом к власти Дэн Сяопина и началом политики реформ и открытости внешнему миру. Правительство КНР постепенно осознает, что существование религии в современном обществе является объективной данностью.

Ключевые слова: Китай, религиоведение, религия, реформы.

Kirill A. Chirkov
ICCA RAS

**«The Features of the periodization of the stages
of the development in religious studies in China
(from the beginning of the 20th century to reform
and opening-up era)»**

Abstract. The relevance of this scientific research is determined by its significance and interest for society, science and other fields. Chinese experts identify three important historical stages of the formation and development of national religious studies.

The first stage is associated with the penetration of Western ideas and new knowledge into China, research continued during the period of rapid Chinese social reforms. The second stage is characterized as the “decline of religious studies” due to the complex internal political processes in the People's Republic of China and active anti-religious propaganda. Since 1976, the third stage begins — the period of emancipation of thought and the “revival of religious studies” associated with the coming to power of Deng Xiaoping and the beginning of a policy of reform and openness to the outside world. The Chinese Government is gradually realizing that the existence of religion in modern society is an objective given.

Keywords: China, religious studies, religion, reforms.

Данная работа представляет собой краткий историографический обзор и анализ этапов и механизмов формирования религиоведения в современном Китае. Важность изучения религий и религиозных институтов, а также их роли в обществе, очевидна как с сугубо академической, так и с политической точек зрения. В последнее время интерес исследователей стало привлекать такое явление как «история религиоведения», т.е. фундамент, предпосылки и этапы формирования и развития изучения религий как отдельной академической дисциплины в отдельных странах, а также его роль и отношения с политическими режимами и влияние на принятие политических и правовых вопросов в сфере религии.

Одной из интересных и важных тем в этой области является история формирования религиоведения как академической дисциплины в современном Китае. К сожалению, эта тема до недавнего времени не привлекала к себе такого внимания исследователей-историков, какого она заслуживает. В отечественной науке к проблеме формирования и развития религиоведения в Китае обращались такие исследователи, как С. Филонов и Ли Синь (Филонов, Ли Синь 2018 г.), Хэ Гуанху и др.; однако эти исследования носят скорее обзорный характер и только задают векторы и направления возможных тем исследования, не ставя более глубоких и далеко идущих задач.

Историографически логично вслед за рядом китайских и отечественных ученых выделить примерно три этапа в истории сложения и оформления религиоведения как академической дисциплины в современном Китае сообразно с эпохальными социальными изменениями в истории этой страны:

1. Первый, «формативный» этап, с начала XX в. по 1949 г., называемый в китайских исследованиях «подъемом, или возникновением религиоведения» (цзунцзяосюэдэ сюнцзи), тесно связанный с вестернизацией Китая (проникновение новейших социальных и академических идей), с социальными движениями, реформами, синхайской революцией и, наконец, провозглашением республики. Именно в этот период закладываются основы современного, академического изучения религии; основными инициаторами служили христиане и христианские миссионеры, усвоившие новейшие западноевропейские теории религии попытавшиеся применить их к религиозной ситуации в Китае. В число «первопроходцев» изучения религии могут быть отнесены выдающиеся мыслители и общественные деятели как демократического (Сунь Ятсен, Кан Ювэй), так и марксистского толка; ими активно начинает применяться сравнительный метод изучения религий, намечаются первые подходы к социологическому изучению феномена.

2. Второй период, с 1949 по 1976 г., обозначаемый китайскими исследователями как «упадок, или деградация религиоведения» (цзунцзяо-

сюздэ шуайло), связан с обострением внутривластных вопросов в правящей партии, усилением антирелигиозной политики и, по сути, партийным и идеологическим контролем над академическим изучением религии и как следствие — постепенным оскудением академической дисциплины, ее закостенением и идеологической догматизированностью.

3. Третий период (с 1976 г. по наше время), справедливо определяемый китайскими историографами как «возрождение или новый подъем религиоведения» (цзунцзяосюздэ фусу), напрямую обусловлен приходом к власти Дэн Сяопина и началом проводимой им политики реформ и открытости. Именно с этого времени начинается специализированное развитие религиоведения: появляются отдельные направления исследований (напр., психология религии), переводятся основополагающие труды видных западных религиоведов, открываются учебные направления по дисциплине «религиоведение», появляется больше творческой свободы учёных-исследователей.

Сложно переоценить важность изучения истории и развития такой научной дисциплины как религиоведение в Китае, особенно с учетом тесных партнерских взаимоотношений России с этой страной; таким образом, изучение опыта взаимодействия правительства и академической науки в области религии и его анализ могут позволить избежать многочисленных ошибок в принятии важных вопросов, связанных с религией и обществом, конструктивно определять и решать насущные вопросы в этой области.

Библиографический список

Филонов С.В., Ли Синь. «Формирование и современное состояние китайского религиоведения (в оценках извне и изнутри)» // Религиоведение. 2018. № 1. С. 126—143.

何光沪 «中国宗教学百年» (Хэ Гуанху, «Столетие изучения китайского религиоведения»), «学术界» (反月刊) 总第 100 囊, 2003.3 ACADEMICS IN CHINA No.3 May.2003.

Шэнь Юаньин
Пекинский педагогический университет
Вэй Жань
Пекинский педагогический университет/МГУ

«Бытие и Время» и «Чжуан-цзы»:
ценность «существования»

申元璜、尉然
北京师范大学 哲学学院、北京师范大学文学院、
莫斯科国立大学语文系 研究生

《存在与时间》和《庄子》论“存在物”的价值

Аннотация. 《庄子》哲学与《存在与时间》有相似之处。二者都认为存在物总是存在于由诸多存在物构成的世界整体中，存在物的价值也在这个整体中被实现。同时，存在物的存在和价值在源头处是合一的。当然，二者也有根本不同。《存在与时间》中“价值”相当于存在物确定的类本质，具体情境只能影响价值的实现程度。这可以视为“把价值当作存在”。《庄子》中存在物的“存在”本身具有价值，但存在物价值的具体内容不确定，这可以视为“给存在赋予价值”。二者的差异使得海德格尔认为西方文明可以借鉴东方智慧，但西方文明的问题还需要从自身寻找解决之道。

Ключевые слова: 存在 价值 存在与时间 庄子.

Shen Yuanying, Wei ran
School of Philosophy, Beijing Normal University

Being and Time and Village on the Value of “existence”

Abstract. There are similarities between the philosophy of *Being and Time* and *Village*. Both believe that Being always exists in the world's whole, which consists of many Beings, and that the value of Being is realized in this whole. At the same time, the existence and value of Being are united at the source. Of course, the two are also fundamentally different. In *Being and Time*, “value” corresponds to the determined class of essences of beings, and specific situations can only affect the degree of realization of value. This can be seen as “treating value as existence”. In *Village*, the “existence” of existence itself has value, but the specific content of the value of existence is uncertain, which can be regarded as “giving value to existence”. The difference between the two makes Heidegger think that Western civilization can learn something from the wisdom of the East, and the problems of Western civilization need to be solved by cultural communication.

Keywords: Being, Value, Being and Time, Chuang Tzu.

1930年10月海德格尔在不来梅做了题目为《真理的本性》的演讲。次日在克尔勒家中举办讲座时引用《庄子·秋水》进一步说明他的观点。[Guenther Neske, 1977,183—184] 1945年春，海德格尔在写给家人的信中提及《庄子·外物》“无用之用”的寓言使自己对“存在者与存在之区分”获得更深理解。[W.Homolka, A.Heidegger(Hg.),2016,124] 1946年，他写信给家人要求把卫礼贤翻译的德文版《庄子》带给他，以便于翻译《老子》。[W.Homolka, A.Heidegger(Hg.),2016,139] 不少学者据此认为海德格尔在中后期受到《庄子》哲学的影响。其实，二十世纪初德国曾有一波“中国热”，海德格尔的早期著作中就有《庄子》哲学的影响痕迹。另外，海德格尔1966年接受《明镜周刊》采访时表示，尽管他的精神接近道家，西方的精神革新显然不能通过引进东方的舶来品，基本上要靠自己的传统完成。因此，海德格尔哲学与《庄子》哲学存在根本的不同，其内在矛盾不能完全靠东方智慧解决。二者的异同在海德格尔早期代表作《存在与时间》和《庄子》对存在物价值的论述中有所体现。

一、《存在与时间》论存在物的价值

在《存在与时间》中，海德格尔将存在者分为“此在”和“非此在的存在者”。其中，“此在”是对人的特殊指称，具备两个独特性：其一是“此在”不是现成存在者，其存在对于本质有优先地位，其二是“此在”总是从其存在中领会到的可能性出发规定自身，而“非此在的存在者”按照范畴存在。[Martin Heidegger,1996,170—171]

本文所谓“存在物”在《存在与时间》中主要指“非此在的存在者”或者被当作“用具”的“此在”]海德格尔认为之前的哲学家都忽视了存在论问题，“存在”不是独立存在的实体，只能在存在者身上呈现。因此需要从对存在者的考察出发解决存在论问题，这便涉及到对存在者的价值的探索。

事实上，希腊人对存在者已经有所考察，但是希腊人没有澄清人类操劳打交道的对象（即用具）的实用性质，而把这些对象看作纯粹的物。[Martin Heidegger,1996,69]

由此我们可以看到，《存在与时间》中“非此在的存在者”的价值，相当于用具的上手性质，即这一类存在物的本质。用具的价值包含在存

在之中，只是其呈现状态根据所处的整体情景有所改变。另外，海德格尔所谓的世界是此在的世界，用具的上手性质以此在的操劳为前提。因此，存在者的价值必然是针对此在而言的。

二、《庄子》论存在物的价值

与《存在与时间》侧重论述不同，《庄子》主要通过寓言表达对存在物价值的理解。

《庄子·逍遥游》中惠子提出五石重的葫芦没有用处，就将其打碎了。庄子却说：“夫子固拙于用大矣。宋人有善为不龟手之药者，世世以泝澼絖为事。客闻之，请买其方百金。聚族而谋曰：‘我世世为泝澼絖，不过数金。今一朝而鬻技百金，请与之。’客得之，以说吴王。越有难，吴王使之将。冬，与越人水战，大败越人，裂地而封之。能不龟手一也，或以封，或不免于泝澼絖，则所用之异也。”[陈鼓应,2001,34]

其实个人和非人的存在物都属于广义上的“存在物”。《庄子》提出站在不同存在物的立场上，特定存在物的价值有所不同，所以不少学者认为《庄子》有价值相对主义倾向。“道，行之而成”说明道路是人通过走这一行为而形成的，“道路”可以视为价值标准的隐喻，不同的人可以走不同的路，不同的人也就可以有不同的价值标准，没有绝对的价值标准。这可以理解为“齐物论”。“道通为一”说明所有存在物都有积极价值和消极价值，始终处于成毁的流转之中。时空中的存在物整体没有至善或至恶，这可以理解为“齐万物”。因此，通达的人不将自己的成见寄寓在各物的功分上，而是因任自然的道理。“因己而不知其然，谓之道。”顺应自然的路径行走而不知其所以然，就是本体论意义上的“道”。没有绝对的价值标准，没有绝对的价值物，存在物作为“道”的部分体现只要存在就有价值。人和其它存在物的价值都源于不可知的“道”，人类实现存在物价值的最佳方式是顺其自然，这可以理解为“齐物我”。

三、《存在与时间》和《庄子》的比较

通过上述分析，我们可以看到，《庄子》中存在物的价值根源于本体意义上的“道”，因而站在“道”的立场上任何存在物都是有价值的。与此同时，站在不同存在物的立场上，同一存在物的价值具有相对性。

有学者提出海德格尔和庄子认为物的意义就是其无用性，而且人无需对无用性担忧，因为这样才能避免对物本身意义的遮蔽。[彭富春,2012,218]实际上这一论断有待商榷，因为“无用性”在《存在与时间》和《庄子》的语境中可以有不同理解。《存在与时间》中用具的上手性质始终存在，上手性质的呈现程度由用具所处的情景决定。特殊的现成在手状态下，用具可能是“无用的”。“有用”与“无用”和价值的实现程度相关，不改变存在物价值的具体内容。《庄子》中存在物的价值不以人类为中心，存在物对于人“无用”时，对于存在物自身和作为本体的“道”而言仍然是有价值的。“有用”与“无用”是站在人的立场上的，不改变存在物有价值这一事实。

也许《存在与时间》和《庄子》用不同的方式肯定存在物有价值又保证存在物价值的灵活性，意在分别反对中西文化传统中的价值本质主义，同时又不致流于价值虚无主义。不过《存在与时间》的架构似乎有不足之处。一方面认为“存在”作为最普遍的概念不是最高范畴，对“存在”的认识只能通过生存领会不能通过定义得到[Martin Heidegger,1996,3—4]，而领会的内容可能是模糊的。另一方面认为存在物有确定的上手性质，此在通过本质直观可以认识存在物的本质。这样，“存在”与“存在物”之间总包含无限的距离，“价值”找不到恒定的形而上支点。或许正是因为这个原因，海德格尔在1966年接受《明镜杂志》采访时会认为“只有一个上帝能救我们”[孙周兴,1996,1289]，因为没有特定形象、有创造力且独立永自存的“上帝”，可以既开启和维持存在物的存在，又能给作为存在物类本质的价值以形而上奠基。

Библиографический список

1. Erinnerung an Martin Heidegger, ed. Guenther Neske, Pfullingen: Neske, 1977.
2. Martin Heidegger, translated by Joan Stambaugh: State University of New York Press, 1996.
3. W. Homolka, A. Heidegger (Hg.), Heidegger und der Antisemitismus: Positionen im Widerstreit, Mit Briefen von Martin und Fritz Heidegger, Herder, 2016.
4. 陈鼓应《庄子今注今译》北京：商务印书馆，2001年。
5. 彭富春《论海德格尔》北京：人民出版社，2012年。
6. 孙周兴选编《海德格尔选集》上海：生活·读书·新知上海三联书店，1996年。

申元璜
北京师范大学 哲学学院

价值视阈下《齐物论》的“自我”观念

Аннотация. 庄子在《齐物论》中表达了对“自我”的深刻理解，这体现其独特的价值理念。在物我关系中，作为身心统一体的现实自我与他人、他物之间存在差异。但是，每个事物都可以从自身出发建立价值体系，不存在唯一的价值标准。庄子提倡价值相对主义、价值多元主义。不过，现实自我的身与心、道德与个体利益、偏好互相影响又有所冲突，这些矛盾在本体层面被化解。《齐物论》创作于百家争鸣时期，其理论试图基于个体立场、调和不同价值观念的冲突。这对处于全球化的今天我们有一定借鉴意义。

Ключевые слова: 自我，价值，多元，齐物论。

Shen Yuanying
School of Philosophy, Beijing Normal University

The Concept of “Self” in The Adjustment of Controversies under the Threshold of Value

Abstract. Chuang Tzu expresses a profound understanding of “self” in *The Adjustment of Controversies*, which reflects his unique concept of value. In the relationship between outside things and the self, there are differences between the real self, which is the unity of body and mind, and other people and things. However, each thing can establish a value system from itself, and there is no unique value standard. Chuang Tzu advocates value relativism and pluralism. However, the body and mind of the real self, morality and individual interests and preferences influence and conflict with each other, and these conflicts are resolved at the ontological level. Composed during the period of The Contention of a Hundred Schools of Thought, *The Adjustment of Controversies* attempts to reconcile the conflict of different values based on the individual's position. This is of some relevance to us today, in the midst of globalization.

Keywords: Self, Value, Pluralism, The Adjustment of Controversies.

西方近代哲学开创者笛卡尔在《第一哲学沉思集》中提出“我思我在” [Rene Descartes 2020,106] 的观点，认为“我思”是一切的基点，并由此肯定存在与价值的确定性。事实上，在人类文明早期，人类往往不能意识到自我与其它存在物的区隔。自我观念体现存在者的自存情状，是人类理性精神进一步觉醒的结果。“自”类词语在《老子》出现三十

余次，远超《论语》，在《庄子》中出现百余次，远超《孟子》。可见老庄对自我有较为深入的理解，其自我观念值得探究。《齐物论》是《庄子》的名篇，表达了庄子对“自我”独特的理解。本文拟探究《齐物论》中的“自我”观念，并探究庄子借此表达的价值理念。

一、《庄子》自我观念的基本含义

从自我的状态来看，庄子用“我”、“己”、“吾”、“自”等表达自我的不同形态。其中“我”包括自我的身体，以及对资源空间的支配运用，因而必然产生与他者的排斥。[陈少明 2014,8]“己”也包括自我的精神和身体，主要是在与他者的联系中得到明确的界定。[Sommer, Deborah 2012,22]如果说“我”、“己”主要与处于社会之中的现实自我相联系，“吾”、“自”则与偏重精神的本体自我相联系。[杨国荣 2015,22]从自我的状态来看，庄子用“我”、“己”、“吾”、“自”等表达自我的不同形态。其中“我”包括自我的身体，以及对资源空间的支配运用，因而必然产生与他者的排斥。“己”也包括自我的精神和身体，主要是在与他者的联系中得到明确的界定。如果说“我”、“己”主要与处于社会之中的现实自我相联系，“吾”、“自”则与偏重精神的本体自我相联系。这样，“我”、“己”与“吾”、“自”分别表示自我的两种形态。

二、《齐物论》物我关系中的自我观念

《庄子》中的自我观念构成一个丰富的意义群，在不同的物我关系中表达不同含义。自我观念是反观自身的结果，本来只是对自我的客观认知，但由于古人对事实和价值的区分并不明显，而自我在所有存在物中有着特殊的位置，因而能反映出相应的价值理念。

当“物”表示自我之外的他者时。“我”表示身心统一体，物我关系是自我外部的关系。若“物”表示“他人”，那么他人与自我具有这样的关系——“既使我与若辩矣，若胜我，我不若胜，果是也，我果非也耶？我胜若，若不吾胜，我果是也，而果非也邪？其或是也，其或非也邪？其俱是也？其俱非也邪？我与若不能相知也，则人固受黜闇，吾谁使正之？”[郭庆 2013,101]他人与自我辩论，无论最后何人胜利都不能说明他的观念是正确的。由此可推知，每个人都能作为价值评价主体提出自己的价值体系。

三、《齐物论》天人关系中的自我观念

“天人关系”涉及对天、人及其关系的理解。“天”是一个含义丰富的哲学概念，可以指世界的主宰、与地相对的天空、包括地在内的自

然之天、无限的物质世界、宇宙的自然之理[张岱年, 2017,23]等。庄子哲学比较强调“天”的自然性,自然的、无目的、无意志的存在可以称之为“天”。“天人关系”可以指现实自我与所有现实存在物的关系、本体自我与所有现实存在物组成的自然世界的关系、本体自我与所有现实存在物的本原的关系。

就现实自我与所有现实存在物的关系言,是自然地共存,体现价值多元的思想倾向。南郭子綦达到“吾丧我”的境界,其弟子颜成子游请教他这种生命状态与其它生命状态的不同。“子游曰:“地籁则众窍是已,人籁则比竹是已,敢问天籁?”子綦曰:“子夫天籁者,吹万不同,而使其自己也,咸其自取,怒者其谁邪!””[郭庆藩, 2013,50]就本体自我与所有现实存在物组成的自然世界的关系言,论者多支持本体自我是脱离现实世界的精神生命,而本体自我以现实自我为依托。本体自我离不开这个世界但不在乎这个世界,遨游于无限的精神世界。南郭子綦“吾丧我”其实不仅让本体自我脱离现实自我的束缚,也让本体自我脱离所有现实存在物的影响。在这样的天人关系下,价值虚无和矛盾是怎样的呢?《齐物论》载:“何谓和之以天倪?曰:是不是,然不然。是若果是也,则是之异乎不是也,亦无辩;然若果然也,则然之异乎不然也亦无辩。忘年忘义,振于无竟,故寓诸无竟。”

Библиографический список

1. Rene Descartes (2020) Discourse on method and meditations on first philosophy, Broadview Press.
2. Sommer, Deborah (司马黛兰) (2012) “the Ji self in early Chinese texts” (早期中国文本中的“己”), in Jason Dockstader, Hansgeorg Moller and Gunter Wohlfart (ed.), Selfhood East and West: De-Constructions of Identity, Traugott Bautz, Nordhausen.
3. 陈少明《“吾丧我”:一种古典的自我观念》,载于《哲学研究》2014(8)
4. 杨国荣《〈齐物论〉释义》,载于《华东师范大学学报(哲学社会科学版)》2015(3)
5. (清)郭庆藩《庄子集释》,王孝鱼点校,北京:中华书局,2013年,第101页
6. 张岱年《中国古典哲学概念范畴要论》,2017年,北京:中华书局,第23—26页

Секция 2

Язык, письменность, вопросы перевода

A.Г. Алексанян
Институт Китая и современной Азии РАН

**Некоторые особенности синтаксических конструкций
в дуньхуанских текстах религиозного содержания:
пассивная конструкция с мэн 蒙**

Аннотация. Данная работа рассматривает одну из довольно редких пассивных конструкций, употребляемых в так называемом буддийском гибридном китайском, — конструкцию с мэн 蒙, встречающуюся как в буддийских, так в христианских текстах из Дуньхуана. Использование данной конструкции отмечает постепенный переход от древнекитайских грамматических конструкций к конструкциям, используемым в байхуа и таким образом понятным на слух китайской аудитории.

Ключевые слова: буддийский гибридный китайский язык, пассивные конструкции, дуньхуанские тексты, цзинцзяо.

Armen Alexanyan
ICCA RAS

**Some peculiarities of syntactic constructions
in Dunhuang religious texts: passive construction
'蒙 + V'**

Abstract. This paper deals with some specific syntactic constructions in so called 'Buddhist Hybrid Chinese', particularly with passive construction '蒙 + V', which occurs in many *bianwen* texts, but also in Christian (*jingjiao*) fragments. Such a phenomenon as this passive construction illustrates the gradual shifting of the use of classical *wenyan* grammatical constructions in written texts to more vernacular *baihua*-based ones, which could probably make these texts more understandable to Chinese-speaking audiences in the process of oral recitation.

Keywords: Buddhist Hybrid Chinese, passive construction, Jingjiao, Dunguang Manuscripts.

Обнаружение в дуньхуанских пещерах текстов на китайском языке дало богатый материал для исследования истории китайского языка как с точки зрения фонетики (поскольку вышеупомянутые тексты содержат большое число иноязычных слов, переданных средствами иероглифического письма), так и с точки зрения грамматики (и особенно — в области синтаксиса вообще и специфических синтаксических конструкций в частности). Благодаря дуньхуанским текстам был исследован и фундаментализирован материалами источников такой период истории китайского языка как

среднекитайский и в частности — весьма интересная разновидность среднекитайского языка как «буддийский гибридный китайский» (Buddhist Hybrid Chinese, *фозцяо хуньхэ ханьюй* 佛教混合漢語) — литературный язык буддийских по преимуществу произведений (но не только), сочетающий в себе элементы как письменного *вэньяня*, во многом сформированного на основе древнекитайского языка, так и элементы живого, разговорного языка *байхуа*. Изучение буддийского гибридного китайского находится пока в стадии своего оформления (подробнее см. [Zhu, Li 2018]); тем не менее уже сейчас можно отметить, что такие небуддийские произведения как манихейские и христианские тексты из Дуньхуана были написаны именно на этой разновидности среднекитайского литературного языка.

Особенный интерес в синтаксическом аспекте в этих текстах представляют пассивные конструкции и их эволюция с точки зрения исторической грамматики китайского языка, как она отражена в текстах (подробнее см. [Reugaube 1989]). В большинстве дуньхуанских религиозных текстов встречаются либо *вэньяньные* или *вэньянизированные* конструкции типа *вэй...со* 為...所 или с *цзянь* 見 (очень частые для текстов классического периода, написанных именно на древнекитайском или *вэньяне*, типа ... *хоу цзэ вэй жэнь со чжи* 后則為人所制 ‘тогда потом [я] буду управляем другими [людьми]’, *цзу цзянь ши юй ци чэнь* 卒見弑於其臣 ‘впоследствии [он] был убит своими подданными’), либо конструкции, приближающиеся к современным (типа предложений с *бэй* 被: *бэй та да тоу* 被他打头 букв. ‘был им ударен по голове’). Гораздо реже встречаются менее распространенные конструкции, одной из которых следует считать конструкцию с глаголом пассивного значения *мэн* 蒙, имеющего помимо значения ‘получать, удостоиться чего-л.’ также и пассивное значение, и образующего страдательную конструкцию по модели «имя — *мэн* — глагол» и встречающуюся в текстах на раннем *байхуа* [Зограф 1979, 252—263]. В отличие от глаголов *бэй*, *чи* (вар. 喫) и *цао*, придающих пассивной конструкции негативный, нежелательный оттенок (отражаемый в переводе вводным «к несчастью, к сожалению»), *мэн* (а также *дэ*) носят положительный, благоприятный «тон» («к счастью, по счастью»).

Так, например, в христианском тексте «Хвалы трем великим...» (大秦景教三威蒙度讚) данная конструкция встретилась трижды (真性蒙依止 ‘истинная природа обретает опору’, 蒙聖慈光救離魔 ‘святым милосердным светом спасается и избавляется от демонов’, 所有蒙潤 ‘все увлажняется’).

Вызывает некоторое недоумение тот факт, что китайские исследователи обратили внимание на эту конструкцию только в XXI в. [袁宾 2005], тогда как отечественными исследователями (так называемой ленинград-

ской школой, учениками и последователям С. Яхонтова, внимание к этой конструкции было привлечено еще в 70-е гг. прошлого века [Зограф 1979]).

Библиографический список

Зограф И. Т. Среднекитайский язык: Становление и тенденции развития. М.: Наука, 1979.

Peyraube, Alain. 1989. History of the passive constructions in Chinese until the 10th century // *Journal of Chinese Linguistics* 17(2). 335—372.

Zhu Qingzhi, Li Bohan. The language of Chinese Buddhism. From the perspective of Chinese historical linguistics // *International Journal of Chinese Linguistics* 5:1 (2018), pp.1—32.

袁宾: ‘蒙’字句 [Юань Бинь. Предложения с «мэн»] // *语言科学*. — 2005, 第4(6) 第3—17页.

Л.Л. Банкова, К.А. Лысякова
Московский городской педагогический университет

**Китайский жестовый язык: становление, проблемы
и влияние звучащего языка**

Аннотация. В данной работе отражены результаты исследования китайского жестового языка, история развития которого началась в XIX в. На настоящем этапе развития данного языка актуальным вопросом является стандартизация жестов. Китайский жестовый язык подвергся влиянию китайского звучащего языка, в результате чего в первом используются такие виды жестов, как имитация формы китайских иероглифов жестами, начертание их в воздухе или на поверхностях, калькирование, дактильная жестикуляция, маноральная речь. Абстрактные символы, составные знаки, «фанцзы», пиктофонетические знаки, а также семантическое расширение знака относятся к основным способам образования лексических знаков в китайском жестовом языке. Кроме того, влияние звучащего языка выражается в движениях губ, имитирующих произношение слов.

Ключевые слова: китайский жестовый язык, история китайского жестового языка, виды языковых китайских жестов.

Liudmila L. Bankova, Ksenia A. Lisyakova
Moscow City University

**Chinese sign language:
genesis, problems and spoken language influence**

Abstract. This work reflects the results of a study of Chinese sign language, the history of which began in the 19th century. At the present stage of development of this language, a pressing issue is the standardization of gestures. Chinese sign language has been influenced by the Chinese spoken language, as a result of which the former uses such types of gestures as imitation of the shape of Chinese characters with gestures, drawing them in the air or on surfaces, tracing, dactylic gestures, manorial speech. Abstract symbols, compound signs, fanzi, pictophonetic signs, as well as semantic expansion of the sign are some of the main ways of forming lexical signs in Chinese sign language. In addition, the influence of the spoken language is expressed in lip movements that imitate the pronunciation of words.

Keywords: Chinese sign language, history of Chinese sign language, types of Chinese sign language gestures.

Зародившийся в древности китайский жестовый язык претерпел долгую стадию разрозненности и изолированности, в то время как китайский звучащий язык имел более широкую распространенность и применение.

С 1880 по 1949 гг. прогресс в открытии специализированных школ для глухонемых на территории Шанхая обеспечил условия для создания и распространения сообщества глухих. Процветанию образования людей, имеющих проблемы со слухом, способствовали специализированные учреждения под руководством иностранных миссионеров и педагогов, которые были представлены школой Сюйцзяхуэй и школой Фрайера.

С развитием и обогащением китайской жестовой речи появилась потребность в унификации и стандартизации жестов китайского жестового языка, а также установлении государственных стандартов в области образования глухих и глухонемых, число которых в настоящее время насчитывает более 20 млн человек [Банкова 2022, 86]. Несмотря на совместную работу государства с сообществом глухих и слабослышащих людей, задача по стандартизации китайского жестового языка до сих пор является актуальной повесткой со своей проблематикой, которая заключается в потребности отличных от стандартизации звучащего языка методов и подходов, а также в расширении исследовательской базы научных трудов, посвященных жестовому языку.

Китайский звучащий язык оказал значимое влияние на жестовую коммуникацию глухих людей, на основе чего можно выделить следующие способы изображения жестов китайского жестового языка: 1) имитация формы китайских иероглифов жеста; 2) начертание их в воздухе или на поверхностях; 3) калькирование; 4) дактильная жестикуляция; 5) маноральная речь. К основным способам образования лексических знаков в китайском жестовом языке относятся абстрактные символы, составные знаки, «фанцзы», пиктофонетические знаки, а также семантическое расширение знака.

Свойственная многим жестовым языкам артикуляция используется в китайском жестовом языке и подразделяется на движения губ, имитирующие произношение слов из китайского разговорного языка, и на специальные жесты, воспроизводимые ртом, которые являются частью системы жестовой коммуникации, но не имеют отношения к разговорному языку. Последние чаще всего сопровождаются одноручной или двуручной жестикуляцией, которая может опущена в зависимости от контекста коммуникации.

Библиографический список

Банкова Л. Л. Сходства и различия в обозначении чисел первого десятка в китайской и японской жестовых языковых семьях // Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования. Сборник научных статей Второй международной научно-практической конференции, Москва, 16—17 декабря 2021 года / отв. редактор К.В. Голубина. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2022. С. 85—89.

Ван Ичунь

Шаньдунский политехнический университет

**Анализ практического значения
современной языковой среды для изучения литературы
в Китае и странах Восточной Азии**

王艺纯

山东理工大学

现代语境对中国与东亚国家文学研究操作性意义探析

摘要: 现代语境对中国与东亚国家文学研究应注意: 在古今时空的贯通中, 需要回归历史, 维持文学与历史之间的动态平衡, 关注文本历史背景与历史文化语境, 关照新的阐释是对中国与东亚文学文本研究的必要性, 强调现代话语阐释是对中国与东亚国家的文学研究的传承和创新; 在世界语境的沟通中, 具有国际视野, 以永葆民族底色作为在中国与东亚国家的文学研究中的必要前提; 在传播场域的畅通中, 现代话语阐释既要使中国与东亚国家文学研究的走出去, 也要做到中国与东亚国家文学研究的走回来。

关键词: 现代语境; 中国与东亚国家文学; 传播

Wang Yichun

Shandong University of Science and Technology

**Analysis of the practical significance
of the modern language environment for the study
of literature in China and East Asian countries**

Abstract. The modern context should pay attention to the following aspects in the study of Chinese and East Asian literature: in the connection between ancient and modern time and space, it is necessary to return to history, maintain the dynamic balance between literature and history, pay attention to the historical background and historical and cultural context of the text, and take care of new interpretations. This is the necessity of the study of Chinese and East Asian literary texts, and emphasizes that modern discourse interpretation is the inheritance and innovation of the study of Chinese and East Asian literature; in the communication of the world context, it is necessary to have an international perspective and to maintain the national background as a necessary prerequisite for the study of Chinese and East Asian literature; in the smooth flow of the communication field, modern discourse interpretation should not only make the study of Chinese and

East Asian literature go out, but also make the study of Chinese and East Asian literature come back.

Keywords: modern context; Chinese and East Asian literature; communication.

在当代，我国对中国特色社会主义文化的发展极为重视，在现代语境中对中国与东亚国家文学研究的操作性意义探究有利于将其顺利实现创造性转化，建立属于新时代的研究方法和理论体系，进而深化中国与东亚国家的文学研究，建立新世纪的学术新传统与研究新范式，培养文化自觉，彰显文化自信，推动文化创新。

1. 古今时空的贯通

（一）回归，追溯历史之源

文学与历史相依相存，并行不悖，二者之间的分野并不绝对明晰。譬如《诗经》作为我国第一部诗歌总集，它深刻反映了殷周时期尤其是西周初至春秋中叶社会生活的方方面面，所以它也是研究先秦历史的重要考据，是文学对历史的烘托。文学的研究也是历史的研究，历史既是文学的土壤，历史也是文学的粹。

在文学与历史之间寻求二者的动态平衡是当下文学研究的学术生长点，而对于中国与东亚国家的文学研究，首先应该尊重历史前提，要有清晰的历史背景，不能脱离历史空谈文学发展，要重视文本的本身及所蕴含的延伸义，关照到文学“原生态”面貌或背景等，呈现文学历史在场的意义描述与建构。

除了考察到研究对象的历史背景，也要关注到研究对象的历史文化语境，童庆炳教授对语境与背景作了区分：“‘语境’不同于‘背景’，它既指大的历史文化背景，又指具体的历史文化氛围，更指导致某种文论产生与流行的个人的、文化的、时代的具体原因，特别重要的是它与历史走势的规律性的联系。”^[1]在历史背景的考察和历史文化语境的依托下，在此种场域的逻辑关照下，以此有助于为研究提供一个相对坚实的基础。

（二）传承，孕育生生之新

中国与东亚国家的文学研究需要依据时代的变化发展被做出新的阐释。不断做出的新的阐释正是将文学的“生命”接续传承并赋予其发生新

的生命动态，能够使文学研究在不同时代绽放出属于不同时代的新活力，这也在一定程度上构建了富有生命动态的时空交融中国与东亚国家文学研究体系。

中国与东亚国家的文学研究不能仅局限于历史的本貌，更重要的是针对现实的需要和启示。部分典籍已不被现代人完全理解，而正是在现代语境下，在鉴赏、诠释、论述过程中，用现代人的思维观念与其沟通进而利用，对古老的固有的文学审美概念或范畴进行现代转化。

姚斯指出：“文学作品，并不是一个自身独立、向每一时代的每一读者均提供同样的观点的客体。它不是一尊纪念碑，形而上学地展示其超时代的本质。它更多地像一部管弦乐谱，在其演奏中不断获得读者新的反响，使本文从词的物质形态中解放出来，成为一种当代的存在。”^[2]按照他的观点来关照现代语境下的文学研究，典籍文本只有被现代人重新发掘，对其历史地位和价值进行新的评价，以现代人符合当今新时代主流思想的思维价值观念，才有助于激活文学的生命，释放文学研究的活力。文化传递犹如接薪，需要代代用“新火”点燃传续，即在旧质孕育新质，在旧识中孕育新识，让中国与东亚国家的文学研究生生不息，焕发生生之新。

2. 世界语境的沟通

（一）美美与共，兼具国际视野

没有任何一个文明始终是独立发展的。要实现人类社会的健康、和谐发展，就必须依靠文化多样性，进行对话交流，取长补短、共存共进，唤醒文化的蓬勃生命力。

贺骥认为歌德在 18 世纪提出的世界文学意味着国际性的文学交往，其思想基础是具有人道精神的世界主义。^[3]文学交往的和平共处，需要在尊重多样性的基础上寻求多种文化的协调合作，世界上各个国家、各个民族的文化都有其存在的空间，它们具有多样性和差异性。

在对美美与共的追求下，现代语境中的中国与东亚国家的文学研究正跨越国界地域、历史时间和人文风俗，诠释对时代变迁的感知、对精神家园的构筑以及对国际交流的信心。共享文学之美、文化之美，为坚定文化自信提供有力支撑，为推动文明交流互鉴作出更大贡献。

（二）和而不同，永葆民族底色

中国与东亚国家的文学研究应当致力于建构本国特色的范畴体系，在融汇中西的同时做到和而不同。和而不同作为渗透在中国文化传统中的重要文化精神，是在百年未有之大变局中推动全球文明新发展、构建人类命运共同体的价值导向和中国智慧。

找寻到属于当下时代的文学研究“话语权”不能没有民族底色。中国与东亚国家的文学研究在现代语境中要符合本国国情和本民族的文化特点，“和而不同”中“不同”与“和”存在的紧密联系，确认差异的存在，并用一种包容开放的胸怀与其他文化和谐相处。

中国与东亚国家的文学研究应在积极吸收和利用其它文化的优点的同时葆民族底色，从而推动传统文化的创造性转换和创新性发展，培养文化自信，为本民族的伟大复兴提供文化支持。

3. 传播场域的畅通

（一）走出去

在当代，需要迫切建立并维护好中国文学研究与人民群众的“亲密关系”。让文学经典活起来动起来，要注重文学的数字化、可视化，也要做好现代语境中的中国与东亚国家的文学研究的大众化，使之在创造性传承的同时，做到国民文学素养和审美水平的提高。

以中国为例，习近平总书记倡导“讲好中国故事”，他明确指出：“文艺工作者要讲好中国故事、传播好中国声音、阐发中国精神、展现中国风貌，让外国民众通过欣赏中国作家艺术家的作品来深化对中国的认识、增进对中国的了解。要向世界宣传推介我国优秀文化艺术，让国外民众在审美过程中感受魅力，加深对中华文化的认识和理解。”^[4]

中国故事要在中国语境中扎根，在世界语境中传播，所以中国文学的“出海”至关重要。文学与文化密不可分，要推动中国文化走出去，首先更应该让中国文学走出去，不能只把自己的故事讲给自己听。

（二）走回来

随着国际学术交流的日益频繁，中国与东亚国家的文学研究正逐渐受到海外学者的关注，当前，随着海外研究的深入，全球的思想文化语境正不断交汇碰撞，在其中激起了广阔的研究思路与空间。

但是，持有不同的国家与民族身份的海外古代文学研究者与母语研究者的话语语境并不一致，已经“出海”的中国与东亚文学的译介也并不十分精确完美，在跨文化语境中极易造成其他国家的读者或学者对本国文化的误读与误判，造成文化遮蔽。

因此，有必要让已经传播在海外并具有一定影响力的作品的研究走回来，不仅是为中国与东亚国家的文学研究正本清源，也是为了寻找世界文学的共同规律，实现文化“去蔽”的理想。

参考文献目录：

[1]童庆炳.获取真义与焕发新义——略谈中华古文论研究的方法论问题[J].文化与诗学, 2009, (1).

[2][联邦德国]H·R·姚斯、[美]R·C·霍拉勃.接受美学与接受理论[M], 周宁等译, 沈阳:辽宁人民出版社, 1987:26.

[3]贺骥.论歌德的《中国作品》与世界文学构想[J].中国文学研究, 2022, (4).

[4]中共中央文献研究室编.十八大以来重要文献选编（中）[M].北京:中央文献出版社, 2016:128.

В.Б. Виноградская
ИКСА РАН

**«Годовые инвентаризации» в китайском интернете:
от слова года до метаобзоров**

Аннотация. Выборы «слов года» на национальном уровне постепенно стали одной из знаковых для текущего века социальных практик. Начинаясь в прошлом веке как местные академические и/или общественные инициативы, в нулевых годах XXI в. эти акции так или иначе постепенно охватывают все новые и новые страны, а в КНР получили особенное развитие и общественный резонанс. Если в 2006 г. Государственный центр мониторинга и изучения лингвистических ресурсов Китая представил две категории (отечественный иероглиф и слово года, международный иероглиф и слово года), всего четыре позиции, то в 2023 г. порядка десятка широко известных организаций и компаний публиковали собственные «годовые инвентаризации» 年度盘点 *няньду паньдянь*, списки и рейтинги, «горячих слов» 热词 *жэ цы*, популярных слов и выражений, «ключевых слов» 关键词 *гуаньцзянь цы*, интернет-сленга, неологизмов, научно-технических терминов, тегов и т.п. В последнее десятилетие продолжает расти число отбираемых слов, становятся все более разнообразными их категории, множатся участвующие организации, увеличивается число голосов интернет-пользователей за то или иное слово, все более привычно и развернуто обсуждение полученных результатов в обществе. А в связи с нарастанием культурного влияния Китая за рубежом, обсуждение китайских слов года становится более активным и в глобальном интернете, как на английском, так и на русском языках.

Ключевые слова: слово года, «ключевые слова», неологизмы, интернет-сленг.

Veronika Vinogradskaya
ICCA RAS

**“Annual Inventories”:
from Word of the Year to Meta-Reviews**

Abstract. The selection of “words of the year” at the national level has gradually become one of the iconic social practices of the current century. Having started in the last century as local academic and/or public initiatives, in the 2000s these events gradually spread to more and more countries, with a remarkable development and wide public resonance in the PRC. While in 2006, the National Language Resources Monitoring and Research Center of China presented two nominations (domestic character and word of the year, international character and word of the year), in 2023, ten at least ten well-known organizations and companies pub-

lished their own “annual inventories” 年度盘点, lists and tops of “keywords” 关键词, “hot words” 热词, buzzwords and popular expressions, Internet slang, neologisms, scientific terms, tags, etc. In the last decade, the number of selected words continues to grow, their categories become more and more diverse, participating organizations multiply, the number of votes of Internet users increases, and the discussion of the results in society is becoming more common and widespread. Simultaneously, due to the growing cultural influence of China, the discussion of the Chinese words of the year on the global Internet is becoming increasingly visible, both in English and Russian.

Keywords: word of the year, “key words”, neologisms, internet slang.

Национальные акции по выбору «слов года» начинают проходить еще в прошлом веке, в нулевых годах XXI в. распространяются на все большее число стран и становятся все более заметными в интернете. КНР вполне вписывается в общемировые тенденции, но замечательна степень развития этой практики и ее общественный резонанс.

В 2006 г. Государственный центр мониторинга и изучения лингвистических ресурсов Китая запускает масштабный интернет-проект «Инвентаризация китайского языка» 汉语盘点 *xanyou panydian* с трехступенчатым отбором в двух номинациях (отечественный иероглиф и слово года, международный иероглиф и слово года), с онлайн голосованием и участием экспертов. Через несколько лет добавляются «Топ 10 популярных выражений» 十大流行语 *shi da liuxing yu*, «Топ 10 неологизмов» 十大新词语 *shi da xinyi ci yu* и «Топ 10 интернет-сленга» 十大网络用语 *shi da wangluo yongyu*, а к 2012 г. с поддержкой телевидения и с привлечением известных ученых и медиаличности «Инвентаризация китайского языка» становится «узнаваемым культурным брендом» [Feng Xuefeng, Hu Nianyi 2014, 217]. С 2008 г. списки популярных выражений года публикует отслеживающий живую практику языка журнал «Буквоедство» 《咬文嚼字》《Яо вэнь чэю цзы». Третьим из наиболее «экспертных» источников считается «Еженедельник язык и письменность» 《语言文字周报》《Юйянь вэньцзы чжоубао», который отбирает 10 интернет-слов года. Уже В 2010 г. в «Докладе о состоянии языка в Китае» 《中国语言生活状况报告》《Чжунго юйянь шэнго чжуанкуан баогао» отмечается, «что микроблоги, неологизмы, популярные «горячие слова» 热词 *re ci* стали новым способом передачи информации, и китайский интернет вступил в эпоху медиа слов» [杜翔 2024, URL].

К 2020 г. представление слов года превращается в предвкушаемое и обсуждаемое событие, когда в конце года самые разные платформы, академические и неакадемические структуры публикуют собственные «годовые инвентаризации» 年度盘点 *niandu panydian*, списки и рейтинги «ключевых слов» 关键词 *guankeyizany ci*, «горячих слов», популярных слов и выражений, интернет-сленга, мемов, неологизмов, тегов и т.п. По-

следние два года крупное образовательное приложение iGET (得到 *dědào*) новогоднюю неделю тематических спецвыпусков начинает обзором ключевых слов года с охватом от официальной «Инвентаризации китайского языка» до коммента года на видеохостинге Bilibili (B 站). Также в сети выкладываются и независимые авторские метаобзоры «горячих слов» года [李知 2024, URL]. Китайские слова года становятся более заметными и в глобальном интернете, с обсуждением на ресурсах, не аффилированных с КНР, в том числе с подробнейшими разборами [Methven 2023, URL], и в массмедиа.

В нашей стране систематическое исследование неологизмов началось раньше, чем в КНР, но выбор слова года проводится также с 2006 г. и в рамках общественной инициативы. С конца 10-х гг. слово года представляет Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Портал «Грамота.ру» подключился к выбору слов года только в 2023 г. Собственные списки мемов составляют популярные социальные медиа. Но вся эта деятельность остается стихийной и разрозненной и, по сравнению с КНР, с невысоким удельным информационным весом.

В целом, лексикографическая рефлексия через выбор слов года стала привычным видом информационной активности в КНР. Она пользуется официальной идеологической и финансовой поддержкой, но не монополизирована государством, и находит разнообразнейшие воплощения в социальных медиа.

Библиографический список

Feng Xuefeng (冯学锋), Xu Nianyi (许念一). The quiet rise of a new annual linguistic custom // *The Language Situation in China* / ed. Li Yuming, Li Wei. Vol. 5, 2014. — Berlin: De Gruyter Mouton, Beijing: Commercial Press, P. 215—218.

Methven A. China's top internet buzzwords of 2023. URL: <https://www.realtimememadarin.com/p/chinas-top-internet-buzzwords-of-185> (published: 16.12.2023).

杜翔: 哪些年度热词能被词典收录? 这些词语有什么特点? [Ду Сян. Какие «горячие слова» года войдут в словари? Что отличает эти слова?] // 光明日报. 07.01.2023. URL: <https://news.cctv.com/2024/01/07/ARTIoKFTiLB0LKvkMbxBgZfQ240107.shtml> (дата публикации: 07.01.2023).

汉语盘点 2023 [Инвентаризация китайского языка 2023]. URL: <http://www.news.cn/book/ydh/2023hzpd/index.html> (дата обращения: 21.02.2024).

李知: 2023 年度有哪些热词? 如何从传播学角度解读这些热词的走红 [Ли Чжи. Какие «горячие слова» были в 2023 г.? Как трактовать популярность этих слов с точки зрения теории коммуникации?]. URL: https://zhuanlan.zhihu.com/p/675694237?utm_psn=1745623948325421056 (дата публикации: 02.01.2024).

В.В. Глазунова

Гонконгский баптистский университет

**Роль дополнительной графемы «государь»
в песне «Рубим сандал» 伐檀
из Аньхойской рукописи Шицзина**

Аннотация. Данная статья рассматривает особенности рукописи *Шицзина* из Аньхойского университета на примере песни «Рубим сандал» 《伐檀》《Fa tán》(Ши-112). В отличие от канонической версии, помещенной в раздел «Нравы царства Вэй» 《魏風》《Wèi fēng》, Аньхойский текст входит в состав «Нрав царства Хоу» 《侯風》《Hóu fēng》, отсутствующих в *Шицзине*. В третьей строфе ключевые слова песни («сосуды», «кабарги», «яства») изображены с дополнительным элементом «государь» (цзюнь 君), который отсутствует как в стандартизированном написании иероглифов, так и в других примерах написания этих слов чуским стилем. Дополнительная графема «государь» в иероглифах выступает средством художественной выразительности и передает скрытый смысл, заложенный в нее автором, — критику государя, присвоившего себе урожай, добычу и еду простых жителей. Это указывает на то, что текст был написан с целью визуального воздействия на читателя. Такое прочтение согласуется с позднейшим комментарием Мао к данной песне, указывающим, что песня «критикует жадность». Добавление графемы «государь» к словам служит дополнительной критикой правителя и его жадности.

Ключевые слова: *Шицзин*, рукописи Аньхойского университета, археологические находки, бамбуковые дощечки.

Victoria Glazunova

Hong Kong Baptist University

**The function of the additional element ‘sovereign’
in the text “Cutting the Sandalwood” 伐檀
(the Anhui manuscript version of the Book of Songs)**

Abstract. This paper examines the song “Cutting the Sandalwood” 《伐檀》“*Fá tán*” (Shi-112) from the Anhui University manuscript of the *Shijing*. Unlike the received counterpart from the section “The odes of Wei” 《魏風》“*Wèi fēng*”, the Anhui song is put under the “The odes of Hou” 《侯風》“*Hóu fēng*”, omitted from the *Book of Songs*. In the third stanza, the keywords of the song (“bushels”, “musk deer”, and “food”) are written with the additional element “ruler” (*jun* 君), which is uncharacteristic for both the later standardized script and the Chu script. The additional element “ruler” in characters acts as a means of artistic expression and conveys the hidden meaning implied by the writer of the text, — the criticism of the sovereign, who took away crop, catch and food from the common folk. It implies that in

this manuscript the text performs a visual function, not an oral. This understanding of the writer's intentions is consistent with the main tradition of Mao's commentary, stating that the song "criticizes greed." Adding the element "ruler" to the characters serves as an additional criticism of officials and their greed.

Keywords: Shijing, Anhui University Manuscripts, bamboo slips, excavated materials.

В 2015 г. Аньхойский университет приобрел коллекцию рукописей периода Сражающихся царств (ок. 330 г. до н.э.) на рынке антиквариата в Гонконге. Бамбуковые дощечки содержали рукописную версию канонического текста *Шицзин*, а также собрание изречений Конфуция, отличное от канонических «Бесед и суждений». Рукописи были нелегально извлечены кладоискателями, поэтому место их захоронения неизвестно. Аньхойский *Шицзин* содержит 93 дощечки с 57 песнями из раздела «Нравы царств». В отличие от канонических «Песен», в рукописи представлены песни шести царств из 15.

На протяжении последнего десятилетия в англоязычной литературе проходила полемика между Мартином Керном и Эдвардом Шонесси о природе текстов песен *ши*. Ученые заняли две противоположные позиции на основе изучения рукописных текстов, настаивая либо на том, что песни передавались устно, о чем свидетельствует их фонологическая близость на фоне лексического различия [Kern 2019], либо на том, что песни передавались письменно, так как в разных археологических находках сохраняется схожее написание иероглифов [Shaughnessy 2021]. Дирк Мейер и Адам Шварц заняли промежуточную позицию в этой полемике, предложив использовать термин «звуковые шаблоны» (sound moulds) для обозначения аудиальных различий в песнях (использование разных по смыслу иероглифов с одинаковым звучанием) и «программу передачи образа» (image programme) для визуальных особенностей текстов (использование дополнительных элементов в иероглифе для передачи вспомогательных образов). Эти методы были успешно применены к первым двум разделам Аньхойской рукописи *Шицзина*, которые были рассмотрены через попытку эмиического прочтения, т. е. того, как текст мог предположительно восприниматься его читателем-современником [Meyer, Schwartz 2022, 10—11].

В данной работе предпринята попытка применить методологию эмиического прочтения текстов к песне «Рубим сандал» 《伐檀》《*Фа тань*》(Ши-112). В отличие от канонической версии, помещенной в раздел «Нравы царства Вэй» 《魏風》《*Вэй фэн*》, Аньхойский текст входит в состав «Нравов царства Хоу» 《侯風》《*Хоу фэн*》, отсутствующих в «Шицзине». Наиболее примечательна третья строфа песни, в которой каноническая фраза «Почему же мы видим на вашем дворе висят перепелки?» заменена на «Почему же мы видим на вашем дворе висят кабарги?» Перепел и кабарга (вид оленей) имеют разное написание, однако

в древнекитайском языке они предположительно имели близкое произношение (*dzywin и *kwīn, соответственно). Таким образом, оба слова соответствуют одной звуковой форме.

Кроме того, ключевые слова песни («сосуды», «кабарги», «яства») изображены с дополнительным элементом «государь» (*цзюнь* 君): (囷 *цзюнь*, «сосуд»), 麤 (麤 *цзюнь*, «кабарга»), (飧 *сунь*, «яства»), являющимся их программой передачи образа. Дополнительная графема «государь» в иероглифах выступает средством художественной выразительности и передает скрытый смысл, заложенный в нее автором, — критики государя, присвоившего себе зерно, добычу и яства простых жителей. Это указывает на то, что текст был написан с целью визуального воздействия на читателя. Такое прочтение согласуется с позднейшим комментарием Мао к данной песне, указывающим, что песня «критикует жадность». Добавление графемы «государь» к словам служит дополнительной критикой правителя и его жадности.

Таким образом, текст Аньхойской рукописи соответствует звуковым шаблонам песни «Рубим сандал», но в то же время написан для визуального воздействия на читателя благодаря использованию программы передачи образа государя, которая выражена в добавлении дополнительной графемы к иероглифам.

Библиографический список

Kern, Martin. “Xi Shuai” 蟋蟀 (“Cricket”) And Its Consequences: Issues in Early Chinese Poetry and Textual Studies’. — *Early China* 42 (2019): 39—74.

Meyer, Dirk, and Adam C. Schwartz. Songs of the Royal Zhōu and the Royal Shào—Shī 詩 of the Ānhuī University Manuscripts. Ancient Languages and Civilizations. — Leiden: Brill, 2022.

Shaughnessy, Edward. “A first reading of the Anhui University bamboo-slip Shijing.” — *Bamboo and Silk* 4.1 (2021): 1—44.

安徽大學漢字發展與應用研究中心，《安徽大學藏戰國竹簡（一）》[*Центр изучения эволюции и практического использования иероглифов Аньхойского университета*]. Коллекция бамбуковых дощечек периода Сражающихся царств Аньхойского университета. Т. 1.]. — Шанхай: 中西書局, 2019.

高亨，《詩經今注》[*Гао Хэн*. Современный комментарий к «Книге песен»]. — Шанхай: 上海古籍出版社, 1980 年。

（漢）毛亨傳，（漢）鄭玄箋，（唐）陸德明釋文，《宋本毛詩詁訓傳》[*Мао Хэн, Чжэнь Сюань, Лу Дэмин*. Сунское издание комментариев и толкований к тексту «Шицзина» в версии Мао]. — Beijing: 國家圖書館出版社, 2017 年。

宗福邦，陳世鐸，蕭海波，《古訓匯纂》[*Цзун Фубан, Чэнь Шинао, Сюо Хайбо*. Компиляция толкований текстов древними комментаторами]. — Beijing: 商務印書館, 2003 年。

О.И. Завьялова

Институт Китая и современной Азии РАН

Дискуссия о судьбе упрощенных иероглифов в современном Китае

Аннотация. Внимание к языковым проблемам не только лингвистов, но также китайского общества в целом стало следствием повышения уровня благосостояния и образования населения. Не менее существенную роль играет стремление властей укрепить «уверенность китайцев в своей цивилизации» в качестве основы «китайской мечты о великом возрождении китайской нации». В эпоху информационных технологий и интенсивных контактов с внешним миром в китайском языке появляется все больше новых слов, как заимствованных, так и собственно китайских неологизмов. Параллельно в современных публикациях, в том числе в художественной литературе, активно используются элементы из древнекитайского языка и классического письменного *вэньяня*. В результате число употребляющихся в текстах неодинаковых иероглифов постоянно растет. В текущем столетии на волне возрождения традиционной культуры, с одной стороны, и с учетом возможностей новейших технологий, с другой, у китайских интеллектуалов возникла идея законодательно вернуть те исходные варианты иероглифов, которые были заменены в КНР на упрощенные в 1950-е — 1960-е гг., но по-прежнему употребляются на Тайване, в Гонконге и Макао.

Ключевые слова: упрощенные иероглифы, традиционные иероглифы, китайская культура, информационные технологии.

Olga Zavyalova

ICCA RAS

Discussion on the restoration of traditional variants of characters in modern China

Abstract. The attention to language problems not only of the Chinese linguists, but also of the whole Chinese society has resulted from the increasing prosperity and education of the country's population. No less important is the desire of the authorities to strengthen the “confidence of the Chinese in their civilization” as the basis of the “great rejuvenation of the Chinese nation”. In the era of information technology and intensive language contacts with the outside world, more and more new words, both neologisms and loanwords, are appearing in the Chinese language. At the same time, in modern publications, including fiction, there are also actively use elements from the Old Chinese and its successor, the classical written Wenyan. Since the beginning of this century, in the wake of the revival of

traditional culture, Chinese intellectuals even proposed the return of those original character variants that had been replaced with the simplified ones in the PRC.

Keywords: simplified characters, traditional characters, Chinese culture, information technology.

В итоговом списке упрощенных иероглифов, опубликованном в 1986 г. и по-прежнему представленном на официальном сайте Государственного комитета по работе в области языка и письменности в качестве нормативного, содержится 2235 знаков (简化 1986). Упрощенные иероглифы относятся к наиболее частотным, но тем не менее составляют лишь сравнительно небольшую часть тех иероглифических знаков, которые употребляются в современных текстах. Так, вступивший в силу в 2013 г. последний вариант нормативного «Списка общеупотребительных стандартных китайских иероглифов» включает 8105 знаков (国务院 2013); в 2022 г., по данным, полученным Государственным центром мониторинга и изучения языковых ресурсов, только в СМИ употреблялись 11070 разных иероглифов (2022 年度 2023).

С началом текущего столетия рассуждения о роли традиционных и упрощенных иероглифов в жизни современного общества появились в работах китайских лингвистов. Полностью отменить упрощенные иероглифы и законодательно восстановить на протяжении ближайших десяти лет традиционные знаки призвал в марте 2009 г. на Второй сессии ВСНП 11-го созыва член ВК НПКСК Пань Цинлинь. Тогда же известный публицист Чжу Дакэ предложил называть традиционные знаки «исходными, онтологическими» (本体字 *běntǐzì*), а упрощенные — «иероглифами в стиле Мао» (毛体字 *máotǐzì*) (何瑞 2009). Позже, в 2015 г., кинорежиссер и актер Фэн Сяоган на Третьей сессии ВК НПКСК 12-го созыва заявил о готовности внести предложение о включении от 50 до 200 отмененных традиционных вариантов иероглифов в основную школьную программу. Фэн Сяогана поддержали еще ряд участников сессии, в том числе писатель Фэн Цзицай (Feng Xiaogang 2015; 叶舒阳 2018). В 2019 г. соответствующее предложение было официально сделано от имени ВК НПКСК. Тем не менее, в ответном документе Министерства образования подчеркивалось, что упрощенные иероглифы на протяжении многих веков использовались в рукописных и печатных текстах, их употребление в школах и других образовательных учреждениях соответствует положениям «Закона КНР об общеупотребительных в государстве языке и письменности» (关于 2019). Об отмене упрощенных знаков в современном Китае, таким образом, пока не может быть и речи.

Библиографический список

Feng Xiaogang wants traditional Chinese characters back // *China.org.cn*. 05.03.2015. URL: http://www.china.org.cn/china/NPC_CPPCC_2015/2015-03/05/content_34965513.htm (accessed: 23.03.2024).

2022 年度媒体用字总表 [Список иероглифов, употреблявшихся в СМИ в 2022 г.] // *中国语言生活状况报告(2023)*. — 北京: 商务印书馆, 2023 年. 第 331 页.

国务院关于公布《通用规范汉字表》的通知 [Уведомление Госсовета КНР о публикации «Списка общеупотребительных стандартных китайских иероглифов】 // 中华人民共和国中央人民政府. 19.08.2013. URL: https://www.gov.cn/zwggk/2013-08/19/content_2469793.htm (accessed: 17.01.2024).

关于政协十三届全国委员会第二次会议第 1478 号 (教育类 177 号) 提案答复的函 [Ответ на предложение № 1478 (Образование № 177), внесенное на Второй сессии Всекитайского комитета НПКСК 13-го созыва] // 中华人民共和国教育部. 26.09.2019. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/xxgk_jyta/jyta_yys/201912/t20191206_411123.html (accessed: 03.04.2024).

何瑞. 汉字热 [Хэ Жуй. Горячая дискуссия о китайских иероглифах] // *中国语言生活状况报告(2009)*. 第一本. — 北京: 商务印书馆, 2010 年. 第 225—243 页.

简化字总表 (1986 年新版) [Сводный список упрощенных иероглифов (новое издание 1986 г.)] // 中国语言文字网. 30.09.1986. URL: <http://www.china-language.edu.cn/#/languageResources/languageStandardLibrary/typeListDetail?id=1370> (accessed: 04.04.2024).

叶舒阳. 小议繁简字与汉字繁简之争 [Е Шуян. Кратко о традиционных и упрощенных иероглифах, а также о борьбе сторонников и противников введения упрощений] // *汉字文化*. — 2018 年. 第 4 号. 70—72 页.

А. С. Исаев
Институт Китая и современной Азии РАН

Идиоматические особенности перевода на русский язык названий китайских кинофильмов

Аннотация. Аутентичный перевод на русский язык названия китайского художественного произведения — кинофильма или литературного произведения — имеет важное значение для межкультурного общения народов наших стран, поскольку позволяет правильно воспринимать культурно-психологические особенности нашего соседа. Данное исследование посвящено проблеме перевода названий китайских фильмов с учетом лексических, идиоматических и символических особенностей при передаче адекватного смысла названия, что безусловно помогает правильному пониманию содержания художественного кинопроизведения и способствует в конечном счете адекватному восприятию национальных и культурно-психологических особенностей китайцев.

Ключевые слова: Китай, кино, перевод, идиоматические особенности.

Alexander Isaev
ICCA RAS

Idiomatic features of translating Chinese film titles into Russian

Abstract. Authentic translation of a Chinese work of art into Russian (a film or a literary work) is important for cross-cultural communication between our countries, since it allows us to correctly perceive the cultural and psychological characteristics of our neighbor. This study is devoted to the problem of translating the titles of the Chinese films, taking into account lexical, idiomatic and symbolic peculiarities in order to convey an adequate meaning of the title, which certainly helps a correct understanding of the work's content and contributes to an more profound perception of national, cultural and psychological characteristics.

Keywords: China, cinema, translation, idiomatic features.

Аутентичный перевод на русский язык названия китайского художественного произведения — кинофильма или литературного произведения — имеет большое значение для межкультурного общения народов наших стран, поскольку позволяет правильно воспринимать культурно-психологические особенности нашего соседа.

Во-первых потому, что правильная передача названия китайского художественного фильма позволяет адекватно определить логику и спо-

соб мышления партнера, что позитивно сказывается на межкультурном общении двух наших народов, поскольку способствует восприятию и пониманию психологии народа. Во-вторых, очень часто в названиях китайских литературных и кинопроизведений содержатся идиоматические выражения и обороты, которые понятны китайцам, но неведомы иностранным читателям или кинозрителям. Учет речевой и визуальной символики, которые характерны для восточноазиатского кино имеет огромное значение для правильного восприятия данного произведения и понимания психологии и мотивации поступков главных героев. Во-вторых, это важно и с точки зрения брендинга китайского кино среди российских кинозрителей, которые, как известно, весьма скептически относятся к кинематографу КНР, и этот скептицизм зачастую проистекает из непонимания элементарных культурно-философских особенностей китайского менталитета, а также современного китайского киноискусства. В конечном итоге данная проблематика при правильном ее решении благотворно сказывается на российско-китайском гуманитарном сотрудничестве, в том числе в области культуры, кинематографа, молодежных обменов и так далее.

До недавнего времени проблемам перевода названий китайского кино не уделялось сколько-нибудь заметного внимания, однако с развитием киноиндустрии КНР и расширением экспансии китайского коммерческого кино на международных кинорынках, а также в России, эта проблема привлекла к себе пристальное внимание ученых-востоковедов. Появились интересные исследования проблемы в ряде региональных научно-учебных центров. В результате был накоплен определённый опыт изучения этой темы. В этом контексте следует упомянуть работы С.В. Оленева. Интересное исследование проделал А.С. Ботвинко. Исследование Ботвинко посвящено не только проблеме перевода названий китайского кино, но и теме перевода и правильного произношения китайских имен в фильмах Поднебесной. Стоит отметить и работу молодого китайского исследователя Ma Zhuo «Опыт перевода китайских фильмов на русский язык».

Несмотря на внимание востоковедов к этой теме, она по-прежнему сохраняет актуальность, поскольку кинозрители постоянно сталкиваются с туманными или непонятными названиями китайских фильмов в российском прокате. Это исследование обращает внимание на сохраняющуюся проблему адекватной передачи смысла названия произведения китайской художественной литературы и кино.

В процессе изучения данной темы автор рассмотрел примерно 65 кинопроизведений, которые выпустили китайские кинематографисты после 2010 года. Временной период и количество был выбран произвольно. При этом автор исходил, во-первых, из уровня популярности той или

иной киноленты среди российских зрителей, а также из того, находились ли те или иные фильмы в прокате в России. Кстати говоря, до недавнего времени китайское кино было редкостью в российском кинопрокате. Сегодня же в силу известных причин и голливудских санкций в отношении российского кинопроката китайское кино стало чаще появляться в наших кинотеатрах. Однако наш зритель имеет слабое представление о современном кино Поднебесной из-за отсутствия брендинга китайского кинематографа среди российских кинозрителей. Отчасти потому, что китайские кинопрокатчики, которые предлагают те или иные ленты на российский рынок крайне неохотно идут на расходы, связанные с продвижением китайского кино на внешних рынках, а туманно-расплывчатые названия серьезных кинолент не только не привлекают, но и отворачивают кинозрителей от просмотра китайской кинопродукции.

Анализ названий современных кинолент позволил автору сгруппировать их в три блока:

Первый. Художественные киноленты, в названиях которых заложен прямой смысл, содержание кинолент не обогащено дополнительной афористичностью, символикой и идиоматикой.

Второй блок — это киноленты, название которых нуждается в пояснении или комментарии в виде исторической справки или требует отсылки в виде раскрытия лексических особенностей, которые заложены в названии фильма. Примеры — «Господин дерево», «Под сенью боярышника».

И, наконец, третий блок кинолент, в названиях которых содержатся скрытые идиомы, которые влияют на смысловую коннотацию названия. К этой группе, например, можно отнести такие ленты, как «Гора Будды» (观影山 *гуань иншань*), «Черный уголь, тонкий лед» (白日焰火 *бай жи яньхо*), «Пепел самый чистый белый» (江湖儿女 *цзянху эрньюй*), «Люди горы, люди море» (人山人海 *жэньшань жэньхай*).

Следует отметить, что китайские киноленты попадают на российский кинорынок с уже готовым переводом названия на английский язык, зачастую неправильно передающим и содержание киноленты. Этот перевод делается либо самими китайцами, либо предлагается голливудская версия того или иного названия, что не позволяет правильно передать содержание киноленты. К тому же увлеченность поисками эмоционально-лексической коннотации в корне меняет смысл и восприятие содержания художественной киноленты. Пример — «Прикосновение греха» — название этой известной картины режиссера Цзя Чжанкэ было заимствовано из английского языка, хотя в оригинале — 天注定 *тянь чжудин* — «Небеса предопределяют».

Совершенно очевидно, что сегодня явно назрела необходимость привлечения к переводу фильмов, специалистов-китаеведов, поскольку эта работа требует не простого толкования оригинального названия, но по-

рой и привлечения знаний реальной жизни в Китае, знаний литературы, культуры, символики и лексических особенностей китайского языка. «Смешны потуги муравья раскачать дерево». Более того, следует понимать, что такая работа является одним из важнейших элементов брендинга китайского кино у нас в стране для дальнейшего стимулирования двустороннего гуманитарного сотрудничества.

Библиографический список

Ботвинко А.С. Особенности перевода китайских антропонимов на материале китайского кино.

Коновалов А.Е. Структурно-функциональные особенности института кинематографа: артхаус vs. мейнстрим. *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal)*#1(17), 2017.

Кузьменко Я.Н. Способы перевода англоязычных окказиональных названий телепередач и телесериалов на русский язык. *Огарёв-Online*. 2016; № 6 (71). Available at URL: https://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2016/05/statya_kuzmenko_2.pdf

刘大燕,樊子牛,王华. 中国影视翻译研究 14 年发展及现状分析[J] [Лю Даянь, Фань Цзинью, Ван Хуа. Анализ 14-летнего развития и текущей ситуации в области исследований китайского кино- и телеперевода]. — *外国语文*, 2011(1). 103—107.

张春柏. 影视翻译初探[J] [Чжан Чунбай. Предварительное исследование перевода кино и телевидения]. — *中国翻译*, 1998(2). 25—27.

Н.В. Кутафьева
Новосибирский
государственный университет

**Наречия с количественным значением
в японском языке**

Аннотация. При отсутствии грамматической категории числа в японском языке существуют различные способы выражения категории количества. Одним из таких способов являются количественные наречия. В данной работе анализируются наречия с количественным значением в японском языке, их семантика и способы употребления. Из «Словаря использования современных японских наречий» были отобраны 70 наречий, которые далее были разделены на три семантические группы: наречия, выражающие большое количество; наречия, выражающие малое количество, и наречия, выражающие приблизительное количество. Количественные наречия являются полисемантическими, значение их проявляется в контексте. Некоторые из наречий кроме количественного значения также могут выражать и степень этого количества, в частности, наречия со значением малого количества. Существуют как нейтральные наречия, не несущие положительных или отрицательных нюансов, так и наречия, выражающие субъективную оценку говорящего. В предложении количественные наречия выполняют свойственную им функцию определения к сказуемому, выраженному глаголом. В некоторых случаях они могут также выполнять функцию определения к члену предложения, выраженному существительным.

Ключевые слова: наречие, значение, количество, японский язык.

Nataliia Kutafeva
Novosibirsk State University

**Adverbs with quantitative meaning
in Japanese language**

Abstract. There is no grammatical category of number in the Japanese language but there are various ways of expressing quantity. One of these ways is using quantitative adverbs. This paper analyzes adverbs with quantitative meaning in Japanese, their semantics and ways of use. 70 adverbs were selected from the “Dictionary of the Use of Modern Japanese Adverbs” and then divided into three groups: adverbs expressing a large amount; adverbs expressing a small amount and adverbs expressing approximate amount. Quantitative adverbs are polysemantic; their meaning is revealed in context. Some of the adverbs, in addition to quantitative meaning, can express the degree of this quantity.

Keywords: adverb, meaning, quantity, Japanese language.

В японском языке отсутствует грамматическая категория числа, однако существуют многочисленные способы выражения количества. Одним из таких способов является использование наречий с количественным значением. Из «Словаря способов использования современных японских наречий» мы отобрали 70 наречий, которые далее были классифицированы [現代副詞用法辞典 2018].

Были выделены три группы: наречия, выражающие большое количество (1); наречия, выражающие малое количество (2), и наречия, выражающие приблизительное количество (3).

(1) Затем в первой группе мы выделили две подгруппы: наречия, выражающие состояние на 100 %, и наречия, не выражающие состояние на 100 %. К первой подгруппе относятся наречия типа *суккари* «совсем, совершенно, полностью», *дзэмбу* «все», *соккуруи* «всё, целиком, полностью», *нокорадзу* «все, всё, без остатка», *минна* «все, всё», *интай* «полностью». Ко второй подгруппе относятся наречия *унто* «в большом количестве», *дзю:бун* «достаточно, вполне», *такусан* «много», *таппури* «уйма, вдоволь, вполне», *миттири* «много, в большом количестве», *сукунакарадзу* «немало», *хотондо* «почти все, почти всё».

(2) Ко второй группе мы отнесли наречия, выражающие малое количество, причем эти же наречия могут выражать и степень количества: *сукоси* «немного», *тётто* «немного», *вадзука* «немного, всего лишь».

(3) В третьей группе мы также выделили две подгруппы: наречия, выражающие значение приблизительности, и наречия, выражающие значение «почти полностью». К первой подгруппе относятся наречия *оёсо* «примерно», *дзатто* «приблизительно», *яку* «примерно», ко второй подгруппе относятся наречия *тайгай* «большинство», *дайтай* «большей частью», *тайтэй* «большей частью», *хобо* «почти».

Необходимо отметить, что большая часть указанных наречий является полисемантической и значение становится понятным в зависимости от ситуации, в которой данное наречие используется.

Рассмотрим семантику и использование наречий из трех групп.

Наречие из первой группы *интай* «много, полностью». *Интай* в большинстве случаев используется как определение к сказуемому, выраженному глаголом. *Интай* выражает следующие значения. Все значения при этом нейтральные, отсутствуют положительные или отрицательные нюансы.

1. Количество, которое один раз можно отмерить в емкости определенного размера.

煮物を砂糖を大きじいばいいれる。«Добавить в вареную еду (полную) столовую ложку сахара.

2. Состояние, когда что-то (емкость или место) переполняется так, что начинает переливаться через край.

風呂が水でいっぱいになってあふれる。《Ванна наполнена водой так, что вот-вот начнет выливаться》

3. Наличие чего-либо в большом количестве. Это третье значение можно считать производным от второго.

今年は庭のチューリップがいっぱい咲いたね。《В этом году много цвело тюльпанов в саду》.

Далее рассмотрим наречие из второй группы *сукоси* «немного». *Су-коси* часто используется как определение к сказуемому, выраженному глаголом.

Наречие *сукоси* имеет два значения.

1. Обозначает небольшое количество, объем, время, расстояние, степень. Является антонимом наречия *такусан* «много», выражает нейтральное значение.

ボーナスから少し貯金しよう。《Отложу немного (денег) с премии》.

2. Уклончиво выражает субъективные чувства и оценку говорящего, в частности, когда речь идет о степени чего-либо.

田中先生はすこし生徒に甘すぎる。《Танака-сэнсэй слишком снисходителен к своим ученикам》.

Далее рассмотрим наречие из третьей группы *тайтэй* «большей частью». спользуется как определение к членам предложения, выраженным существительными и глаголами.

Наречие *тайтэй* имеет два значения.

1. Выражает некую общую тенденцию. Не имеет положительных или отрицательных нюансов.

たいていの人はビートルズの曲を知っている。《Большая часть людей знает мелодии «Битлз》》.

2. Выражает обычную степень чего-либо. Передает отрицательный нюанс, может использоваться в повелительных предложениях.

この損害はたいていなことではすまない。《Этот ущерб не будет обычным》.

Итак, можно сделать вывод о том, что наречий с количественным значением в японском языке достаточно много. Мы предложили свою классификацию анализируемых наречий. Наречия являются полисемантическими, значение их проявляется в контексте. Наречия, кроме количественного значения, могут выражать и степень этого количества. Существуют нейтральные наречия и наречия, выражающие субъективную оценку говорящего. Наречия в предложении выполняются свойственную им функцию определения к сказуемому, выраженному глаголом.

Библиографический список

現代副詞用法辞典 [Гэндай фукуси ё:хо: дзитэн. Словарь способов использования современных наречий]. — 東京: 東京堂. 2018.

芳賀綏、佐々木瑞枝、門倉正美。あいまい語辞典 [Хага Яеуси, Сасаки Мидзүэ, Кадокура Масами. Аймайго дзитэн. Словарь неясных слов]. — 東京: 東京堂. 1996.

Пэн Юйхай

Сычуаньский университет

**Передача расширенного значения метафоры глаголов
с эмоциональным концептом**

彭玉海

四川大学

动词情感概念隐喻的外延内涵传承¹

摘要：动词概念隐喻是基于认知完形和动觉经验与逻辑意向功能等进行的动态语义推导，其间涉及的语义逻辑铺垫、概念关系照应与概念特征转换发挥至关重要的作用，并相应催生出其认知运作之中的外延内涵传承属性。外延内涵传承是动词概念隐喻的要件，正是借助于它，动词认知语义操作能够在动作本体和喻体之间达成动作事象、意涵和概念关系的输传和转化，并在彼此之间建立起独特的语义逻辑和认知线索，相应它成为本体动作事件语义的核心元素和概念化运作枢轴。本文将主要从外延内涵传承属性、外延内涵传承运作两方面对俄语动词情感概念隐喻的外延内涵传承问题进行探讨。

关键词：动词情感概念隐喻；外延内涵属性；外延内涵传承；异质同化选择；认知识解

Peng Yuhai

Sichuan University

**Extension-Intension Inheritance
of Verbal Emotional Conceptual Metaphor**

Abstract. Verbal conceptual metaphor is a dynamic semantic derivation based on cognitive gestalt, kinesthetic experience and logical intent functions. The semantic logic construction, conceptual relationship care and conceptual feature transformation involved in it play a vital role, and correspondingly give birth to attributes of extension-intension inheritance in its cognitive operation. The extension-intension inheritance is an important element of verbal conceptual metaphor. It is with the help of it that verbal cognitive semantic operation can achieve the transmission and transformation of the action image, meaning and conceptual relationship between the performer of the action and the metaphor, and establish a unique semantic logic and cognitive clues between them. Accordingly, it becomes

¹ 基金项目：国家社科基金项目“俄语动词概念隐喻的文化认知研究”（批准号：19BYY209）。

the core element of the action-event semantics and the pivot of conceptualization operation. This article will mainly discuss the problem of extension-intension inheritance of the emotional conceptual metaphors of Russian verbs from the perspective of the attributes of extension-intension inheritance and the operation of extension-intension inheritance.

Keywords: verbal emotional conceptual metaphor; extension-intension attributes; extension-intension inheritance; selection of difference; cognitive construal.

1. 引言

词汇内容单位语义-认知中的外延内涵传承是语词概念关系内容的关联互动与转化、等同方式及概念化机制的重要反映和体现。动词概念隐喻的外延内涵传承是借助动词事件喻体和本体之间的概念关系互动、转换以及新的概念内容的建立，在二者之间提炼并获取表征本体事件的语义逻辑条件与认知依据，从而以一动作事象来反映和体现另一动作事象，赋予动词以新的认知语义内容，达成“理想化认知关联”和以此喻彼的认知隐喻目的。与此相关，动词情感概念隐喻外延内涵传承的核心要义在于：基于认知象似性的心理基础和意象关联，在情感概念隐喻动作本体和喻体之间构建概念信息的互动转化，使动词隐喻获得据以进行认知运作的概念关系逻辑和价值方式内容。本文主要就俄语动词情感概念隐喻的外延内涵传承属性以及外延内涵传承运作展开研究。

2. 动词概念隐喻的外延内涵属性

动词“外延内涵传承（extension-intension inheritance）”表示的是动作本体和喻体、动词语义所包含的“下位概念-动作衍生义”同“上位概念-动作基原义”之间的概念特征转承关系，很大程度上是基于认知心理象似与关联选择，对本体目标域和喻体源域的概念特征“同”和“异”的确定和语义逻辑操作。动词外延内涵传承的核心思想可描述为：在喻体动作内涵及其外延动作相整合的基础上形成新的概念特征集，即对喻体外延内涵进行新的“内涵化”操作，然后以此新的内涵特征来描写、构建本体动作，以使新的内涵属性在概念意识上替换本体动作特征、形成本体和喻体之间的概念化等同或认知意识同化，从而喻体动作的外延内涵在本体动作中得以承继和延续、实现本体动作事件中的外延内涵传承，进而可用该新的内涵特征来对包含相异特征的本体动作事件进行同化，帮助实现“以

身体经验为基础的概念映射”，[Lakoff & Johnson 1999, 236; 孙毅、王媛 2021, 138]而就其本质是对本体—喻体动作关系和本体动作事象的概念化认识解，是从概念逻辑关系层面“反映大脑是如何形成对外部世界的认知的”。[徐盛桓 2010, 29]

3. 动词情感概念隐喻外延内涵传承分析

动词事件的概念隐喻之中，将人的物质动作经验当做衡量自身内在世界活动的标尺，各类物理动作方式和经验内容成为描写和刻画情感体验、情感状态和情感关系的基本认知表现方式和路径¹。“在情感概念、时空概念的解读方面概念隐喻理论卓有成效”[孙淑芳、薛文博 2016, 81]，情感概念隐喻在动词认知隐喻中表现十分活跃²。在此，情感动词概念隐喻的内涵相应是指物理动作事象所包含的基本语义特征（内涵₁），外延则指该物理动作事象射指（外延₁）以及该动作喻体所表现的本体情感动作行为特征（外延₂），它们之间的独特关联、互动方式构成俄语情感动词概念隐喻的语义逻辑运作内容。具体来讲，俄语情感动词概念隐喻的外延内涵传承所表现的是从喻体动作特征及外延之中提取出相应特征，据此构建新的情感动作特征类（内涵₂）、使其得以新的内涵化认知处理并在情感本体动作构建中得以传承，进而在二者之间确立概念逻辑等同和代换关系，最终形成对本体情感动作事件内容的相应概念化认识解。

许多情况下，动词情感概念隐喻的认知新创始于本体和喻体动作之间“最佳认知关联”的确定和建立，而这在其外延内涵传承运作相关的“同质重合选择”“异质同化选择”[桂永霞 2013, 44—45]两个方面有着直观鲜明的体现。篇幅所限，以下选取同“忧伤”有关的情感概念隐喻为对象，并以其中“异质同化选择”层面为侧重点，就其外延内涵传承运作关系展开解析。

¹ 尽管不同语言文化会选择不同的意象描述来表现情感，但都无法游离于由人的身体和环境及其相互作用所决定的、无意识的具身认知体验框架。

² 人们不仅在极大程度上依赖概念隐喻来谈论情感，隐喻还是理解情感概念化的不同侧面及情感体现的核心机制，用来谈论情感的语词可以成为探索情感概念结构和内容的一个重要工具（Kövecses 2000; 2002）。

Тоска ест/съела сердце (忧伤吞噬着心/吃, 啃, 消耗——使情感受折磨); **Тоска** грызёт его сердце (忧伤撕咬着他的心/咬啃, 嚼——情感上折磨人); **Тоска** гложет ему сердце. (忧郁啃咬他的心/啃, 咬——情感方面折磨人); **Тоска** сосёт его сердце (忧伤啃噬他的心/吮吸——情感上慢慢折磨); **Тоска** заедает (愁肠百结, 苦不堪言/使劲咬——使极端痛苦); **Тоска** снедает его. (忧伤使他极度烦闷/吃, 咬——折磨, 使受煎熬)

这是以“啃、咬, 吃、嚼”口部喻体动作形象来构建“忧伤”情感动词概念隐喻, 其外延内涵传承运作中的“异质同化选择”通过本体外延内涵向喻体输传的核心内容(情感经验意识表达)同喻体内涵特征的互动确立出新的内涵₂(“忧伤”相关的各种情感折磨和痛苦), 并立足于内涵₂这一概念共相进行分类逻辑与认知转换, 选择喻体动作相异点来替换和覆盖本体情感动作中的对应项, 从而在认知心理意象上使情感动作中这一相异关联点被同化为喻体特征, 也帮助概念隐喻运作“消除概念范畴类属形成的障碍”[Арутюнова 1999, 346], 同时新建内涵₂也就承继到下位概念的本体对应项, “忧伤”情感动作相应借助包含喻体典型特性的新的内涵化特征获得概念化认知表达于识解, 实现外延内涵在情感本体动作中的“传”与“承”, 相关实体动作意象随之渗透到“忧伤”情感隐喻动作认知语义内涵。

4. 结语

动词情感概念隐喻外延内涵传承通过动作本体和喻体的推理转换和概念语义成分整合, 形成情感动作本体个性化的内涵属性和概念形象特征, 喻体动作的外延内涵上位特征通过新的内涵化方式向外输传, 在情感本体动作语义中得以承继和转化, 并为情感喻义衍生提供概念化的认知语义支点和“心理完形结构的理想认知模型”[Lakoff 1987, 490; Баранов 2003, 76], 构成动词情感概念隐喻构建中的重要运作环节。很大程度上讲, 外延内涵传承实质是透过喻体动作整体语义框架及其动作语义成素在本体动作框架中具有的功能特征和地位, 对动作新创特征进行的认知凸显, 本体、喻体动作之间借此也相应获得能够触发彼此象似联想的语义共相, 从而在概念隐喻的认知心理空间中达成动词情感喻义的具象化实现。

Библиографический список:

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Баранов А. Н.* О типах сочетаемости метафорических моделей. Вопросы языкознания. — 2003, (2): 73—94.
- Kövecses Z.* Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. — Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2000.
- Kövecses Z.* Metaphor — a Practical Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Lakoff G. & Johnson M.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. — New York: Basic Books, 1999.
- 桂永霞: 隐喻: “同质重合选择”和“异质同化选择” [*Gui Yongxia. Metaphor: “Selection of Sameness or Resemblance” & “Selection of Difference”*] // 中国外语. — 2013 3 期, 第 44—52 页。
- 孙淑芳、薛文博: 自然语义元语言理论与情感词语义解释力探究 [*Sun Shufang, Xue Wenbo. Natural Semantic Metalanguage Theory and Its Semantic Explanatory Power of Emotional Lexicons*] // 外语学刊. — 2016 6 期, 第 79—84 页。
- 孙毅, 王媛: 隐喻认知的具身性及文化过滤性 [*Sunyi, Wangyuan. The Dual Structure of Embodied-Cultural Effects on Metaphorical Cognition*] // 深圳大学学报. — 2021 3 期, 第 136—143 页。
- 徐盛桓: “A 是 B”的启示——再谈外延内涵传承说 [*Xu Shenghuan. Implications of “A is B”: Further Discussion on Extension-Intension Inheritance*] // 中国外语. — 2010 5 期, 第 22—29 页。

*Сяо И***Минский государственный
лингвистический университет (МГЛУ)****К определению межкультурного понятия «会意字»
(идеограмма) в китайской письменности**

Аннотация. В статье анализируются подходы к определению идеограммы как особого типа знаков в китайской иероглифической письменности. Сопоставляются принципы отнесения, а также структурно-семантические свойства идеограмм в китайской и западной лингвистической традиции. Выявлено, что объединяющим свойством для большинства синологических теорий относительно идеограмм является признание того, что данный тип иероглифов является соединением исключительно смысловых компонентов и не затрагивает звуковую сторону знаков. В китайской лингвистике идеограммы рассматриваются как знаки, которые передают информацию через концептуальное изображение предмета или явления. Китайская иероглифика, будучи одной из самых древних письменных систем, имеет богатую историю развития идеограмм. Идеограммы в китайском языке часто состоят из нескольких компонентов, каждый из которых имеет собственное значение и вносит вклад в общую семантику иероглифа. Западная лингвистика традиционно склоняется к более формальному подходу к языку и письму. В этой традиции идеограммы часто рассматриваются как экзотический или архаичный тип письма, который отличается от алфавитных систем, используемых в большинстве европейских языков. Тем не менее, в последние десятилетия интерес к китайской иероглифике и идеограммам в целом усилился в западной лингвистике благодаря междисциплинарным исследованиям в области когнитивной науки, лингвистической антропологии.

Ключевые слова: идеограмма; иероглиф; грамматология; китайский язык.

*Xiao Yi***Minsk State Linguistic University****The definition of the intercultural concept of “会意字”
(ideogram) in chinese writing**

Abstract. The article analyzes approaches to the definition of an ideogram as a special type of signs in Chinese character writing. The principles of attribution, as well as the structural and semantic properties of ideograms in the Chinese and Western linguistic traditions are compared. It is revealed that the unifying property for most sinological theories regarding ideograms is the recognition that this type of Chinese characters is a combination of exclusively semantic components and

does not affect the sound side of the signs. In Chinese linguistics, ideograms are considered as signs that convey information through a conceptual representation of an object or phenomenon. Chinese character, being one of the most ancient writing systems, has a rich history of the development of ideograms. Ideograms in Chinese often consist of several components, each of which has its own meaning and contributes to the general semantics of the character. Western linguistics has traditionally tended towards a more formal approach to language and writing. In this tradition, ideograms are often seen as an exotic or archaic type of writing that differs from the alphabetic systems used in most European languages. Nevertheless, in recent decades, interest in Chinese characters and ideograms in general has increased in Western linguistics due to interdisciplinary research in the field of cognitive science and linguistic anthropology.

Keywords: ideogram; character; grammatology; Chinese language.

中文会意字概念的跨文化探讨

自汉代学者许慎首次在《说文解字》中的会意字概念以来，所谓“比类合谊”，这一汉字类型的重要性与复杂性一直是学术研究的焦点。本文通过比较不同阶段和学者的观点，揭示了会意字的演变及其在语言学中的重要地位 [黄天树 2014, 1—10]。

许慎的《说文解字》为会意字奠定了基础，定义为包含通过“比类合谊”进行构义的组合字符，通过组合意义元素传达特定含义。然而，随着时间的推移，关于会意字的分类标准和组成原则出现了分歧。一些学者强调其结构复杂性，如唐兰的定义更为广泛，认为会意字是难以形成清晰图像时引入的。杨树达和现代学者如裘锡圭、石定果、邹晓丽、苏培成等人则进一步细化了会意字的结构，将其视为由两个或更多意义成分构成的复合体。

随着研究的深入，学者们对会意字的内部结构、文化内涵以及认知功能有了更深入的认识。例如，陈志群、王玉新、湖北、夏军、李润、张莹莹的研究关注会意字中的传统文化元素和认知功能。

俄罗斯学者对中文会意字的研究始于十九世纪中叶，他们的研究主要集中在汉字的历史演变和语言学特性。其中，王西里（Васильев В.П.）是较早研究汉字会意字的俄罗斯学者之一，他在《汉字的起源和发展》一书中详细探讨了会意字的形成和演变过程。王西里认为，会意字是汉字中最古老的类型之一，其起源可以追溯到远古的时期。他强调了会意

字在汉字演变中的基石作用。他认为，会意字是由两个或更多的单独表意字符组合而成，每个表意字符都有自己的含义，而组合后的汉字则表达了一个新的概念。他举例说明了会意字的结构特点，如武（止+戈）表示战斗能力，里（田+土）表示定居点，等。王西里还指出，重复的表意字符也可以组成的会意字。例如，竝（通‘并’）=两个立组成的字符，表示两者相邻、一起 [Васильев 2011, 29]。

另一位重要的俄罗斯学者是郭特立（Готлиб О.М.），他在《汉字的结构和功能》一书中对会意字进行了系统的分类和分析。郭特立认为，会意字是通过组合两个或更多的意符来表达新的概念，这种组合方式体现了汉字的独特性。他还指出，会意字在表达抽象概念时具有优势，因为它们能够通过直观的图形组合传达复杂的意义。郭特立强调了会意字的核心是字符意义的关联，它们的结构特点是通过组合意符的意义来表达语义概念，而不反映语音。例如，他举了牢字为例，它由“牛”和“宀”两部分组成，其中“牛”是表意的主体，而“宀”提供附加信息，表示屋顶，因此牢字意为“牲畜棚舍”[Готлиб 2019, 24—47]。

俄学者朱可娃（Жукова Е.Е.）认同郭特立（Готлиб О.М.）的观点，强调会意字是由几个表示不同语义单位组合而成的复合字符，共同表达一个整体字符表达新的语义概念。其中原来独体字在新的复合字中充当部分元素。会意字可分为异符和同符会意字。这种造字方法一直沿用至今，例如“甬”字就是通过组合“不”和“用”两个意符来表达“不必”的意思。会意字是汉字发展中的重要一步，极大地促进了书写系统的演变 [Жукова 2014, 30]。

在西方语言学研究中，安德鲁·斯蒂芬在其 1854 年的著作《发现中文》中讨论了汉字的构造，并指出了一些汉字是由两个或更多的语义符号组成的会意字。例如，他提到了“木”这个字，它既可以单独表示树，也可以与其他部分结合形成新的汉字。他举例说，两个“木”组合在一起就形成了“林”，表示“森林”。此外，他还提到了琳字，这个字包含“木”和“爻”（表卜兆形状），用以描述交叉的篱笆。他还提到了“栅”，这个字结合了“木”和“册”（表竹简形状），来表示篱笆的结构。最后，他提到了“噪”，这个字融合了“木”和“品”（表谈话），用来表示鸟叫声。这些例子展示

了通过组合不同的语义元素来创造新汉字的过程，反映了汉字的构字特性 [Andrews 1854, 38]。

值得注意的是，在 20 世纪，西方语言学在会意字这一概念是否存在这一问题上存在争议，即汉字书写系统存在直接的语义表达功能还是仅仅像拼音文字一样用语音来表达语义的这一问题上产生了争论。这导致了一种观点，即所有复合汉字都属于形声字，例如，布德伯格的观点 [Boodberg 1940, 267]。

然而，大多数西方学者支持汉字的表意性。如此，克里尔·赫尔利在其作品《关于中国象形文字的本质》中指出，从传统汉学的语言学方法的角度看，他们的语义重要性，即能够独立于口语表达含义，是研究汉字和其他象形文字的重要性。他还批评了西方的文字系统演变理论，这些理论认为汉字在比音字母系统更原始的阶段 [Creel 1936, 90]。

香港大学教授查德·汉森在他的作品《中国象形文字和西方理念》中提到了汉字表意性的重要。他举了一个例子，“學”字，并解释说，在汉字系统中可以通过组合意符而不通过音韵功能来表示语义概念。如此，在“學”字中包含了 4 个意符：“双手向下”、爻“卜筮”、宀、子。在东亚人的理解中，“爻”和“宀”是用于表达知识和场所的，而“”表示传递，而“子”是学习的主体。因此，不仅在中国汉字，而且在日本汉字中，“學”都代表了“学习”的语义，尽管在汉语中“學”读作“xué”，而在日语中读作“hok”。他强调，会意字揭示了语言和历史之间的重要关系 [Chad 1993, 7—20]。

南非大学副教授桑普森·G 在其论文《会意字概念的确实性》中探讨了汉字构造的多样性，并强调了汉代许慎构字理论的正确性。桑普森·G 在其论文中特别关注了会意字，也就是那些通过合并两个或更多的意符来表达一个新概念的汉字。他认为，会意字的存在证明了汉字不仅仅是基于声音的书写系统，而且还包含了丰富的语义信息。这种构造方式在欧洲的字母书写系统中是不常见的，因为字母通常只代表发音，而不直接表达语义。桑普森·G 的研究不仅有助于我们更深入地理解汉字的构造和演变，还揭示了汉字在记录和传递文化、历史和思想方面的独特能力。

汉字的这些特点使得它们成为了研究古代中国文明不可或缺的工具，并且对现代语言学、认知科学和跨文化交流等领域的研究也有着重要的影响 [Sampson 2013, 264—270]。

Библиографический список

Васильев В.П. Анализ китайских иероглифов / В.П. Васильев. СПб.: 2011, С. 171. ISBN: 9785424171475.

Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. / О.М. Готлиб. РАН, Институт востоковедения. 2-е изд: Издательский дом ВКН, 2019. С. 312.

Жукова Е.Е. Грамматология китайской письменности. / Е.Е. Жукова. М.: Восточная книга, 2014. С.144.

Сюй Цзянь. Рассказы о китайских иероглифах [Текст] : [12+] / Сюй Цзянь, Чжан Синь, Юй Инсянь ; [пер. с кит. Соломатиной А. А.]. — Москва : Шанс, 2018. 185, [5] с.: ил., портр.; 22 см. — (Поднебесная в рассказах.); ISBN 978-5-906892-62-1: 1000 экз.

Идеограмма — Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2000192> (дата обращения: 10.09.2023).

Andrews, Stephen Pearl. Discoveries in Chinese: or the symbolism of the primitive characters of the Chinese system of writing: as a contribution to philology and ethnology and a practical aid in the acquisition of the Chinese language / by Stephen Pearl Andrews. — Published by Charles B. Norton, 1854. С.137.

Chinese Ideographs and Western Ideas [Китайские иероглифы и западные идеи]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/259375305> (accessed: 10.02.2024).

Creel, Herrlee G. On the Nature of Chinese Ideography // T'oung Pao 32 (1936): 85—161. [*Крил, Херрли Г.* О природе китайской идеографии / Херрли Г. Крил // Тунг Пао 32: 1936. С. 85—161]

Boodberg, P. 'Ideography' or Iconolatry? // T'oung Pao 35 (1940): 266—288. [*Будберг, П.* 1940. 'Идеография' или иконолатрия? / П. Будберг // Тунг Пао 35: 1940. С. 266—288]

*Zhou Zhen[a],** The Six Principles of Chinese Writing and Their Application to Design As Design / Studies in Literature and Language Vol. 8, No. 3, 2014, pp. 84—88 DOI: 10.3968/4968. [*Чжоу, Чжэнь.* Шесть принципов китайского письма и их применение к дизайну как оформлению / Чжэнь Чжоу // Исследования по литературе и языку Том 8, № 3: 2014. С. 84—88 с. DOI: 10.3968/4968.]

Sampson, G. & Chen, Z. (2013). The reality of compound ideographs. Journal of Chinese Linguistics, 41(2): 255—272. JSTOR 23754815. [*Сэмпсон, Г.* Реальность

сложносоставных идеограмм / Г. Сэмпсон, Ч. Чен // Журнал о китайской в лингвистике 41: 2013. С. 255—272 с. JSTOR 23754815.]

黄天树. 说文解字通论。 — 北京: 北京大学出版社, 2014. 361 页。[Хуан, Тяньшу. Общее суждение «Шовэнь цзецзы» / Тяньшу Хуан. Пекин: Изд-во «Пекинский университет», 2014. С. 361].

唐兰. 中国文字学。 — 上海: 上海古籍出版社, 2005. 182 页。[Тан, Лань. Китайская грамматология / Лань Тан. — Шанхай: Шанхайское изд-во «Древняя книга», 2005. С. 182].

陈梦家. 中国文字学。 — 北京: 中华书局, 2006. 407 页。[Чэнь, Мэнцзя. Китайская грамматология / Мэнцзя Чэнь. Пекин: Изд-во «Чжун Хуа Шу Цзюй», 2006. С. 407].

杨树达. 中国文字学概要文字形义学。 — 上海: 上海古籍出版社, 2013. 520 页。[Ян, Шуда. Китайская грамматология — учение о внутренней структуре и семантике иероглифики / Шуда Ян. — Шанхай: Шанхайское изд-во «Древняя книга», 2013. С. 520].

裘锡圭. 文字学概要。 — 台北: 万卷楼图书公司, 2002. 318 页。[Цю, Сигуй. Общие положения грамматологии / Сигуй Цю. — Тайбэй: Изд-во «ВаньЦзюань Лоу», 2002. С. 318].

苏培成. 现代汉字学纲要。 — 北京: 北京大学出版社, 2004. 370 页。[Су, Пейчэн. Общие положения современной грамматологии китайского письма / Пейчэн Су. — Пекин: Изд-во «Пекинский университет», 2004. С. 370].

石定果. 说文会意字研究。 — 北京: 北京语言学院出版社, 1996. 215 页。[Ши, Динго. Исследование идеограмм в древних словаре Шовэнь Цзецзы / Динго Ши. — Пекин: Изд-во «Пекинский институт языка и культуры», 1996. С. 215].

石定果. 会意汉字内部结构的复合程序。期刊: 世界汉语教学。 — 北京: 北京语言学院, 1993 年第四期 (总 26 期), 274—278 页。[Ши, Динго. Комплексные программы в внутренней структуре идеограмм китайской письменности / Динго Ши. // Обучение китайского языка в мире: сб. науч. ст. 4(26)-е издание. — Пекин: Пекинский институт языка и культуры, 1993. С. 274—278].

曹先擢, 苏培成. 汉字形义分析字典。 — 北京: 北京大学出版社, 1999. 734 页。[Цао, Сяньчжо. Словарь китайских иероглифов с анализом структур написания / Сяньчжо Цао, Пэйчэн Су. Пекин: Изд-во «Пекинский университет», 1999. С. 734].

邹晓丽. 基础汉字形意释源。 — 北京: 中华书局, 2007. 246 页。[Цзоу, Сяоли. Объяснения форм и значений основных китайских иероглифов / Сяоли Цзоу. — Пекин: Изд-во «Чжун Хуа Шу Цзюй», 2007. С. 246].

卢桂花. ‘说文’会意字研究浅述。期刊: 西江月。 — 南宁: 国家出版总局, 2013 年第三期, 256—257 页。[Лу, Гуйхуа. Простое изложение о исследовании идеограмм в древнем словаре ‘Шовэнь цзецзы’. // Луна и западная река: сб. науч. ст. 3-е издание. — Наньнин: Главное государственное управление по делам прессы и печати КНР, 2013. С. 90—92].

胡北; 指导: 黄德宽. 会意字研究. — 安徽大学, 合肥, 2008. 129 页. [Ху, Бэй. Исследование идеограмм китайской письменности: дис. ... доктор. филол. наук: 5. 2008 / Бэй Ху, Дэкуань Хуан; Аньхойский университет. Хэфэй, 2008. С. 129].

夏军; 指导: 许嘉璐. ‘说文’会意字研究. — 华东师范大学, 上海, 2009. 160 页. [Ся, Цзюнь. Исследование идеограмм в древнем словаре ‘Шовэнь цзецзы’: дис. ... доктор. филол. наук: 5. 2009 / Цзюнь Ся, Цзялу Сюй; Восточно-китайский педагогический университет. — Шанхай, 2009. С. 160].

李润. 论会意字的结构及文化内涵. 期刊: 茂名学院学报. — 茂名: 茂名学院, 2004 年第二期, 1—4 页. [Ли, Жунь. Внутренние структуры идеограмм китайской письменности и их культурные понятия. // Наука института Маомин сб. науч. ст., 2-е издание. — Маомин: Институт Маомин, 2004. — С. 1—4].

张莹莹. 深挖会意字蕴含的传统文化. 期刊: 湖南科技学院学报. — 福州: 福建师范大学, 2014 年第 3 期, 71—73 页. [Чжан, Инин. Исследование традиционных культурных моментов, содержащихся в идеограммах китайского письма. // Традиционная культура сб. науч. ст., 3-е издание. Фучжоу: Фуцзяньский педагогический университет, 2014. С. 71—73].

张莹莹. 会意字意符的认知功能分析. 期刊: 东南学术. — 福州: 福建师范大学, 2017 年第 1 期, 238—246 页. [Чжан, Инин. Анализ когнитивных функций смысловых компонентов идеограмм китайской письменности. // Наука юго-востока сб. науч. ст., 1-е издание. Фучжоу: Федерация исследователей социальных наук провинции Фуцзянь, 2017. С. 238—246].

陈志群; 指导: 黄亚平. 会意字的认知研究. — 中国海洋大学, 武汉, 2004. 35 页. [Чэнь, Чжичюнь. Когнитивное исследование идеограмм китайской письменности: дис. ... магистр. филол. наук: 6. 2004 / Цифэн Сяо, Япин Хуан; Китайский университет океанологии. Циндао, 2004. С. 35].

王玉新. 汉字部首认知研究. — 济南: 山东大学出版社, 2009. 304 页. [Ван, Юйсинь. Когнитивное исследование ключей китайской иероглифической письменности / Юйсинь Ван. Цзинань: Изд-во «Шаньдунский университет», 2009. С. 304].

王宁. 汉字构型学导论. 北京: 商务印书馆, 2015. — 291 页. [Ван, Нин. Введение конфигурации китайских иероглифов / Нин Ван. Пекин: Изд-во «Коммерческое», 2015. С. 291].

李学勤. 字源. — 天津: 天津古籍出版社, 2013. 1420 页. [Ли, Сюэцинь. «Этимология иероглифов» / редкол.: Ли Сюэцинь [и др.]. Тяньцзинь: Тяньцзиньское издательство «Древняя книга», 2013. С. 1420].

Секция 3
Литература

Р.В. Березкин
Фуданьский Университет,
Институт Гуманитарных Исследований (КНР)

**«Жизнеописание Господина Прекрасных добродетелей»
 Юань Цаня как ранний образец китайской
 идеализированной автобиографии**

Аннотация. «Жизнеописание Господина Прекрасных добродетелей» (妙德先生傳 *Мяо-дэ сяньшэн чжуань*) — единственное дошедшее до нашего времени прозаическое литературное произведение Юань Цаня 遠粲 (420—477), ученого и государственного деятеля государства Сун (420—479, одной из так называемых Южных династий). Несмотря на его небольшой объем, оно представляет особый интерес как ранний образец идеализированной автобиографии в китайской классической литературе. «Жизнеописание» раскрывает идеалы, вкусы и представления китайского средневекового литератора. Тем не менее до настоящего времени только несколько исследователей китайской автобиографической литературы занимались исследованием этого сочинения, в русскоязычных исследованиях оно еще не рассматривалось. В данной работе проводится сопоставление «Жизнеописания Господина Прекрасных добродетелей» с подобным произведением Тао Юаньмина 陶淵明 (365—427) — «Жизнеописанию Господина Пяти ив» (五柳先生傳 *У-лю сяньшэн чжуань*, ок. 415 г.), которое открывает серию произведений в этой форме; а также более поздними идеализированными автобиографиями танского и сунского времени. При этом отмечается влияние на это произведение неофициальной биографии, которая бурно развивалась в Китае в III—IV вв. В приложении представлен первый перевод «Жизнеописания Господина Прекрасных добродетелей» на русский язык.

Ключевые слова: китайская классическая проза, автобиография, идеализированная биография, литература эпохи Северных и Южных династий

Rostislav Berezkin
Fudan University (China),
senior research fellow

**“Biography of the Gentleman of Wonderful Virtues”
 by Yuan Can as an early example
 of Chinese autobiographical literature**

Abstract. “Biography of the Gentleman of Wonderful Virtues” is the only now extant prosaic literary work by Yuan Can, a scholar and statesman of the state of Song, one of the Southern dynasties. Despite of its small size, it is especially valuable as an early example of idealized autobiography in Chinese classical lit-

erature. “Biography” reflects the ideals, preferences and views of a medieval Chinese litterateur. Nevertheless, till now only several scholars of Chinese autobiographical tradition have paid attention to this short piece. In this work I have carried out a comparison of “Biography of the Gentleman of Wonderful Virtues” with the similar text by Tao Yuanming — “Biography of the Gentleman of Five Willows” (ca. 415 CE), which was the first one in the row of these texts; as well as the later idealized autobiographies by Tang and Song authors. At the same time I have noted the influence of unofficial biography, which rapidly developed in China in the III—IV centuries. The first Russian translation of “Biography of the Gentleman of Wonderful Virtues” is appended to the article.

Keywords: Chinese classical prose, autobiography, idealized biography, literature of Northern and Southern dynasties.

«Жизнеописание Господина Прекрасных добродетелей» (妙德先生傳 Мяо-дэ сяньшэн чжуань) — единственное сохранившееся до нашего времени прозаическое литературное произведение Юань Цяня 遠粲 (420—477), ученого и государственного деятеля государства Сун (420—479, одной из так называемых Южных династий). Несмотря на его небольшой объем, оно представляет особый интерес как ранний образец идеализированной автобиографии, специфической литературной формы в истории классической прозы Китая. «Жизнеописание Господина Прекрасных добродетелей» дошло до нас (возможно, в неполном виде) в составе его официальной биографии в династийной истории «Книга Сун» (宋書 Сун шу) [Шэнь Юэ ред. 1997, цз. 49, т. 5, с 2230—2231].

В дошедшем до нашего времени тексте всего 125 слов-иероглифов, тем не менее, оно чрезвычайно важно для понимания развития формы подобной идеализированной автобиографии. «Жизнеописание» раскрывает идеалы, вкусы и представления китайского средневекового литератора. Тем не менее до настоящего времени только несколько исследователей китайской автобиографической литературы обратили внимание на сочинение Юань Цяня [Вауер 1990; 川合康三 1996], в русскоязычных исследованиях оно еще не рассматривалось. По своему духу и форме «Жизнеописание Господина Прекрасных добродетелей» близко к «Жизнеописанию Господина Пяти ив» (五柳先生傳 У лю сяньшэн чжуань, ок. 415 г.) известного поэта и ученого Тао Юаньмина 陶淵明 (или Тао Цяня 陶潛, 365—427 гг.), которое представляет первый образец подобного рода автобиографических сочинений в средневековый период [陶淵明 1996, 420—424]. Тем не менее есть значительные различия между двумя произведениями. Так, в «Жизнеописании Господина Прекрасных добродетелей» нет деталей жизни ученого-отшельника, как у Тао Юаньмина, оно достаточно стереотипно в свете китайских биографических описаний ученых-литераторов того времени.

В данной работе делается сопоставление «Жизнеописание Господина Прекрасных добродетелей» и с более поздними идеализированными автобиографиями танского и сунского времени [Березкин 2020, 2023]. При этом отмечается влияние на это произведение неофициальной биографии, которая бурно развивалась в Китае в III—IV вв. В первую очередь это сборник «Жизнеописаний возвышенных мужей» (高士傳 *Gao shi chжуань*) известного литератора Ци Кана 嵇康, которое также упоминается как источник вдохновения Юань Цаня в династийной истории. Таким образом, при всем его своеобразии и новаторстве, «Жизнеописание Господина Прекрасных добродетелей» Юань Цаня вписывается в контекст развития биографической литературы в раннесредневековом Китае.

Библиографический список

Березкин Р. В. «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» поэта Бо Цзюйи (838 г.) и традиция китайской автобиографии (перевод с предисловием) // Общество и государство в Китае. Т. L. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 368—389.

Березкин Р. В. Автобиографические черты в «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» Оуян Сю (1070 г.) (перевод с предисловием) // Общество и государство в Китае. Т. LII. М.: ИВ РАН, 2023. С. 72—106.

Bauer W. Das Antlitz Chinas. Die autobiographische Selbstdarstellung in der chinesischen Literatur von ihren Anfängen bis heute. — München: Carl Hanser, 1990.

川合康三. 中国の自伝文学 [Кавай Ко:дзо: . Китайская автобиографическая литература]. — 東京: 創文社, 1996 年.

陶淵明. 陶淵明集校箋 [Тао Юаньмин. Собрание сочинений Тао Юаньмина, выверенное и с комментариями] // 龔斌主編. — 上海: 上海古籍出版社, 1996 年.

沈約. 宋書 [Шэнь Юэ и др. [ред.]. Книга Сун] // 二十四史. — 北京: 中華書局, 1997 年.

Ван Ицюнь
Сычуаньский университет

Повествование о повседневной жизни
в произведениях Хань Дуна «Тьма» и «Волчьи следы»

Wang Yiqun
Sichuan University

The Narrative of Everyday Life in Han Dong's Fictions —
a case study of “Gloominess” and “Wolf Tracks”

Abstract. This paper focuses on the unique narrative style depicting everyday life in Han Dong's fictions. Han Dong employs plain spoken language and consciously avoids filtering everyday experiences through refined literary language. He neither intends to reveal the mysteries inherent in daily life, nor attempts to elevate the banality of everyday life through extraordinary moments. Instead, his narratives are completely in tune with the rhythm of everyday life, typically beginning and ending at ordinary moments. Han Dong quietly recounts the gentle fluctuations of everyday life, thereby conveying various tastes of human experience.

Keywords: Han Dong contemporary Chinese writer narration of everyday life.

王逸群
四川大学

韩东小说的日常生活叙事
——以《幽暗》《狼踪》为例

摘要：本文旨在考察韩东小说独特的日常生活叙事。韩东使用朴素的口语，有意识地避免精致的文学语言对日常经验的过滤。他无意揭示内在于日常生活的神秘，也不以某种超日常的时刻去爆破平庸的日常生活。其叙事完全贴合、顺应日常生活的节奏，通常从某个普通的日常时刻开始，也结束于某个普通的日常时刻。韩东平静地讲述日常生活和缓的起伏变化，由之带出种种人生滋味。

关键词：韩东 中国当代作家 日常生活叙事

韩东是中国“第三代”诗人中为数不多的开辟了小说写作的第二阵地，且收获颇丰的作家。2023年，他出版了两部短篇小说集——《幽暗》和《狼踪》，主题是其一以贯之的日常生活叙事。在中国当代文坛，书写

普通人日常生活的作家不乏其人，比较而言，韩东的小说表现出一种自然、平和、完全顺应日常生活节奏的叙事风度。本文就以《幽暗》《狼踪》为例，考察韩东日常生活叙事的展开方式。文学应该如何回到生活现场，回应最切近的日常体验？不妨听听韩东的回答。

翻开韩东的小说，引人注目的首先是其语言风格。它完全不同于当代文学中常见的“文学化”的语言。后者大致表现为某种有着显见的作家姿态、叙述技巧，通常讲求修辞效果，着意展示写作功力的书面文体。它显得比我们的日常话语“高级”得多。韩东使用朴素的口语，句式简单、语义明澈，语气平稳，行文有如淡然自若的例行散步。作家选择了他的语言，也就选择了由该语言所规定的某种叙事姿态、所诉说的某种生命经验。20世纪80年代以来，大量中国小说家有意识地倾神于个体生活中的光影和响动，但高度板结化的文学语言常常绊住他们，使之难以抵达日常经验的复杂幽微处。精巧的文学语言意味着对日常生活芜杂经验的过滤和驯化，唯有借助普通语言，才能回到日常生活本身，这或许是韩东以白话写作的关切所在。

普通语言只是入口，进而应如何书写日常生活？日常生活似乎总处于诗意的对立面。它驳杂、蔓芜，充斥着卑微琐碎的事件，又每天上演重复性的行动，显得平淡如水，枯燥乏味。所以，一些作家如柯南·道尔，其日常生活叙事意在拯救日常生活的平凡。而像茨威格这样的小说家，则以某种震惊体验去爆破平庸的日常生活。他拒绝同日常生活和解，姿态颇显决绝。

从这个意义上说，韩东的日常生活叙事颇显另类。他无意揭示内在于日常生活的神秘，也不以某种超日常的时刻去刺破日常的板结化状态。他甚至从未有意识地营造日常生活的戏剧性，从未郑重地把日常生活中的某种情感、状态把握为文学主题。《幽暗》和《狼踪》中的故事大多是平凡的日常琐记，比如家人生病后在医院的陪护和奔波（《临窗一杯酒》），作家新书发布日的小插曲（《大卖》），养狗过程中的点滴悲喜（《女儿可乐》），外出旅行时忆起故人（《动物》），一个似乎见过多次的年轻人自杀了，却完全想不起这个人（《老师和学生》），等等。这里没有超出日常生活的离奇事件，主人公经历的事情完全可以发生在我们的朋友、邻居，或者我们自己身上。

韩东的小说完全贴合、顺应日常生活的节奏。它们通常从某个普通的日常时刻开始，也结束于某个普通的日常时刻。以《兔死狐悲》为例，叙事者讲述了他相识 30 多年的老友张殿的故事。此人一生有着普通人应有的平凡，也干过不少普通人可能做的出格的事儿。对于叙述者来说，这不是一次有意识的回顾。他并未摆出姿态要给我们讲讲张殿的故事，而是偶然地卷入一个日常事件，顺手从昏黑的过往中捞起一段记忆。再看其他作品，叙事更明显地在日常生活中展开。这不像另外一些小说家那样，讲述某个普通人的故事，让故事在日常生活中展开——如此一来，日常生活就成了大大小小诸种戏剧性因素的编织物，每个被写到的细节都意味深长。韩东的故事在一个普通人徐徐推进的日常生活中现身，它是日常生活自然的褶皱。我以为，这是回到了日常生活本身。

韩东以平静的耐心徐徐诉说日常生活某个片段和缓的起伏变化，由之带出种种人生滋味。日常生活的细浪永远处于生成状态，也随时都在消逝。它们不会积聚成波澜壮阔的故事剧情，也不会为故事标示一个确定的结局，只是在永不停歇的生成和推进中现出一些微小的漩涡，让人迷失其中。或许，这可以解释韩东的小说何以有很强的可读性——完全不逊于那些以情节曲折取胜的作品。不可否认，韩东笔下的日常生活常有不期而至的事件、有趣的人物和日常细节，但展示日常生活的微小起伏和漩涡本身就是引人入胜的。最好的例子莫过于《窗边一杯酒》。叙事者与家人陪护患癌住院的岳父，度过了一段难熬的时光。韩东写得温和平静，不悲不燥。小说人物带着日常生活所赋予他们的韧性料理事务，小说家则展示这种韧性，带着悲天悯人的情绪。

在这样的叙事中，一切人生问题回到了其鲜活的发生现场。韩东的小说提供了日常生活中一些有趣的“道德读本”。其中，日常行动显露复杂纠缠、边界不清的面貌。对于这些行动，很难找到“不偏不倚的旁观者”或者“理性的法庭”。

主要参考文献：

韩东：《幽暗》[Han Dong, Gloominess], 南京：江苏凤凰文艺出版社 2023 年版。

韩东：《狼踪》[Han Dong, The Trail of the Wolves], 南京：江苏凤凰文艺出版社 2023 年版。

В.Ю. Вашкявичус
Московский городской педагогический
университет

Образ бунтаря в китайской детско-юношеской литературе

Аннотация. Рассматривается эволюция китайской литературы после революции 1911 года. До этого периода китайская литература была тесно связана с феодально-кастовой культурой и конфуцианской идеологией, что определяло ее поучительный и дидактический характер. В период известный как «новая волна» произошли значительные изменения в китайской литературе, освободившейся от политических и идеологических ограничений. Детская литература также претерпела изменения, стремясь формировать самодостаточную личность у детей и открывая новые смыслы своего творчества. Обсуждения онтологии детской литературы стали активнее, в современных произведениях о подростках все чаще появляются образы бунтарей. Важным этапом в развитии данного направления стала повесть «Побег из шестого класса» Бань Ма, где читателю был представлен образ подростка-бунтаря. Герой, необычный для китайской детской литературы и общества, вызывает симпатию автора, критиков и читателей. Повесть напоминает обществу о необходимости быть терпимым и проходить проверку своих культурных догм.

Ключевые слова: детско-юношеская литература Китая, бунтарь, Бань Ма.

Valentina Vashkyavichus
Moscow City University

The image of the rebel in Chinese children's and youth literature

Abstract. The evolution of Chinese literature after the 1911 revolution is considered. Before this period, Chinese literature was closely linked to feudal-caste culture and Confucian ideology, which determined its didactic and instructive character. In the period from 1978 to 1989, known as the “new wave”, significant changes occurred in Chinese literature, freed from political and ideological constraints. Children's literature also underwent changes, aiming to shape self-sufficient personalities in children and opening new meanings in its creativity. Discussions on the ontology of children's literature became more active, and in modern works about teenagers, images of rebels are increasingly appearing. An important stage in the development of this trend was the novel “Escape from the Sixth Grade” by Ban Ma, where the image of a teenage rebel was presented to the reader. The hero, unusual for Chinese children's literature and society, evokes

sympathy from the author, critics and readers. The novel reminds society of the need to be tolerant and to challenge cultural dogmas.

Keywords: Chinese children's and youth literature, rebel, Ban Ma.

Китайская литература вплоть до революции 1911 г. в своем письменном виде являлась точным и полным отражением феодальной культуры, название которой (*вэньхуа*) прямо указывает на ее непосредственную связь с литературной конфуцианской идеологией [Алексеев 2002, 43]. Как известно, конфуцианство «лежало в основе многовековой китайской государственности и наполняло собою самую жизнь китайского общества» [Эйдлин 2002, 12], поэтому в основе воспитательных отношений лежало уважение младших к старшим, и для китайской литературы вплоть до конца XX в. был характерен поучительный, дидактический характер.

Период, названный «новой волной», привнес глоток свежего воздуха в литературу Китая [Игнатенко 2022, 329—330], освободив последнюю от оков политики и идеологии, возродив гуманистические традиции. Преобразилась и детская литература, активизировались обсуждения, связанные с ее онтологией. В современных китайских произведениях о подростках все чаще начинают появляться образы бунтарей, и у истоков формирования данного направления в литературе Китая лежит опубликованная в 1995 г. повесть в жанре реализма «Побег из шестого класса» (《六年级大逃亡》 *Лю няньцзи да таован*) Бань Ма [班马 2013], где читателю был представлен образ подростка-бунтаря.

В данной повести автор знакомит читателей с Ли Сюэцяо, мальчиком-подростком, который, устав от непонимания взрослых, решает на побег. В своем путешествии мальчик встречается с дядей Бань Ма (班马叔叔 *Бань Ма шушу*) в Гуанчжоу, который и решает поведать миру историю ребенка. Центральное место в сюжете занимает не сам побег, а то, что именно привело Сюэцяо к решению сбежать. Автор, описывая взаимоотношения подростка с его сверстниками, родителями, учителями, постепенно раскрывает характер героя и причины его вынужденного путешествия.

В глазах взрослого мира Ли Сюэцяо плохой ребенок, возмутитель всеобщего спокойствия, родители, возмущенные его поведением, говорят ему, что он не может себя контролировать. Его считают хулиганом, который не слушает родителей, плохо учится в школе, не уступает в спорах. Встречая сопротивление ребенка, не считая его полноценным человеком, взрослые начинают его травить. Ли Сюэцяо в свои тринадцать лет уже является сильной личностью с внутренним стержнем, однако он все еще остается ребенком. Устав от одиночества, непонимания, равнодушия и предвзятости в отношении себя [Баранова 2023, 22], он решает на побег и проводит полгода, бродяжничая. Столь неформатный для китайской

детской литературы и китайского общества герой неожиданно получает симпатию не только автора, но и критиков, и читателей, ведь на его долю выпало слишком много непонимания и равнодушия, и именно это вынудило его оставить родителей и привычную ему жизнь.

Бань Ма в своей повести пытается донести до читателей мысль, что не Ли Сюэцяо должен пройти проверку и отбор социумом, а общество должно пройти проверку своих культурных догм и готовности быть терпимым.

Библиографический список

Алексеев В.М. Китайская литература (историко-библиографический очерк) // Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 1 / В.М. Алексеев [Сост. М.В. Баньковская; Отв. ред. Б.Л. Рифтин]. М.: Вост. лит., 2002. 574 с.

Баранова К.М. Мотив «одиночество» в романе Дж. Грина «Бумажные города» / К.М. Баранова, О.В. Афанасьева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 1(49). С. 20—33.

Игнатенко А.В. Введение в китайскую литературу: от древности до наших дней: учебник / А.В. Игнатенко, Т.И. Кондратова. М.: Издательский дом ВКН, 2022. С. 448.

Эйдлин Л.З. История китайской литературы в трудах академика В.М. Алексеева // Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 1 / В.М. Алексеев [Сост. М.В. Баньковская; Отв. ред. Б.Л. Рифтин]. М.: Вост. лит., 2002. С. 574.

班马：六年级大逃亡 [Бань Ма. Побег из шестого класса]. — 中国儿童文学, 2013 年.

Го Сяньшу
Институт литературы и СМИ
Шаньдунского политехнического университета

**Сохранение народных традиций:
описание китайской культуры в произведениях Гэ Ляна**

Guo Xianshu
Shandong University of Technology

**The watchfulness and inheritance of folk tradition —
Chinese cultural writing in Ge Liang's works**

Abstract. In recent years, in the writing experience of contemporary Chinese writers, cultural roots are an important focus of their attention. Contemporary writer Ge Liang focuses his attention on folk traditional crafts, starting from the surrounding market customs, and gradually transiting to the deep history and rich folk traditional culture. As an excellent narrator of folk culture, Ge Liang pays special attention to the food culture represented by food, the artifacts and skills in folk culture, and the fate of the craftsmen. The fireworks and the wonders of the city built by Ge Liang embody his concern for the inheritance of folk tradition as well as his deep understanding of Chinese culture.

Keywords: folk tradition; Diet; Artifacts and techniques; Chinese culture.

郭贤姝
山东理工大学文学与新闻传播学院

民间传统的守望与传承——葛亮作品中的中华文化书写

摘要:近年来,在中国当代作家的书写经验中,文化寻根是其关注的重要热点。当代作家葛亮将文化寻根的目光聚焦至民间传统手工艺,从周边的市井风情写起,一步步过渡到厚重的历史和丰富的民间传统文化。作为一名出色的民间文化讲述者,葛亮尤为关注以食物为代表的饮食文化、民间文化中的器物与技艺,以及匠人群体的背后的命运浮沉。在葛亮建构的烟火人间与市井奇观中凝聚着他对民间传统的深情的守望与传承,蕴存着他对于中华文化深沉的理解与认同。

关键词:民间传统;饮食;器物与技艺;中华文化

随着中华文化进一步走向世界,讲中国故事,弘扬中华文化成为当代中国作家的责任与使命。不少当代作家在文学创作中自觉进行文化寻

根，将文学创作的焦点聚焦至业已沦陷与失落的中华传统文化，当代作家葛亮便是其杰出的一位民间文化讲述者。他将读者引入烟火升腾的市井世界，感受烟火缭绕的饮食文化，体验百花齐放的民间炫技，共情匠人群体的命运浮沉，痛惜民间传统的沦陷失落，找寻传统文化的生存出路……葛亮亦是一位出色的文学匠人，他在历史风云的宏观展示，家族记忆的微观呈现中，描摹市井人生，回望民间传统，书写中华文化的千姿百态。

一、烟火缭绕的饮食文化

翻开中华文化的历史长卷，饮食文化的笔墨可谓浓墨重彩。“民以食为天”。中国人对饮食的重视程度甚至不亚于生死。饮食关于生存，也关于生计。葛亮的作品《燕食记》讲述了“一座岭南百年老字号同钦楼的主厨二人的传奇身世及薪火相传”¹，展现了独具岭南地域特色的饮食文化。

在《燕食记》中，葛亮对食物种类、制作工艺、地方口味、味觉体验、处世哲学对饮食审美进行多方面书写与展示。葛亮不仅向读者展示了肠粉、虾饺、糯米鸡、烧麦、叉烧包、炸芋虾、莲蓉包等传统广东粤式茶点，普及“一盅两件”“水靚双滚”“仙人过桥”“二龙戏珠”“雪花盖顶”“海底捞月”“花码”等茶楼特色，描绘荣师傅“熬”莲蓉的精细手艺，更以细腻的笔墨描绘筵席盛况与地方特色。从“留觞”“宴春台”到般若庵的“般若素筵”到太史府第的“鹤舞云霄”、“蛇羹”再到湾仔“十八行”的上海本帮菜，葛亮在食物描写的笔墨不断加重，给读者带来一波波味蕾冲击的同时，展示了中国饮食文化的博大精深。

然而，小说的重心不仅仅落脚于精巧玲珑的粤港茶点与上海本帮美食，而是由食入史，食史互鉴，“在故事中寻找隐秘的人心，一点一滴，一瓢一箪，搭建出近代中国人的精神图景”²。

二、百花齐放的民间炫技

俗话说，“高手在民间”，民间传统文化的精髓在于器物与技艺，葛亮市井世界的建构离不开他精心刻画的传统匠人群体，他们各个身怀绝技，争奇斗艳，装点了喧闹升腾的烟火人间。

葛亮的“匠人系列”小说直接描写器物与技艺等民间传统。《书匠》刻画了古书修复高手“老董”，他可以“变戏法”让书上的笔墨消失，亦可以

将残破的古书修补至完好如初；《瓦猫》描写了荣师傅巧夺天工的云南镇宅兽——瓦猫的陶艺技艺；《飞发》普及了理发行当“敲草”、“浆草”、“放草”、“包草”、“爬草”等暗语，刻画了理发师“翟玉成”的传奇人生；甚至在长篇小说《北鸢》《燕食记》中，亦可见器物与技艺的穿插描写。《北鸢》穿插描写了扎风筝的匠人卢师傅的高超技艺；《燕食记》则描写了传统文化之一的戏曲，京剧等国粹。

对民间匠人来说，器物与技艺是他们的赖以生存的根和魂，执着坚守与薪火相传，是其终其一生的生命追寻。葛亮在《瓦猫》作品集序言写道“‘匠’字的根本，多半关乎传承抑或持守。”葛亮对匠人技艺的呈现不仅内蕴着弥足珍贵的“匠人精神”的传达，亦暗藏着其对中华传统文化的怀想与守望。

三、民间传统的困境与突围

民间传统手艺人曾在作家冯骥才的笔下风光无限，然而，时代聚变，在当代社会，匠人处于弱势边缘，在潦倒落魄的艰难处境下，他们坚守的传统技艺正逐渐走向式微，民间传统手艺正逐渐步入濒临失传的困境。当代作家葛亮，精细描摹出民间手艺人真实境地：《泥人尹》中的尹师傅因无正规营业执照被城管驱逐，工具散落一地却无人问津；《书匠》里的老董，空有一身修书好手艺，却沦为修鞋匠，无技可施；《飞发》里的理发师傅翟玉成“广东飞发”技艺高超，儿子却拜师“上海飞发”，这其中的心酸与无奈不言而喻。

濒临失落的民间传统如何在失传困境中实现突围？传统民间手艺的出路何在？葛亮在其作品中提出了新的可能——守正、融合与创新。首先，要坚守。葛亮的“匠人系列”作品中的匠人们，无论处境多潦倒，都在沉默无声中执着坚守，只有坚守，才有传承的机会。《飞发》中的翟师傅、《泥人尹》中的尹师傅，即使身患癌症，但在生命的最后一刻还在坚守着自己的老手艺；其次，要在守正的基础上融合创新，推陈出新。在《燕食记》中，陈五举将上海本帮菜与广东粤式茶点融合，创制了；《飞发》中，“上海理发”本是“Positional Goods(地位性商品)”，“上海飞发”传人庄锦明却甘愿放低身段，融合欧美发廊“温莎”，“以人乡随俗的作风和惠民的态度面对了街坊”³，换来了热度与好口碑。

作为中国传统文化的符号与灵魂，民间传统中的器物与技艺不应在尘嚣至上的都市文化与消费热潮中缄默无声，缺席失语，而应在融媒体的网络大时代高调发声，吸引与寻觅手艺继承人，同时在讲好中国故事的热潮中将精美的器物远销海外，将中华文化的名片散播四方！

四、结语

透过葛亮“匠人系列”的作品，既可见中国传统文化百花齐放的光彩夺目，亦能见传统文化的走向式微的境遇和现状。葛亮的作品在发扬展示流光溢彩的中国文化的同时，又为世人注射一道清醒良剂，呼唤其对中华文化的坚守与传承！

主要参考文献：

- [1]陈玉璇.岭南民间饮食与生死的辩证法——读葛亮《燕食记》[J].名作欣赏,2024,(08):51—53.
- [2]何晶.一瓢一箪，搭建近现代中国人的精神图景[N].文学报,2023-03-02(004).
- [3]葛亮.瓦猫[M].北京：人民文学出版社，2021:107, 101, 172, 182, 126.

М.Ю. Дондокова
МГИМО МИД РФ

Образ поэта в лирике Хань Дуна 1980—2000 гг.

Аннотация. На каждом витке бурного развития новой китайской поэзии возникает проблема взаимоотношений с предыдущим поколением: «вернувшиеся» поэты — поколение, реабилитированное после ложных обвинений в период «культурной революции»; «туманная поэзия» — поколение, которое помнит ужас «культурной революции»; «новое поколение» поэтов — поколение, которое еще помнит «культурную революцию», но уже ее не боится. В современной китайской поэзии XX в. постперестроечной ситуации, все ярче прослеживается тенденция индивидуализации творчества. Поэты, которые пережили колоссальные перемены в обществе и не переставали искать свое вдохновение и силы к творчеству, активно описывали себя и свое состояние, и это было популярно, ведь то же самое переживали все участники этого мощного процесса. Не потерять себя, знать, в чем твой путь, уметь реализовать себя — сложная задача, с которой справлялись, к сожалению, не все. В стихах Хань Дуна можно найти метания поэта между разными полюсами общества, парадоксы прогресса и иноземных понятий, бессмысленность традиционных устоев. Тему образа поэта, как творца современных произведений, Хань Дун анализирует и в критических статьях и интервью.

Ключевые слова: Современная китайская поэзия, лирика Хань Дуна, образ поэта.

Maksara Dondokova
MGIMO University

The poet's image in Han Dong's poetry of the 1980—2000's

Abstract. At every turn of the rapid development of new Chinese poetry, the problem of relationships with the previous generation arises: the “returning” poets are the generation rehabilitated after false accusations during the “Cultural Revolution”; “Misty Poetry” is a generation that still remember the horror of “Cultural Revolution”; the “New generation” of poets is a generation that still remembers the “Cultural Revolution”, but is no longer afraid of it. Modern Chinese poetry of the twentieth century shows the changes of new society, the trend towards individualization of creativity is increasingly noticeable. Poets who experienced colossal changes in society and never stopped looking for their inspiration and strength to create actively described themselves and their condition, and this was popular, because all participants in this powerful process experienced the same thing. Not losing yourself, knowing what your path is, being able to realize yourself is a difficult

task that, unfortunately, not everyone can cope with. In Han Dong's poems one can find the poet's tossing between different poles of society, the paradoxes of progress and foreign concepts, the meaninglessness of traditional foundations, and so on. Han Dong analyzes the theme of the poet's image as a creator of modern works in critical articles and interviews.

Keywords: Chinese modern poetry, poetry of Han Dong, the poet's imagine.

Хань Дун — современный поэт, член союза писателей Китая, автор нескольких поэтических сборников, — «Они», «Белые камни», «Стихи Хань Дуна» и др. Хань Дун получил свое первое признание смелым заявлением о том, что язык поэзии должен быть максимально близок к жизненным явлениям и должен быть понятием 诗到语言为止 *ши дао юйянь вэйчжи* «поэзия — это в первую очередь живой язык». Выступая против захламления, против символических способов выражения и против нарочитого восхваления напыщенного героизма, выводя на первое место авторскую индивидуальность.

Одним из факторов, повлиявших на быстрое развитие индивидуализма в китайской поэзии, является процесс глобализации, который в китайском обществе играет активную роль уже с середины 1980-х гг. Это, можно сказать, своего рода реакция на изменения в обществе, принцип адаптации к новым условиям, изменениям, привнесенными глобализацией как в сферу экономики, так и в сферу культуры. Брошенные на самовыживание современные поэты вынуждены были заниматься тем, что экономически выгодно, и писать то, что массово популярно. В этих условиях каждый поэт ищет свой компромисс. С одной стороны, такое положение стимулирует развитие поэзии, поиски новых идей и возможностей, с другой стороны, для поэзии, как и для культуры в целом, экономическая зависимость всегда тяжелее, чем политическая.

Так же быстро как сменялась внешняя обстановка, менялись и творческие подходы авторов. Во втором периоде творчества поэта Хань Дуна одни произведения можно отнести к «новому традиционализму», хотя большая часть стихов написана в эстетике и поэтике постмодернизма: Я должен принять день, что идет после сна / Привыкнув, вновь должен возвратиться к ночи, / И меж этих двух я должен выбрать одно в тесноте звучит маятник часов /.../ Я сравниваю высоту и ширину земли / Телега, проехав по правой стороне, возвращается по прежней дороге /.../ Я упорно делю кончик волоса / И все ж это волос, что растет на моей голове. (Хань Дун, подстрочный перевод М.Дондоковой)

Тема метаний поэта из крайностей в крайность широко представлена в творчестве автора, вместе с тем стоит помнить, что многие произведения того времени были написаны авангардными авторами, не признающими никаких рамок и условностей. Некоторые авторы в своих творче-

ских изысканиях не стеснялись ни в выборе тем, ни в выборе эпитетов. Например, ненеисты (非非主义 *фэй фэй чжэуи*), грубияны, поэты «телесного низа» и др.

Произведение, где поэт описывает процесс создания произведения, — это стихотворение «Творчество»: Ясное солнце за моим окном / Кто-то ползет по телеграфному столбу / Он занимается делом своим / И смотрит в окно / Я улыбкой отвечаю ему / Потом, опустив голову, продолжаю работу свою /.../ В обед он все еще был там / словно замерший в воздухе воробей / Уже позабывший взлететь / Когда я наконец-то дописал последний лист / Этот воробей куда-то сник /.../ (Хань Дун, подстрочный перевод М.Дондоковой)

В стихотворении «Творчество» Хань Дун описывает рабочий процесс поэта, ассоциируя его с работой электрика и одновременно с птицей на дереве. Телеграфный столб — это своеобразный символ «мирового дерева», который признан «передавать» мысли людей, как медиатор, так же как и птица в вертикали «мирового дерева» является медиатором между разными мирами, сакральным, т.е. ирреальным и реальным миром. Поэт, упоминая образ птицы и образ дерева, создает образ поэта, как медиатора, который в своем творчестве реализует свое высшее предназначение как связь мыслей и чувств людей. Эту же мысль автор частично раскрывает в некоторых статьях и интервью.

Библиографический список:

Хань Дун [Стихотворье] URL: <https://versevagrant.com/2015/03/23/хань-дун-работа-кровельщика/> (accessed: 02.04.2024).

Хань Дун [Стихи]. URL: <http://www.shiku.org/shiku/xs/handong.htm> (accessed: 02.04.2024).

Е.Н. Емельченкова
СПбГУ

**Кулинарная история литературы Китая:
взгляд любителя**

Аннотация. Настоящий доклад нацелен на представление кулинарной культуры Китая через призму ключевых для данной литературной традиции текстов. Не претендуя на полноту, исчерпанность или комплексность в описании особенностей гастрономического дискурса классических произведений китайской литературы, автор делится своими наблюдениями за языком «меню» древнекитайской поэзии и классических романов.

Ключевые слова: китайская кухня, гастрономического дискурса, кулинарная история китайской литературы.

Elena Emelchenkova
Saint Petersburg State University

**A history of food in Chinese literature:
an amateur's overview**

Abstract. A paper provides a short overview of food and its consumption in major canonical literary works from Ancient China to the eighteenth century. Without pretending to be a complete, exhaustive or comprehensive description of the features of the gastronomic discourse of Chinese literature, the author shares his view on the Chinese food language from “Huangdi neijing”, the main guide to good health, through the ancient poetry up to classical novels in Chinese culture.

Keywords: Chinese cuisine, gastronomic discourse, culinary history of Chinese literature.

На протяжении тысячелетий в Китае сложилась одна из наиболее интересных кулинарных традиций, местная кухня считается самой разнообразной до сих пор, а рестораны для широкой публики начали появляться в периоды Чуньцю и Чжаньго [Захарова 1992, 5]. Еда в жизни китайцев всегда занимала первостепенное значение, что, естественно, нашло отражение и в китайском языке, где существует огромное количество лексических единиц, паремий, фразеологизмов в сфере кулинарии, и, конечно, трапеза — важный компонент описания быта в Китае в любой исторический период или на страницах литературных произведений.

Представления о здоровом питании восходят к «Трактату Желтого Императора о внутреннем», в котором был обозначен принцип — «Дашь в пищу злаки, мясо, плоды, овощи и этим завершаешь лечение»

[Трактат 2007, 259], причем основу рациона древних китайцев в I тысячелетии до н.э. составлял не рис, а другие злаки. Очевидно, что речь шла о сбалансированной диете, в которой должны быть представлены все необходимые человеку продукты из разных групп — овощи, фрукты, белок, углеводы. В докладе обсуждаются изложенные в литературе представления древних китайцев о полезных для здоровья человека продуктах, описываются вкусовые предпочтения в еде, называются конкретные виды растений и животных, употребление в пищу которых позволяет поддерживать баланс в организме.

На конкретных примерах из ранних поэтических текстов Китая иллюстрируются пищевые привычки жителей Китая в доханьскую эпоху. И «Ши цзин», и «Чуские строфы» дают интересный материал описания быта, кухонной утвари и способов приготовления пищи в Китае.

Довольно значительное место в поэзии эпохи Тан занимает потребление вина, однако фокус данного исследования смещен именно в сторону кулинарной составляющей, а также сложившейся к тому времени культуре чаепития. Среди поэтов танской и сунской эпох мы находим немало гурманов, не жалеющих своего таланта для описания различных деликатесов китайской и не китайской кухни. Эти зарисовки, например, содержат упоминания об употреблении в пищу копченых крыс и жареных летучих мышей.

Отдельное место отводится кухне и приемам пищи в классических произведениях китайской прозаической литературы. Так, «Речные заводы» не только в полной мере отражают исторический фон соответствующей эпохи, но и описывают персонажей и их мужественный характер, в том числе в разрезе еды и кухни. В романе на примере структуры питания жителей Ляншаньбо четко видно, как к этому времени изменился рацион традиционной кухни в Китае, центральным продуктом которой к сунской эпохе уже вполне мог стать рис, привозившийся с юга по Большому каналу.

Набор мучных продуктов, регулярно упоминающихся в различных сценах романа, содержательно близок к современной китайской кухне. Часто в «меню» романа фигурирует мясо, преимущественно говядина, но ценилась и баранина, есть упоминания рыбных блюд. В любой прием пищи стандартно входило несколько видов овощей, что свидетельствует о сбалансированности диеты и следовании принципам, изложенным в «Нэйцзине».

Отдельный интерес представляет специфика «меню» романа «Сон в красном тереме», который содержит значительные выкладки по культуре питания той эпохи. Исследователи отмечают, что по тексту романа бросается в глаза обилие вымышленных блюд. Появление на обеденных столах несуществующих в китайской кухне угощений, с одной стороны,

призвано подчеркнуть расточительную жизнь семьи Цзя. С другой стороны, это и плод фантазии автора-гурмана, придумывающего и в деталях описывающего сложные блюда. Конечно, есть в романе и реальные кушанья китайской кухни, многие из которых входят в рацион питания современных китайцев.

Очевидно, что литературные произведения — это ценнейший источник данных о кулинарной истории и культуре Китая.

Библиографический список

- Захарова Н. В.* Искусство китайской кулинарии. М.: Издательство МГУ, 1992.
Трактат Желтого императора о внутреннем. В 2 ч. / перевод с кит. Б.Б. Виногородского. М.: Профит Стайл, 2007.

А.В. Игнатенко
**Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)**
Е.С. Пахомова
**Московский городской педагогический
университет (МГПУ)**

**Культурные особенности
китайской литературной антропонимики
в прозе Мосян Тунсю**

Аннотация. Исследование посвящено анализу культурных особенностей китайских антропонимов в литературной ономастике на примере циклов Мосян Тунсю «Магистр дьявольского культа» (墨香铜臭《魔道祖师》*Мосян Тунсю* “*Модао цзюши*”, 2016) и «Благословение небожителей» (《天官赐福》“*Тянь Гуань Цы Фу*”, 2017). Цель работы заключается в выявлении особенностей китайских литературных антропонимов и их связи с китайской культурой. Антропонимика, являясь разделом ономастики, исследующим имена собственные, отражает особенности культурной и языковой среды отдельного региона и этноса. Китайская ономастическая традиция и антропонимика отличаются от русской в языковых традициях и антропонимической системе. В результате исследования сделан вывод, что культурные традиции Китая оказали большое влияние на антропонимику и выбор имен собственных в литературной ономастике. Имена персонажей художественных произведений отражают этнонациональные и культурные особенности Китая.

Ключевые слова: китайская литература, сетература, ономастика, Мосян Тунсю.

Alexander V. Ignatenko
RUDN University
Ekaterina S. Pahomova
**Moscow City Pedagogical
University**

**Cultural features
of chinese literary anthroponymy
in the prose of Moxiang Tongxiu**

Abstract. The study is devoted to the analysis of the cultural characteristics of Chinese anthroponyms in literary onomastics using the example of the cycles of Moxiang Tongxiu “The Master of the Devil Cult” (2016) and “The Blessing of the Celestials” (2017). The purpose of the work is to identify the features of Chinese

literary anthroponyms and their connection with Chinese culture. Anthroponymy, being a section of onomastics that studies proper names, reflects the peculiarities of the cultural and linguistic environment of a particular region and ethnic group. The Chinese onomastic tradition and anthroponymy differ from the Russian in linguistic traditions and the anthroponymic system. As a result of the study, it was concluded that the cultural traditions of China had a great influence on anthroponymy and the choice of proper names in literary onomastics. The names of the characters in the works of art reflect the ethnonational and cultural characteristics of China.

Keywords: Chinese literature, set literature, onomastics, Moxiang Tongxian.

В исследовании приведен анализ культурных особенностей китайских имен собственных на примере циклов Мосян Тунсю «Магистр дьявольского культа» (墨香铜臭《魔道祖师》*Мосян Тунсю* “*Модао цзюши*”, 2016) и «Благословение небожителей» (《天官赐福》“*Тянь Гуань Ци Фу*”, 2017), а также рассмотрено влияние китайской культуры на антропонику. Данные произведения относятся к китайской сетературе (网络文学 *ванло вэньсюэ*), которая в последние годы набирает популярность [Игнатенко 2019]. Произведения Мосян Тунсю были переведены на английский, испанский, японский, тайский и другие языки. В настоящее время циклы также активно издаются в России. На данный момент отсутствуют отдельные научные работы, посвященных ономастическим особенностям и выбору имен собственных в прозе Мосян Тунсю. Таким образом, цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей китайских литературных антропонимов и их связи с китайской культурой.

Во многих культурах имя собственное носит культурный и социальный смысл. Культура имени в Китае особо развита, что связано с открытым списком имен. Имя человека в китайском языке может отражать добрые пожелания и надежды родителей на будущее ребенка, влиять на его судьбу, определять характер и т.д. [Игнатенко, Кондратова 2022]. Имена персонажей в художественном тексте относятся к категории антропонимов и включают в себя полные и сокращенные имена, клички, прозвища, никнеймы и пр. В отдельных случаях частью имени героя художественного произведения также может являться его титул или должность. Литературная ономастика рассматривает имя собственное как один из ключевых элементов художественного произведения и самоценный объект филологического анализа [Бельская 2011].

Литературная ономастика изучает онимы, не имеющие реального денотата, соответственно имя персонажа художественного произведения соотносится не только с художественной действительностью, но и с объективной, в том числе со временем написания произведения, прототипами поэтонимов и литературным контекстом конкретного художественно-

го произведения. Китайская ономастическая традиция значительно отличается от русской, так как сильно отличаются антропонимические системы. В русской ономастике антропоним состоит из имени, фамилии и отчества, а также может включать в себя прозвища и уменьшительно-ласкательные формы имени; в то время как в китайских антропонимах отсутствует категория отчества, а сам антропоним помимо имени и фамилии может включать *ши*, *цзы*, прозвища и псевдонимы [Спешилова 2022, 417].

В ходе данного исследования были проанализированы несколько интервью с писательницей Мосян Тунсю, в которых она, в том числе, затрагивала вопрос выбора имен собственных для персонажей и названий отдельных глав произведений. На вопрос о выборе имени для книг и главных героев Мосян Тунсю прокомментировала, что «их названия мне помогает выбрать сердце, а имена героев — интуиция» [Перевод интервью]. Автор отмечает, что обычно она сначала придумывает героев, прописывает особенности их характера и только потом выбирает им имя. Например, рассказывая о создании главных героев «Магистра дьявольского культа» Лань Ванцзи (蓝忘记) и Вэй Усяня (魏无羨) [Игнатенко 2024], Мосян Тунсю вспоминает, что написала описание каждого из них более чем на тысячу иероглифов, прежде чем дать им имена. Таким образом, выбор имен собственных в веб-новеллах не случаен и основывается на характерах героев и культурных традициях Китая.

В результате исследования сделан вывод, что культурные традиции Китая оказали большое влияние на антропонимику и выбор имен собственных, как в реальной ономастической традиции, так и в литературной ономастике. Имена персонажей художественных произведений отражают культурные особенности Китая в целом и эпохи, в рамках которой ведется повествование в частности.

Библиографический список

Бельская А.А. Имя Наталья в контексте романа И. С. Тургенева «Рудин» и те-зоименные героини А. С. Пушкина / А. А. Бельская // Ученые записки Орловско-го государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2011. № 6 (24). С. 177—186.

Игнатенко А.В. Особенности становления и перспективы развития сетевой литературы в Китае // Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики. М.: МГИМО, 2019. С. 172—174.

Игнатенко А.В. Художественные особенности китайской сетевой литературы на примере веб-романа Мосян Тунсю «Магистр дьявольского культа» (2016) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2024. Т. 16 № 1. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/17789> (accessed: 01.04.2024).

Игнатенко А.В., Кондратова Т.И. Введение в китайскую литературу: от древности до наших дней. М.: ВКН, 2022. 448 с.

Спешилова Е.И. Проблема референции имен собственных: дескриптивный и каузальный подходы // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 4—2. С. 416—430. DOI 10.17212/2075-0862-2022-14.4.2-416-430

FSG COMEBACK. Перевод интервью с Мосян Тунсю — 2019. URL: <https://docs.google.com/document/d/1CdYiCg5cZusUDrEw3fHhFdTKDjcB7rthd9OzmjwTkes/edit#heading=h.itrl3aiaasnmg> (дата обращения: 10.11.2023).

П.А. Комаровская
СПбГУ

Женская образность в народных песнях региона Гуаньчжун (пров. Шэньси, КНР)

Аннотация. Материалом для исследования служат народные песни региона Гуаньчжун, которые относятся как к нашему времени, так и к более ранним периодам. Непосредственным источником материала стал сборник «Старинные песни Гуаньчжуна» (ред. Цзун Минъань), изданный в Сиане в 2014 г. Большая часть песен из сборника так или иначе касается женщин и их жизни. В этих произведениях заложена информация о материальной культуре, диалектных особенностях, этнопсихологии, ритуалах, обычаях региона. В основном эти песни имеют лирическое и юмористическое по характеру содержание, они посвящены любви, деторождению, детям, семейной жизни и многим другим аспектам жизни женщин. Песни исполнялись как в сольном, так и в хоровом формате. Несмотря на особенности диалекта *чжунъюань*, на котором говорят в Гуаньчжуне, стихи в целом просты и понятны. Большим подспорьем стали комментарии, которыми снабжено почти каждое произведение в сборнике. Автором доклада был сделан стихотворный перевод ряда песен. При переводе главной сложностью стала передача ритма и лаконичности, присущей народным стихам. Поскольку каждую песню необходимо изучать отдельно, стихотворный перевод позволяет пристальнее и внимательнее изучить культуру Гуаньчжуна.

Ключевые слова: народные песни, женские образы, КНР, Гуаньчжун.

Polina Komarovskaya
St. Petersburg State University

Female imagery in folk songs the Guanzhong region (Shaanxi Province, China)

Abstract. The research material is folk songs of the Guanzhong region, which relate both to our time and to earlier periods. The direct source of the material was the book “Ancient Songs of Guanzhong” (edited by Zong Ming’an), published in Xi’an in 2014. Most of the songs from the collection relate to women and their lives in one way or another. These works contain information about material culture, dialect features, ethnopsychology, rituals, and customs of the region. Basically, these songs have a lyrical and humorous content; they are dedicated to love, childbirth, children, family life and many other aspects of women's lives. The songs were performed both in solo and choral formats. Despite the peculiarities of the Zhongyuan dialect spoken in Guanzhong, the poems are generally simple and understandable. The comments provided with almost every work in the collection

were a great help. The author of the present paper made a poetic translation of some of the songs. When translating, the main difficulty was conveying the rhythm and brevity inherent in folk poetry. Since each song must be studied separately, the verse translation allows a closer and more attentive study of Guanzhong culture.

Keywords: folk songs, female images, PRC, Guanzhong.

Регион Гуаньчжун 关中 находится в центральной части пров. Шэньси (КНР). Автор доклада на протяжении нескольких лет изучает материальную культуру Гуаньчжуна, и обращение к женской теме в народных песнях стало органичным продолжением этих исследований.

Источником для изучения народной песенной поэзии Гуаньчжуна стал сборник «Старинные песни Гуаньчжуна» [宗鸣安 Цзун мин ань 2014]. В нем представлено более 200 стихотворений с комментариями. Жители Гуаньчжуна говорят на диалекте из подгруппы *чжунъюань* 中原 («Центральной равнины»), который имеет некоторые отличия от стандартного китайского [Завьялова 2018, 4—9]. Это вызывает некоторые сложности в понимании песен, хотя в целом их язык предельно прост.

Мной был сделан стихотворный перевод избранных песен о женщинах. Китайские стихи имеют особенности, которые невозможно передать на русском языке. Их описал Л. Н. Меньшиков: это китайское стихосложение (чередование тонов), китайский тип рифмы, односложность китайских слов [Меньшиков 2023, 5—35].

В стихотворных переводах народных песен наиболее сложными аспектами оказались передача ритма и лаконичности, которые характерны для народной песенной поэзии в целом. На первый план вышли передача смыслов, оттенков и чувств, заложенных в стихах. Некоторые малопонятные для российского читателя понятия пришлось заменить на более простые и общие.

Каждое произведение необходимо рассматривать отдельно. В качестве примера приведем песню «Вечно правая» (常有理 *Чан юли*), которая представляет собой диалог с ленивой невесткой. Подобными юмористическими песнями о нерадивых женщинах обычно успокаивали плачущих детей. Характер девушки передается через ответы на вопросы.

Почему сидишь без света?

Оттого, что дует ветер!

Что прическа в беспорядке?

Нету масла для укладки!

Почему лицо не мыто?

Нет ни мыла, ни корыта!

Отчего цветов не носишь?

Оттого, что муж не просит!

В дом зачем открыла вход?

Там снаружи есть народ!

(перевод мой: П.К.)

你为什么 не点灯? 外面刮大风! Почему не зажжешь свет? — Снаружи сильный ветер!

为什么不梳头? 莫有桂花油! Почему не причесываешься? — Нет масла османтуса!

为什么不洗脸? 莫有胰子硷! Почему не умываешься? — Нет мыла! (прим.: Здесь диалектизм)

为什么不戴花? 丈夫不在家! Почему не носишь цветов? — Мужа нет дома!

为什么不关门? 外面还有人! Почему не закроешь дверь? — Снаружи люди!

В песнях женские образы представлены метко и лаконично, часто используются иносказания. Данный материал может служить источником для изучения народной культуры, диалектных особенностей и этнопсихологии.

Библиографический список

«Жемчужного дерева ветви из яшмы...» / Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова. Предисловие переводчика. СПб.: Азбука, 2023.

Завьялова О. И. Диалектные границы на Шелковом пути в Китае // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. Т. 1. № 6. 2018. С. 4—9.

宗鸣安: 关中旧歌谣。 [Цзун Минъань. Старинные песни Гуаньчжуна]. — 西安: 陕西人民出版社, 2014.

А.Н. Коробова
Институт Китая и современной Азии РАН

**Перо и кисть Фэн Цицай: роль живописи эпохи Сун
в становлении художника и писателя**

Аннотация. Фэн Цицай — один из самых известных современных китайских писателей, он известен также как художник и каллиграф. В данном докладе рассматривается становление Фэн Цицай как художника. Мы полагаем, что юношеское увлечение живописью эпохи Сун, особенно монохромными пейзажами тушью, в значительной степени повлияло на стиль живописи самого Фэн Цицай (он работает в жанре пейзажа преимущественно тушью и цветными водяными красками) и предопределило живописную палитру его прозы.

Ключевые слова: Фэн Цицай, современная китайская литература, живопись эпохи Сун.

Anastasia N. Korobova
Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences

**Pen and brush of Feng Jicai: the role of Song Dynasty painting
on his formation as an artist and a writer**

Abstract. Feng Jicai is one of the most famous contemporary Chinese writers, he is known also as an artist and calligrapher. This paper examines the background for the formation of Feng Jicai as an artist. We believe that the youthful fascination with Song Dynasty painting, especially monochrome ink landscapes, greatly influenced the formation of Feng Jicai as a landscape artist working mainly in ink and colored water paints, it also predetermined the picturesque palette of his prose.

Keywords: Feng Jicai, contemporary Chinese literature, Song Dynasty painting.

Формирование Фэн Цицай 冯骥才 как художника-пейзажиста предопределило юношеское увлечение живописью эпохи Сун, особенно монохромными пейзажами тушью.

Немалую роль в этом сыграл пекинский художник и коллекционер произведений живописи Хуэй Сяотун 惠孝同 (наст. имя Хуэй Цзюнь 惠均, 1902—1979), с которым семья Фэнов состояла в дальнем родстве. По воспоминаниям Фэн Цицай, он часто гостил у художника в детстве в его доме в Большом переулке сладкой воды неподалеку от улицы Ванфуцзин. В доме Хуэй Сяотуна ему довелось увидеть старинные свитки, в частности, одну из самых известных работ Ван Шэня (1037/1048—1093/1104)

«Рыбачья деревня под первым снегом» (в настоящее время хранится в Музее Гугун, Пекин), «Четыре радости» Люй Цзи (1477—?) (в настоящее время хранится в Музее Гугун, Пекин) и «Зимний лес» Го Си (1020—ок. 1085) (в настоящее время хранится в Нац. музее Гугун, Тайбэй). У Хуэй Сяотуна Фэн Цицай учился характерным для Южной пейзажной школы видам штриховки, таким как «растрёпанные листья конопли» (披麻皴 *пимацунь*) и «распущенная веревка» (解索皴 *цзесоцунь*).

По мере взросления юноши встал вопрос о выборе будущей профессии. По воспоминаниям писателя, когда ему было лет четырнадцать-пятнадцать, он попросил родителей найти ему частного учителя живописи. Его мать остановила свой выбор на известном в ту пору тяньцзиньском художнике и каллиграфе Янь Люфу 严六符 (1908—1993). Янь Люфу, учившийся в свое время у выдающегося мастера *гохуа*, директора Тяньцзиньской художественной галереи Лю Цзыцю 刘子久 и известного тяньцзиньского художника Чэнь Шаомэя 陈少梅, обучал Фэн Цицай живописи Северной пейзажной школы (北宗山水 *бэй цзун шаньшуй*). Учителя Фэн Цицай придерживались разных школ живописи (Янь Люфу — Северной, а Хуэй Сяотун — Южной), что в совокупности, по словам писателя, позволило ему «прикоснуться к пейзажу эпохи Сун как единому целому».

В 1962 в еженедельном приложении к «Тяньцзиньской ежедневной газете» был опубликован его рисунок «Каменный мост монастыря Биюньсы», что стало огромной радостью для начинающего художника. В 1963 г. он был принят в Студию каллиграфии и традиционной китайской живописи *гохуа* Союза художников Тяньцзиня (天津美术家协会的国画研究会 *Тяньцзинь мэйшуйцзя сехуэйдэ гохуа яньцзю хуэй*). В студии он обучался технике монохромной живописи, копируя пейзажи, выполненные тушью на шёлке выдающимися мастерами эпохи Сун — таких, как Фань Куань 范宽 (?—1031), Ма Юань 马远 (1140—1224), Го Си 郭熙 (1020—1090), Чжан Цзэдуань 张择端 (XII в.), Су Ханьчэнь 苏汉臣 (XII в.) и др. (повторение и копирование классических свитков (临摹 *линмо*) издавна считалось в Китае обязательным этапом обучения живописи). Не получив профессионального художественного образования, он стал, тем не менее, профессиональным художником — отчасти благодаря студии, отчасти благодаря частным урокам у известных художников.

Особо отметим тот факт, что эпоха Сун (960—1279) — период расцвета китайской классической живописи, когда многие художники стали отдавать предпочтение монохромной живописи, особенно монохромному пейзажу. Из упомянутых художников Фань Куань, например, известен особыми текстурными мазками тушью и многослойной тушевой размывкой; в работах Ма Юаня обыгрывается «пустотность» 空间感 *кунцзянь гань* (незаполненность шелкового свитка или едва заметные размывы

туши на его поверхности), он известен также оригинальными техниками нанесения туши. С нашей точки зрения изучение стиля этих средневековых художников в значительной степени повлияло на стиль живописи самого Фэн Цицая (он работает в жанре пейзажа преимущественно тушью и цветными водяными красками) и, как следствие, предопределило его цветовые предпочтения и в живописи, и в литературе.

Библиографический список

Белозёрова В.Г. Традиционная техника живописи на свитках // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. + доп. том / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М. : Вост. лит., 2006 [Т. 6 (дополнительный) :] Искусство / ред. М.Л. Титаренко и др. 2010. С. 145—150.

Виноградова Н.А. Китайская пейзажная живопись. М., Изобразительное искусство. 1972. 160 с.

王爱红. 诗画天下之魅 — 冯骥才先生访谈 / 冯骥才 : 文人画自白 [Ван Айхун. Пленительность Вселенной живописи и поэзии — Интервью с Фэн Цицаем / Фэн Цицай. Исповедь художника-интеллектуала]. — Пекин:文化艺术出版社. Пекин, 2007. С. 65—83.

冯骥才. 生命经纬 (上、下册)。《时光倒流七十年》 [Фэн Цицай. Уток и основа жизни. В 2-х тт. Т. 1. Время течет вспять на 70 лет]. 生活·读书·新知三联书店 — Пекин, 2012.

大树画馆 : 1993—2015. 天津, 天津大学冯骥才文学艺术研究院 [Художественная галерея Дашу: 1993—2015]. [Художественный альбом] Тяньцзинь, 2015.

Ли Синьмэй
Фуданьский университет

**Перевод и исследование Белинского в Китае
в связи с национальным проектом Китая
«Перевод и исследование Полного собрания
сочинений Белинского»**

Аннотация. В. Г. Белинский как основатель теории и критики реализма в русской литературе и искусстве оказал большое влияние на китайскую философию не только в прошлом, его произведения вызывают интерес и сегодня. Данная статья анализирует сто с лишнем лет истории перевода и исследования Белинского в Китае — с начала XX века по сегодняшний день, — а также знакомит с национальным проектом Китая «Перевод и исследование Полного собрания сочинений Белинского», выполняемого под руководством автора данной статьи.

Ключевые слова: В.Г. Белинский, Китай, перевод, исследование.

Li Xinmei
Fudan University

**Translation and Research on Belynsky
in China—Discussion on the Chinese National Project
“Translation and Research of Belynsky’s Complete Works”**

Abstract. V.G. Belinsky, as the founder of the theory and criticism of realism in Russian literature and art, has exerted significant influence not only in China’s past but also in the present day. This article analyzes over a hundred years of the translation and study history of Belinsky in China from the early 20th century to the present day. It also introduces China’s national project “Translation and Study of the Complete Works of Belinsky” under the authorship of the author of this article.

Keywords: V.G. Belinsky, China, Translation, Study.

Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848), как основатель теории и критики реализма в русской литературе и искусстве, оказал значительное влияние по всему миру, в особенности в Китае.

Перевод и исследования Белинского в Китае начались на заре XX века и продолжают по сегодняшний день, пережив четыре периода. Первый период — с начала XX века до создания КНР. В это время впервые стали упоминать имя Белинского, его литературную критику и место в истории русской литературной критики. Первым относительно глубоко

ким исследованием стала монография Цю Цюбай «История русской литературы» (1921—1922). А в 1936 году Ван Фаньси перевел и опубликовал первый в Китае сборник работ Белинского и в предисловии к изданию высоко оценил место Берлинского в истории русской литературной критики.

Второй период — с момента основания КНР до начала Культурной революции. В строительстве литературной теории Нового Китая срочно было изучать и переводить марксистскую литературную теорию, поэтому в 50-х и 60-х годах XX века произошел подъем в переводах и исследованиях трудов Белинского. В 1952 году в Китае впервые появились двухтомные «Избранные сочинения Белинского», переведённые Мань Тао. А в 1958 — «Выбранные работы Белинского по литературе», переведённые Лян Чжэном. Издание этих переводов стимулировало исследования Белинского в Китае. Однако китайские академические круги того времени воспринимали идеи Белинского через фильтр и переосмысление современной советской академической общественностью, подчеркивая их революционность и классовость, но утрачивая системность, полноту и даже оригинальность.

Третий период — с начала политики реформ и открытости до конца 90-х годов. Культурная революция в Китае привела к прерыванию исследования Белинского, но в конце 80-х годов произошло кратковременное возрождение. В 1979 году в Китае не только переиздали двухтомный перевод Мань Тао «Избранные сочинения Белинского», но и опубликовали его перевод последующих третьего и четвертого томов в 1980 и 1991 годах соответственно. В статьях, монографиях и учебниках по литературной теории и критике литературы вновь вспоминались и обсуждались работы Белинского, рассматривались вопросы его концепций о реализме, типичности, народности, образном мышлении и т.д. В общем, исследования 80-х годов, по сравнению с 50-ми, становятся все менее насыщены следами классовых позиций и даже возникают конструктивные академические дискуссии. В 90-е годы исследования Белинского в Китае переживали спад. С одной стороны, это связано с тем, что в конце 80-х годов в китайские университеты хлынули западные литературные направления и теории. С другой стороны, уход «классовой борьбы» в Китае сделал боевой стиль критики Белинского неактуальным для китайского общества.

Четвёртый период — с начала XXI века по настоящее время. В новом веке китайская научная общественность начала осмыслять влияющийся из-за рубежа литературные теории и направления в XX веке и отбирает те, что может быть полезным для Китая. Литературные идеи Белинского, как часть марксистской литературной теории, снова привлекают внимание китайских ученых. Так что в 2005 и 2006 годах появились пятый и шестой тома перевода «Избранных сочинений Белинского», продолжен-

ного Синь Вэй-ай после смерти Мань Тао. Академическая общественность также перечитывает Белинского с новой перспективой и новыми методами.

Анализ столетней истории изучения Белинского в Китае позволяет выявить две проблемы. Во-первых, в переводе трудов Белинского на китайский язык на данный момент имеется только шеститомное издание «Избранные сочинения Белинского», а также отдельное издание, сосредоточенное на некоторых известных литературных критических статьях Белинского. Более того, эти переводы имеют различные недостатки, такие как устаревшие способы перевода имён людей, названий мест и различных терминов, а также нестандартное оформление и форматирование текста по сегодняшним критериям. Во-вторых, в изучении литературной концепции Белинского, до середины XX века исследователи в основном фокусировались на его биографии, литературной деятельности, социуме его эпохи, его общественных мыслях и взглядах, но было мало глубоких и систематических исследований его литературной концепции. С середины XX века изучение Белинского в Китае становилось глубже, но многие работы имели явные идеологические установки. С начала XXI века изучение Белинского в Китае приобретает новый метод и новую перспективу, но недостает системного и всестороннего изучения его литературной концепции.

В связи с вышесказанным мы с 13 китайскими русистами вместе подали заявку на проект «Перевод и изучение полного собрания сочинений Белинского» в Китайский государственный фонд социальных наук в 2022 году и получили грант. Эти 13 русистов в основном являются преподавателями из различных вузов и редакторами из издательств Китая. Мы будем вместе выполнять задачу по переводу и исследованию полного собрания сочинений Белинского.

Содержание данного проекта включает две части. Первая часть — перевод «Полного собрания сочинений Белинского» в 13 томах, изданного Академией наук СССР в период с 1953 по 1959 год. 13 участников нашего проекта будут переводить этот сборник по одному тому на человека. Кроме того, мы также специально пригласили русского китаиста В.Б. Виногородскую как нашего консультанта в переводе.

Вторая часть проекта посвящена исследованию литературной концепции Белинского. В этой части предполагается осуществить всестороннее, системное и глубокое изучение его литературно-художественной мысли, учитывая его биографию и следуя динамике его социальных и философских взглядов. И в конечном счете получится монография под названием «Литературно-художественная мысль Белинского».

В общем, данный проект через перевод полного собрания сочинений Белинского и изучение его литературной концепции направлен на всесто-

роннее понимание истинного облика литературной критики и теории Белинского, а также на выявление идей и положений, полезных для строительства современной китайской марксистской литературной критики.

Данный проект имеет уникальное научное и практическое значение. Систематическое и углублённое исследование литературной мысли Белинского может служить основой для развития современной марксистской литературной теории в нашей стране. Кроме того, перевод полного собрания сочинений Белинского может дополнить и обновить имеющиеся у нас переводы, исправить недостатки существующих переводов и предоставить материалы для полного понимания и изучения мысли Белинского. Результаты данного проекта также имеют руководящее значение для творчества китайских литераторов, для литературной критики китайских коллег, а также для преподавания русской литературы в Китае.

Библиографический список

Бодров А.А., Чумак В.Г. Эстетическая теория В.Г. Белинского в контексте общественной жизни России XIX века. Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2013.

Лаврецкий А. Эстетика Белинского. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.

Плеханов Г.В. Литературные взгляды В.Г. Белинского // Новое Слово. 1897. № 10 и № 11.

Пытин А.Н. Белинский, его жизнь и переписка. СПб.: Вестник Европы, 1876.

Сенчин Р.В. Конгревова ракета // Урал. 2011. № 6.

Стрельцов В.И. В.Г. Белинский о типологических связях русской и европейской литератур в контексте исторической компаративистики. Москва: Изд-во Московского ин-та духовной культуры, 2008.

Чернышевский Н.Г. Очерки Гоголевского периода русской литературы // Современник. 1855. № 12; 1856. № 1, 2, 4, 7, 9—12.

陈建华:中国俄苏文学研究史论(四卷),重庆:重庆出版社,2007.

程正民:别林斯基文学批评的当代启示//中国文艺评论.2019年,第3期,第4—16页.

段楚英:评别林斯基的创作方法理论//外国文学研究.1996,第4期,第109—111页.

李燃青:别林斯基的现实主义文学思想//宁波师专学报(社会科学版).1982年,第3期,第31—39页.

刘文飞:别林斯基与果戈理的书信论战//外国文学评论.2006年,第1期,第12—22页.

马莹伯:别、车、杜文艺思想论稿,北京:文化艺术出版社,1986.

季明举:哲学与美学的联动:别林斯基的历史面孔//俄罗斯文艺.2015年,第3期,第43—50页.

彭甄：别林斯基批评话语中的《当代英雄》//俄罗斯文艺.2016,第 1 期,第 82—87 页.

任光宣:分歧由何而来?——评别林斯基与果戈理就《与友人书简选》一书的论争//俄罗斯文艺,2001,第 3 期,第 36-42+47 页.

王志耕:两种文化视力的博弈——再论果戈理与别林斯基之争//河南大学学报(社会科学版),2014 年 3 期,第 1—12 页.

温儒敏:当代文学思潮中的“别、车、杜现象”//读书,2003,第 11 期,第 36—43 页.

阎国栋:别林斯基的中国观及其与俄国汉学的关系//俄罗斯研究,2017 年,第 4 期,第 148—167 页.

张春吉:别林斯基的文学民族化理论//厦门大学学报(哲学社会科学版),1986 年第 1 期,第 137—143 页.

朱建刚:徘徊在审美与功利之间——论别林斯基之后俄国文学批评之争//外国文学评论,2011 年第 4 期,第 153—163 页.

Лю Ядин

Сычуаньский университет

**Современные российские писатели
и традиционная китайская культура**

刘亚丁

四川大学文学与新闻学院、
当代俄罗斯研究中心

当代俄罗斯作家与中国传统文化

摘要: 20 世纪 80 年代以来俄罗斯文学进行着新文学的建构, 中国传统文化对俄罗斯文学的影响有迹可循, 本文对塑造李白形象的《秉烛夜游客》和《回归太白》做了述评。另一些俄罗斯作家以大量的中国传统文化元素与俄罗斯文化相拼贴, 分析了“欧亚交响曲”系列小说、《2008》和《阿狐狸》等作品的特点、作者意图和读者接受心理。俄罗斯作家对中国传统文化利用与想象成果不少, 回归“哲人之邦”套话的趋向的明显的。

关键词:俄罗斯作家 中国传统文化 小说 哲人之邦

Liu Yading

**The College of Literature and Journalism
of Sichuan University, Research Center
of Contemporary Russian of Sichuan University**

**Contemporary Russian Writers
and Traditional Chinese Culture**

Abstract. Since the 1980s, Russian literature has been undergoing the construction of new literature, and the influence of traditional Chinese culture on Russian literature can be traced. This article provides a commentary on the portrayal of Li Bai's characters in “A Candlelight Traveler” and “Return to Taibai”. Other Russian writers have combined a large number of traditional Chinese cultural elements with Russian culture, which can be observed on the basis of analyzing the characteristics, author intentions and psychology of reader's perception of the, “2008”, “A Fox” and series of novels “Eurasian Symphony”. Russian writers have made many achievements in mastering and understanding traditional Chinese culture, and there is a clear trend towards returning to the cliché of “the land of philosophers”.

Keywords: Russian Writers, Chinese Traditional Culture, Novels, the land of philosophers.

20世纪80年代以来俄罗斯文学进行着新文学的建构，中国传统文化对俄罗斯文学的影响有迹可循，但中俄的学者都对此未曾留意。部分俄罗斯当代作家对中国传统文化表现出浓厚的兴趣，他们在自己的小说诗歌创作中，汲取中国传统文化的营养，借以想象出自己文学作品的中土人物、奇情异趣、东方色彩。当代俄罗斯作家笔下的中国传统文化因素的书写尚未成为中俄学者关注的对象。本文对塑造李白形象的《秉烛夜游客》和《回归太白》做了述评，并指出俄罗斯作家对庄子和老子的曲解。另一些俄罗斯作家以大量的中国传统文化元素与俄罗斯文化相拼贴，分析了“欧亚交响曲”系列小说、《2008》和《阿狐狸》等特点、作者意图和读者接受心理。俄罗斯当代作家利用中国传统文化来构建中国形象，回归了俄罗斯18世纪末“中国是‘哲人之邦’”的套话，既具有当下的针对性，又折射出“新欧亚主义”的观念，俄罗斯作家对中国传统文化的书写有自己的问题意识和出发点，但他们在俄罗斯传播中国传统文化的作用不应低估。

一、对中国文化英雄的领悟与曲解

В.瓦耳扎佩强(В.Варжапетян)的中篇小说《秉烛夜游客》，作者构思巧妙：将李白风流得意的岁月略过不表，径直以身陷死囚囹圄的李白给儿子的“绝笔”作开端，从这里开始倒叙李白平生的几个关键时刻。在作家的叙述中颇多精彩之笔，如李白在高力士家吟诗的场景。这边李白口吟笔录其诗：“夜宿峰顶寺，举手扪星辰。不敢高声语，恐惊天上人”；那边高力士说道：“您写罢，在下不敢惊动天上人，天子是敢惊动天上人的。您的信怕是会让天子伤感的。”真是极好的机锋，与李白的诗对照读，绝类禅宗话头。玄宗读罢《陈情表》果然生出一番感慨：“被冤判死刑者，既请求宽恕，又对法暗怀幽怨，国有此类人，犹果之有虫豸。莫非天下少一骚客，则歌诗蒙难，诗法溃散”，他的内心话语中最令人拍案的当是：“为文有规必死，治国无法则亡(В литературе есть правила—гибнет литература, а в государстве нет правил—государство гибнет.)。”

诗仙李白之歿，我国方家、坊间说法不一，或曰醉死，或曰捉月溺死，或曰腾空而去。俄罗斯作家С.托洛普采夫(С.А.Торопцев)在这几种说法之外，又想象了李白回归太白的新结局。在著作《回归太白》中，李白年迈体衰，潦倒落魄，客居其叔父李阳冰府上。С.托洛普采夫巧妙

地将李白的诗歌作品自然地穿插在对主人公行动、情绪的叙述中。昨天李白刚刚给叔父写了一首诗，就像留下遗嘱一样：“大鹏飞兮振八裔，中天摧兮力不济。余风激兮万世，游扶桑兮挂石袂。后人得之传此，仲尼亡兮谁为出涕！”兰陵美酒将尽，轻风送来天上的蜀乐，李白被接到了天上。

二、中国传统文化因素的奇幻拼贴

一些当代俄罗斯作家采用后现代的拼贴手法，杂取中国传统文化的若干要素，与俄罗斯文化相拼贴，借以想象出文化交融的虚拟时空。最引人注目的，当数笔名为霍利姆·王·扎伊奇克（Хольм ван Зайчик）的作者推出的系列小说“欧亚交响曲”（Евразийская симфония）、谢·多连科（Сергей Доренко）的长篇小说《2008》和维·佩列文（Виктор Пелевин）的长篇小说的《阿狐狸》。

姑且将扎伊奇克的“欧亚交响曲”系列小说称之为“玄幻公案小说”。目前该系列已经出版了三卷七部（第一卷：《媚狐案》《胜猴案》《狄猫案》；第二卷：《贪蛮案》《游僧案》《伊戈尔远征案》；第三卷《不熄明月案》）。在该系列小说中，作者想象了一个巨大的奥尔杜斯（Ордузь）帝国，它是作者生造的一个新词，以金帐汗国（Орда）和古代俄罗斯的名称“露西（Русь）”相叠加，构成了一个新国名。在作者虚拟的历史时空中，13世纪60年代古露西大公亚历山大·涅夫斯基与拔都的儿子议定将金帐汗国和古露西合为一个统一的国家，实行统一的法律，稍后中国也加入其中。于是出现了一个巨大的帝国，其东部的首都为汉八里（即北京）、中部的首都是哈拉和林、西部的首都是亚历山大里亚·涅夫斯卡亚（即彼得堡）。在这个巨大的国家里东正教堂的金顶同佛塔和清真寺庙交相辉映，城中心必定有孔庙，当人们遇到精神道德难题时，必定要到那里求教。系列小说中有两个中心人物：一个是“郎中”、对外侦察局长、剑客巴加都尔·洛鲍，另一个是检察长鲍格丹·鲁霍维奇·欧阳采夫—修。他们搭档，破获了一起起怪案。几乎每部小说都充满了奇异的不同的文化文本的交汇。在各种文化的交汇中，中国传统文化的元素以不同的方式融入其中。

维·佩列文2005年出版的长篇小说《阿狐狸》值得关注。在这部小说中，名为阿狐狸的莫斯科高级妓女以第一人称来讲述其经历。据阿狐狸说：“我们狐狸，不像人，不是生出来的。我们来自天上的石头，同《西

游记》的主人公孙悟空是远亲。”她还说，她在历史中没有留下任何痕迹，但在莫斯科“院士”书店里可以买到干宝的《搜神记》，在那里有“王灵孝被阿紫狐引诱”的记载，这就是阿狐狸之前身。作品还以通信的方式引入了阿狐狸的姐妹叶狐狸和易狐狸的经历。为了增添中国元素，小说的封面还有用毛笔写的中国字“阿狐狸”。《阿狐狸》所包含的中国传统文化的元素很多。

三 俄罗斯作家对中国传统文化的利用与想象成果不少，他们对中国文化的理解有深有浅，但回归“哲人之邦”套话的趋向的明显的。俄罗斯当代作家利用中国传统文化来构建中国形象，回归了俄罗斯 18 世纪末“中国是‘哲人之邦’”的套话。在中俄开始交往之后的岁月里，俄罗斯的中国想象以 3 种基本套话相继出现，如 18 世纪末的“哲人之邦”、19 世纪-20 世纪前半叶的“衰朽之邦”、20 世纪 50 年代至 60 年代初的“兄弟之邦”。当代俄罗斯作家作品中呈现出的中国形象是以中国传统文化为核心的，因而跳过前两种套话，回复了 18 世纪末俄罗斯所构建的“哲人之邦”的套话。但这不是简单地重复过去，而是折射出当今俄罗斯知识分子的新认知。中国经济转型的成功进行，使一些俄罗斯知识分子认识到中国传统文化不但是与现代化相对立的，反而成了现代化的促进因素。“哲人之邦”的中国形象实际上成了当下俄罗斯现实的某种参照物。

参考文献目录

Варжапетян В. Путник со свечой // Повести о Ли Бо, Омаре Хайяме, Франсуа Вийоне. М.: Книга, 1987.

Торопцев С. Возвращение к Великой Белизне // Литературная газета, № 16 (5831) 18—24 апреля 2001 г.

Книга о великой белизне. Составитель С.А. Торопцев. М.: Наталис, 2002.

Пелевин В. А. Хули. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2005.

Хольм ван Зайчик. Дело жадного варвара. Дело незалежных дервишей. Дело о полку Игоре. СПб.: Азбука-классика, 2005.

Хольм ван Зайчик. Дело непогашенной луны. СПб.: Азбука-классика, 2005.

Е.И. Митькина
СПбГУ

**Переводы западных детективов в начале XX века
и их влияние на становление жанра в Китае**

Аннотация. Данная статья посвящена первым переводам детективных произведений европейских и американских писателей, которые появились в конце XIX — начале XX вв. Они стали вдохновением для китайских переводчиков, которые начали пробовать себя в детективном жанре. Переводная литература серьезно повлияла на ранние произведения детективного жанра в Китае в первой половине XX века.

Ключевые слова: китайская литература, китайская литература XX века, китайский детектив, Артур Конан Дойль, Морис Леблан, Эдгар Аллан По, Чэн Сяоцин, Сунь Ляохун.

Evgenia Mitkina
Saint Petersburg State University, SPbU

**Translations of Western detective stories at the beginning
of the twentieth century and their influence
on the development of the genre in China**

Abstract. This article is devoted to the first translations of detective works by European and American writers that appeared in the late 19th and early 20th centuries. They became an inspiration for Chinese translators who began to try their hand at the detective genre. Translated literature seriously influenced the early works of the detective genre in China in the first half of the twentieth century.

Keywords: Chinese literature, Chinese literature of the 20th century, Chinese detective story, Arthur Conan Doyle, Maurice Leblanc, Edgar Allan Poe, Cheng Xiaoqing, Sun Liaohong.

С конца XX века детективный жанр стал доминировать среди переводной литературы в Китае. Данная статья анализирует влияние переводов западных детективов на становление и развитие жанра в Китае, уделяя особое внимание творчеству Артура Конан Дойля (1859—1930, Arthur Conan Doyle), Мориса Леблана (1864—1941, Maurice Leblanc) и Эдгара Аллана По (1809—1849, Edgar Allan Poe).

Произведения А.К.Дойля, особенно истории о Шерлоке Холмсе, были чрезвычайно популярны в Китае. Переводчик Чэн Сяоцин (程小青, 1893—1976), вдохновленный ими, сам начал писать детективные романы с персонажем Хо Саном, напоминающим Шерлока Холмса.

Повести о благородном воре Арсене Люпене, герое произведений французского писателя Мориса Леблана, также пользовались большой популярностью. Переводчик Чжан Биу, вдохновленный Лебланом, начал писать детективные романы, а У Кэчжоу написал серию «Новые приключения восточного Арсена Люпена». Первые работы Сунь Ляохуна (孙了红, 1897—1958), одного из переводчиков повестей Леблана, также были созданы под влиянием Леблана. Герой его произведений — Лу Пин — во многом напоминает Арсена Люпена. Однако позже Сунь Ляохун выработал свой собственный стиль. Более того, его произведения стали первыми и единственными в Китае, написанными в жанре «анти-детектива».

Еще одним известным писателем автором детективов был несомненно Эдгар Аллан По, который внес значительный вклад в развитие мировой литературы. И хотя он не был первым переведенным на китайский язык детективным автором, его влияние на жанр было значительным. В 1920—30-е годы было опубликовано много переводов его рассказов, что стимулировало развитие жанра.

Переводы западных детективов, особенно произведений А.К. Дойля, М. Леблана и Э.А. По, сыграли ключевую роль в становлении и развитии детективного жанра в Китае. Переводчики не только познакомили китайскую аудиторию с западными литературными шедеврами, но и вдохновляли китайских авторов на создание собственных детективных произведений.

К.М. Писцов
Институт Востоковедения РАН

Губительница и мстительница — образы двух женщин конца эпохи Мин в творчестве Лу Цюня

Аннотация. Данный доклад посвящен анализу двух новелл китайского писателя Лу Цюня (кон. XVII—нач. XVIII вв.). В Китае творческое наследие Лу Цюня сохраняет популярность вплоть до наших дней, но в России его произведения мало известны. Новеллы «Жизнеописание дворцовой служанки Фэй» и «Жизнеописание Юаньюань» основаны на исторических фактах и повествуют о выдающихся женщинах конца эпохи Мин (1368—1644). В тексте Лу Цюня эти героини представляют активное начало, деятельно реагируя на происходящие вокруг них события. При этом моральный облик героинь различен. Дворцовая служанка Фэй жертвует собой ради спасения принцессы. Певчиха Юаньюань преодолевает преграды, чтобы стать супругой полководца У Саньгуя, но ее деятельность характеризуется беспринципностью, как и политическая карьера самого У Саньгуя. По-видимому, в сюжете произведений отразились определенные перемены во взглядах на роль женщины в обществе, характерные для конца эпохи Мин. К особенностям художественного стиля Лу Цюня следует отнести обилие цитат и метафор, исторических отсылок. Автор вставляет в текст диалоги героев, вымышленные сюжетные линии, реконструирует отдельные эпизоды, стараясь соблюсти общую достоверность. Важную роль в новеллах играет политическая составляющая, трактовка и авторские оценки событий в целом совпадают с версией официальной историографии.

Ключевые слова: Лу Цюнь, жизнеописания, Фэй-гунжэнь, Чэнь Юаньюань.

Konstantin Pistsov
Institute of Oriental Studies,
RAS, Moscow, Russia

The destroyer and avenger — images of the two women of the end of Ming Era in the works of Lu Qiyun

Abstract. This report is dedicated to the analysis of two stories by the Chinese writer Lu Qiyun. The creative legacy of Lu Qiyun remains popular in China up to the present day, but his works are little known in Russia. The short stories “Biography of the court maid Fei” and “Biography of Yuanyuan” are based on historical facts and tell the stories about the outstanding women from the end of Ming Era (1368—1644). In Lu Qiyun’s text these heroines represent an active essence, actively reacting to the events taking place around them. At the same time, the moral

character of the heroines is different. The court maid Fei sacrifices herself to save the princess. The courtesan Yuanyuan overcomes obstacles to become the consort of the commander Wu Sangui. Her activities are characterized by unscrupulousness, as is the political career of the Wu Sangui. Apparently, the plot of the works reflected certain changes in views on the role of women in society, characteristic of the end of the Ming Era. The features of Lu Qiyun's artistic style include the turnover of quotations and metaphors, historical references. The author inserts the dialogues of the characters, fictional storylines into the text, reconstructs individual episodes, trying to maintain general authenticity. The political component plays an important role, the author's assessments of the events generally coincide with the version of the official historiography.

Keywords: Lu Qiyun, biography, court maid Fei, Chen Yuanyuan.

Время жизни Лу Цюня приблизительно датируется периодом Канси (1661—1722). В Китае творческое наследие Лу Цюня сохраняет популярность вплоть до наших дней, в России его произведения известны мало.

Две исследуемые новеллы — «Жизнеописание дворцовой служанки Фэй» и «Жизнеописание Юаньюань» — объединены как общими хронологическими рамками — конец эпохи Мин, так и тематически — в центре авторского внимания судьба двух выдающихся женщин. В основе обоих произведений лежат исторические факты, образы практически всех героев восходят к историческим прототипам. Трактовка и авторские оценки событий в целом соответствуют официальной историографии эпохи Цин, в значительной степени посвящены дискредитации правящей верхушки империи Мин. В то же время по-новому раскрыты образы главных героинь. Их амплуа, в принципе, тяготеют к традиции — роковая женщина, «погубившая царство» и преданная дева, жертвующая собой во имя долга. Однако и дворцовая служанка Фэй, и гетера Юаньюань несут в себе активное начало. В «Жизнеописании дворцовой служанки Фэй» даже происходит смена гендерных ролей. Император гибнущей династии «пассивно» сводит счеты с жизнью (наряду с женщинами из своей семьи и дворцовыми служанками). Его поведение подобает скорее обитательницам внутренних покоев. Фэй, напротив, энергично действует, как подобало бы «доблестным и благородным мужам», которым Лу Цюнь ставит ее в пример [Лу Цюнь [1914], 100].

Юаньюань в трактовке Лу Цюня также не просто пассивное «яблоко раздора» между полководцем У Саньгем и вождем крестьянской войны Ли Цзычэном. Будучи наделена активной волей и недюжинным коварством, она деятельно пытается определять собственную судьбу. Образ дворцовой красавицы, тоскующей по истинной любви, в принципе, встречается в китайской литературе [Ду Гуантин 1955, 171—172; Чжан Ши 1972], но Юаньюань не хранит верности своему избраннику У Сань-

гую (с готовностью отправляясь обольщать императора и заискивая перед повстанческим вождем). Некоторая беспринципность невыгодно отличает ее даже от классических образов губительниц царств, вроде Ян Гуйфэй [Лэ Ши 1972; Чэнь Хун 1955], зато позволяет представить ее достойной парой У Саньгую. Трудно сказать, кто играет более значительную роль в новелле, но Лу Цыюнь все же вынес в заголовок имя героини.

Лу Цыюнь оживляет текст диалогами героев и художественными подробностями, добавляет вымышленные сюжетные линии, реконструирует отдельные эпизоды, стараясь при этом соблюсти общую достоверность. Из всех авторов, бравшихся за биографию девы Фэй, Лу Цыюнь достиг, пожалуй, наибольшего художественного эффекта [Писцов 2020, 56, 59, 60]. К особенностям художественного стиля следует отнести обилие цитат и метафор, исторических отсылок.

Позиция Лу Цыюня соответствует традиционному мировоззрению, но все же претендует на определенную новизну в трактовке роли женщины в истории, что можно рассматривать как отражение общей борьбы мнений относительно места женщины в традиционном китайском обществе в XVII в.

Библиографический список

Писцов К.М. «Жизнеописание дворцовой служанки Фэй» Лу Циюня — история и литература // Историческая психология и социология истории. М., 2020, № 2. С. 46—67.

Ду Гуантин Чужеземец с курчавой бородой // Танские новеллы. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. С. 170—178.

Лэ Ши Ян-гуйфэй // Нефритовая Гуаньинь. Новеллы и повести эпохи Сун (X—XIII вв.). М.: Художественная литература, 1972. С. 41—45. С. 13—40.

Чжан Ши Красный лист // Нефритовая Гуаньинь. Новеллы и повести эпохи Сун (X—XIII вв.). М.: Художественная литература, 1972. С. 41—45.

Чэнь Хун Повесть о бесконечной тоске // Танские новеллы. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. С. 124—135.

陸次雲：費宮人傳 [Лу Цюнь. Жизнеописание дворцовой девы Фэй] // 舊小說，己集—清。上海商務印書館出版，[1914] 第 99—100 頁。

陸次雲：圓圓傳 [Лу Цюнь. Жизнеописание Юаньюань] // 舊小說，己集—清。上海商務印書館出版，[1914] 第 97—99 頁。

Л.В. Стеженская

НИУ ВШЭ,

Институт классического Востока и античности,

Институт Китая и современной Азии РАН

Лю Се о литературном жанре *фэншань*

Аннотация. Трактат Лю Се (ок. 465 — ок. 522) «Вэнь синь дяо лун» («Резной дракон литературной мысли») в главе 21 описывает жанр *фэншань*, в произведениях которого сообщается о достоинствах правителя, занявшего престол и о знаменьях, которые якобы посылает Небо в знак его одобрения. Как считается в главах 6—25 трактата Лю Се располагает жанры по убыванию их эстетических достоинств от жанров изящной словесности (*вэнь*) к жанрам деловой прозы (*би*). Глава 21 «Фэншань», таким образом, должна представлять жанр деловой словесности (*би*). На примере других жанров ранее мы предположили, что наличие вымышленного сюжетного повода было важно для отнесения определенного жанра к разряду «изящной» словесности (*вэнь*). Результаты анализа произведений этого жанра Сыма Сянжу, Чжан Чуня, Ян Сюна, Бань Гу показывают историческую тенденцию к исключению вымышленных мотивов из их содержания и увеличение отсылок к конфуцианской классике. Делается предположение, что Лю Се в своей классификации жанров основывался не столько на реальных художественных особенностях произведений, сколько на своем представлении об идеальном произведении такого жанра.

Ключевые слова: Лю Се, «Вэнь синь дяо лун», фэншань, жанр.

Lidiya V. Stezhenskaya

HSE University, Institute for Oriental
and Classical Studies, ICCA RAS

Liu Xie's critique of fengshan

Abstract. Liu Xie's treatise (ca. 465 — ca. 522) *Wen xin diao long* (*The Literary Mind and the Carving of Dragons*) in Chapter 21 describes *Fengshan* genre, whose works report on the virtues of the ruler who took the throne and the portents that Heaven supposedly had sent as a sign of its approval. As it is supposed, in chapters 6—25 of the treatise, the genres are arranged in descending order of their aesthetic merits from the genres of fine literature (*wen*) to the genres of business prose (*bi*). *Fengshan*, therefore, should represent the genre of business writing (*bi*). Using the example of other genres, we have previously suggested that the presence of a fictional plot was important for classifying a certain genre as a piece of “elegant” literature (*wen*). The results of the analysis of works of this genre by Sima Xiangru, Zhang Chun, Yang Xiong, Ban Gu show a historical tendency to exclude

fictional motifs from their content and to increase in the number of references to Confucian Classics. It is suggested that Liu Xie's classification of genres was based not so much on the real artistic features of the works, as on his idea of an ideal work of such genre.

Keywords: Liu Xie, Wen xin diao long, fengshan, genre.

Известный трактат Лю Се (ок. 465 — ок. 522) «Вэнь синь дяо лун» («Резной дракон литературной мысли») в своем составе из 50 глав помимо обсуждения вопросов теории литературы и литературного творчества уделяет значительное внимание историко-литературному обзору жанров (главы 6—25) и, соответственно, критике некоторых литературных произведений. В главе 21 трактата разговор идет о жанре *фэншань*. Под *фэншань* вообще понимаются жертвоприношения Небу и Земле правителем, который взшел на престол. В конкретном литературном смысле *фэншань* — это памятная запись, выбитая на каменной стеле и сообщающая о достоинствах правителя, либо просто текст такой записи, даже не перенесенный на камень. Обычно в раннесредневековых антологиях и лэйшу такие произведения приводятся под рубрикой «фу мин» (благая весть), так как в них говорится и о знаменьях, которые якобы посылает Небо в знак одобрения нового правителя. Название жанра «фэншань», по-видимому, мотивированы у Лю Се названием соответствующего трактата (*шу*) в «Исторических записках» Сыма Цяня и таким же названием произведения Сыма Сянжу (179—117 до н.э.), которое Лю Се считал основополагающим для этого жанра.

В связи с главами 6—25 трактата давно уже обсуждается научная проблема состава современной Лю Се словесности, которую он оценивает, как предполагается, по эстетическим критериям, располагая в своем перечне сначала жанры изящной словесности (*вэнь*), а затем — жанры деловой прозы (*би*). Глава 21 «Фэншань», находясь ближе к концу обзора, по этому критерию должна представлять жанр деловой словесности, что, в принципе, не противоречит и очевидно официальному характеру таких записей.

Глава 21 «Фэншань» представляет особый интерес для исследования понятия «словесность» в трактате Лю Се. В отличие от других жанровых обзоров она затрагивает всего лишь несколько произведений и, что еще более важно, большая часть их текстов сохранилась до наших дней. Таким образом, имеющиеся критические замечания Лю Се об отдельных произведениях могут стать предметом конкретного рассмотрения [Стеженская, 2022].

Как мы показали ранее, отнюдь не рифма или иная стилистическая украшенность у Лю Се определяла отнесение жанра к категориям «вэнь» или «би». Наличие вымышленного сюжетного повода или, напротив, на-

личие реального повода в близких по строю произведениях определяло их «изящный» или «деловой» характер [Стеженская, 2020].

Результаты анализа произведений Сыма Сянжу, Чжан Чуня, Ян Сюна, Бань Гу показывают тенденцию к исключению вымышленных мотивов (чудесные события, действия духов, исторические натяжки) из их содержания. С другой стороны, в них нарастает число цитат из конфуцианской классики или аллюзий на нее. Таким образом, Лю Се, располагая описание жанра *фэньшань* в главе 21 и таким образом относя этот жанр к разряду «деловой» словесности (*би*), по-видимому, основывался не столько на реальных художественных особенностях произведений, сколько на своем представлении об идеальном произведении такого жанра. Свою роль в формировании такого представления мог сыграть использованный Лю Се исторический подход, который выявлял определенные тенденции в развитии литературного жанра.

Библиографический список

Стеженская Л. В. Два жанра диалога в освещении средневекового китайского теоретика литературы Лю Се // В кн.: *Тексты магии и магия текстов* / Сост.: А.Б. Старостина, А.А. Соловьева, О.М. Мазо, Е.В. Волчкова; науч. ред.: И.С. Смирнов. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2022. С. 281—296.

Стеженская Л. В. Жанры диалога «дуйвэнь» и «дуй» в трактате Лю Се «Резной дракон литературной мысли». Перевод XIV и XXIV глав трактата Лю Се // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2020. № 6. С. 207—222.

С.В. Унгуриян, Д.Ю. Вельма
НИУ ВШЭ

**Лакуны перевода: Сравнительный анализ двух переводов
ключевого сборника Сань-мао
«Сахарские новеллы» (1976)**

Аннотация. В данном исследовании осуществляется разбор межкультурной коммуникации через аспект перевода литературных произведений, с акцентом на разнообразие интерпретаций текста при его переводе на разные языки. Основой для анализа служат переводы сборника рассказов тайваньской писательницы Сань-мао, выполненные Майком Фу на английский и Марией Осташевой на русский язык, в сравнении с оригиналом и первым переводом 1976 года. Исследование выявляет вариации в смысловых, стилистических и культурных аспектах, указывая на уникальность каждого перевода и его вклад в межкультурный диалог. Подчеркивается, что перевод не только транслирует текст, но и трансформирует его, отражая культурные и исторические контексты принимающего языка.

Ключевые слова: китайская литература, тайваньская литература, творчество Сань-мао, художественный перевод, переводоведение, сравнительный анализ.

Sofia Ungurian, Denis Velma
HSE University

**Translation Gaps: A Comparative Analysis
of Two Translations of Sanmao's Key Collection of Stories
“Stories of the Sahara” (1976)**

Abstract. This study dissects intercultural communication through the aspect of literary translation, emphasizing the diversity of text interpretations when translated into different languages. It analyzes translations of Taiwanese writer San Mao's collection of stories into English by Mike Fu and into Russian by Maria Ostasheva, compared with the original and the first translation from 1976. The study identifies variations in semantic, stylistic and cultural aspects, highlighting the uniqueness of each translation and its contribution to intercultural dialogue. It underscores that translation not only transmits but also transforms the text, reflecting the cultural and historical contexts of the receiving language.

Keywords: Chinese literature, Taiwanese literature, works of Sanmao, literary translation, translation studies, comparative analysis.

В рамках предстоящей научной конференции будет представлено исследование, посвященное анализу межкультурной коммуникации через

призму перевода литературных текстов. Данная статья ориентирована на сравнительный анализ двух переводов знаменитого сборника рассказов тайваньской писательницы Сань-мао (三毛) «Сахала дэ гуши» (撒哈拉的故事). Авторы нацеливаются на изучение изменений смысла, стиля и культурных аспектов, обнаруженных в английском переводе Майка Фу (2019—2020) и русском переводе Марии Осташевой (2022), в сравнении с оригинальным текстом и первым переводом, выпущенным в 1976 году. Основная гипотеза исследования заключается в том, что каждый перевод добавляет уникальные интерпретации и межкультурные оттенки, которые могут как обогащать, так и исказить первоначальное послание автора.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к творчеству Сань-мао на мировой арене, а также важностью перевода как инструмента межкультурного диалога. Исследование проливает свет на сложности перевода художественной литературы и на то, как различные подходы к переводу отражают культурные и исторические контексты, в которых они создаются.

Методология исследования включает текстовый анализ для выявления стилистических и семантических характеристик исходных текстов и их переводов, контекстуальный анализ для осмысления влияния культурных и исторических факторов на процесс перевода, и сравнительный анализ для идентификации лакун и изменений в переводах. Критический анализ используется для оценки каждого перевода с точки зрения его способности передать художественный мир Сань-мао, что позволяет выявить потенциальные направления для дальнейших улучшений в переводческой практике.

Библиографический список:

Сань-мао. «Сахарские новеллы» / пер. с кит. М.С. Осташева, 2022, предисловие Р. Г. Шапиро. М.: АСТ, 2022.

Sanmao. “Stories of the Sahara” / Mike Fu (Translator). — Bloomsbury Publishing, 2020.

三毛作品的英西译本对比研究-以《撒哈拉的故事》为例 [Саньмао Цзопинь Дэ Инси И Бэнь Дуйби Яньцзю И Сахала Дэ Гуши Вэйли. Сравнение английского и испанского переводов в работах Сань-мао, на примере «Сахарских историй»] // China Academic Journal Electronic Publishing House, 2019.

Цзин Сюаньжу
Шаньдунский политехнический университет,
Институт литературы и журналистики

Сравнительное исследование культуры чая
в литературе Восточной Азии

荆萱茹
山东理工大学文学与新闻传播学院

东亚文学中茶文化比较研究

文章摘要: 茶原产于中国，在中国的文化土壤里滋生出十分丰富的内涵。唐宋时期，中国的茶被带往古代日本和朝鲜，与之相伴茶文化逐渐渗入日本、朝鲜、韩国人民的文学和文化生活中，直至今日已经产生了巨大的影响。本文通过梳理东亚文学中的茶文化，来分析日本文化和朝韩文化对中国茶文化的接受与创新，并且进一步思索日本和朝韩茶文化中的独特内涵，这些对于加深文化认同、促进国家和民族交流无疑有着积极的作用。

关键词: 比较文学，东亚文学，茶文化

Jing Xuanru
School of Literature and Journalism
and Communication, Shandong University
of Technology

A Comparative Study of Tea Culture
in East Asian Literature

Abstract. Tea comes from China and has a very rich connotation in the cultural soil of China. During the Tang and Song dynasties, Chinese tea was brought to ancient Japan and Korea, and along with it, tea culture gradually penetrated into the literary and cultural life of the people of Japan, Korea and South Korea, and has had a great influence up to the present day. This paper analyzes the acceptance and innovation of Chinese tea culture in Japanese and Korean cultures by analyzing the tea culture in East Asian literature, and further contemplates the unique connotation of Japanese and Korean tea culture, which undoubtedly has a positive effect on deepening the cultural identity and promoting the exchange of countries and nations.

Keywords: Comparative Literature, East Asian literature, Tea Culture.

Tea Culture Writing in Korean Literature

In the Korean Peninsula, the written word was created only in the Three Kingdoms period. Fortunately, according to the available historical documents, tea was introduced to the Korean region in the Middle Tang Dynasty, that is, in the era of the unification of the three kingdoms of the Korean Peninsula with the Silla, and thus tea had the foundation for integration and development with Korean literature at the beginning of its introduction to the region. According to the Korean history book “*Three Kingdoms historical records — Silla Benji*” records: Xingde Wang three years (828 years) Silla sent Tang envoys to Tang tribute, the return of the emissary brought back the tea seed, since then North Korea began to plant tea trees. According to Kim Yang-gam's “*Gailokguk Jiji*”, at that time, people used tea as an edible cooking agent, and they made tea cakes by grinding tea leaves into tea powder for family rituals, which later evolved into a companion to tea drinking, called “tea food”. Other than that, tea was only consumed by the upper class and monks. Choi Chi-won, the founder of Chinese literature on the Korean Peninsula, wrote a book called “*Xie Xin Cha Zu*” when he was a young man, in which he evaluated his opinion of tea and described his tea cooking skills in detail. All of the above can show that “tea” existed as a luxury item in the aristocratic group of Joseon at that time, and it was used in a large number of ritual activities, and seldom entered into the daily life, so the works involved were only some purely historical records, and tea was not used as a pure element for literary creation.

In the Goryeo Dynasty of Korea, the scope of tea began to expand, thus forming the Korean “tea ceremony”, which at the same time was influenced by Chinese Confucianism began to be used in the palace on various important occasions, such as tea rituals to show respect to the king, the monks love, etc. Among them, the “five lines of tea offering” was used to show respect to the king, the monks love. Among them, the “Five Elements Tea Offering Ceremony” is an important representative of the Korean Tea Ceremony, which belongs to the Korean national ceremonies, and the scale of its grandeur can be seen. In literature, specialized “tea poems” began to appear, most of the content reflects the life style of tea drinking, the effect of customs. The representative figures are Lee Gyu-baek, a writer in the middle of the Goryeo Dynasty, Lee Sung-in, a poet in the late Goryeo Dynasty, and Won Cheon-seok, a poet in the early Joseon Dynasty at the end of the Goryeo Dynasty. Lee Gyu-baek loved poetry, wine, and the qin, and he called himself “Mr. Three Kools of Goodness” because of his fondness for these things, and then he changed his name to white cloud dweller because of his admiration for the spirit of “Joyful Way of the Home”, and during this period, tea, as a representative of his spirit, became one of the elements of his own creations. In “*Visiting Master Yan*”, he wrote: “The only thing that a monk is proud of is tea. The only thing that a monk can do is to drink tea. I would like to make the buds of Meng Ding and

fry the water of Huishan Mountain. One ou is always talking to each other, gradually entering into the mysterious purpose. This happy letter Qing talk, why need to faint drunk.” In the poem, the author highly praised the Chinese tea drinking and aspired to the Chinese tea-eating performance, he used Chinese allusions in the poem and mentioned the Chinese Sichuan Mengding tea, all of which showed that the social tea drinking in Goryeo at that time was deeply influenced by China. As a poet in the late Goryeo Dynasty, Li Chongren, as if his career was destined to be very difficult, in the depressed political career, the only way to relax is to relieve himself, for this reason, Li wrote a large number of “tea poems” to express his own poverty and happiness, and send his own quality ideals through tea. For example, in “*Rhymes for Next Popularity*”, he expresses his tea-drinking status quo in his life by saying “I change the manuscripts of poems, and pour the tea cups after meals”, which expresses his state of mind of poverty and happiness and shows that he is enjoying this comfortable lifestyle. Another example is “*the Central Plains miscellaneous questions*” in the “and when we listen to the pine wind sitting, talk about the three lives on the stone because of” a sentence, showing that the poet himself and three or two friends to cook tea and snow boiling, tea will be a friend, talk about life, is not lost as a great pleasure in life. Or in the “*visit to Dr. An*”, he wrote “cooking tea sitting quietly to catch up with the three provinces, to wine Talking about a hundred worries”, is also about himself and his friends sitting opposite each other, cooking tea and talking for fun, sitting quietly between the three provinces, and then drink wine and sing, to end a hundred worries, such as the ultimate happiness. At the end of Goryeo Dynasty at the beginning of the Joseon Dynasty coincided with the change of dynasty, as a high school scholar Yuan Tianxi follow the example of the history of loyalty, refused to serve the new dynasty, recluse into the mountains, his “tea poetry” than Lee Chongren more than a leisurely transcendental. He wrote in the “*Dragon Boat Festival to Bingting brother*”: “sleep after the poetic thoughts turn long, and happy tea deeper more fragrant”, wrote that he was in the process of writing poems in a deep sleep, woke up glad to find that the tea brewed before going to bed taste stronger, the poem through the depiction of such a small thing to express their own poverty and contentment in the heart, which is not to show that “Tea has become a tool for expressing one's ideal interest in the poet's writing.

During the Joseon Dynasty, the Korean tea culture was heavily influenced by the drinking style, and gradually declined in popularity. But the Lee Dynasty condensed the accumulation of tea culture in the pre-historic period, contributed to the birth of the Korean tea saint Kusakari Zenji, who “*Ode to the East Tea*” and “*Biography of the God of Tea*” two books will be “Zen Tea One Taste” of the true meaning of the comprehension of the spirit of the Korean Tea Ceremony to make a summary of the Korean tea ceremony, for the Korean

Tea Ceremony culture left an important document. Kusakari Zen Master, formerly known as Kusakari Yi Xun, studied under the North Korean philosopher Ding Ruoyong in the Lee Dynasty, Ding Ruoyong respected tea, and because of the tea and the self-proclaimed “Cha Shan”, once created the first tea book in Korea and South Korea, “*East Tea Book*”, but unfortunately, after the change of the times has been lost. As a disciple of the fixed, the Kusakari Zen Master inherited Ding's will, and added his own love for tea, through 40 years of work, he has become the most important tea ceremony in Korea. As a disciple of Ding, Kusakari Zenji inherited Ding's will, and with his own love of tea, he realized the spirit of the tea ceremony through 40 years of tea life, and made a collection of poems called “*Ode to the East Tea*” and “*Biography of the God of Tea*”, and became a great summarizer of the spirit of the tea ceremony of the Joseon Dynasty, and was honored as a saint of tea, and his work, “*Ode to the East Tea*”, has also been called “The Tea Scriptures of South Korea”. *The Ode to Eastern Tea* consists of 31 chapters praising the native teas of the Eastern Kingdom (i.e., Korea), with notes and extended meanings, covering the origin and ecology of tea, ancient tea-drinking personalities, famous teas of the past, and allusions to the past. Whether it is the harmony between “tea health” and “water spirit” which is the counterpart of Chinese Confucianism, or the idea of “neutralization” in the spirit of tea ceremony which is equivalent to Chinese Confucianism's “Way of the Mediocre”, both of them express that the tea culture of Korean literature was greatly influenced by Chinese tea culture. In addition, in the same period, besides the tea sage Kusakari, there were poems by Kim Jung-hee, Shin-wi, and others, who inherited Kusakari's philosophy of tea and expressed their thoughts and feelings through singing about tea.

In modern times, although there are fewer literary works about tea culture, the residual flavor left by tea culture still influences the inter-Korean region nowadays. Since the 1980s, Korean tea culture has become increasingly active, and has been actively carrying out international activities, establishing closer and closer ties with the tea culture circles in China, Japan and Southeast Asian countries. In summary, through the combing of tea culture literature on the Korean Peninsula, it can be concluded that since the introduction of tea into the Korean and Korean regions, from ritual objects gradually become daily necessities, they have inherited the connotation of Chinese tea culture from the continuous development, and combined with their own national understanding of the unique tea ceremony culture, which has left a colorful mark on history.

参考文献目录

胡苏姝：中国古代茶文学的兴起及发展历程分析[*Hu Sushu. Analysis of the Rise and Development of Tea Literature in Ancient China*]/福建茶叶。2016 7 期，第 313—314 页。

付大霞：唐代咏茶文学研究[Fu Daxia. A Study of Tea Literature of the Tang Dynasty]//南京师范大学。硕士论文，2013年。

罗旒：宋代咏茶文学研究[Luo Xuan. A Study of Song Dynasty Tea Literature]//南京师范大学。硕士论文，2013年。

张艳：茶人茶品——论《茶人三部曲》中的茶文化[Yan Zhang. Tea People and Tea Products -- On the Tea Culture in *The Tea Man Trilogy*]阿坝师范高等专科学校学报。2013 2 期，98—101 页。

刘朴兵：略论日本茶文化的演变[Liu Pobing. A Brief Discussion on the Evolution of Japanese Tea Culture]//农业考古。2012 2 期，第 282—289 页。

袁梦：日本茶文化与日本语言文学的结合研究[Yuan Meng. A Study of the Integration of Japanese Tea Culture and Japanese Language and Literature]//福建茶叶。2023 9 期，第 181—183 页。

王玖玖：中国茶文化东传日本史述[Wang JiuJiu. A Historical Account of the Introduction of Chinese Tea Culture to Japan from the East]//临沂大学学报。2012 1 期，第 106—109 页。

朱振霞：韩国茶文化的历史及现状研究[Zhu Zhenxia. A Study on the History and Present Situation of Korean Tea Culture]//福建茶叶。2016 4 期，第 322—323 页。

陈文华：韩国茶文化简史[Zhang Yanyu. A Study of the Spread and Reception of Song Dynasty Tea Culture in the Korean Peninsula]//农业考古。2005 2 期，第 271—275 页。

刘同清：韩国语言文学中的茶文化[Liu Tongqing. Tea Culture in Korean Language and Literature]//福建茶叶。2016 7 期，第 358—359 页。

И.В. Цой
СПбГУ

**Цикл рассказов Ли Инсона
«Вглубь незнакомого времени» как пример
постмодернистской прозы Южной Кореи (1980-е гг.)**

Аннотация. В выступлении будет проанализирован цикл рассказов южнокорейского писателя Ли Инсона (р. 1953), которого на родине называют писателем-постмодернистом. В российском корееведении южнокорейская постмодернистская проза еще ждет своего пристального изучения и обсуждения. Из переведенного на русский язык в настоящее время представлено не так много произведений, которые являли бы собой яркие примеры этого литературно-художественного направления. Автор представит постмодернизм через призму творчества корейских писателей и обратит внимание на особенности, характерные для южнокорейской постмодернистской прозы. На примере цикла рассказов, объединенных общим названием «Вглубь незнакомого времени» (1983) автор рассмотрит сюжетные линии, время и пространство, оппозиции, стилистические детали и смысловую составляющую.

Ключевые слова: современная южнокорейская проза, Ли Инсон, постмодернизм, цикл рассказов, новая чувствительность.

Inna Tsoy
St. Petersburg State University

**The series of stories by Lee Inseong
“Into the Unfamiliar Time” as an example
of postmodern prose in South Korea (1980s)**

Abstract. The talk will analyze a series of stories (a novel) by the South Korean writer Lee Inseong (b. 1953), who is called a postmodern writer in his homeland. In Russian Korean studies (в российском корееведении), South Korean postmodern prose still awaits its close study and discussion. Currently, of the works translated into Russian, there are not many that would be striking examples of this literary and artistic movement. The author will present postmodernism through the prism of the work of Korean writers and draw attention to the features characteristic of South Korean postmodern prose. Using the example of a series of stories united under the general title “Into the Unfamiliar Time” (1983) the author will consider plot lines, time and space, oppositions, stylistic details and semantic components.

Keywords: contemporary South Korean prose, Lee Inseong, postmodernism, series of stories, new sensitivity.

Постмодернистская литература в Южной Корее пока что не обрела должной степени узнаваемости и известности среди корейского массового читателя. Да и на страницах научных журналов дискуссия о литературе постмодерна все же не столь активна, как в Европе или в Америке. Тем не менее, многими исследователями признается значимость и роль литературы постмодерна в связи с предшествующим и последующим этапами развития корейской литературы [안남연 1997, 175—196]. Все те признаки постмодернистской литературы, которые характерны для этого литературно-художественного течения, в той или иной степени характерны и для южнокорейской постмодернистской прозы, однако эти произведения написаны на корейском языке, и этот факт придает текстам дополнительную стилистическую специфику и художественные особенности. В любом случае, неверным будет утверждение о том, что южнокорейские постмодернисты имитируют европейских писателей. Акцент, скорее всего, следует сделать на том, что в 80—90-е гг. прошлого столетия литераторы изыскивали новые средства и способы осмысления действительности, осваивали «новую чувствительность». Можно с уверенностью сказать, что такой автор, как Ли Инсон 이인성, — наиболее яркий представитель южнокорейского постмодернизма. Писатель родился в 1953 году в Сеуле и закончил отделение французского языка и литературы в Сеульском национальном университете. Он начал свою литературную деятельность в конце 1970-х и стал публиковаться в литературных журналах.

После выхода в свет цикла рассказов под общим названием «Вглубь незнакомого времени» *낯선 시간 속으로* (1983) [이인성 2018] Ли Инсон написал еще несколько романов и сборник литературных статей «Резистентность растительного». После того как этот цикл рассказов вышел из печати, Ли Инсон заявил о себе как постмодернистский автор и в плане содержания, и в плане формы и стилистики. Цикл состоит из четырех озаглавленных рассказов, опубликованных в разное время. Примечательно, что наряду с названиями автор указывает также и временной отрезок. Так, первый рассказ датируется весной 1974 — зимой 1973 года (обратный отсчет) (1981), второй — летом 1974 года (1980), третий — осенью 1974 года (1982), четвертый — зимой 1974 года (1979). Таким образом, время в романе закольцовано — повествование начинается зимой 1973 и завершается зимой 1974 года (зима—весна—лето—осень—зима). Ли Инсон пишет сплошной текст, не разделяя нарратив рассказчика, диалоги персонажей и внутренние размышления героя. Рассказчик здесь — это «я-он» (*я это он, а он — это я*): сложная, запутанная, рваная рефлексия героя на события прошлого и настоящего проясняется с фокусов «я» и «он» (о себе в третьем лице). Автор применяет здесь прием потока сознания. Это повествование о молодом человеке 23-х лет, родившемся в Сеуле.

На первый взгляд, это очередная история взросления, но за ней спрятан гораздо более глубокий смысл, который автор и попытается раскрыть в своем выступлении.

Библиографический список

안남연. 한국문학에서의 포스트 모더니즘 고찰. — 포스트 모더니즘 작가의 작품 분석을 중심으로 — [*Ан Намён*. Исследование постмодернизма в корейской литературе. — на основе анализа произведений постмодернистских авторов —]. 한국어문학회. 어문학 통권 제 61.1997.8. P. 175—196. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE00053282> (дата обращения: 10.03.2024).

이인성. 낯선 시간 속으로 [*Ли Инсон*. Вглубь незнакомого времени]. 문학과 지성사. 서울, 2018. 348 с.

Секция 4
Культура

К.М. Барский
МГИМО МИД России

**Эволюция китайских представлений
о социально-нравственном и профессиональном идеале
дипломата**

Аннотация. Для традиционной культуры Китая были характерны такие феномены, как культ предков, приоритетное значение примера достойного поведения, гипертрофированная роль формы и ритуала. Не последнюю роль в данном случае играло моральное-этическое учение Конфуция, которое на тысячелетия вперед заложило в общественном сознании китайцев алгоритм необходимости следования определенным канонам и подражания образцам. Эволюция этих явлений и идей во многом отражает эволюцию самого китайского государства и общества. В связи с этим представляется важным проследить эволюцию китайских представлений о социально-нравственном и профессиональном идеале дипломата. Автор приходит к выводу, что, несмотря на исторические перипетии XX в. и новые вызовы, с которыми столкнулся Китай в XXI в., в разные периоды истории Китая идеал дипломата наделялся одними и теми же чертами, восходящими к традиционным морально-этическим ценностям и профессиональным характеристикам: патриотизм, преданность делу, трудолюбие, лояльность, рациональность мышления и деловитость, человечность и дружелюбие, честность и неподкупность, личная скромность. Одновременно в каждую эпоху к ним добавляются некоторые новые, востребованные временем качества, и нынешняя «новая эпоха» Си Цзиньпина — не исключение.

Ключевые слова: Китай, дипломатия, этика, конфуцианство, идеал дипломата.

Kirill M. Barsky
MGIMO University

**The evolution of Chinese ideas about the social,
moral and professional ideal of a diplomat**

Abstract. The traditional culture of China was characterized by such phenomena as the cult of ancestors, the priority importance of an example of worthy behavior, and the exaggerated role of form and ritual. Special role was played by the moral and ethical teachings of Confucius, which for thousands of years to come laid down in the public consciousness of the Chinese an algorithm for the need to follow certain canons and imitate patterns. The evolution of these phenomena and ideas largely reflects the evolution of the Chinese state and society itself. In this connection, it seems important to trace the evolution of Chinese notion of the so-

cial, moral and professional ideal of a diplomat. The author comes to the conclusion that, despite the historical vicissitudes of the 20th century and the new challenges that China faced in the 21st century, in different periods of Chinese history, a model diplomat was endowed with the same features, going back to traditional moral and ethical values and professional characteristics: patriotism, dedication, hardworking, loyalty, rational thinking and efficiency, human attitude and friendliness, honesty and integrity, personal modesty. At the same time each period adds to them some new time-demanded qualities, and the “new era” of Xi Jinping is not an exception.

Keywords: China, diplomacy, ethics, Confucianism, ideal diplomat.

Характерные для традиционной культуры Китая культ предков, приоритетное значение примера достойного поведения, гипертрофированная роль формы и ритуала и особенно моральное-этическое учение Конфуция на тысячелетия вперед заложили в общественном сознании китайцев алгоритм необходимости следования определенным канонам и подражания образцам. Их эволюция во многом отражает эволюцию самого китайского государства и общества.

В области дипломатии такого рода официально одобренными историческими эталонами на протяжении длительного времени были генерал Чжан Цянь, который в качестве посла решал важные внешнеполитические задачи и транслировал высокую китайскую культуру в регионе Центральной Азии, и внук двора адмирал Чжэн Хэ, совершивший путешествия по странам бассейнов Тихого и Индийского океанов и прославлявший в посещенных им землях величие китайской империи.

Поскольку дипломатия является инструментом реализации внешней политики государства, идеал дипломата в китайском общественном сознании подвержен изменениям в зависимости от политической конъюнктуры. Задачи, которые руководство ставит перед китайской дипломатией, отражаются на требованиях, предъявляемых к сотрудникам МИД КНР, делают более востребованными те или иные качества работников дипломатического фронта.

Так, если в первые годы после образования КНР эталоном служил формировавшийся органами пропаганды образ Чжоу Эньлая как главного дипломата страны и в то же время пламенного революционера, которому присущи нацеленность на мирное сосуществование и одновременно приверженность делу борьбы против империализма, то в 80—90-е годы образцом дипломата выступал спокойный и уравновешенный Цянь Цичэнь, умело сочетавший принципиальную твердость с тактической гибкостью в отстаивании интересов Китая на международной арене. «Новая эпоха», связанная с формулированием в 2012 году амбициозной «китайской мечты» и совпавшая с резким обострением международной обстановки, вызвала к жизни образ дипломата, готового жестко и даже агрессивно за-

щищать интересы и достоинство великой державы. На пьедестал китайской дипломатии выдвинулись хорошо образованные и острые на язык споксмены МИД КНР Чжао Лицзянь и Хуа Чуньин. Образцовыми дипломатами теперь могут быть не только мужчины, но и женщины, не только многоопытные корифеи дипломатии, но и успешные молодые люди.

Вместе с тем в разные периоды истории Китая идеал дипломата разделялся одними и теми же чертами, восходящими к традиционным морально-этическим ценностям и профессиональным характеристикам: патриотизм, преданность делу, трудолюбие, лояльность, рациональность мышления и деловитость, человечность и дружелюбие, честность и неподкупность, личная скромность.

Ван Мэн
Забайкальский
государственный университет

**Институт Конфуция:
интернационализация образования Китая**

Аннотация. Сегодня китайская политика интернационализации образования направлена на подготовку высококвалифицированных талантов, специалистов, на повышение качества образования, совершенствование образовательного влияния, что является одним из требований вхождения образования в мировую систему образования. В рамках политики интернационализации Китай совместно с вузами-партнерами открывает за рубежом сеть Институтов Конфуция, которые обеспечивают подготовку китайского языка, знакомят с китайской традиционной культурой. Институты Конфуция в России реализуют свою деятельность в рамках гуманитарного сотрудничества с 2006 года. В регионе Дальнего Востока России они включены в непосредственное российско-китайское сотрудничество, способствуют культурному обмену, межгосударственным связям по различным направлениям сотрудничества. Их деятельность можно квалифицировать как посредническую между государственными и общественными структурами, которая обеспечивает систему межгосударственной коммуникации. Студенты и выпускники Института Конфуция становятся народными дипломатами, способствуя политическим, экономическим и культурным обменам между двумя странами.

Ключевые слова: интернационализация образования, Институт Конфуция, Институты Конфуция в Дальневосточном федеральном округе.

Wang Meng
Transbaikal State University

**Confucius Institute:
Internationalization of Education in China**

Abstract. Chinese policies on the internationalization of education are aimed at training highly qualified talents and specialists; to improve the quality of education and improve educational impact today. This is one of the requirements for education to enter the global education system. China, together with foreign universities, is opening a network of Confucius Institutes abroad in the context of the policy of internationalization of education. They provide Chinese language training. They introduce students to Chinese traditional culture. Confucius Institutes in Russia have been conducting their activities within the framework of humanitarian cooperation since 2006. In the Russian Far East region, Confucius Institutes are included in direct Russian-Chinese cooperation. Their activities promote cultural ex-

change and interstate relations in various areas of cooperation. RNI act as an intermediary between state and public structures that provide a system of interstate communication. Students and graduates of the Confucius Institute become people's diplomats. Their activities promote political, economic and cultural exchanges between the two countries.

Keywords: internationalization of education, Confucius Institute, Confucius Institutes in the Far Eastern Federal District.

В XXI в. китайская политика интернационализации образования направлена на развитие квалифицированных талантов, повышение качества образования, совершенствование образовательного влияния для обеспечения конкурентоспособности страны. В условиях углубленного развития экономической и культурной глобализации, этот процесс для Китая — это не только изучение языка страны-партнера, знание ее культуры, но и подготовка специалистов для обеспечения международного сотрудничества. Сегодня для России и Китая образование стало одним из направлений конкурентной борьбы с западными странами за платформу мирового образования. Будучи двусторонним, как импорт и экспорт образовательных услуг, он осуществляет повышение статуса национальной системы образования. Поэтому открытие Китаем образовательных учреждений за рубежом осуществляется в «контексте реализации китайской государственной стратегии «идти вовне» [Медяник 2017, 17] — (出去). В 2004 г. Китай начал процедуру открытия Института Конфуция за рубежом [发展历程]. Еще в 1987 г. создано Государственное агентство по распространению китайского языка в качестве иностранного (Ханьбань - 家汉办)], которое в 2023 г. переименовано в Национальную ведущую группу по международному продвижению китайского языка КНР. Дин Сюэсян на форуме «Будущее развитие институтов Конфуция» [孔子学院的未来发展] отметил, что китайский язык — это не только язык Китая, но и мировой. Поэтому содействие мировым языковым обменов требует совместных усилий Китая и других стран. Институт Конфуция стал открытой, инклюзивной международной моделью обучения китайскому языку.

Институт Конфуция в России — фактор, реализующий двусторонний интерес в области гуманитарного сотрудничества. Он официально действует на территории России с 2006 г. [Селезнева 2021, 166—176]. Вне зависимости от территориального расположения, представляет собой долгосрочную стратегию, направленную на эффективность результатов: распространение культуры и языка, приобщение китайских мигрантов к родной культуре; содействие мультикультурализму и толерантности; поддержку многосторонних контактов; формирование лояльных сторонников и т.д. Институт Конфуция на Дальнем Востоке непосредственно

включается в российско-китайское сотрудничество, что способствует культурному обмену, межкультурным связям и отношениям. Еще в XIX в. были «проложены мосты» между российским и китайским образованием. При Азиатском отделении Министерства иностранных дел было открыто Учебное заведение иностранных языков. Был утвержден «Организационный проект Министерства просвещения восточных языков». А в некоторых учебных заведениях велось преподавание китайского языка. К 2018 г. здесь было открыто три Института Конфуция, которые способствуют китайско-российским культурным обменов в регионе. Сегодня студентам уже необходимо знание не только китайского языка, но и бизнеса, туризма, как технологий, обеспечивающих российско-китайское сотрудничество. Они становятся народными дипломатами, способствуя политическим, экономическим и культурным обменам между двумя странами.

Библиографический список

Медяник Е.И. Совместный университет как инструмент реализации национальных интересов России и Китая // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12. № 1.

Селезнева Н.В. Реорганизация Канцелярии по распространению китайского языка (Ханьбань): судьба Институтов Конфуция // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2.

发展历程 [Путь развития] URL: <https://ci.cn/gywm/lc> (accessed: 21.11.2023)

“孔子学院的未来发展”论坛在国家会议中心开幕 [В Национальном конференц-центре открылся форум «Будущее развитие институтов Конфуция»] URL: <https://www.cief.org.cn/newsinfo/6646954.html> (accessed: 24.01.2024).

Ван Фурс Цзыи
МГИМО МИД России

Особенности китайского характера, формируемые на разных стадиях развития личности

Аннотация. Отличие китайского общества от западного в смысле следования различным социальным ролям, которые люди играют в той или иной системе отношений, состоит в том, что в западном обществе в ситуации конфликта человек старается отстаивать свои права, добиться определенной победы над кем-то. Китаец в этой ситуации стремится уступить, чтобы достичь гармонии в отношениях между людьми.

Отношения между китайцами на этом этапе формирования личности сохраняют особенности орального периода, т.е. взаимозависимость. Такие взаимозависимые отношения поддерживаются через протекцию. Китайские дети воспитываются в таком смысле, что если кто-то к тебе хорошо относится, то это — протекция. И ты тоже должен найти удобный повод и удобный случай, чтобы оказать протекцию этому человеку. Дальнейшая взаимная протекция и выражает то, что для китайца означает взаимозависимость.

В статье рассказывается о формируемых на разных стадиях развития личности особенностях китайского характера, о наиболее типичных для китайской культуры паттернах воспитания детей в детстве и в подростковом возрасте, об отношении родителей к детям и о прививаемых им особенностях поведения, межличностных отношений, отношений к членам семьи и близким, к чужим людям. Кроме того, в статье раскрываются основные отличия процесса воспитания представителей западной культуры и китайской цивилизации.

Ключевые слова: личность, характер, воспитание, отношение, мнение, «потеря лица», гармония, авторитет.

Van Furs Tsyi
MGIMO University

Features of the Chinese character formed at different stages of personal development

Abstract. The difference between Chinese society and Western society in the sense of following the various social roles that people play in a particular system of relations is that in Western society, in a situation of conflict, a person tries to defend his rights, to achieve a certain victory over someone. The Chinese in this situation tends to give in in order to achieve harmony in human relations.

The relationship between the Chinese at this stage of personality formation retains the characteristics of the oral period, i.e. interdependence. Such interde-

pendent relationships are maintained through patronage. Chinese children are brought up in the sense that if someone treats you well, then it's patronage. And you also have to find a convenient excuse and an opportunity to protect this person. Further mutual protection expresses what interdependence means to the Chinese.

The article says about the features of the Chinese character formed at different stages of personality development, about the most typical patterns of parenting for Chinese culture in childhood and adolescence, about the attitude of parents to children and about the characteristics of behavior instilled in them, interpersonal relationships, relationships to family members and loved ones, to strangers. In addition, the article reveals the main differences in the educational process between representatives of Western culture and Chinese civilization.

Keywords: personality, character, upbringing, attitude, opinion, “loss of face”, harmony, authority.

Характер человека включает в себя отношение человека к себе, к окружающему миру вообще, к другим людям и выражает особенности в их действиях.

Первый период (с рождения до 1,5 лет) в становлении характера родившегося ребенка называется оральная стадия (oral stage). Китайцы называют своего ребенка «дорогой», «драгоценный», поэтому, когда родители слышат, что ребенок плачет, ему сразу же дают еду. А уже потом родители пытаются понять причину его плача. На людях мать, когда слышит плач своего ребенка, без всякого стеснения оголяет свою грудь для того, чтобы покормить его.

Следующий период (с 1,5 до 3 лет) называется анальный период (anal stage). По сравнению с западным человеком процесс справления естественной нужды у китайцев — очень свободный, не стеснен строгими рамками. В деревне, например, дети носят штаны с дыркой на причинном месте, и когда им хочется по нужде, они справляют ее сразу же и где угодно. Именно в такой особенности воспитания китайцев на этом этапе развития — причина того, что западные люди часто критикуют китайцев за нечистоплотность, за непунктуальность, за то, что они идут без очереди, за отсутствие определенного порядка в их действиях.

Период с 3 до 5 лет называется фаллическим (phallic stage). Китайский ребенок до 3—4 лет часто спит с родителями — в одной комнате или даже в одной кровати. Большинство родителей всячески избегают не только разговоров перед детьми о сексе, но и просто демонстрации своих полоролевых отношений. Более того, китайцы на людях стараются не демонстрировать отношения между мужчиной и женщиной.

Следующий период развития личности, латентный период (latent stage), длится с 6 до 12 лет. В это время поведение и манеры ребенка начинают резко меняться. И в семье, и в школе взрослые начинают предъявлять очень строгие требования к ребенку. Взрослые в это время до-

вольно жестко требуют, чтобы он был послушным, спокойным, не баловался так, как он мог, когда был маленьким.

На следующем, генитальном, этапе (hetero-sexual stage) формирования личности китайская молодежь (с 12 до 14—15 лет) не боится не найти себе половину, всегда родители помогут им познакомиться с кем-то из противоположного пола. Для китайцев не характерно говорить «нет», потому что они опасаются обидеть других. Именно поэтому китаец в случае несогласия всегда дает уклончивый ответ.

Следующий период формирования личности называется молодежный (youth stage) период (с 14—15 до 20 лет). На этом этапе для китайских молодых людей, несмотря на то, что они уже имеют свое собственное мнение, сохраняется высокий авторитет мнения родителей. В случае расхождения собственного мнения с мнением родителей молодые китайцы беспрекословно следуют мнению своих родителей.

В западной культуре родители стремятся, чтобы их дети как можно раньше стали самостоятельными. Китайские же родители напротив — не разрешают этого. Когда же молодые люди в Китае становятся самостоятельными, они начинают новый цикл — воспитания уже своих собственных детей.

Библиографический список

Arthur H. Smith « Chinese Characteristics » 2006 97—104 页. (дата обращения: 05.03.2024).

刘云、赵娜、胡琳、王捷。中国为什么有“相亲角”·URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2019/1024/c429373-31417696.html> (дата обращения: 05.03.2024).

从典故中认识华美汉服 URL: <http://www3.xinhuanet.com/fashion/20230320/c912cd40239a481b8a4fea39f4994582/c.html> (дата обращения: 05.03.2024).

论语/中国哲学书电子化计划。 URL: <https://ctext.org/analects/wei-zheng/zhs> (дата обращения: 05.03.2024).

安妮·梅雷迪思。用中文说“嗨”的 12 种常用方式 URL: <https://studycli.org/zh-CN/learn-chinese/the-top-12-most-common-ways-to-say-hi-in-chinese/> (дата обращения: 05.03.2024).

家长太过严厉，竟致孩子患上强迫症？/人民日报 URL: <https://wap.peopleapp.com/article/rmh16370084/0> (дата публикации: 15.10.2020).

现代法治视野下的传统隐忍文化/ 中国法院网 URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2019/11/id/4621078.shtml> (дата публикации: 08.11.2019).

中国人的民族性与孔子的典范人格 / 中国民俗学网 URL: <https://www.chinafolklore.org/web/index.php?NewsID=6962> (дата публикации: 30.04.2010).

民俗文化篇 URL: <http://www.jiyuan.gov.cn/shiqing/jywh/t385848.html> (дата обращения: 05.03.2024).

Jia Yu, Weixiang Luo and Yuxie: «Sexuality in China: A review and findings» Chinese Journal of Sociology Volume 8, Issue 3, July 2022 Page 293—329.

Ruichun Wang, Lijun Zheng «The Analysis of Chinese and Western Culture Influence on Personality Development» 2016 by authors and Hans Publishers Inc 1289—1295.

Tao Yang, Mona Gleason « Study on the History of Children from the Educational Perspective » CNKI 23 Sep. 2019.

Wang Xiaoya, Chinese Traditional Family Education View and Its Reflection from “Tiger Mom Wolf Dad” // Wang Xiaoya DOI:10.16871/j.cnki.kjwha .2018.09.048.

Wu Chun, “Ethical Life in Chinese Society” Zhonghua Book Company 2007 edition page 288.

17. Xia Fengqin, Jiang Shumei, “Educational Psychology” January 1, 2021, pages 51—53.

Yu Dan, «Insights from the Analects of Confucius» 2017.04 Page 37—48 ISBN 9787108058485.

Heyi Zhang, Jia Song & Xiumin Hong «The relation between Chinese parents’ child-based worth and young children’s behavioral problems: a serial multiple mediator model» 15 Oct 2019 Page 902—917.

Wolf, Margery «Child training and the Chinese family» HRAF PUBDATE 1995 page 225—246.

А.Л. Верченко
Институт Китая и современной Азии РАН

**«Культурная концепция» Си Цзиньпина
и усиление связи культуры с идеологией
в «Новую эпоху»**

Аннотация. На протяжении последних десяти лет в КНР наблюдается тенденция к усилению связи работы в области культуры с идеологической и пропагандистской работой Китайской компартии. В 2023 г. на Всекитайском рабочем совещании по пропаганде, идеологии и культуре Си Цзиньпин, обобщив свое видение работы в сфере культуры, представил «культурную концепцию». Перед работниками культуры ставится задача укреплять социалистические ценности и моральные принципы, опираясь на указания партии о построении социалистического современного государства с китайской спецификой. Культура и лучшие традиции китайского народа вместе с основополагающими истинами марксизма и учетом конкретной специфики китайской практики должны служить поступательному движению страны по намеченному партией пути. Акцент делается на роли партии в воспитании у народа уверенности в ценности национальной культуры, чувства общности и единства нации, коллективизма, патриотизма, справедливости; распространении сведений об истории страны, особенно ее достижений последних лет; создании соответствующего контента в произведениях искусства, в сетевом пространстве и СМИ, формировании доверия к ним со стороны общества. Особое внимание обращается на то, что культурная работа на высоком идейном уровне должна быть активизирована и внутри страны, и за рубежом.

Ключевые слова: КПК, Си Цзиньпин, культурная концепция, пропаганда, идеология.

Alla L. Verchenko
ICCA RAS

**Xi Jinping's Cultural Concept
and Strengthening the Connection between Culture
and Ideology in the “New Era”**

Abstract. During the past ten years, there has been a tendency in the PRC to strengthen the connection between work in the field of culture and the ideological and propaganda work of the Chinese Communist Party. In 2023, at the National Working Meeting on Propaganda, Ideology and Culture, Xi Jinping, summarizing his vision of the work in the cultural field, presented the “Cultural concept”. Cultural workers are tasked with strengthening socialist values and moral principles, based on the Party's guidance to build a socialist modern state with Chinese char-

acteristics. The culture and best traditions, together with the fundamental truths of Marxism and taking into account the specific features of Chinese practice, should serve the progressive movement of the country along the path outlined by the Party. The emphasis is placed on the role of the party in instilling in the people confidence in the value of national culture, a sense of community and unity of the nation, collectivism, patriotism, and justice; disseminating information about the history of the country, especially its achievements in recent years; creating appropriate content in works of art, in the network space and Media, building public trust in them. Particular attention is drawn to the fact that cultural work at a high ideological level must be intensified both within the country and abroad.

Keywords: CCP, Xi Jinping, cultural concept, propaganda, ideology.

На протяжении всей своей истории Китайская компартия неизменно обращала внимание на культуру и использовала ее для выполнения своих задач. В «новую эпоху» Си Цзиньпина наблюдается усиление политиковоспитательной и пропагандистской составляющих в работе КПК в сфере культуры. Это происходит на фоне возрастания роли партии в жизни китайского общества и усиления идейно-пропагандистской работы КПК, направленной на достижения цели построения современной социалистической державы с высоким уровнем культуры.

Основные задачи в области культуры определяются съездами партии, которые меняют акценты работы в соответствии с ситуацией. На XIX съезде КПК Си Цзиньпин говорил, что сильная культура укрепляет нацию, способствует ее процветанию. На XX съезде речь шла об укреплении веры в китайскую культуру, наращивании ее мощи, достижении новых выдающихся успехов, что невозможно без активного партийного руководства. О повышении внимания КПК к работе в сфере культуры свидетельствует, в частности, тот факт, что проводившееся ранее Всекитайское рабочее совещание по пропаганде и идеологии в октябре 2023 г. было переименовано во Всекитайское рабочее совещание по пропаганде, идеологии и культуре [习近平 (Си Цзиньпин), 2023]. На этом совещании Си Цзиньпин подвел итоги своих предыдущих выступлений на разных форумах по вопросам культуры, в том числе на XIX и XX съездах КПК, рабочих совещаниях, конференциях, встречах и впервые сформулировал в обобщенном виде свои мысли о работе партии в сфере культуры как указания по культурной работе, изложил свою *культурную концепцию* 文化思想 (*вэньхуа сысян*). Си Цзиньпин считает, что необходимо усиливать взаимодействие постоянно обновляемой традиционной культуры с идеологией и пропагандой. Речь идет о сочетании четырехтысячелетней «превосходной китайской традиции и культуры» с основополагающими истинами марксизма и конкретной специфической китайской практикой [习近平 (Си Цзиньпин), 2023] в интересах поступательного движения страны по намеченному партией пути. Как отмечалось на Всекитайском партий-

ном совещании по изучению и реализации решений XX съезда КПК (2023 г.), «модернизация китайского типа обязана традиционной культуре Китая, опирается на нее, как и на усовершенствованные положения марксизма», она может способствовать процветанию духовной и материальной жизни, всестороннему развитию людей [全面 (Цюаньмянь), 2023].

Си Цзиньпин как руководитель КПК уделяет большое внимание закреплению в массах уверенности в непреходящей ценности национальной культуры, закреплению в сознании народа социалистических ценностей и моральных принципов, созданию высоких культурных стандартов; повышению уверенности нации в ценности и важности сохранения национальной культуры, которая является одной из составляющих общей уверенности общества в правильности избранного курса. Работников сферы культуры партия ориентирует на воспитание у людей социалистических моральных принципов, чувства общности и единения нации, коллективизма, патриотизма, справедливости, творчества, на распространение сведений об истории страны, особенно ее достижений последних лет в разных областях; на создание соответствующего установкам партии интернета сетевого пространства и СМИ, формирования доверия к ним со стороны общества; создание произведений искусства, отвечающих духу времени.

Партия ставит задачу активизировать культурную работу также на внешнем контуре, исходя из общих идеологических и пропагандистских задач. В условиях осложнения отношений КНР с рядом стран западного мира идет поиск новых путей и методов работы для расширения влияния китайской культуры, укреплению международных коммуникационных возможностей с целью создания позитивного облика Китая в мире.

Китайская пропаганда оценивает предложенную Си Цзиньпином культурную концепцию как теоретическое обобщение практического опыта КПК по руководству работой в области культуры, как развитие и обогащение марксистской теории культуры, как одну из составных частей концепции Си Цзиньпина по построению социализма с китайской спецификой в «новую эпоху».

Библиографический список

习近平对宣传思想文化工作作出重要指示 全国宣传思想文化工作会议 [Всекитайское рабочее совещание по пропаганде, идеологии и культуре]. www.gov.cn. 08.10.2023. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202310/content_6907766.htm (accessed: 30.03.2024). (In Chin.)

全面学习、全面把握、全面落实党的二十大精神 [Всесторонне изучать, полностью овладеть и реализовать дух XX Всекитайского съезда КПК] 求实网 . 02.2023. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-01/15/c_1129283148.htm (accessed: 21.03.2024). (In Chin.)

К.А. Вихрова
**Санкт-Петербургская государственная
 художественно-промышленная академия
 им. А.Л. Штиглица**

**Преодоление традиции киберпанка
 в романе «Мусорный прибой» Чэня Цюфаня**

Аннотация. Хотя расцвет литературы киберпанка пришелся на 1980-е гг., а создатели признали его символическую смерть уже в начале 1990-х, китайские авторы XXI в. восприняли традицию жанра под знаком «пост-» и творчески осмыслили его наследие в своих произведениях. Одним из выдающихся примеров работы с (пост)киберпанком стал роман современного китайского фантаста Чэня Цюфаня «Мусорный прибой». В рамках исследования проводится анализ данного романа в контексте трансформаций жанра. Вслед за американскими авторами, Чэнь проблематизирует вопросы охраны окружающей среды и социально-экономического расслоения и следует формуле «high tech — low life» в изображении антиутопического будущего Китая, страдающего от последствий экологической катастрофы. Персонажи «Мусорного прибоя» — «мусорные люди», занимающиеся уборкой токсичных отходов электронной промышленности, — страдают от чудовищной эксплуатации и поднимают восстание. Важную роль в развернувшемся конфликте играет «мусорная девушка» Мими, зараженная вирусом «всезнающего сознания». В результате классовой войны общество приходит к ряду компромиссных решений в области экологии и применения новых технологий. Позитивный потенциал финала позволяет сделать вывод о преодолении традиции киберпанка в романе Чэня Цюфаня.

Ключевые слова: Чэнь Цюфань, Мусорный прибой, киберпанк.

Kseniya A. Vikhrova
St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design

**Overcoming the cyberpunk tradition
 in Chen Qiufan's novel *The Waste Tide***

Abstract. Although cyberpunk literature flourished in the 1980s and its creators recognized its symbolic death in the early 1990s, Chinese authors of the twenty-first century have embraced the genre's tradition in its “post-” stage and creatively work with its legacy. An outstanding example of such work is *The Waste Tide*, a novel by Chen Qiufang, a contemporary Chinese science fiction writer. The study analyzes this novel in the context of the genre transformations. Following American authors, Chen problematizes the issues of environmental protection

and socio-economic stratification and follows the formula “high tech — low life” in depicting the dystopian future of China suffering from the consequences of environmental disaster. The characters of *The Waste Tide*, “waste people” who scavenge toxic electronic waste, suffer from horrendous exploitation and start a revolution. An important role in the unfolding conflict is played by Mimi, a “waste girl” infected with the virus of “omniscient consciousness”. As a result of class warfare, society comes to a number of compromise solutions in the field of ecology and introduction of new technologies. The positive potential of the ending concludes that Chen Qiufan overcomes the cyberpunk tradition in his novel.

Keywords: Chen Qiufan, *The Waste Tide*, cyberpunk.

Чэнь Цюфань (陈楸帆, род. в 1981) — современный китайский писатель-фантаст и публицист, чьи произведения в жанре «научно-фантастического реализма» [Liu 2021] отмечены литературными наградами и переведены на многие языки. В своем творчестве Чэнь развивает и преодолевает традицию киберпанка. Примером трансформации служит его роман «Мусорный прибой» (荒潮 (Хуанчао), 2013), проблематизирующий вопросы экологии и социально-экономического неравенства.

Характерно, что «отцы» киберпанка, появившегося в США в последней четверти XX в. в ответ на радикально меняющиеся условия окружающей реальности, признали «смерть» движения уже в начале 1990-х [Shiner 1991]. Популярный жанр стал рубежом научно-фантастической парадигмы в постмодернизме, но не пережил коммерциализации и серийного тиражирования внешних атрибутов, утративших идейно-содержательный фундамент. Символическая смерть течения стала отправной точкой для дальнейших трансформаций под знаком «пост-»: образ романтического киберпанковского «ковбоя», осваивающего пространство виртуального «фронта» и отстаивающего идею всеобщего доступа к информации, перешел в социально-критическую модальность и сменился фигурой вигиланте-прагматика.

История китайской научной фантастики в XX в. продемонстрировала влияние значительного количества внелитературных факторов. Идеи киберпанка были подхвачены китайскими авторами уже на стадии «пост-», что нашло отражение в особом развитии жанра в произведениях китайских авторов.

Среди творчества нового поколения китайских фантастов (пост)киберпанковские тексты Чэня Цюфаня выделяются особой «реалистичностью» и резкой социально-критической направленностью. Действие его романа «Мусорный прибой» разворачивается в Китае недалекого будущего после экологической катастрофы, в результате которой возникла необходимость в создании киборгов для опасной работы по устранению отходов электронной промышленности. Серия бесчеловечных опытов приводит к появлению «мусорных людей», фактически рабов,

приносящих гигантские доходы своим «нанимателям». Единственным выходом из капиталистического ужаса эксплуатации становится классовая война. Важная роль в конфликте отведена центральной героине — Мими — «мусорной девушке», зараженной вирусом «всеведущего сознания», и ее возлюбленному Ченю Кайцзуну. В финале романа героиня, выполнившая свое предназначение, едва не погибает и лишается сверхспособностей, Кайцзун осуществляет символический возврат к природе и традиционным ценностям, а реформированное общество осознает важность защиты окружающей среды и переходит к более этичному внедрению новых технологий.

Таким образом, в романе Чэня Цюфаня, с одной стороны, акцентируется важность социально-экономических конфликтов, что типично для посткиберпанка. С другой стороны, финал произведения обладает оптимистичным потенциалом благодаря общественному компромиссу. Это позволяет говорить о преодолении наследия киберпанка в «Мусорном приборе».

Библиографический список

- Чэнь Цюфань*. Мусорный прибор. М.: Эксмо, 2020.
- Shiner L.* Confessions of an Ex-Cyberpunk. 7.01.1991. URL: <https://www.nytimes.com/1991/01/07/opinion/confessions-of-an-excyberpunk.html>
- Liu Yi-Ling.* Sci-Fi Writer or Prophet? The Hyperreal Life of Chen Qiufan. 9.03.2021. URL: <https://www.wired.com/story/science-fiction-writer-china-chen-qiufan/>

*Gao Qing***Забайкальский государственный университет****О роли традиционной культуры
в современном Китае**

Аннотация. Традиционная культура Китая более ста лет является объектом научных дискуссий. Сегодня китайские философы пытаются найти в философии Лян Шумина ответ на вопросы, которые определяют формирование концепции «современная культура с китайской спецификой». Анализ показал, что проблемы и вопросы развития традиционной культуры, которые рассматривались китайскими философами в начале XX века, не потеряли своей актуальности и сегодня. Проблемы культурной идентичности, место китайской культуры в мировом культурном развитии, ее соотношение с западной культурой продолжают быть предметом исследования. Глобальные процессы породили и новые вопросы, которые становятся предметом анализа: интеграция культур и культурный конфликт, культурный менталитет и культурное взаимодействие. Большое значение в современных исследованиях отводится вопросам соотношения традиционной культуры с экономикой и политикой Китая, как с взаимообусловленными сферами жизни китайского общества. Как культура определяет уровень экономического развития, так и экономика влияет на ее инновации. Традиционная культура, трансформируясь, выходит на новый уровень, который неотделим от инновационного развития, благодаря единству культурной практики, ресурсов и потребностей китайского общества.

Ключевые слова: китайская традиционная культура, творческая трансформация, инновационное развитие.

*Gao Qing***Transbaikal State University****On the role of traditional culture in modern China**

Abstract. The traditional culture of China has been the subject of scientific debate for more than a hundred years. Today, Chinese philosophers are trying to find in the philosophy of Liang Shumin the answer to the questions that determine the formation of the concept of “modern culture with Chinese characteristics.” The analysis showed that the problems and issues of the development of traditional culture, which were considered by Chinese philosophers at the beginning of the twentieth century, have not lost their relevance today. Problems of cultural identity, the place of Chinese culture in world cultural development, its relationship with Western culture are still the subject of research. Global processes have also given rise to new issues that become the subject of analysis: integration of cultures and cultural

conflict, cultural mentality and cultural interaction. Great importance in modern research is given to the relationship between traditional culture and the economy and politics of China. These spheres of life in Chinese society are interdependent. Just as culture determines the level of economic development, so does the economy influence its innovation. Traditional culture, transforming, reaches a new level, which is inseparable from innovative development, thanks to the unity of cultural practices, resources and needs of Chinese society.

Keywords: Chinese traditional culture, creative transformation, innovative development.

В течение ста лет между китайскими философами ведутся дискуссии о роли западной культуры в формировании китайской, о роли традиционной китайской культуры в формировании мировой. Анализируя предшествующие исследования, уровень культурного развития Китая, Лян Шумин видел в западной культуре два положительных момента: «научный дух» и «демократический дух», которые отсутствуют в китайской культуре [梁漱溟 (Лян Шумин), 2006, 34]. Поэтому, по его мнению, страны, которые принимают вестернизацию, могут сохранить себя и укрепить нацию, кто не принимает — оказываются под ее властью. Вводя такое понятие как «ориентализация» для противопоставления вестернизации, он не сопоставляет и не сравнивает их, а отмечает, что Китай, являясь родиной ориентализма, также как и другие, находится под угнетением вестернизации [梁漱溟, 2006, 12]. Лян Шумин видел общую тенденцию культурных изменений в будущем, которая вызвана влиянием экономических изменений, расширением сферы и масштабов производства [梁漱溟, 2006, 150]. Сегодня китайские философы вновь обращаются к Лян Шумину. Ма Сяобинь и Лу Веймин отмечая, что Лян Шумин реализует принцип культурной национальности и стремление к национальной культурной индивидуальности [晓彬 (Ма Сяобинь), 陆卫明 (Лу Веймин), 2013, с. 133—134], делают вывод, что он впервые ввел китайскую культуру в систему мировой, рассматривал ее равнозначной западной культуре, опережая, при этом, ее уникальность.

На протяжении всей истории мирового культурного развития благодаря взаимному обмену и интеграции, культуры не только процветали и развивались, учась друг у друга, но и, опираясь на сильные стороны другой, продвигали свое развитие. Ни одна культура не может совершить качественный скачок без воздействия, столкновения, пересечения и сопутствующей интеграции. Интеграция и порождаемый ей культурный конфликт способствовали культурному скачку, следствием которого было возрождение культурного менталитета. Он обеспечивал становление открытости и терпимости к конфликтам и столкновениям, приводя уже на новом уровне к культурной интеграции и обмену. Сегодня в условиях глобального процесса речь идет о традиционной культуре, которая, ин-

тегрируясь с другими, сохраняя свою самобытность, инновационно развиваясь, вливается в мировую.

Культура, экономика и политика Китая взаимообусловлены [黄楠森 (Хуан Наньсен), 2000, 05], поэтому современную ценность традиционной культуры нельзя игнорировать, [江畅 (Цзян Чан), 戴茂堂 (Дай Маотан), 1997, 561], так как она, творчески трансформируясь, инновационно развивается [张明富 (Чжан Минфу)]. Поэтому необходимо исследовать ее значение в контексте современной жизни, объединив культурную практику, культурные потребности с ресурсами; продвигать инновации, эффективно используя новые технологии. И только глубокая интеграция традиционной культуры во все аспекты общественного производства и жизни поможет экономическому и социальному развитию, которые обеспечат ее инновационному развитию надежную социальную поддержку.

Библиографический список

梁漱溟. 东西文化及其哲学. [Лян Шумин. Восточные и западные культуры и их философия] 出版社: 上海人民出版社: 2006: 页数: 236

晓彬, 陆卫明. 论梁漱溟的中西文化观——以《东西文化及其哲学》为中心 [Ma Сяобинь, Лу Веймин. О взглядах Лян Шумина на китайскую и западную культуры — в центре внимания «Восточная и западная культуры и их философия»] 新疆大学学报 (哲学·人文社会科学版), 2013, 41(01): 132—136 DOI: 10.13568/j.cnki.issn1000-2820.2013.01.015.

黄楠森. 中国传统文化与有中国特色社会主义文化建设: [Хуан Наньсен. Китайская традиционная культура и построение социалистической культуры с китайской спецификой] // 内部文稿. 2000: 06 页

江畅、戴茂堂, 《西方价值观念与现代中国》 [Цзян Чан, Дай Маотан. «Западные ценности и современный Китай»] // 湖北人民出版社, 1997. 第 568 页

张明富, 中华优秀传统文化创造性转化: [Чжан Минфу. Творческая трансформация превосходной традиционной культуры Китая]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1794009198518692992&wfr=spider&for=pc> (accessed: 20.03.2024).

*Е.В. Голосова***Никитский ботанический сад —
Национальный научный центр РАН****Проблемы трансформации восприятия
и структуры китайского классического сада¹**

Аннотация. Истоки традиционного китайского садоводства как вида искусства лежат во временах ханьской и цзиньской династий, а со времен правления династии Тан о китайском садоводстве принято говорить как о признанном виде искусства [Chinese classical gardens, 2002]. Выработанная за многие века теоретическая база была едина для садоводства, литературы, живописи и каллиграфии, которые развивались и совершенствовались в тесной взаимосвязи друг с другом. Китайские классические сады северного и южного типа давно приобрели известность как уникальные объекты ландшафтной архитектуры, многие из них включены в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Однако, к концу первой четверти XXI века четко прослеживаются две группы серьёзных проблем, связанные с изменениями как в структуре исторического сада, так и в его целостном восприятии. Одна группа проблем связана с включением в ландшафт сада структурных элементов, не свойственных классическому китайскому саду (цветники, газоны, инорайонные растения), другая — с отсутствием ограничения количества посетителей, одновременно находящихся на территории сада. В часы активного посещения полностью исключается возможность оценить привлекательность объекта в связи с утратой всех визуальных связей композиций.

Ключевые слова: Китайский сад, планировка, структура, восприятие.

*Elena V. Golosova***Nikitsky Botanical Garden —
National Scientific Center of the Russian Academy of Sciences****Problems of transformation of perception
and structure of the Chinese garden**

Abstract. The origins of traditional Chinese gardening as an art form refer to the times of the Han and Jin dynasties, and since the reign of the Tang Dynasty, Chinese gardening has been commonly referred to as a recognized art form [Chinese classical gardens, 2002]. The theoretical basis developed over many centuries was the same for gardening, literature, painting and calligraphy, which developed and improved in close relationship with each other. Chinese classical gardens of

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НБС-ННЦ РАН по теме № FNNS-2022—0007.

the northern and southern types have long become famous as unique objects of landscape architecture, many of them are included in the UNESCO World Heritage List. However, by the end of the first quarter of the XXI century, two groups of serious problems are clearly visible, related to changes both in the structure of the historical garden and in its holistic perception. One group of problems is related to the inclusion of structural elements in the garden landscape that are not typical of a classical Chinese garden (flower beds, lawns, non—district plants), the other is due to the lack of restriction on the number of visitors who are simultaneously in the garden. During the hours of active visiting, the opportunity to assess the attractiveness of the object is completely excluded due to the loss of all visual connections of the compositions.

Keywords: Chinese garden, layout, structure, perception.

Китайский классический сад, как и любой объект, включающий архитектурную и природную составляющую, со временем претерпевает определенные изменения.

Главным принципом построения китайского сада всегда была необходимость создания предельной гармонии между природным и рукотворным ландшафтом, а пространство формировалось на основе глубоко проработанной системы взаимодействия отдельных пейзажей и пейзажных картин (противоположные, сквозные, разделенные и т.д.).

Главный концептуальный подход при строительстве сада заключался в том, что он должен быть приятным для глаз в любое время года и при любой погоде [Zhang]. На это в значительной мере влияло как мастерство садовника, так философские взгляды на красоту природы.

Сохранившиеся до нашего времени частные сады долины реки Янцзы, в Сучжоу и в других городах провинции Цзянсу, были созданы или реконструированы в период XI–XIX веков. В них до 94 % используемых растений — это местная флора [Голосова, Лю 2023]. Для сада растения отбирались в первую очередь по их символическому значению, а декоративная ценность была вторичной [Williams 1999].

Анализ жизненных форм растений китайских садов выявил количественное преимущество видов деревьев играющих роль пространственной доминанты, над кустарниками и минимальное использование травянистых растений в напочвенном покрове. Для создания пейзажных картин предпочтение отдавалось быстрорастущим, ветвистым, густо облиственным видам. В большинстве случаев деревья, как основная жизненная форма, создают только первый высотный ярус и редко присутствуют во втором наряду с крупными кустарниками. Важная роль отведена растениям, соразмерным по высоте человеческому росту (от 1,5 до 2,5 м). Именно они формировали восприятие отдельных картин и усиливали эффект обилия и разнообразия в саду. Древесные лианы в садах Китая

используются, но популярных видов мало — в основном сорта и формы рода глициния.

Южные сады в своем большинстве предназначались для нахождения в них небольшой группы людей (семьи). Естественная потребность укрыться от палящего солнца летом и допуск солнечных лучей под кроны зимой, привела к хорошо выверенному балансу вечнозеленых и листопадных видов. Вечнозеленые кустарники высаживались традиционно вблизи архитектурных построек для создания растительных композиций постоянного периода декоративности. При такой пространственной структуре сада практически отсутствовали цветочные растения — для них просто не было экологической ниши.

Культурная интеграция XX века привела к появлению в китайских садах не только обширных газонных пространств, но и ярких ковровых цветников европейского типа. Включение многих садов в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, сделало их известными, но не смогло защитить от явных изменений.

В настоящее время потоки посетителей таковы, что за сотнями людей находящимися на территории, невозможно оценить ни структуру сада, ни древесные и каменные композиции, невозможно насладиться тишиной, шелестом листьев и журчанием воды, так вдохновенно описываемыми поэтами древности. Ограничения доступа в сады, вне зависимости от плотности людского потока, традиционно отсутствует.

Другая проблема исторических садов — это изменение объемно-пространственной структуры и видового состава. В классическом китайском саду появились нехарактерные газоны и цветники, что не только изменяет восприятие пейзажных картин, разработанных древними мастерами, но и является свидетельством явного изменения сомкнутости полога. Иными словами — появилась та экологическая ниша для светолюбивых злаков и однолетних цветочно-декоративных растений, которой не было практически до середины XX века.

Также происходит естественная убыль высокоствольных старовозрастных деревьев-эдификаторов, приводящая к осветлению подпологового пространства; восстановить изначальную структуру в короткое время невозможно. Остается надеяться, что подобное состояние садов — лишь временный период, предшествующий глобальной реконструкции.

Библиографический список

Голосова Е.В., Лю Миньхао. Анализ ассортимента садов Китая — объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО // Лесохозяйственная информация. 2023. № 3. С. 129—139. Forestry information. 2023. № 3. P. 129—139.

Chinese classical gardens. /Hangzhou: Zhejiang People's Fine Arts Publishing House, 2002. P. 7).

Williams C.A.S. Chinese symbolism and Art motifs. Singapore, 1999. 472 p. URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/694-features-of-symbolic-and-sign-china> (дата обращения 05.03.2023).

Zhang, D. Classical Chinese Gardens: Landscapes for Self-Cultivation / D. Zhang. DOI: 10.25034/ijcua.2018.3654 // Contemporary Urban Affairs. 2018. Vol. 2. № 1. P. 33—44.

Е.А. Данилова
МГУ им. М.В. Ломоносова

**Китайская игра Го
как эффективный инструмент развития
стратегического мышления
политической и деловой элиты**

Аннотация. Стремительные изменения в современном миропорядке требуют новых управленческих компетенций для достижения высоких национальных целей. Китай изобрел уникальную технологию обучения стратегическому мышлению через игру Го. Го — это элегантная интеллектуальная игра, демонстрирующая невообразимую глубину, сложность и беспрецедентную тонкость мышления несмотря на простые правила.

Обучение через игру Го позволяет незаметно трансформировать программный код сознания разнородных элитных групп, обучая управленцев общему языку обсуждения сложных проблем и выработки долгосрочных стратегий.

Западная модель управления доказала свою несостоятельность: в долгосрочной перспективе ведет к усилению экономического разрыва и доминированию одних за счет других, что не отвечает интересам развития мира и достижения общих целей человечества.

Таким образом, целесообразно обратиться к опыту Востока и освоить технологию обеспечения долгосрочного лидерства, открывающего возможности стимулировать развитие экономики и других стран.

Кроме того, несмотря на усиливающийся «поворот на Восток», потенциал российско-китайского партнерства раскрыт не в полной мере, так как по наблюдениям автора, политический «алармизм» превалирует над экономическим реализмом. Поскольку Го является ключом к логике принятия управленческих решений представителями китайской политической и деловой элиты, именно освоение Го может помочь российским руководителям и дипломатам эффективно и безопасно воспользоваться возможностями сотрудничества.

Ключевые слова: поворот на восток, философия управления Китая, стратегическая игра Го, стратегическое мышление.

**The logic of governance decision-making
by representatives of the Chinese political and business elite
through the prism of the philosophy
of the Chinese strategic game of Go**

Abstract. Rapid changes in the modern world order require new management competencies to achieve national ambitious goals. China has invented a unique technology for teaching strategic thinking through the game of Go. Go is an elegant mind game that exhibits unimaginable depth, complexity, and unprecedented subtlety of thinking despite its simple rules.

Learning through the game of Go allows you to quietly transform the program code of consciousness of heterogeneous elite groups, teaching managers a common language for discussing complex problems and developing long-term strategies.

The Western model of management has proven its inconsistency: in the long term it leads to increasing economic gaps and dominance of some at the expense of others, which does not meet the interests of world development and achieving the common goals of mankind.

Thus, it is advisable to turn to the experience of the East and master the technology of ensuring long-term leadership, which opens up opportunities to stimulate the development of the economy and other countries.

In addition, despite the increasing “turn to the East,” the potential of the Russian-Chinese partnership has not been fully realized, since, according to the author’s observations, political “alarmism” prevails over commercial realism. Since Go is the key to the logic of management decisions made by representatives of the Chinese political and business elite, mastering Go can help Russian leaders and diplomats effectively and safely take advantage of cooperation opportunities.

Keywords: turn to the east, Chinese management philosophy, strategic game of Go, strategic thinking.

В послании Федеральному собранию 2024 года Президент В.В. Путин поставил высокие цели в социальной и экономической сферах, которые должны обеспечить лидерство России в глобальной конкуренции на годы вперед. Поставленные задачи не могут быть решены без повышения качества управления государственного аппарата и изменения мышления бизнеса, роль которых значительно возрастает в контексте задач построения инновационной экономики и достижения технологического суверенитета.

В предыдущие эпохи источником образования для элиты России являлся Запад. Однако сегодня западная цивилизация переживает идейное банкротство и не может предложить адекватную модель воспитания

сильной элиты. В то же время мы видим опыт Востока, который демонстрирует модели управления государством и обществом, успешно существующие веками.

Большой Китай был создан в третьем веке до н.э. благодаря появлению класса управленцев-стратегов, которые не только предложили долгосрочный план объединения культурно разнородных территорий в единое государство, но и реализовали этот стратегический замысел, казавшийся невыполнимым. В результате элита, способная мыслить по-новому, интегрировала территории Китая, что определило его доминирование в Юго-Восточной Азии на тысячу лет. Современная модернизация КНР также началась с формирования новой элиты, которая оказалась способна переосмыслить образ будущего и перестроить отсталые институты для осуществления эффективного рывка на позиции мирового лидера в XXI веке.

Инструментом образования элиты-локомотива, которая осуществляла проекты трансформации в Китае, Японии и Корее, **выступала стратегическая философия, оформленная в виде интеллектуальной игры для правителей — Го**. Го — это элегантная интеллектуальная игра, демонстрирующая невообразимую глубину, сложность и беспрецедентную тонкость мышления несмотря на простые правила. Игра, призванная установить взаимосвязь между образом, разумом и числом, чтобы доказать Дао. Дао — это не только путь Вселенной, путь природы, но и образ жизни. Го может интерпретировать естественный процесс даосизма из отношений между человечеством, подлинностью и небом, и это идеальная модель для моделирования мира. Го — вклад Китая в мировую культуру [周为 (Чжоувэй), 2019].

Обучение стратегическому мышлению через игру является уникальным изобретением Востока, что позволило незаметно трансформировать программный код сознания разнородных элитных групп, обучая управленцев общему языку обсуждения сложных проблем и выработки долгосрочных стратегий.

В период создания СССР роль такого инструмента сыграли шахматы, которые помогли быстро и эффективно воспитать из необразованных представителей низших сословий достаточное число грамотных управленцев, умеющих думать о сложном и побеждать. Однако модель шахматного мышления не отвечает реалиям современного мира, в котором нет четко определенного фронта и тыла, команды формируются по сетевому, а не иерархическому принципу, а стратегии стали нелинейными и требуют от исполнителей глобального видения и гибких решений.

Кроме того, в условиях трансформации мирового порядка в 2022—2024 гг. форсировано наращивается экономическая взаимосвязанность России с азиатскими странами и поворот на восток перестает иметь толь-

ко базовые стратегические ориентиры, сопровождается и усиливается усложнением архитектуры цепочек добавленной стоимости. Однако потенциал партнерства раскрыт не в полной мере, так как по наблюдениям автора, политический «алармизм» превалирует над экономическим реализмом.

Таким образом, обращение к китайским технологиям развития управленческого мышления позволяют одновременно усилить руководящие и стратегические компетенции отечественной элиты, в то же время, снять суеверные опасения и стимулировать реализовывать стратегический потенциал российско-китайского партнёрства. Политическое лидерство Китая не предполагает принуждение своей воле или лишение другими государствами собственных выгод. Стратегические паттерны китайской логики исходят из того, что развитие одного государства не только не влечет за собой отставание других, но скорее даже предполагает возможность асинхронного развития всех.

Обучение Го может помочь российским руководителям, дипломатам принимать более обоснованные и обдуманые решения, использовать аспекты игры в государственном управлении и во взаимодействии с Китаем и другими государствами Азии.

Библиографический список

Послание Президента Федеральному Собранию, 29 февраля 2024 года.

周为. 围棋起源与平凉（陇山）文化的渊源研究 // Чжоу Вэй. Исследование происхождения Го и происхождения культуры Пинлянь (Луншань). 2019. URL: [https://oversea.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=IPFD&filename=HZQY201910001013&dbname=IPFDLAST2021&uid=WEEvREcwSIJHSlSdmVpbEs1TVF3eIZ5STMvV3ZsbnRzREhMNC9MdkF2WT0=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowvHtwkF4VYPoHbKxJw!!](https://oversea.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=IPFD&filename=HZQY201910001013&dbname=IPFDLAST2021&uid=WEEvREcwSIJHSlSdmVpbEs1TVF3eIZ5STMvV3ZsbnRzREhMNC9MdkF2WT0=$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMowvHtwkF4VYPoHbKxJw!!) (Дата обращения: 19.07.2023)

А.В. Дышенов
Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова

**«Клубок противоречий» в творчестве Линь Юйтана:
конфуцианство, даосизм и христианство**

Аннотация. Один из самых знаковых писателей Китая XX в., номинант на получение Нобелевской премии в 1975 г. за роман «Моменты в Пекине» — Линь Юитан. Уникальной особенностью его личности и творчества считается «клубок противоречий», суть которого сводится к тому, что нельзя сказать чего-либо однозначного не только в плане его отношения к конфуцианству или даосизму, но даже на глубинном уровне человеческого сознания, связанного с религией и верой: христианин ли Линь Юитан или все же гуманист?

Творчество Линь Юйтана признано за рубежом, он является автором бестселлера «Китайцы. Моя страна и мой народ» (1935 г.), — к большому сожалению, пока единственной работы писателя, опубликованной в России (2010 г.) (в переводе Н.А. Спешнева с китайского, оригинал написан на английском языке). Бесспорно, данное издание дало начало русскоязычной ветви *диньсюэ* (линьютановедения), где пока отсутствуют серьезные академические исследования. Настоящий труд является частью диссертационной работы и опирается на ряд книг писателя: «Мудрость Конфуция», «Мудрость Лао-цзы» и «От язычника к христианину».

Ключевые слова: Линь Юитан, китайская литература, конфуцианство, даосизм, христианство.

Alexander V. Dyshenov
Banzarov Buryat State University

**“A Tangle of Contradictions” in Lin Yutang's works:
Confucianism, Taoism and Christianity**

Abstract. One of the most iconic writers of China of the twentieth century, a nominee for the Nobel Prize in 1975 for the novel “Moments in Beijing” — Lin Yutang — a unique feature of his personality and work is considered a “tangle of contradictions”, the essence of which boils down to the fact that it is impossible to say something unambiguous not only in terms of his attitude to Confucianism or Taoism, but even at the deep level of human consciousness associated with religion and faith: is Lin Yutang a Christian or is he still a humanist?

Lin Yutang's work is recognized abroad; he is the author of the bestseller “Chinese. My country and my people” (1935), — unfortunately, so far, the only work of the writer published in Russia (2010) (translated from Chinese by N. A.

Speshnev, the original was written in English). Undoubtedly, this publication gave rise to the Russian-language branch of Linxue (Lin Yutang studies), where there is still no serious academic research. This work is part of a dissertation and is based on a number of books by the writer: “The Wisdom of Confucius”, “The Wisdom of Lao Tze” and “From Pagan to Christian”.

Keywords: Lin Yutang, Chinese literature, Confucianism, Taoism, Christianity.

Разносторонняя творческая деятельность Линь Юйтана (1895—1976), в которой есть философские эссе, художественные произведения, переводы памятников китайской литературы на английский язык и произведения английских классиков на китайский, педагогические труды, англо-китайский словарь, создание первой печатной машинки с китайскими иероглифами и др., привлекает внимание ученых из разных областей: литературоведческих, лингвистических, культурологических, педагогических, философских и т.д. В исследованиях его творчества существует широкий спектр проблем, однако многие из них так или иначе сталкиваются с одним вызовом, с редкостной особенностью личности Линь Юйтана, которая с его же подачи была принята в *линъюэ* (линъютановедение) и названа «клубком противоречий». Данное явление, по иронии, также часто рождало его непонимание или даже негативную критику со стороны современников, к числу которых относятся: Лу Синь, Го Можо, Тянь Хань и др.

Если говорить о мировоззренческой составляющей писателя, служившей своего рода двигателем творческой активности, «клубок противоречий» тут оставляет множество белых пятен, придавая значимость исследованиям уже философской направленности: в *линъюэ* по сей день идут споры о его приверженности к той или иной философской школе. Среди китайских литературоведов (Ван Чжаошэн и др.) распространено мнение, что его мировоззрение в большей степени проявляет даосские мотивы, чему подтверждением приводятся те или иные его «продаосские» высказывания, факты из жизни, в ту же очередь, в его творчестве можно найти немало и «конфуцианского». Религиозная позиция Линь Юйтана в данных исследованиях, к удивлению, не рождает каких-либо больших вопросов, на веру принимая его возвращение в христианство на склоне лет, однако, с богословской точки зрения, «клубок противоречий» тут являет себя в гораздо большей степени, возможно, скрывая в себе причину его парадоксальности, непонятную даже ему самому.

Например, в работе Линь Юйтана «От язычника к христианину» (1959 г.), которую автор называет итогом своих духовных исканий, окончательным плодом его фундаментальных размышлений, «гаванью» мировоззрения, воспринятую литературным миром исповеданием его веры, «клубок противоречий» проявляется в том, что на всем пути повествова-

ния, начиная от детского, неосознанного опыта христианства, через отвержение его в студенческие годы, приверженности гуманистическим воззрениям в зрелости с кропотливым изучением разных философий, до окончательного возвращения в Церковь в возрасте 63-х лет, — чувствуется не только глубочайшее почтение автора к «языческим» учениям, но даже в некоторой степени «любовь» к ним, невольно рождая сомнения в ортодоксальности христианских воззрений позднего Линь Юйтана с подозрениями о все же гуманистических корнях его веры во Христа.

Выявить проблему «клубка противоречий» в отношении традиционных китайских учений, а также христианства — цель настоящего исследования, предпринятая на материале произведений писателя «Китайцы. Моя страна и мой народ», «Мудрость Конфуция», «Мудрость Лао-цзы», «От язычника к христианину».

Библиографический список:

Линь Юйтан. Китайцы. Моя страна и мой народ [Книга] / перев. Н.А. Спешнев. М.: Восточная литература РАН, 2010.

Lin Yutang. From Pagan to Christian [Книга]. New York : Cleveland, World Publishing Company, 1959. [Линь Юйтан. От язычника к христианину // Нью-Йорк: Кливленд, Всемирная издательская компания, 1959]. (На англ. яз.)

Lin Yutang. Wisdom of Confucius [Книга]. New York : Modern library, 1938. [Линь Юйтан. Мудрость Конфуция // Нью-Йорк: Современная библиотека, 1938]. (На англ. яз.)

Lin Yutang. Wisdom of Laotse [Книга]. New York : Modern Library, 1948. [Линь Юйтан. Мудрость Лао-цзы // Нью-Йорк: Современная библиотека, 1948]. (На англ. яз.)

王兆胜. 林语堂与孔子 [杂志] // 广播电视大学学报 (哲学社会科学版). 2000年. 1. 页 12—16.

Е.А. Завидовская
**Институт Китая и современной Азии РАН,
Брянский государственный университет**

**Религиозный ландшафт провинции Юньнань
по материалам цинского альбома
из собрания Научной библиотеки СПбГУ**

Аннотация. Хранящийся в Научной библиотеке СПбГУ альбом о провинции Юньнань с шифром Хул. F-25 (период создания около 1830—1840 гг.) содержит 76 карт провинции и ее областей с описаниями и картинками, он преследует цель познакомить с историей каждой административной единицы и характерными особенностями местности. Помимо сведений об административных преобразованиях, особенностях быта и костюма разных этнических групп, удивительных природных явлениях альбом содержит краткие упоминания о религиозных и культовых практиках как ханьского, так и аборигенного населения провинции. В статье освещены такие аспекты, как конфуцианство и образование, многообразие храмовых построек в городской местности, специфика местного буддизма и обычаи местных народов. С эпохи Мин в ряде городов Юньнани сформировалась прослойка ханьцев с конфуцианским образованием, которые совместно с назначаемыми чиновниками принимали участие в почитании Конфуция и открытии множества учебных заведений. Купцы и торговцы солью участвовала в спонсировании буддистских и даосских храмов, некоторые местные народы поклонялись Будде, что может быть связано с наследием государств Наньчжао (738—902) и Дали (937—1253).

Ключевые слова: Юньнань, источник, эпоха Цин, конфуцианство, буддизм, ицзу.

Ekaterina A. Zavidovskaya
**Institute of China and Modern Asia RAS,
Bryansk State University**

**Religious Terrain of Yunnan Province
in the Qing Period Album from the Collection
of the Academic Library of St. Petersburg State University
(No. Xyl.F-25)**

Abstract. The hand-written Qing period album on Yunnan province from the holdings of the Academic Library of the St. Petersburg State University (tentative production period 1830—1840s, No. Xyl. F-25) contains 76 maps of Yunnan province and its territories with textual descriptions and pictures. Apart from the information on administrative reforms in each area, details on lifestyles and cloth-

ing of the indigenes, peculiar scenic spots, the texts of the studied album briefly mention various religious practices of both Han and local population. The paper discusses such facets of the religious life of the Yunnanese society as Confucianism and development of the educational institutions, diversity of temples devoted to Three teachings (Confucianism, Buddhism, Daoism) in the urban areas of Yunnan, specifics of local Buddhism and ritual practices of the indigenes, Yizu in particular. Starting from the Ming period (1368—1644) a social stratum of the Confucian educated elite has emerged in Han populated areas of the province, they eagerly embarked on the venture of establishing various educational institutions and venerating Confucius along with the local officials. Merchants and salt traders participated in sponsoring Buddhism and Daoist temples, some local ethnic groups were involved in Buddha worship, which may be seen as heritage of Buddhist traditions Nanzhao (738—902) and Dali states (937—1253).

Keywords: Yunnan, source, Qing period, Confucianism, Buddhism, Yizu.

В Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ хранятся два альбома о народах провинции Юньнань (шифр Хул. F-26, Хул. F-25), еще не переизданный альбом Хул. F-25 включает одну карту всей провинции, а также 75 карт административных единиц (округов, областей, уездов) и их описаний. Хотя исследуемый альбом Хул. F-25 создавался для того, чтобы дать представление об административном устройстве Юньнани, в данном исследовании мы ставим цель проанализировать прямые или косвенные данные о религиозном ландшафте провинции, отраженном в этом альбоме. Можно выделить текстовую и визуальную информацию о следующих аспектах: 1) роль конфуцианства в жизни социума Юньнани; 2) характер храмовых построек; 3) роль и специфика местного буддизма; 4) мечети и ислам в регионе.

1. Роль конфуцианства в жизни социума Юньнани

Обширный вопрос о конфуцианстве в Юньнани связан с изучением процессов культурной, идеологической и духовной интеграции «варварской окраины», какой исконно являлась Юньнань, в систему управления империи, предполагавшей приобщение не китайского населения к конфуцианским ценностям и практикам жизненного устройства (от предписаний к внешнему облику до брачных и похоронных обрядов). Эти аспекты отражены в исследуемом альбоме лишь штрихами. Процесс постепенной замены туземных чиновников присылаемыми из центра (*гайтушэлю* 改土設流), упорная работа по внедрению конфуцианских норм поведения среди местной правящей элиты активно велась властями Мин и Цин, следуя принципу «прибегать к [культуре Хуа]ся, чтобы изменить варваров» (*юнься бяньи* 用夏變夷). Государство проводило здесь систему регистрации населения и сбора с него налогов, внедряло государственный ритуал и китайскую администрацию. Вследствие мощной инфильтрации ханьского населения в Юньнани сформировалась группа местных обра-

зованных мужей, прославивших провинцию почетными местами на местных и государственных экзаменах, заложивших основу местной традиции конфуцианского образования [Ma Jianxiong 2013, 150—151]. Неханьское население к этим экзаменам допущено не было, т.о. это были именно представители образованных ханьских семей, поселившиеся в Юньнани.

2. Роль и специфика местного буддизма

Буддизм в Юньнани был распространен как среди некоторых аборигенных народов, так и среди ханьского населения. Исторически среди тибето-бирманских народов группы *мцзу* бытовали течения буддизма махаяны, а среди тайских народов самого юга Юньнани — буддизм тхеравады. В центральной части Юньнани буддизм стал важным компонентом символического наполнения власти верхов государств Наньчжао (738—902) и Дали (937—1253). В Наньчжао циркулировали тексты исторического буддизма (*мицзун* 密宗) на китайском языке, приходившие из Тан, при этом в иконографии сохранившихся скульптур видно индийское влияние. В Наньчжао позднего периода получил развитие культ Авалокитешвары направления *аджая* как покровителя основателей правящего дома Наньчжао, пришедший из соседних государств Юго-Восточной Азии. Особое место в буддизме Дали занимал культ женского божества, защитницы Махакалы, Белой старшей сестры священной наложницы (*Байцзе шэнфэй* 白姐聖妃), правящий рода Дуань государства Дали перенял у Наньчжао культ Будды Вайрочаны.

Библиографический список

Ma Jianxiong. Re-creating Hui Identity and the charity network in the imperial extension from Ming to Qing in the Southwest Chinese frontier // Charities in the Non-Western World: The Development and Regulation of Indigenous and Islamic Charities. Rajeswary Ampalavanar Brown, Justin Pierce eds. Routledge, 2013. Pp. 147—170.

Е.А. Киселева
Объединенный институт высоких
температур РАН

**Химическое исследование
традиционного окрашивания тканей у народности ли**

Аннотация. Китай является мировым лидером в производстве текстиля самых разных видов и типов, особенно интересным и важным становится изучение истории китайских художественных тканей, для понимания процессов развития данного вида декоративно-прикладного искусства как внутри страны, так и за ее пределами. Цвет костюма имел особое значение в истории Китая. Изучение красителей и методов окрашивания этнической группы *ли* в провинции Хайнань положило начало химическому исследованию этнографического окрашивания в Китае. Красители использовались в соответствии с определенными правилами, для получения различных оттенков. Дальнейшие исследования улучшают понимание некоторых текстильных изделий, включая более полное представление о владельцах, роли крашения в социальном и глобальном контекстах.

Ключевые слова: методы окрашивания, текстиль, красители.

Elena A. Kiseleva
JIHT RAS

**Chemical research of ethnographic dyeing
of fabrics in China among the Li people**

Abstract. China is a world leader in the production of textiles of various types, especially interesting and important is the study of the history of Chinese artistic fabrics to understand the processes of development of this type of decorative and applied art both within the country and abroad. The color of the costume had a special significance in the history of China. The study of dyes and staining methods of the Li ethnic group in Hainan Province marked the beginning of a chemical study of ethnographic staining in China. Dyes were used in accordance with certain rules to obtain various shades. Further research improves the understanding of some textiles, including a more complete understanding of the owners, the role of dyeing in social and global contexts.

Keywords: coloring methods, textiles, dyes.

Художественное ткачество — одно из древнейших ремесел, влияющее на понимание декоративно-прикладного искусства и становления новых орнаментальных форм. Китайское производство тканей насчитывает тысячелетия. Согласно археологическим находкам, китайцы одомашнили туто-

вого шелкопряда в третьем тысячелетии до н.э. Со II века до н.э. хлопок распространился в Китае, а одежда из него стала повседневной. В античном Средиземноморье Китай называли “Seres”, что означает шелк [Меньшикова 2007, 200]. Шелк дал название торговому пути из Китая в Европу.

В Китае культивировали и хлопковые культуры, начиная с III в. до н.э. За тысячу лет он постепенно распространился с юго-запада на остров Хайнань и Гуанси, затем на Гуандун, Фуцзянь и регион дельты реки Янцзы. Около 1290 года легендарная Хуан Даопо привезла технологию производства хлопчатобумажной ткани с острова Хайнань, позаимствовав ее у народности *ли*. Так родина Хуан Даопо, Сунцзян, который сейчас является частью современного Шанхая, стала центром производства хлопчатобумажной ткани в Китае.

За последнее десятилетие или около того проводилось все больше исследований исторического и археологического китайского текстиля с помощью химического анализа, направленного на идентификацию исторических красителей, различение видов красящих растений и предварительную обработку красителей [Liu 2011, 1763—1770; Mougi 2012, 105—113; Koperska 2023, 9427]. Однако значение находки было разрозненным и неясным, поскольку не было проведено всестороннего исследования красителей, используемых для китайского текстиля, и не было широкой картины крашения в древнем Китае. Для более полного понимания, необходимо установить взаимосвязь между красителями (выявленными на относительно небольшом наборе образцов исторического и археологического текстиля) и контекстом истории китайских красителей. Целью данной работы было изучение характерных химических профилей красителей, используемых народностью *ли*, для надежной идентификации китайских красителей с помощью научных исследований.

Растительные красители, используемые народностью *ли*, аналогичны красителям, использовавшимся в основных текстильных центрах Китая во времена династий Мин и Цин, с использованием таких красителей, как саппановое дерево, куркума и индигофера. Большое сходство между результатами анализа окрашенных образцов, приготовленных с использованием эталонных красителей и чистых химикатов в лаборатории, результатами анализа образцов, приготовленных местными красильными заводами традиционными способами, оправдывает подготовку эталонных окрашенных образцов для изучения окрашенных образцов, произведенных в текстильных мастерских. Кроме того, результат анализа демонстрирует пригодность текущего аналитического протокола для окрашенных образцов хлопка. Отличительные красители, используемые народностью *ли*, включают *цзяланьдиань*, кору каштана, скорлупу каштана и джамбул, которые, вероятно, зависят от местной доступности. Обнаружение этих красителей на исторических тканях помогло бы определить места их производства.

Библиографический список

Меньшикова М.Л., Фэн Чж., Ган Ш., Доде З. Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка. СПб.: Славия, 2007. С. 200.

Liu J., Guo D., Zhou Y., Wu Z., Li W., Zhao F., Zheng X. Identification of ancient textiles from Yingpan, Xinjiang, by multiple analytical techniques // *Journal of Archaeological Science*, 2011. No 38. Pp. 1763—1770. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2011.03.017>

Mouri C., Laursen R. Identification of anthraquinone markers for distinguishing *Rubia* species in madder-dyed textiles by HPLC // *Microchim Acta*, 2012. No 179. Pp. 105—113. <https://doi.org/10.1007/s00604-012-0868-4>

Koperska M., Bagniak J., Zaitz-Olsza M., Gassowska K., Pawcenis D., Sitarz M., Bulska E., Profic-Paczkowska J. Ex Situ and In Situ Artificial Thermo-Aging Study of the Natural Degradation of *Bombyx mori* Silk Fibroin // *Applied Sciences*, 2023. No 38. 9427. <https://doi.org/10.3390/app13169427>

М.С. Колебина
Иркутский государственный университет

Конформизм и протест в уличном искусстве КНР

Аннотация. В статье рассматривается роль форм уличного искусства, в частности граффити, как способа выражения гражданской позиции в контексте анализа социально-политической системы региона. Актуальность работы заключается в том, что данная форма искусства способна выступать не только как средство самовыражения художников, но и как важный инструмент для анализа и интерпретации различных аспектов общественных отношений в современном КНР. Соответственно, цель исследования заключается в углублении представления об уличном изобразительном искусстве как политическом и социокультурном феномене. На основе анализа граффити-культуры в Китае с позиции таких явлений, как конформизм и протест, было установлено, что стрит-арт в данном регионе проявляется как независимый творческий проект, коммерческая инициатива или как средство выражения критической мысли в отношении органов власти. На основе данных анализа был сделан вывод о важности роли уличного искусства в контексте культурных и политических изменений с указанием на сложности, с которыми сталкиваются представители действующей власти при регулировании таких форм самовыражения. Главной мыслью статьи является идея о том, что стрит-арт в современном Китае становится важным элементом социокультурной динамики, отражающим широкий спектр общественных отношений и социальных явлений.

Ключевые слова: граффити, конформизм, протест, уличное искусство.

Maria S. Kolebina
Irkutsk State University

Conformism and protest in Chinese street art

Abstract. The article examines the role of street art forms, in particular graffiti, as a way of expressing a civic position in the context of analyzing the socio-political system of the region. The relevance of the work lies in the fact that this art form is able to act not only as a means of self-expression of artists, but also as an important tool for analyzing and interpreting various aspects of public relations in modern China. Accordingly, the purpose of the study is to deepen the understanding of street art as a political and socio-cultural phenomenon. Based on the analysis of graffiti culture in China from the perspective of such phenomena as conformism and protest, it was found that street art in this region manifests itself as an independent creative project, a commercial initiative or as a means of expressing critical thought towards authorities. Based on the analysis data, it was

concluded that the importance of the role of street art in the context of cultural and political issues.

Keywords: graffiti, conformity, protest, street art.

Диагностика способов и форм выражения общественного мнения относительно социально-политической системы является важной исследовательской задачей в контексте изучения региона [Лесниковская, 2019]. Одним из способов выражения гражданской позиции является изобразительное искусство, поскольку оно может выступать как средство проявления сформированного критического мышления [Хлызова, 2023]. Граффити — это вид искусства, в котором также проявляются характеристики пространства в китайском понимании [Шулунова, 2014], важные для регионологического осмысления протеста, как в мягкой, так и в радикальной формах [Иванов, 2014]. Мы полагаем, что анализ искусства с точки зрения таких явлений, как конформизм и протест, способствует углублению знаний о социально-политической системе региона, и в этом можно убедиться на примере современного искусства, а именно граффити.

Стрит-арт зародился в США в начале 1960-х гг. и воспринимался как акт причинения имущественного ущерба. Граффити было признано искусством, когда теги, не обладавшие эстетической значимостью, трансформировались в живописные иллюстрации, способные придать оригинальный и стильный дизайн. В ходе своего развития граффити, как и иные формы творчества, стало средством выражения гражданской позиции. В китайском уличном искусстве можно заметить проявления как протеста, так и конформизма.

Наиболее сильно протест в китайском уличном искусстве выражается в специальных административных районах, в которых параллельно развивались и европейская и азиатская культуры вследствие колонизации в XIX в. Одним из таких районов является Гонконг, в котором стрит-арт стал средством проявления региональных интересов. Например, в 2014 г. общественный резонанс вызвали наклейки в метро, содержащие призывы выбросить “Белую книгу” (白皮書 Байпишу) — официальный правительственный документ, опубликованный 10 июня 2014 г. в рамках политики “Одна страна — две системы” [Valjakka M, 2015]. Тем самым авторы вызвали общественное негодование, вызванное усилением ограничения демократических устремлений Гонконга со стороны КНР. В качестве второго примера можно привести историю о борьбе китайской художницы Chin Tangerine с цензурой в 2011 г. Она разместила граффити “Кто боится Ай Вэйвэя?” по всему городу. Акт протеста был связан с задержанием художника-диссидента Ай Вэйвэя за уклонение от уплаты налогов, однако тот факт, что его выпустили с условием прекратить вести блог в социальной сети “Twitter”, вызвал сомнения относительно предъявлен-

ных ему обвинений. Chin Tangerine удалось избежать наказания. Несмотря на то, что за такого рода нарушения могут оштрафовать, неизвестно практически ни одного случая задержания граффитистов или применения в их отношении существенных санкций. Причина заключается в том, что не всегда легко установить нарушителя и самым простым решением проблемы является уничтожение самого рисунка посредством его закрашивания или заклеивания.

Конформизм в уличном искусстве проявляется в распространении граффити в специально отведенных районах, выборе неполитических образов, коммерческих проектах и организации мероприятий, связанных с культурой стрит-арта. Ярким примером является арт-район 798 (大山子 Дашаньцзы) в Пекине. В этой зоне граффити легально и не подвергается уничтожению [Valjakka M, 2011]. За годы своего существования район обогатился различными изображениями и стал музеем, привлекающим туристов и местных жителей. Не менее интересным примером является деятельность клана Гуаньинь (觀音, англ. Kwanyin clan). Особенностью их творчества является использование иероглифики и визуальных элементов, тесно связанных с традиционной китайской живописью. Популярность их работ отражает успех в процессе адаптации граффити в китайской культуре. Клан активно сотрудничал с такими зарубежными брендами, как “Nike” и “HP”, создавая уникальный дизайн производимой продукции [Lezzi A, 2019]. Они участвовали в проекте по благоустройству городской среды в 2008 г., что подтверждает активный интерес органов власти к развитию граффити как одной из культурных составляющих региона.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что протест в уличном искусстве КНР наиболее часто проявляется в специальных административных районах и выражается посредством распространения граффити с целью критики определенных методов региональной политики органов власти. Конформизм проявляется в направлении стрит-арта в коммерческое русло и развитии данной формы искусства в художественной жизни КНР посредством организации творческих проектов и мероприятий. Вышеописанные примеры свидетельствуют о взаимосвязи и взаимовлиянии уличного искусства и политики: граффити может выступать не только как динамично развивающаяся форма творчества, но и как средство отражения существующих региональных проблем Китая в XXI в.

Библиографический список

Иванов К.А. Особенности идеологии европейских левых радикалов // Вестник Иркутского университета, 2014. № 17. С. 250—253.

Лесниковская Е.В., Кремнёв Е.В. Развитие отечественных научных школ по изучению регионального развития в контексте современной парадигмы регионального знания // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Международной научной конференции (Иркутск, 10—16 сентября 2019 года). Иркутск: ИГУ, 2019. С. 297—304.

Хлызова Н.Ю., Кузнецова О.В. Научно-образовательные подходы к формированию критического мышления в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // VI Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Международной научно-практической конференции (Иркутск, 6—8 декабря 2022 года). Иркутск: ИГУ, 2023. С. 518—527.

Шулунова О.В. Концепт «пространство» в поэтическом творчестве Хань Дуна // Вестник гуманитарного научного образования, 2014. № 1 (39). С. 12—15.

Iezzi A. The Kwanyin Clan: Modern Literati Graffiti Writers: An Aesthetic and Text Analysis of their Main Artworks // *Annali di Ca' Foscari Serie orientale*, 2019. Vol. 55. No. 1. Pp. 395—448.

Valjakka M. Contesting the Levels of Il/legality of Urban Art Images in China. // *Revista de Cultura*, 2014. Vol. 45. Pp. 97—117.

Valjakka M. Graffiti in China — Chinese Graffiti? // *Copenhagen Journal of Asian Studies*, 2011. Vol. 29. No. 1. Pp. 61—91.

Valjakka M. Negotiating Spatial Politics: Site-responsive Urban Art Images in Mainland China // *China Information*, 2015. Vol. 29. No. 2. Pp. 253—281.

Valjakka M. Urban Art Images and the Concerns of Mainlandization in Hong Kong // *Asian Cities: Colonial to Global*, 2015. Pp. 95—122.

Ле Тхи Хонг Фьонг
Вьетнамская Школа прикладной философии

**Концепция «социально вовлеченного буддизма»
вьетнамского монаха Тхитя Нята Ханя**

Аннотация. Спецификой вьетнамской концепции буддизма является развитие в его лоне такого направления как «вовлеченный буддизм», как «медитации в действии», — тхиен-буддийский монах должен непосредственно участвовать в решении современных жизненных проблем. Тхиен (медитация) — это осознание того, что происходит здесь и сейчас. Вовлеченный буддизм понимается как медитации в реальной жизни. Поэтому действия, направленные на активное участие в решении реальных жизненных проблем, помощь людям, являются первоочередными заботами вовлеченного буддизма, а вовсе не идеал освобождения по принципу отдаления от жизни. Можно понимать вовлеченный буддизм как применение озарений, полученных из учений Будды и из медитации, для облегчения страданий в обществе, в окружающей среде и на политической арене. Типичным представителем этого направления вьетнамского буддизма в современный период является монах Тхить Нят Хань. В настоящих тезисах рассматриваются концепция вьетнамского монаха Тхитя Нята Ханя «социально вовлеченного буддизма» и основное содержание его догматов — «осознанность».

Ключевые слова: медитация, вовлеченный буддизм, осознанность, вьетнамский буддизм.

Le Thi Hong Phuong
Vietnam School of Applied Philosophy

**Vietnamese monk Thich Nhat Hanh's concept
of “socially engaged Buddhism”**

Abstract. The specificity of the Vietnamese concept of Buddhism is the development in its bosom of such a direction as “Engaged Buddhism”, “meditation in action” — a Thien Buddhist monk must directly participate in solving modern life problems. Thien (meditation) is awareness of what is happening here and now. Engaged Buddhism is understood as meditation in real life. Therefore, actions aimed at active participation in solving real life problems, helping people, are the primary concerns of involved Buddhism, and not at all the ideal of liberation on the principle of distancing from life. Engaged Buddhism can be understood as the application of insights gained from the teachings of the Buddha and from meditation to alleviate suffering in society, the environment, and the political arena. A typical representative of this direction of Vietnamese Buddhism in the modern period is the monk Thich Nhat Hanh. These theses examine the concept of the Viet-

namese monk Thich Nhat Hanh of “socially engaged Buddhism” and the main content of its tenets — “mindfulness”.

Keywords: meditation, engaged Buddhism, mindfulness, Vietnamese Buddhism.

Тхить Няч Хань (вьетн. Thích Nhất Hạnh, 1926—2022) — вьетнамский буддийский монах, писатель, поэт, исследователь, общественный деятель и борец за мир [Mydans 2022]. Он также является человеком, которого история признала главным вдохновителем и создателем концепции социально вовлеченного буддизма (Socially Engaged Buddhism), «отцом метода осознанности» (mindfulness) [Bryant Miranda 2022].

«Вовлечение» означает стремиться и добровольно действовать в соответствии с определенной целью. Тхить Няч Хань считал, что «вовлечением» является «медитация действием», означающая, что буддийский монах должен непосредственно участвовать в решении современных жизненных проблем. Разъясняя суть вовлеченного буддизма, он говорил, что «когда бомбы сбрасывают на живых существ, вы не можете сидеть в монастыре. Тхиен (медитация) — это осознание того, что происходит, причем не только внутри, но и вокруг вашего тела и ваших чувств». Вьетнамский монах подчеркивал, что «буддизм должен быть связан с повседневной жизнью, с вашей болью и болью тех, кто вас окружает. Вы должны научиться помогать пострадавшему ребенку, сохраняя при этом осознанное дыхание. Вы должны удерживать себя, чтобы не потеряться в действии. Действие должно сопровождаться медитацией» [Quan Nhu 2002, 12]. Основной смысл вовлеченного буддизма может пониматься как интеграция практикующего буддиста в повседневную жизнь, его активное участие в проблемах общественной жизни. Вовлеченный буддизм призывает людей встать с подушек для медитации и помочь другим. В этом же заключается идея «включения в мир» традиции вьетнамского буддизма [Temprano 2014, 261—274].

Вовлеченный буддизм, согласно Тхить Няч Ханю, это так же просто буддизм, но его высшая цель и стремление, — это спокойствие человека [Malkin 2003]. Он говорил, что просветление присутствует всегда, это акт медитации в реальной жизни. действия, направленные на активное участие в решении реальных жизненных проблем, помощь людям в обеспечении покоя и благополучия в мирном мире являются первоочередными заботами вовлеченного буддизма, а вовсе не идеал освобождения по принципу отдаления от жизни. Тхить Няч Хань подчеркнул, что «религиозная практика должна быть направлена на разрешение проблемы страдания: страдания внутри вас и страдания вокруг вас. Все эти страдания связаны друг с другом. Если вы уйдете в горы практиковать в одиночестве, у вас не будет шанса узнать гнев, ревность и отчаяние, которые таятся

глубоко внутри. Вот почему вы должны встречаться с другими людьми, чтобы испытать эти чувства. Таким образом, вы узнаете их и попытаетесь увидеть их сущность. Не поняв корень страданий (клеш), не увидишь пути до конца. Вот почему страдание так важно для религиозной практики» [Тхань Там 2019]. До тех пор, пока люди еще страдают, Буддизм по-прежнему требует вовлеченности. Поэтому, по мнению Тхить Нят Ханя, весь буддизм — это вовлеченный буддизм. Буддизм по своей природе никогда не ускользает от жизни и «на протяжении более чем двух с половиной тысяч лет истории буддизм был источником жизни, наполненной человечеством», — писал он [Тхить Нат Хан 2017, 30]. В этом смысле можно понимать вовлеченный буддизм как применение озарений, полученных из учений Будды и из медитации, для облегчения страданий в обществе, в окружающей среде и на политической арене. вовлеченный буддизм призван соединить личную практику медитации с глобальной этикой и социальными действиями. «Медитация означает осознание того, что происходит в настоящий момент — с вашим телом, с вашими эмоциями, с вашим окружением» [Джон Малкин, 2003].

Основное содержание догматов вовлеченного буддизма, согласно Тхить Нят Ханю, — это «осознанность» (санскрит: *samyak-smṛti*). Осознанность — самый важный столп Благородного восьмеричного пути. Согласно буддийской философии, осознанность — это ясное понимание (*Satisampajanna*), полное знание себя и вещей, знание того, что возникает в каждый момент настоящего, здесь и сейчас. Осознанность — это знание (мудрость) того, что есть, что происходит. Тхить Нят Хань считал, что Будда заключается в искусстве осознанной жизни в каждый её момент. считал, что практика осознанности помогает распознавать боль и страдание и преобразовывать их. «Осознанность показывает нам, что происходит в нашем теле, наших эмоциях, нашем уме и в мире. Благодаря осознанности мы можем избежать причинения вреда себе и другим» [Тхить Нят Хань 1990, 41], — говорил он. Осознанность у Тхить Нят Ханя — это не полный возврат к традиционному буддийскому бегству от повседневной жизни, напротив, она означает заботу, понимание и сочувствие человеческим страданиям, мотивирует людей действовать, двигаться вперед, и это единственный ориентир осознанности. Философия Тхить Нят Ханя заключается в следующем: «Вовлеченность — это решительные действия с сильной волей и всегда ориентированные вперед — в будущее: как поезд, идущий по рельсам, который может двигаться только вперед и не может повернуть назад» [Quan Nhu 2002, 69]. Это можно было бы назвать «мирской осознанностью», потому что она включает в себя встречу облака, улитки и тяжелой механической машины — истинное духовное присутствие. Пробуждения — это не просто изменение личного сознания

человека, но изменение масштаба реформаторского движения или революции, меняющей традицию.

Что касается пути практики осознанности в вовлеченном буддизме, Тхить Нят Хань предлагает следующие критерии: будьте свободны; отпускайте и будьте спокойны; мужественно встречайте трудности, страдания и откажитесь от насилия. Вовлеченный буддизм подчеркивает, что буддийская осознанность, этика и социальная активность интегрированы во все аспекты повседневной жизни как в монашеских, так и в мирских общинах. Исповедующие буддизм разделяют веру в то, что осознанное социальное действие согласуется с традиционными представлениями о буддийской практике и ее целях, которые заключаются в повсеместном уменьшении страданий и пробуждении потенциала человека. Осознанность считается ключевым фактором борьбы со стрессом, фактором, часто встречающимся в жизни современных людей.

Вовлеченный буддизм Тхить Нят Ханя классифицируется как четвертая линия буддизма, а не тхеравада, махаяна, ваджраяна в форме «наваяны», или «новая колесница» в буддизме. Идеи Тхить Нят Ханя о вовлеченном буддизме создали новую линию буддизма на современном Западе, которая оказала большое влияние на прогрессивные и реформаторские движения во всем мире.

Библиографический список

Тхань Там. Мастер тхиен-буддизма Тхить Нят Хань и его взгляды на Вовлеченный буддизм. Буддийский портал Вьетнамской буддийской сангхи. URL: <https://phatgiao.org.vn/thien-su-thich-nhat-hanh-va-quan-diem-ve-phat-giao-dan-thand35448.html> (accessed: 08.03.2024).

Тхить Нят Хань. Буддизм сегодня. Ханой: Изд-во Этническая культура, Ханой, 2017.

Тхить Нят Хань. Спокойствие на каждом шагу (перепечатка). Сайгон: Изд-во Культура Сайгона, 1990.

Bryant Miranda. From MLK to Silicon Valley, how the world fell for 'father of mindfulness'. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/jan/22/from-mlk-to-silicon-valley-how-the-world-fell-for-father-of-mindfulness> (accessed: 08.03.2024).

Malkin John. In Engaged Buddhism, Peace Begins With You. — Shambhala Sun. URL: <https://www.lionsroar.com/in-engaged-buddhism-peace-begins-with-you> (accessed: 08.03.2024).

Mydans Seth. Thich Nhat Hanh, Monk, Zen Master and Activist, Dies at 97. — The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2022/01/21/world/asia/thich-nhat-hanh-dead.html> (accessed: 08.03.2024).

Quan Nhu. Nhat Hanh's Peace Activities in “Vietnamese Engaged Buddhism: The Struggle Movement of 1963—1966”. Westminster, CA, USA: Van Nghe, 2002.

Temprano V.G. Defining Engaged Buddhism: Traditionists, Modernists, and Scholastic Power // *Buddhist Studies Review*. 2014. No.30(2). Pp. 261—274. <https://doi.org/10.1558/bsrv.v30i2.261>

Ли Тунсинь
Институт искусств
Шаньдунского авиационного института/МГУ

**Культурные особенности китайского экспортного фарфора
эпох Мин и Цин (1368—1911)
на примере мифологических и религиозных мотивов**

李桐馨
山东航空学院艺术学院，莫斯科国立大学

**中国明清外销瓷中的文化交流与差异—
—以神话与宗教文化为例**

注解：中国明清时期的外销瓷是文化交流与融合的重要载体之一，明清时期，中国的瓷器远销至欧洲等地，成为中西文化交流的重要媒介之一。在这一过程中，神话与宗教文化在瓷器装饰中发挥了重要作用，不仅反映了中西文化之间的交流与互动，也展示了两种文化之间的差异与融合。本文旨在通过对明清外销瓷进行探讨，揭示不同文化在瓷器中的体现方式及其所反映的文化差异与融合。揭示明清时期外销瓷在文化、艺术传播中的重要性与作用。

关键词：明清外销瓷，文化差异，文化交流

Li Tongxin
Shandong Aviation Academy of Arts,
Moscow State University

**Cultural Exchanges and Differences
in Chinese Export Porcelains of the Ming
and Qing Dynasties: An Example of Mythological
and Religious Elements**

Abstract. Chinese export porcelain of the Ming and Qing dynasties is one of the important carriers of cultural exchange and integration. During the Ming and Qing dynasties, Chinese porcelain was exported to Europe and other places, which became one of the important mediums of cultural exchange between the East and the West. In this process, myth and religious culture played an important role in porcelain decoration, which not only reflected the communication and interaction between Chinese and Western cultures, but also demonstrated the differences and integration between the two cultures. The purpose of this paper is to explore the

export porcelain of the Ming and Qing dynasties, to reveal the way different cultures are embodied in porcelain and the cultural differences and integration they reflect. Reveal the importance and role of export porcelain in the cultural and artistic dissemination of the Ming and Qing dynasties.

Keywords: Ming and Qing export porcelain, cultural differences, cultural exchange.

中国古代的瓷器工艺以其精湛的技艺和独特的文化内涵而闻名于世。近观东亚，陶瓷贸易的兴起很大程度上得益于海上丝瓷之路。许多学者认为将“海上丝绸之路”改为“海上丝瓷之路”，也许更能反映这条中国贸易之路的真实面貌。在中国对外贸易的历史上，明清时期，中国的瓷器远销至欧洲等地，成为中西文化交流的重要媒介之一。在这一过程中，神话与宗教文化在瓷器装饰中发挥了重要作用，不仅反映了中西文化之间的交流与互动，也展示了两种文化之间的差异与融合。

一、神话文化在明清外销瓷中的呈现：

在明清时期的瓷器装饰中，神话文化常常得到充分体现。其中，龙、凤、麒麟等传统神话形象是最为常见的元素之一。这些神话形象不仅赋予了瓷器以神秘与祥瑞的象征意义，也展现了中国传统文化的独特魅力。例如，龙被视为中国传统文化的象征之一，代表着权力和吉祥，常常出现在瓷器的装饰图案中，给人以庄严和威严的感觉。凤则象征着吉祥和美好，常常与龙一同出现，寓意着天地和谐、万事如意。此外，其他神话形象如狮子、神兽等也经常出现在明清瓷器的装饰中，为瓷器增添了一份神秘与华丽。

二、宗教文化在明清外销瓷中的呈现：

除了神话文化，宗教文化也在明清外销瓷中得到了体现。佛教、道教等宗教元素常常出现在瓷器的装饰图案中，反映了中国古代的宗教信仰和传统文化。例如：佛像、菩萨、道教神仙等形象常常出现在瓷器上，同时还有一些宗教属性的装饰纹饰，例如：八宝纹、八吉祥、宝相花纹。展示了中国古代人们对宗教的虔诚与崇拜。这些宗教图案不仅体现了瓷器艺术家对宗教文化的尊重和理解，也为瓷器注入了一份神圣和庄严的气息，使其更加具有文化内涵和艺术价值。

三、东西方文化交流与差异：

神话与宗教文化在中国明清外销瓷中的呈现，不仅展现了中国古代文化的丰富与深厚，也反映了中西文化之间的交流与差异。在中国，神话与宗教是不可分割的一部分，是人们生活的重要组成部分；而在西方，它们可能具有不同的象征意义，常常被视为异国情调的符号。通过瓷器的装饰，这些文化元素得以传播到欧洲等地，影响了当地人们对中国文化的认知和理解。然而，由于文化背景和观念的差异，这些文化元素在传播过程中可能会产生误解或变形，从而呈现出不同于中国传统的意义与表现方式。

1、其中以龙元素为例，在中国文化中，龙是一个极其重要的象征，龙元素在中国的符号形象有以下几种：

(1) 吉祥和权力：龙是中国传统文化中的吉祥象征，常被视为吉祥、祥瑞和幸运的象征。古代中国人认为龙是天神的象征，具有至高无上的权力和地位。因此，龙常被用来象征皇权、权力和尊严，也被视为国家和民族的象征。

(2) 雄壮和神奇：龙在中国文化中被描绘为一种雄壮而神奇的生物，通常是一种龙形的爬行动物，全身长有鳞甲，蛟龙有角、有爪、有翼。龙被认为是能够掌控天气、操纵水流的神秘生物，具有超自然的能力。

(3) 祥云和雨水：龙常常与祥云和雨水联系在一起。传说中，龙掌管着天气和水源，能够带来雨水和丰收，因此被视为农业和水利的保护神，也是水族、渔民的守护神。

(4) 智慧和勇气：龙在中国文化中也象征着智慧和勇气。传说中的龙常被描绘为聪明睿智的生物，具有高深的智慧和无比的勇气。在中国传统文化中，龙也常被用来表达对英雄和智者的崇敬和赞美。

(5) 祖先和文化：龙在中国文化中还被视为祖先的象征，代表着中华民族的传统和文化。中国人常自称为“龙的传人”，龙也被视为中国民族的象征和精神图腾。

总的来说，龙在中国文化中是一个充满神秘和威严的象征，象征着权力、吉祥、神奇、智慧和文化传统。

2、而在西方文化中，龙通常被视为神话和传说中的生物，具有以下主要特征和符号形象：

(1) 邪恶和恐怖：在欧洲传统文化中，龙通常被描绘为邪恶和恐怖的象征。它们可能被描述为巨大、凶猛、具有恶毒的品性，经常被描绘为火焰喷吐的怪物，威胁人类社会的安全和平。

(2) 神秘和神奇：龙在欧洲文化中也被视为神秘和神奇的生物，常常出现在神话故事和传说中。它们被描绘为能够飞行、吐火、具有魔法力量的神秘生物，常常与宝藏、魔法和英雄的冒险故事相关联。

(3) 英雄战胜邪恶：龙在欧洲文化中常常成为英雄冒险故事中的反派，英雄往往需要与龙进行战斗，以保护自己的国家或挽救人类社会。英雄战胜龙通常被视为英雄勇敢、智慧和道德力量的胜利。

(4) 财富和权力：有时龙也被视为财富和权力的象征，特别是在欧洲中世纪的纹章和家族徽章中经常出现。龙被描绘为守护财宝和王室权力的生物，象征着财富、权力和尊严。

总的来说，龙在欧洲文化中是一个充满神秘和戏剧性的符号，常常与邪恶、神奇、英雄和财富等元素联系在一起。

3、由此对比我们可以看出，在西方国家和中国，龙的符号形象存在一些相同点，但也有显著的不同之处。

(1) 相同点：

①神秘与力量：在中西文化中，龙都被视为神秘和强大的象征。无论是中国还是西方，龙都被赋予了超自然的力量和权威性。

②权力与皇权：在古代中国，龙被视为皇权的象征，代表着帝王的统治和权威。在西方，龙在中世纪的传说和故事中也常常象征着权力和统治。

③财富：龙在中西文化中都被视为财富的象征。在中国，龙被认为是一种祥瑞的生物，能够给人们带来好运和幸福并且是富有的权力和财富的人才能拥有；而在西方，龙也常常被描绘为护卫宝藏或守护者的形象，代表着保护着财富和守护。

(2) 不同点:

①形象特征：在中国，龙通常被描绘为一种长身蛇形的神兽，有鳞、有角、有爪，常常带有蛟的形象。而在西方，龙的形象多种多样，有的有翅膀，有的没有；有的是四肢爬行，有的是两足行走。

②象征意义：尽管在中西文化中都被视为神秘和强大的象征，但对龙的具体理解在不同文化中有所不同。在中国，龙除了象征皇权和权力外，还代表着水的力量、气候的掌控和自然的调和（呼风唤雨的能力）。而在西方，龙更多地被视为一种怪物或传说生物，具有威胁性和挑战性（拥有魔法或飞行的能力）。

③文化内涵：龙在中国文化中具有更为丰富的内涵和深厚的历史底蕴，是中国文化中的核心元素之一；而在西方，龙虽然也有一定的文化渊源，但与中国相比，其地位和影响力要低得多。

总的来说，尽管龙在中西文化中都具有重要的象征意义，但由于文化背景和传统的不同，龙在两种文化中的形象和理解有所差异。

结论：

中国明清外销瓷中西文化交流的重要载体之一，其中的神话与宗教文化元素不仅展现了中国古代文化的丰富与深厚，也反映了中西文化之间的交流与差异。通过对明清外销瓷中神话与宗教文化的研究，可以更深入了解中西文化之间的交流与互动，揭示两种文化之间的相互影响与融合，对于推动中西文化的交流与发展具有积极的意义。

Библиографический список

Ляхова Л. В. Мир Запада и мифа Востока. Запад и Восток в теме раннего майсенского фарфора: Katalog vystavki [World of the West and myth of the East. Запад и Восток как сюжеты раннего мейсенского фарфора. Каталог выставки]. St. Petersburg, Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2007. 160 p.

Katolicheskie missionary v Kitae [Catholic missionaries in China]. URL: http://china-inc.ru/news/katolicheskie_missionery_v_kitae/2016-05-13-647 (accessed: 25.06.2017).

Арапова Т.Б., Кудрявцева Т.В. Дальневосточный фарфор в России: XVIII — начало XX века: Katalog vystavki [Far East porcelain in Russia: 18th — the beginning

of the 20th century. Каталог выставки]. St. Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 1994. 96 p.

Кузьменко Л. И. Китайский фарфор XVII—XVIII вв.// Проблема стиля, 2000

Фишман О. Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII—XVIII вв.) [Китай в Европе: миф и реальность (XIII—XVIII вв.)]. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 544 p.

叶文程: 宋元明时期外销东南亚瓷器初探, 《中国古外销瓷器研究论文集》[Коллекция научных работ по древнекитайскому экспортному фарфору], 紫禁城出版社, 1988年版, 第69页

吴若明, 《迎合、微变与程式化: 晚明外销瓷装饰图像的西风东渐》[The Eastward Expansion of Western Style in the Decorative Images of Late Ming Export Porcelain], 《艺术探索》, 2017年第4期, 23—31页。

詹森著, 艺术史组合翻译实验小组译, 《詹森艺术史》[Jensen Art History], 世界图书出版公司, 2013, 第701—705页。

《瓷话中国——走向世界的外销瓷》[Фарфор рассказывает о Китае — Экспорт фарфора в мир]——曾玲玲 商务印书馆出版 2014年5月第1版

《中国福建海上丝绸之路发展史》[История Морского шелкового пути в Фуцзянь, Китай]——徐晓望 九州出版社 2017年7月第1版

Е.В. Ляхович

Государственный институт искусствознания

Основные типы композиционной организации росписи китайского фарфора XVII—XVIII вв.

Аннотация. Композиционная организация росписи китайского фарфора берет начало в специфике национальной живописи *гохуа*, демонстрирует тесную связь с тенденциями развития живописного искусства конкретной эпохи и в то же время опирается на прикладные функции предметов, особенности технологии и материала. Композиционные типы организации живописи на фарфоре развиваются в течение многих столетий, и к XVII—XVIII вв. проявляют значительный прогресс в наследовании и продолжении комбинаций более ранних эпох. Композиция проявляет тесную связь с национальной художественной традицией, культурой, эстетикой, философией и религией Китая. Росписи фарфора XVII—XVIII вв. отличает развитость композиционной структуры, высокий уровень мастерства упорядочения и сочетания декоративных элементов. В рассматриваемый период времени композиционная организация росписей формирует многоуровневую систему, компоненты которой находятся в сложных отношениях и функционируют по специфическим законам. Вследствие различных формальных ограничений фарфоровых изделий композиционный проект росписи выстраивается весьма гибко, подстраиваясь под различные требования формы и принципы дальнейшей экспозиции предметов. В фокусе настоящего исследования — основные типы композиционной росписи китайского фарфора XVII—XVIII вв. Цель — определить и охарактеризовать основные типы композиционной организации росписи фарфора Китая обозначенного периода.

Ключевые слова: фарфор; Китай; типы; композиция; роспись.

Ekaterina Lyakhovich

State Institute for Art Studies

Main principles of compositional organization in Chinese porcelain painting of the 17—18th centuries

Abstract. Compositional organization of Chinese paintings on porcelain originates in the specifics of national painting *Guohua*, demonstrates a close connection with the trends in the development of pictorial art of a particular historical period and at the same time relies on the applied functions of items, features of technology and material. Compositional types of painting organization on porcelain have been developing for many centuries, and by the 17—18th centuries have significant progress in inheriting and continuing combinations of earlier eras. The composition shows a close connection with the national artistic tradition, culture,

aesthetics, philosophy and religion of China. Paintings on porcelain of the 17—18th centuries are distinguished by the development of the compositional structure, a high level of skill in ordering and combining decorative elements. During the period under consideration, the compositional organization of murals forms a multi-level system, the components of which are in complex relationships and function according to specific laws. Due to various formal limitations of porcelain products, the compositional design of the painting is built very flexibly, adapting to various requirements of the form and principles of further exposure of items. The focus of the study is centered on the main types of the compositional organization of Chinese paintings on porcelain of the 17—18th centuries. Main goal of the study lies in identification and description of the major types of paintings' compositional structure of Chinese porcelain of the designated period.

Keywords: porcelain, China, types; composition, painting.

Композиция росписи плоских предметов, предназначенных для экспонирования на горизонтальной поверхности, располагается в одной визуальной плоскости, т.е. ее можно охватить целиком под углом обзора сверху (если предмет располагается горизонтально) или прямо (если предмет располагается вертикально). На вертикальных изделиях под углом обзора как сверху, так и прямо можно увидеть лишь некоторую часть общего изображения. В соответствии с особенностями организации росписи фарфора XVII—XVIII вв. можно выделить следующие композиционные типы.

1. Композиция с многократными повторениями (нагромождениями) элементов *чундешу гоуту* 重叠式构图

Композиция с многократно повторяющимися элементами предполагает, что в центральном месте располагается основное изображение, а вокруг него множеством слоев или уровней разворачиваются дополнительные орнаментальные элементы. Максимально количество слоев — шесть-восемь. Вокруг ключевого (центрального) изображения вправо и влево / вверх и вниз выстраиваются ритмически организованные узоры в виде цветов, трав, облаков или воды. Такие узоры разворачиваются от центра, вращаются или закручиваются в спираль, они соответствуют культурной символике и смыслу основного изображения, при этом могут образовывать с ним явные тональные контрасты [Сюй 2003, 24—25].

2. Развернутая композиция *чжанькайши гоуту* 展开式构图

Явное влияние китайской живописи *гохуа* на роспись фарфора проявляется в принципах организации развернутой композиции на изделиях. Изображение, задающее тему, располагается в наиболее значимом месте, а второстепенный узор становится неотъемлемой частью общей композиции. Изображения, по исполнению напоминающие технику *гохуа*, помещаются в середине — на тулово ваз или кувшинов, в центр тарелок или блюдца, а орнаменты опоясывают их или располагаются свер-

ху/снизу, справа/слева. По краям, на горлышках, плечах изделий выполняются традиционные орнаменты в виде стилизованных листьев и трав, растительные узоры, орнаменты из ортогональных элементов, меандр и другие, проявляющие отношения главного-второстепенного. Организация основного изображения и дополнительного орнамента должна учитывать взгляд сверху вниз и взгляд прямо [Цзэн, Цзэн 2008, 87—88].

3. Композиция с полями *кайгуанши гоуту* 开光式构图

Композиция с полями *кайгуанши гоуту* 开光式构图 («открывающая свет») предполагает организацию одного или нескольких ключевых изображений в поле и некоторый орнамент за его пределами, в результате чего создается впечатление формирования окна, а пространство изображения разделяется на разные уровни. В фарфоре XVII—XVIII вв. подобная композиция встречается достаточно часто, «окна» 窗 *чуан* — поля — имеют округлую, квадратную или ромбовидную форму, форму веера или керамического осколка. Хотя отдельные объекты могут казаться разрозненными, второстепенные декоративные элементы соединяют их в единое целое.

Итак, художнику по фарфору крайне важно согласовать живопись с формой изделия, учесть предназначение и сферу применения, добиться единства художественной, прикладной и декоративной составляющих. Организуя декоративный орнамент и ключевое изображение, мастера XVII—XVIII вв. добиваются их баланса при восприятии с любого угла или стороны обзора. Стремясь к наивысшим стандартам древнекитайского искусства: «показать большое в малом и малое в большом, реальное в нереальном и нереальное в реальном» [Линь 2010, 300], «проявить близкое в далеком, а в части — целое» [Ян 2000, 20] — они избегают фрагментированности и несогласованности основного изображения и декоративных элементов.

Библиографический список

Линь Юйтан. Китайцы. Моя страна и мой народ / пер. с кит. Н.А. Спешнев. М.: Вост. лит., 2010.

徐岚: 谈陶瓷造型与装饰. [Сюй Лань. О форме и декорах керамических изделий] // 景德镇陶瓷. 2003. 第 13 卷, 第 4 期(总第 99 期), 第 24—25, 30 页.

曾亚琴, 曾亚林: 浅析陶瓷造型与装饰的语言特征. [Цзэн Яцинь, Цзэн Ялинь. Краткий анализ языковых особенностей формы и декора керамики] // 陶瓷研究. 2008. 第 1 期, 第 87—88 页.

杨永善: 陶瓷造型与装饰的关系. [Ян Юншань. Взаимосвязь между формой и декором керамики] // 艺术设计双月刊. 2000. 第 1 期(总第 13 期), 第 20 页.

М.Л. Меньшикова
Государственный Эрмитаж

**Подарки наследнику русского престола
Николаю Александровичу
от китайского императора Гуансюй в 1895 и 1896 годах**

Аннотация. В собрании Отдела Востока Государственного Эрмитажа среди произведений прикладного искусства Китая хранятся редчайшие изделия очень высокого качества работы императорских мастерских Поднебесной.

В течение XX века их история была забыта. За последние годы автору статьи удалось найти и атрибутировать многие шедевры, восстановить их историю поступления в коллекцию царской семьи в 1890-х годах. В данной работе будут рассмотрены некоторые произведения, которые являлись официальными подарками, поднесенными цесаревичу Николаю Александровичу от китайского императора с девизом годов правления Гуансюй (1875—1908) двумя Чрезвычайными Посольствами 1895 и 1896.

Ключевые слова: Россия, Николай II, Китай, император Гуансюй. чрезвычайные посольства Китая, подарки.

Maria L. Menshikova
The State Hermitage Museum

**Gifts to Nikolai Alexandrovitch,
the Heir to the Russian Throne
from the Chinese Emperor Guangxu in 1895 and 1896**

Abstract. The Oriental Department of the State Hermitage Museum still keeps the masterpieces of the Chinese decorative arts made in the Imperial workshops of the Celestial Empire.

During the 20th century their history was forgotten. In the last years the author was able to trace and attribute some of the objects, reconstruct their history of acquisition into the collection of the Tsars' family in 1890s. This work focuses on some item that happened to be the official gifts, presented to the Great Prince Nikolai Alexandrovitch from the Chinese Emperor Guangxu (1875—1908) by two Embassies Extraordinary in 1895 and 1896.

Keywords: Russia, China, Nikolas II, Guangxu Emperor, Chinese Ambassadors Extraordinary, gifts.

Подарки посольства 1895 года во главе с Ван Чжичунюм

После кончины Александра III в Ливадии 20 октября (1 ноября) 1894 года царская семья соблюдала траур. Коронация была отложена: цесаре-

вич Николай Александрович взшел на престол не сразу, а почти через полтора года. Однако бракосочетание их Императорских Высочеств Николая Александровича и Александры Федоровны состоялось 14 (25) ноября 1894 года.

Уже в конце 1894 года далекий Китай по примеру других государств прислал свое чрезвычайное посольство в связи с двумя событиями: по случаю выражения соболезнований о кончине императора Александра III и для поднесения поздравлений в связи с Бракосочетанием их Императорских Величеств.

Посольство привезло с собой дорогие подношения. Мы находим краткое описание этих подарков и даже автофототипию некоторых из них во «Всемирной иллюстрации» за 1895 год¹. Сопоставление рисунков и текста в публикации позволяет, хотя и с трудом — описания условные, схематичные, подписи не соответствуют изображениям, — найти ряд изделий. Некоторые из них все же были атрибутированы в эрмитажном и других музейных собраниях в последние годы.

Самым значимым предметом среди подарков был «очень тонкой работы жезл «добрых пожеланий», представляющий три медальона из нефрита с выгравированными на них рельефными надписями, связанные золотой оправой в одно подобие скипетра с золотыми шелковыми кистями»².

«Этажерка у стены рядом с часами. Верхняя полка, этажерка.

Нефрит и слоновая кость.

Это китайский жезл *жуи* (*все, что пожелаешь*). Сегодня он экспонируется в Особой кладовой музея, в витрине с китайскими золотыми драгоценностями. Он является самым большим из известных китайских золотых жезлов: его вес 1200 грамм, и длина 60 см (без кистей), украшен большими выпуклыми округлыми резными вставками из светло-зеленого нефрита. Драгоценные жезлы такого высокого уровня было принято в Китае дарить правителям по особым случаям: на восхождение на престол, на полный цикл в 60 лет, на день рождения.

Среди подношений, привезенных посольством Ван Чжичуна были еще два жезла *жуи*, вырезанный каждый из целого куска темно-зеленого нефрита.

Сейчас они обнаружены в пригородных музеях.

Другие драгоценные изделия — это «Весьма изящны два столовых прибора в футлярах: золотые палочки, служащие для еды, миниатюрные чашечки и ложечки». Палочки и «вилочка» вырезаны из слоновой кости и оправлены в золото.

¹ Всемирная иллюстрация. СПб.: изд. Эд. и Г.Гоппе. 1895. № 1361. С. 172, 209. К сожалению, архивные документы с описью всех подарков пока не обнаружены.

² Меньшикова М. Л. Китайский жезл жуи из золота и нефрита. // Ювелирный сборник. Государственный Эрмитаж. 2019. С. 172—177.

Особенно современники отмечали «роскошные изделия из перегородчатой эмали cloisonné, выполненные в ярких цветах, отличавшиеся великолепной работой». Чудом сохранившаяся и напечатанная автофото-типия дают нам некоторое представление об этих подарках.

В числе подношений, привезенных Ван Чжичуном «первое место, безусловно, занимают две огромные вазы (около 1 ½ аршин= ок. 105 см? М.М.), представляющие редкий образец email cloisonné и больших размеров. Вазы эти поставлены на резные табуреты черного дерева».

В соответствии с протоколом китайская делегация совершила возложение серебряного венка русской работы на китайской фигурной подушке золотистого шелка с кистями (вместе с золотым жезлом -? М.М.) на могилу императора Александра III в Петропавловском соборе.

Золотой жезл и другие подарки официально поднесли будущему императору. Часть изделий уже в 1895 году была передана в Зимний дворец, и они находились «в собственной квартире» Николая Александровича и Александры Федоровны, располагавшейся в Адмиралтейской части Зимнего дворца, на втором этаже у Салтыковской лестницы. Это решение принимала сама царственная чета¹.

Драгоценный жезл поступил в 1938 году в Отдел Востока Эрмитажа, но подставка палисандрового дерева, обтянутая материей и с иероглифами, пока что не обнаружена. Нам удалось найти также прибор для еды из золота и слоновой кости, два экрана с рельефными накладками из резного камня и кости, хотя и без подставок. Великолепной работы две парные чаши с драконами перегородчатой эмали также оказались в Эрмитаже. Некоторые экспонаты прослеживаются в других коллекциях, но многие предметы были безвозвратно утрачены.

Подарки посольства 1896 года во главе с Ли Хунчжаном

Следующее значительное поступление китайских и других восточных экспонатов связано с коронацией Николая II в мае 1896 года.

В 1896 г. в Россию с поздравлениями по случаю коронации Е.И.В. Николая II прибыли представители разных государств. Среди них выделялась группа людей в странных желто-коричневых одеждах, шляпах с шариками и шнурами, необычной «восточной» внешности. Это было следующее посольство из Китая от императора Гуансюй. Его возглавлял Чрезвычайный полномочный посол Ли Хунчжан². Посольство преследовало разные цели: кроме поздравления «Белого царя» по случаю вступления на престол, предполагалось найти в России союзника против Японии

¹ Дневник Николая II. Смоленск. 2011. В 2-х тт. Т. I. URL: https://royallib.com/read/nikolay_II/dnevnik_iimperatora_nikolayaii_tom_i_18941904.html#61440.

² Китайские имена писали по разному. Современное написание: Ли Хунчжан; конец XIX века: Ли-хун-чжан; Ли Хунг-Чанг (прим. МЛМ).

и, кроме того, провести переговоры по поводу строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Соглашение было достигнуто.

Подарки от императора Гуансюй и Ли Хунчжана были поднесены в Царском селе, еще до коронации: «22 апреля. Понедельник. ..В 2 ½ часа принял знаменитого Ли-хун-чжана с большой свитой. Представительный старик!» «25-го апреля. Четверг. Принял Ли-хун-чжана, который передал мне подарки от имени Богдыхана, а также свои собственные. Потом долго с ним беседовал в кабинете, через посредство его сына лорда Ли!»².

И сразу, 25 апреля (по ст. стилю) 1896 г. ценности были переданы в Зимний дворец.

Сохранились списки подношений и большинство подаренных ценностей, а именно:

«Подарки, доставленные чрез чрезвычайного посла Ли Хунг-Чанг'а его величеству от китайского императора 25 апреля 1896 г.:»

- Скала из белого нефрита
- Ваза нефритовая белая
- Ваза фарфоровая
- Ваза бронзовая с крышкой старинная
- Две тарелки под клоазоне
- Ваза фарфоровая цвета крови
- Ваза четырёхугольная из бронзы старинная
- Подсвечники в виде аистов, клоазоне 2.

Подарки, поднесённые его величеству чрезвычайным послом Ли Хунг-Чанг'ом:

- Две коробки резные лакированные
- Два букета филигранной работы
- Ковёр (покрывало) шитый шелками
- Два экрана клоазоне
- Две вазы в виде флаконов клоазоне
- Курительница бронзовая, клоазоне
- Десять ящичков с чаем
- Десять кусков шёлковой материи
- Два охладителя клоазоне»³

Перед отъездом из Москвы 21 июня 1896 г. Николай II даёт Ли Хунчжану аудиенцию в Ильинском и вручает для подношения императору

¹ Дневник Николая II. Берлин. 1923. С. 122. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/00020000018RUNLRA1SV68932?page=123&rotate=0&theme=white>

² Дневники Николая II. Смоленск. 2011. В 2-х тт. Т. 1. С. 26. URL: https://royallib.com/read/nikolay_II/dnevnik_i_imperatora_nikolayaii_tom_i_18941904.html#512000.

³ АГЭ, ф.1, 8-Г, № 6; Меньшикова М.Л.. Ли Хун-чжан и Николай II. В сб.: Кунсткамера. Этнографические тетради. 1995. Вып.7. С. 200—212.

Гуансюй (1875—1908) орден Андрея Первозванного, высшую награду России, и грамоту. Русский вариант подписан Николаем II и министром иностранных дел князем А. Б. Лобановым-Ростовским. Вместе с другими документами художественными ценностями, хранившимися во дворце в Пекине, они были вывезены в 1949 г. на Тайвань. Грамота находится сейчас в коллекции музея Гугун на Тайване¹. Судьба Ордена нам неизвестна, в Тайбее и в Пекине он не обнаружен.

К посольству относились с особым вниманием. Об этом свидетельствует тот факт, что на монетном дворе Санкт-Петербурга были отчеканены две серебряные медали разного диаметра с парами рельефных драконов, обращённых к центру, и с рельефными китайскими надписями, напоминавшими о Великом посольстве Великой (династии) Цин². Никто из гостей, прибывших в Россию в 1896 г., не был удостоен подобной чести.

Через год в 1897 г. в качестве официального ответа в Поднебесную ко двору императора Гуансюй из кабинета Его императорского Величества были отправлены дорогие подарки. Их отвез князь Э.Э.Ухтомский. Ван Чжичун и Ли Хунчжан также получили драгоценные знаки внимания и официальные награды для нехристиан.³

Судьба изделий, поступивших в Зимний дворец, сложилась по-разному. Ряд предметов по их крайне общему описанию или отсутствию аналогичных произведений искусства в хранениях Отдела Востока нам определить и найти не удалось. Чай из десяти ящиков был, конечно, выпит. Десять кусков шёлковой материи были, наверно, использованы. Некоторые предметы оставались в личных комнатах Николая II и Александры Фёдоровны.

Что касается художественных качеств и характеристики изделий, то это были ценные и одновременно традиционные, с точки зрения китайцев, подношения. Ни один из правителей других стран на тот период не удостоивался подобной чести. Подарки, в основном, привезены парами, каждый предмет имел символическое значение, являлся пожеланием процветания государству, долгих лет жизни и счастливого правления русскому царю. В качестве примеров, приводим лишь несколько из них.

«Ваза бронзовая с крышкой старинная» — это жертвенный сосуд типа «*гуй*» — уникальный образец древней китайской бронзы, не вызываю-

¹ Great National Treasures of China. Taipei. 1992. No 172.

² Постарнак М. В. Медали, отчеканенные на Санкт-петербургском монетном дворе для Чрезвычайного китайского посольства в 1896 г. // Сб. «Деньги в Российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования» СПб., 2019. Выпуск II. С. 112—116.

³ Скурлов В. В. Дипломатические подарки из Кабинета Его Величества восточным монархиям. Восточный вектор российской дипломатии. Японская империя. 1890—1917 гг. // КЛИО. № 4 (136). 2018.

щий сомнения в своей подлинности, по свидетельству Ли Хунчжана, более чем двухтысячелетней давности. Сейчас мы можем датировать его довольно точно: XII — X вв. до н. э.). Этот сосуд *гуй* входил в каталог императорской коллекции, был взят для подношения из дворцового собрания, также как другие подарки Традиционно для подобного сосуда, бывшего и культовым предметом, и одновременно документом, что на нём на крышке и внутри сосуда имеется китайская надпись архаическим шрифтом — посьвятительная благопожелательная формула: «Цюэ из Ши сделал этот драгоценный сосуд, чтобы выразить почтение отцу и матери, дабы ему было даровано долголетие». Жертвенные бронзовые сосуды, относящиеся к глубокой древности, клали в захоронения, как документы передавали из поколения в поколение, позднее они стали объектом коллекционирования. Являлись они и символами унаследованной власти и собственности, например на землю. Поэтому такой подарок был чисто китайским выражением пожелания благополучного и долгого правления.

Среди подарков были великолепные произведения из золоченой бронзы, украшенные перегородчатой эмалью, ставшей «визитной карточкой» Китая.

Особенно символичным было подношение пары подсвечников в виде маньчжурских белых журавлей с красными шапочками («аистов») — выполнены они из перегородчатой эмали, имеют белое оперение, у их ног растёт гриб *линчжи*. Кроме того, что эти изображения связывались с представлениями о бессмертии и долголетию, две таких птицы стояли обычно в залах для приёмов по сторонам от трона китайского императора, выражая благопожелательную формулу «десять тысяч лет правления царствующей династии».

Две вазы в форме лунных флагов, клуазоне, выполнены, в основном, из перегородчатой жёлтой эмали — жёлтый цвет могли использовать в Китае только императоры¹⁷. Орнамент с изображением летучих мышей (*фу* — счастье), поддерживающих стилизованный иероглиф (*шоу* — долголетие), драгоценности, цветы и бабочки (процветание в старости) — опять же читается как омофон и благопожелания. На дне обеих флагов сохранились красные бумажные наклейки императорской дворцовой коллекции с иероглифами.

Две императорские большие восьмилепестные красные коробки для сладостей или засахаренных фруктов символизировали пожелание долголетия. Коробки парные, изображение на них выполнено в зеркальной симметрии. Внутри коробки покрыты черным лаком и расписаны цветами золотом лаком.

Как и в случае с ценностями, привезенными из путешествия, и подарками посольства 1895 г. эти памятники долгое время находились в

личных покоях Николая II в Зимнем дворце на втором этаже Адмиралтейской части и на Салтыковской лестнице.

Многое царь позднее передал во вновь созданный Этнографический Отдел Музея Александра III. Когда был ликвидирован Этнографический отдел Русского Музея в 1930-х годах, то часть экспонатов отправили в Эрмитаж и занесли в инвентари Отдела Востока.

В дальнейшем судьба многих изделий сложилась по-разному. Так, два охладителя для помещений в жаркую погоду в технике клуазоне украшали интерьеры Аничкова дворца. Перенос их туда был не случайным. Большое количество перегородчатой эмали находилось там и раньше, во времена Александра III, который ценил и коллекционировал её¹.

Парные большие коробки для сладостей резного красного лака и два экрана клуазоне, многие другие восточные редкости Николай Александрович передал во вновь созданный Этнографический отдел Музея Александра III. Когда был ликвидирован Этнографический отдел Русского Музея в 1930-х годах, то часть экспонатов отправили в Эрмитаж и занесли в инвентари Отдела Востока.

Как нам удалось выяснить, в Эрмитаже и других собраниях России хранятся китайские императорские подарки, привезенные в Петербург Чрезвычайными послами Ван Чжичуном в 1895 году и Ли Хунчжаном в 1896 году.

Остается надежда, что удастся проследить историю, определить и найти и другие экспонаты, послужившие подарками от китайского императора Гуансюй (1875—1908) наследнику русского престола цесаревичу Николаю Александровичу, императору Николаю II.

¹ Меньшикова М.Л. Восточная коллекция Александра III в Аничковом дворце // Александр III — коллекционер. Выставка в ГРМ. 2020. Palace Edition.

К.К. Меркулов
Институт Китая и современной Азии РАН

**О важнейших теоретико-методологических
и научно-методических особенностях
историко-философской модели системосинергетики¹
биостратегических и геостратегических отношений
России и Союзного государства с Китаем в XXI веке н.э.²**

Аннотация. В коллективной монографии ученых и дипломатов семьи Меркуловых «Геостратегические отношения России и Китая в начале XXI века в плане перспектив генезиса планетарного международного союза нового типа за совместное выживание и устойчивое оптимальное развитие человечества (после нынешнего мирового кризиса): историко-философские очерки» презентован план-проспект модели 5-томного фундаментального исследования авторов «Био- и геостратегические отношения России и Союзного государства с Китаем в конце XX — начале XXI века н.э. (научная историко-философская модель системно-синергетических анализа—синтеза—прогноза)». Предлагаемые в модели новые теоретическая методология и научная методика системно-синергетических анализа—синтеза—прогноза (т.е. системосинергетики) отношений России и КНР представляется приемлемой концептуальной основой проектного моделирования взаимодействия с Китаем и Союзного государства и прогнозной экстраполяции фактов, явлений, процессов, тенденций и перспектив формирования нового оптимального (истинно доброго ~ мирно-доброгармоничного ~ подлинно благого ~ идеально совершенного и т.д.) мироустройства, включая будущее ЕАЭС, ШОС, БРИКС+ и др. Эта модель ориентирована на широкую аудиторию как напутствие на оптимальные добрососедство, дружбу, взаимовыгодное сотрудничество, равноправное и доверительное миросоюзничество нового типа (в духе био- и геостратегической концепции «совместное выживание и устойчивое оптимальное развитие человечества к доброчеловечеству»), мирно-доброгармоничное соразвитие и взаимовыгодный успех народов наших стран. В итоге, представлена «программа-максимум» («реалистичско-оптимистический» сценарий) развития российско-китайских и союзно-китайских отношений, к реализации которой нужно стремиться в идеале (несмотря на временные кризисы!) путем ряда «программ-минимум».

¹ То есть био- и геостратегическо-футурологических системно-синергетических анализа—синтеза—прогноза.

² Модель создана в соавторстве с профессорами К.А. Меркуловым (1924—1999) и Э.А. Меркуловой (1933—2017).

Ключевые слова: Россия, Союзное государство (СГ), Китай (КНР), теоретико-методологическая и научно-методическая био- и геостратегическая системосинергетика

Katenary K. Merkulov
ICCA RAS

On the most important theoretical-methodological and scientific-methodological features of historical-philosophic model of system-synergetics¹ of biostrategic and geostrategic relations between Russia and the Union state with China in the 21st century A.D.²

Abstract. The collective monograph of scientists and diplomats of the Merkulov family “Geostrategic relations between Russia and China in the early 21st century in terms of the prospects for the genesis of a planetary international union of a new type for joint survival and sustainable optimal development of mankind (after the current global crisis): historical and philosophical sketches” presents the prospect-plan for a model of 5-volume fundamental research of the authors “Biostrategic and geostrategic relations of Russia and the Union state with China on the edge of the 20th — 21st centuries A.D. (scientific historical-philosophical model of system’s synergetic analysis — synthesis — forecast)”. The new theoretical and scientific methodology of system-synergetics of relations between Russia and the PRC proposed in the book seems to be an acceptable conceptual basis for project modeling of interaction between China and the new Union state and, more broadly, futurological extrapolation of facts, phenomena, processes, trends and prospects for the formation of a new optimal (truly good, etc.) world order, including the future of the EAEU, SCO, BRICS+, etc. This model can be considered at its true worth as a parting word for optimal neighborliness, friendship, mutually beneficial cooperation, equal and trusting “world unionship” of a new type (in the spirit of the biostrategic and geostrategic concept of “joint survival and sustainable optimal development of humankind to good-humanity”), peaceful and good-harmonious co-development and mutually beneficial success for the peoples of our countries. As a result, we envisage the “maximum program” (“realistic-optimistic” scenario) for the development of Russian-Chinese and Union-Chinese relations, the realization of which can and should be ideally strived to (despite temporary crises!) through the implementation of a number of “minimum programs”.

Keywords: Russia, the Union state, China (the PRC), theoretical-methodological and scientific-methodical biostrategic and geostrategic-futurological system-synergetics.

¹ i.e. biostrategic and geostrategic-futurological system-synergetic analysis — synthesis — forecast.

² The model was issued in co-authorship with professors K.A. Merkulov (1924-1999) and E.A. Merkulova (1933—2017).

«Мир и гармония являются высшими добродетелями в небе и на земле».

Конфуций

«Правда и вера суть две сестры родные, дочери Одного Всевышнего Родителя, в распрю прийти не могут... А благоразумные и добрые люди должны рассматривать, нет ли какого способа к объяснению и отвращению мнимого между ними междоусобия»

М.В.Ломоносов

«Многие страны ополчатся на Россию, но она выстоит, утратив большую часть своих земель. Эта война, о которой повествует Священное Писание и говорят пророки, станет причиной объединения человечества. Люди поймут, что невозможно жить так дальше, иначе все живое погибнет, и выберут единое правительство...»

Старец Серафим Вырицкий.

Презентуемая научная модель посвящена многоплановым фундаментальным системно-синергетическим анализу—синтезу—прогнозу ряда важнейших фактов, явлений и сущности, форм и содержания, процессов и тенденций генезиса межчеловеческих, межгосударственных, международных, межкультурных, междивизиационных, межконфессиональных и т.д. отношений нового (идеально благого, истинно доброго, мирно-доброгармоничного, оптимального, подлинно совершенного и т.д.) типа (МОНТ) и геостратегических «особых отношений» нового типа (ГООНТ) России и Союзного государства с Китаем в начале XXI века н.э. в плане перспектив формирования нового оптимального мироустройства (НОМ). Данная проблема геосистемологически рассмотрена в широком (пан)евразийском и мировом контексте. Главный упор сделан на исследовании геополитико-стратегических и социально-философских (в том числе культурно-цивилизационных, миротворческих и доброподвижнических) аспектов этих МОНТ-ГООНТ с итоговым био- и геостратегическо-футурологическим выходом на интегральное духовно-материалистическое моделирование и прогнозирование в широкой исторической перспективе.

Библиографический список

Конфуций. Афоризм о мире и гармонии как высших добродетелях в небе и на земле / Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. Рук. проекта и авт. коллектива М.Л. Титаренко. М.: РАН, Институт Дальнего Востока, 2005. 400 с. С. 202.

Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце, наблюдаемое в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук мая 26 дня 1761 г. / Википедия — свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ломоносов_М.В. (accessed/дата обращения: 05.11.2018).

Меркулова Э.А., Меркулов К.А., Меркулов К.К. Геостратегические отношения России и Китая в начале XXI века в плане перспектив генезиса планетарного международного союза нового типа за совместное выживание и устойчивое оптимальное развитие человечества (после нынешнего мирового кризиса): историко-философские очерки: Коллективная монография. М.: Спутник +, 2020. 640 с.

Л.Е. Михайлова
**Автономная некоммерческая организация
«Центр развития культурных инициатив»**

**Исследование российско-вьетнамского взаимодействия
в современном культурном поле**

Аннотация. Теме сотрудничества в сфере культуры между Россией и Вьетнамом посвящено крайне мало исследований. Вследствие этого практика налаживания новых партнерских отношений недостаточно эффективна, так как продолжает строиться на устаревших принципах идеологии «социалистического прошлого» и военного превосходства. Главным исследовательским вопросом, который автор работы ставит перед собой, является поиск устойчивых систем и программ международного сотрудничества гуманитарной сферы. Анализ современных кросс-культурных программ ставит своей задачей поиск новых точек соприкосновения в международном поле.

Актуальность темы связана с политическим интересом России в ЮВА и наращиванием «мягкой силы» в странах бывшего «социалистического лагеря», с которыми Россию до сих пор связывают прочные исторические и культурные традиции. Выстраивая новые и возобновляя старые линии сотрудничества, внешняя политика РФ опирается на достижения культуры, родство идеологических ценностей, имидж страны на международной арене (в том числе туристическую привлекательность), авторитет в образовательном сегменте и народную (гражданскую) дипломатию. Актуальной задачей сегодняшнего дня становится анализ механизмов «мягкой силы». Стремительно развивающийся Вьетнам является одним из важнейших партнеров России в регионе, однако потенциал гуманитарного сотрудничества и его влияния на российско-вьетнамские отношения остается не раскрытым как в научной среде, так и на практике.

Ключевые слова: российско-вьетнамские отношения, культура, мягкая сила.

Liudmila E. Mikhailova
Center for the Development of Cultural Initiatives

**Cultural Programs between the Russian Federation
and the Socialist Republic of Vietnam
(Study of Russian-Vietnamese interaction in the modern
cultural field)**

Abstract. The modern Russia's foreign policy is directed to the East, therefore it seems relevant to review the “soft power” tool. Humanitarian cooperation programs between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam have

a long history and a great potential, but lately they have been overwhelmed by the military and economic spheres. Lack of research into the scientific and cultural component of the relations between the two countries is an annoying omission, because it is humanitarian ties that form the basis for new international agreements. For many years, cooperation in science, culture and education played a big role in the relations between the Democratic Republic of Vietnam and the USSR. However, since the collapse of the USSR, humanitarian cooperation has undergone a number of changes at the state, institutional and private levels.

The study of the dynamics of these relationships should become the basis for more productive and high-quality partnerships in the future. The research studies the tools of «soft power» policy reviewing modern programs of Russian-Vietnamese interaction in humanitarian spheres: regional cooperation, cultural tourism, the history of scientific and technical cooperation (the “Intercosmos” program) and attempting to periodize Russian-Vietnamese relations in these spheres. The objectives of the study include: defining cultural and scientific interests of the two countries; analyzing the dynamics and sustainability of humanitarian programs; identifying the strengths and weaknesses of Russian-Vietnamese cooperation; and describing future potential of humanitarian programs. The results obtained by the author of this so far unique research of the topic contain practical proposals for cooperation in culture and art. The dissertation consists of two chapters, an introduction, and a conclusion. The first chapter gives a historical retrospective view of the bilateral cooperation, and the second chapter is a detailed analysis of the programs currently being implemented.

Keywords: Tool of «Soft Power» Policy, Humanitarian Cooperation Programs, relations between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam.

Интерес к программам двустороннего сотрудничества между Россией и Вьетнамом связан с глобальными изменениями на мировой политической арене и эффективностью «мягкой силы» в деле построения международного диалога с быстро развивающимися странами Юго-Восточной Азии. Работа по актуализации российско-вьетнамских отношений основывается на взаимовыгодном всестороннем сотрудничестве, во многом обязанном дипломатической работе СССР в сфере культуры, образования и науки. 70-летняя история дипломатических отношений между СССР/Российской Федерацией и Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ)/Социалистической Республикой Вьетнам (после 1976 года) является примером исключительно позитивного международного сотрудничества. Однако после распада СССР отношения между странами стали носить формальный характер, а российское «присутствие» в регионе уступило место культурно-экономической экспансии Китая и США. Приостановленные в начале XXI века российско-вьетнамские программы, в настоящее время встают на путь восстановления и реорганизации. С 2017—2018 гг. начинают налаживаться новые линии сотрудничества на региональном уровне.

Библиографический список

Добрынин А.Ф. «Сугубо доверительно» М.: Международные отношения, 2008.

Де Воллан Г. По белу свету. Путевые записки Традиционный Вьетнам. Ч. 2. СПб, 1885.

Исаев М.П., Чернышев А.С. Советско-вьетнамские отношения. М., 1975

Кобелев Е.В., Мазырин В.М. и др. Российско-вьетнамские отношения: современность и история. Взгляд двух сторон. М.: ИВД РАН, 2013.

Канаев Е.А., Файншмидт Р.И., Федоренко Д.О. Передавая эстафету сотрудничества: от советско-вьетнамских отношений к диалогу ЕАЭС—СРВ.

Лебедева М.М., Борিশполец К.П., Иванова Н.А., Чепурина М.А. Центральная Азия. Социально-гуманитарное измерение. М.: Аспект Пресс, 2016.

Лебедева М.М., Рустамова Л.Р., Шарко М.В. «Мягкая сила»: тёмная сторона (на примере Германии) // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3.

Ле Тьен Зунг. Российское вьетнамоведение: становление и развитие: диссертация. 1998.

Фам Лан Оань. Развитие культурологии во Вьетнаме под влиянием российской научной школы. // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020.

Ты Тхи Лоан. Русская литература во Вьетнаме и вьетнамская литература в России: взгляд в будущее М.: ИДВ РАН, 2020.

Хоанг Минь Фук. Художественный обмен между Вьетнамом и РФ в области изящных искусств Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020.

Хоанг Минь Фук. Художественный обмен между Вьетнамом и РФ в области изящных искусств М.: ИДВ РАН, 2020.

А.В. Пиковер
Институт Китая и современной Азии РАН

«Дао Дэ цзин в теории и практике Тайцзи»

Аннотация. Дао Дэ цзин (далее ДДЦ) является одним из ключевых феноменов традиционной китайской культуры, оказавшим и продолжающим оказывать огромное влияние не только на китайское, но и на общемировое социокультурное пространство. В данном исследовании просматривается связь ДДЦ и такого значимого феномена как тайцзигун, более известного по названию одного из его частных проявлений — тайцзицюань, т.е. рукопашный бой Великого предела. На наш взгляд, эта тесная связь обусловлена тремя моментами.

Во-первых, Тайцзи, как и прочие внутренние школы Ушу — а это прежде всего Синицюань и Багуачжан — имеет даосские корни, которые обозначаются, в том числе, как «Уданпай» — то есть уданские, то есть даосские школы.

Во-вторых, философия Тайцзи совершенно однозначно коррелирует с теорией тайцзи.

И, наконец, в третьих, изначальное знание в Тайцзи имеет изустный характер, а текст ДДЦ также является по преданию перенесённым на бумагу речевым потоком, что косвенно просматривается в специфике текста.

На наш взгляд, всё это делает ДДЦ, по сути, ключом к пониманию и усвоению целого ряда фундаментальных понятий и трактовок Тайцзи.

Ключевые слова: Тайцзицюань, Дао Дэ цзин, Лао Цзы, пространство.

Alexander V. Pikover
Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences

“Tao Te Ching in the theory and practice of Tai Chi”

Abstract. Tao Te Ching (hereinafter DDJ) is one of the key phenomena of traditional Chinese culture, which has had and continues to have a huge impact not only on Chinese, but also on the global socio-cultural space. In this study, we can see the connection between the DDJ and such a significant phenomenon as taijigong, better known by the name of one of its particular manifestations — Taijiqian, i.e. hand-to-hand combat of the Great Limit. In our opinion, this close connection is based on three points.

Firstly, Tai Chi, like other inner schools of Wushu — and these are primarily Siniqian and Baguazhang — has Taoist roots, which are also designated as “Udanpai” — that is, Udan, that is, Taoist schools.

Secondly, the philosophy of Tai Chi is absolutely uniquely correlated with the theory of Tai Chi.

And, finally, thirdly, the original knowledge in Tai Chi has an oral character, and the text of the DDJ is also, according to legend, a speech stream transferred to paper, which is indirectly seen in the specifics of the text.

In our opinion, all this makes the DDC essentially the key to understanding and assimilating a number of fundamental concepts and interpretations of the Taijiquan.

Keywords: Taijiquan, Tao Te Ching, Lao Tzu, space.

Когда в 2011 году Мастер Гао Чжуанфэй единственный раз приехал в Россию для проведения семинара по внутренней работе — *нэйгун* — в Тайцзи, он начал семинар со слов: «Мы с вами находимся в зале, который имеет потолок, пол, стены, окна и двери. Но используем мы не их, а то пространство, которое они образуют» [Gao Zhuangfei]. Вряд ли Мастер Гао имел целью впрямую цитировать Дао Дэ цзин (далее ДДЦ), что подтверждается и тем, что ДДЦ за 10 занятий не был упомянут им ни разу, но это сути это почти прямое цитирование 11 чжана ДДЦ: «Тридцать спиц соединяются в одной ступице, [образуя колесо], но употребление колеса зависит от пустоты между [спицами]. Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нем. Вот почему полезность чего-либо имеющегося зависит от пустоты» [Лао Цзы, 1972, 118]. Правда Мастер называл это не «пустотой», а «пространством» (空间), говоря о том, что, по сути, самое главное и важное в тайцзи — это как раз понимание «пространства» и умение с ним работать.

Кране важным для понимания сути тайцзи является суждение о Тайцзи такой монументальной фигуры как Матер У Тунань: «Люди все еще плохо знают, что Тайцзицюань — это своего рода наука движения. В ней нет фиксированных поз или установленных форм. В прежние времена учителя обучали ей по своей сердечной доброте, и начинать ее изучение приходилось с комплексов фигур и базовых упражнений. И только когда ученик завоевывал особое расположение учителя, он мог перейти от изучения форм к тому, что форм не имеет» [Владимир Малявин, 404]. Это рассуждение впрямую коррелирует с 38-м чжаном ДДЦ: «...Дэ появляется только после утраты Дао; человеколюбие — после утраты Дэ; справедливость — после утраты человеколюбия; ритуал — после утраты справедливости. Ритуал — это признак отсутствия доверия и преданности. [В ритуале] — начало смуты. Внешний вид — это цветок Дао, начало невежества. Поэтому [великий человек] берет существенное и оставляет ничтожное. Он берет плод, и отбрасывает его цветок. Он предпочитает первое и отказывается от второго [Лао Цзы, 1972, 126]. То есть чем

ближе к сути мастерства, тем дальше от формы, используемой в большей степени на стадии освоения.

Не менее важным для понимания сути Тайцзи является, например, и такое место в ДДЦ, где идёт речь об неуязвимости совершенного человека Дао: «Я слышал, что, кто умеет овладевать жизнью, идя по земле, не боится носорога и тигра, на войне, не страшится воина. Носорогу некуда вонзить в него свой рог, тигру некуда наложить на него свои когти, воину некуда поразить его мечом. В чем причина? В том что в нём нет места смерти». [老子。大学。中庸 云南大学出版社 (Лао Цзы. Дасюэ. Чжун'юн Юньнаньдасюэчубаньшэ), 2004, 65—66]. Дело в том, что «место смерти» — 死地 (*сыди*) — так обозначается место в физико-энергетической структуре тела, в котором образуется контрактура, зажим, ахиллесова пята, уязвимая для поражения точка или зона в теле, формируемая зажимом в сознании. Зажим же в сознании в свою очередь является прежде всего следствием страха.

Библиографический список

- Лао Цзы.* Дао Дэ цзин. Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972.
- Малявин В.В.* Тайцзицюань: Классические тексты. Принципы. Мастерство. М.: Кнорус, 2011.
- 老子。大学。中庸 云南大学出版社, Лао Цзы, Дасюэ. Чжун юн. Издательство Юннаньского ун-та, 2004.
- Lao Tzu.* Tao Te Ching. Ancient Chinese philosophy. T1. M.1972.
- Malyavin V.V.,* Taijiquan: Classical texts. Principles. Mastery. M.: Knorus, 2011.
- 老子。大学。中庸 云南大学出版社, Lao Tzu, Daxue.Jungyun. Yunnan University Publishing House, 2004.
- Gao Zhuangfei in Moscow 2011_2.VOB. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HtNcVci3eel> (дата обращения: 07.03.2024).

И.А. Соколов

Независимый историк-исследователь

**Чай, чайный бизнес и чайная культура
китайских провинций Цзянсу и Внутренняя Монголия
в 2023—2024 годах**

Аннотация. статья содержит краткий обзор текущего состояния чайной культуры и чайной торговли в китайских провинциях Цзянсу (города Янчжоу, Сучжоу, Тайчжоу, Нанкин, Уси) и Внутренняя Монголия (город Хух-Хото) на основе материалов, собранных лично автором во время ряда поездок в КНР в 2023—2024 годах.

Ключевые слова: чай, чайная торговля, культура, Китай.

Ivan A. Sokolov

Independent historian-researcher

**Tea, tea business and tea culture of the Chinese provinces
of Jiangsu and Inner Mongolia in 2023—2024**

Abstract. the article contains a brief overview of the current state of tea culture and tea trade in the Chinese provinces of Jiangsu (the cities of Yangzhou, Suzhou, Taizhou, Nanjing, Wuxi) and Inner Mongolia (the city of Hohhot) based on materials collected personally by the author during a number of trips to the PRC in 2023—2024.

Keywords: tea, tea trade, culture, China.

Более 30 лет стремительного развития позволили Китаю занять лидирующие места в мировой экономике. Масса вчерашних крестьян сменила хутуны на многоэтажные дома из стекла и бетона. Китай покрылся сетью прекрасных автомобильных дорог с многоуровневыми развязками и туннелями. Появилось высокоскоростное железнодорожное сообщение.

Известные события 2020 года подстегнули электронную коммерцию — даже китайские пенсионеры теперь покупают значительную долю товаров, включая чай, онлайн. Однако, стремительный рост электронной коммерции, в сочетании с низкой стоимостью доставки товаров внутри КНР, вызвал серьёзнейшие изменения во внутренней китайской торговле.

Кризис перепроизводства в строительном секторе Китая виден уже давно. Считаю, что можно говорить также о выраженных структурных изменениях и чайного рынка КНР.

Поездка на литературную конференцию во Внутреннюю Монголию (в 2023 году) и две поездки по провинции Цзянсу (в феврале и марте-

апреле 2024 года) позволили наблюдать системный кризис в чаеоторговой отрасли Китая, как минимум, этих двух провинций.

Суть происходящих процессов предельно проста: потребитель покупает всё большее количество чая непосредственно у производителей, в фирменных магазинах на электронных площадках, таких, как ТаоБао (淘宝网; Táobao Wǎng).

В этих условиях, на сверх конкурентном рынке, средне- и мелкооптовые чаеоторговые фирмы оказались на грани рентабельности.

В частности, серьёзный кризис сбыта чая накрыл чаеоторговые фирмы в городе Янчжоу (Цзянсу) и Хух-Хото (Внутренняя Монголия). В поисках сбыта своей чайной продукции производители из провинции Гуандун отправляются во Внутреннюю Монголию, а чаеоторговцы из Фуцзянь — в Цзянсу.

Относительно неплохо чувствуют себя пока лишь производители чая пуэр из провинции Юньнань, хотя перепроизводство чая там наблюдается ещё в 2017—2019 годах, до известных событий.

Уже в 2021—2022 годах ряду представителей китайских чаеоторговых компаний пришлось с использованием VPN-сервисов выходить со своим чаем в известную американскую социальную сеть и российскую ВКонтакте.

Маркером кризиса перепроизводства, накрывающего чайную отрасль ряда китайских провинций, является готовность оптовиков продавать чай розничным покупателям по оптовым ценам и тратить время на продажи даже незначительных объёмов чая.

В то же время кризис заставил китайских чаеоторговцев искать новые ниши для реализации своей продукции. Во Внутренней Монголии это частично реализуется через развитие культуры чайных клубов. К примеру, один из чайных клубов в Хух-Хото сделал ставку на создание моделей “сельских двори́ков”, заполненных котами. Владелец другого — на продажу чая и предметов чайной атрибутики через апелляцию к чань-буддизму. Третий — на создании «Музея Чая» в Хух-Хото, который призван притянуть к себе внутренний китайский туристический поток.

В провинции Цзянсу предприниматели пытаются развивать формат чайных церемоний, отсылающих гостей к чайным традициям танского Китая.

В частности, предприниматели в Цзянсу восстанавливают архаичные процессы заваривания чаёв, превращая сам процесс приготовления чая в театрализованное представление.

В одной из чайных Хух-Хото создали свою вариацию чайной церемонии высшего мастерства, где оказались заимствованы элементы чайных традиций из провинции Гуандун и острова Тайвань. В частности, в одном из чайных клубов Хух-Хото чётко прослеживались элементы, за-

имствованные из традиции Чаошань Гун Фу Ча (潮汕工夫茶; Cháo shàn gōngfū chá).

Обращает на себя внимание расширение ассортимента, на внутреннем китайском рынке, бутилированных чаесодержащих напитков и холодных чаёв. Появляется всё больше напитков, объединяющих чай и молочную продукцию.

В городе Исин, знаменитом керамическом центре Китая, известном своей глиной (宜兴泥; Yíxīng ní), также явно намечается перепроизводство знаменитых исинских чайников.

Несмотря на явное затоваривание рынка, цены, как на исинские чайники, так и на другие атрибуты для чайных церемоний, пока не снижаются. Цены на качественные «полуручные» и «ручные» чайники варьируются в интервале 400—1.200 юаней, с выраженным сдвигом в ценовой сегмент 400—800 юаней. Разумеется, это касается так называемой цены «после торга».

Резюмируя сказанное, можно указать на выраженные кризисные явления внутреннего чайного рынка КНР, которые пока частично компенсируются за счёт новых рыночных ниш чайной культуры. Ценовые «пузыри» рынка чая пуэр (из провинции Юньнань) и глиняных изделий Цзянсу (город Исин) пока ещё существуют.

Отслеживание экономических проблем внутри различных сегментов экономики КНР, как мне представляется, в данный исторический момент весьма актуально. Ведь возможный вариант выхода из сложной экономической ситуации может быть найден через мобилизацию общества для целей восстановления территориальной целостности КНР на всем известном острове.

Сунь Юаньюэ

Шаньдунский политехнический университет

Современное состояние исследований
распространения китайской культуры
в процессе преподавания китайского языка в Монголии

Sun Yuanyue

Shandong University of Technology

The current state of research on the spread
of Chinese culture
in the process of teaching Chinese in Mongolia

Abstract. Language learning is an important way of cultural communication. It is very important to solve the current problems and promote better cultural communication. By combing through the current domestic research and investigation, we found that the Chinese cultural communication in Mongolian Chinese teaching has problems such as the mismatch between content selection and student needs and lack of government support and public recognition. Combining the latest views and teaching practices of Professor Lu Jianming of Peking University, we believe that solving these problems should be done by allowing local teachers to participate more in teaching, establishing a good image of Chinese teachers and using new technologies.

Keywords: Mongolia, cultural communication, international Chinese education.

孙元越

山东理工大学

蒙古汉语教学中中国文化传播现状研究

文章摘要: 语言学习是文化传播的重要途径，如何解决目前存在的问题，促进文化更好的传播非常重要。通过梳理目前国内的研究和调查我们发现，蒙古汉语教学中的中国文化传播存在内容选择与学生需求不匹配以及缺乏政府支持和民间认同的问题。结合北京大学陆俭明教授最新的观点以及教学实践，我们认为解决这些问题要通过让本土教师更多的参与教学，树立良好的汉语教师形象及运用新技术手段来解决。

关键词: 蒙古，文化传播，国际中文教育

中国积极与蒙古国进行经济合作，然而对蒙古国汉语国际教育的发展还是相对滞后，语言学习是文化传播的重要途径，如何解决目前存在的问题，促进文化更好的传播非常重要。

一、蒙古汉语教学文化传播现状

中国积极与蒙古国进行经济合作，然而对蒙古国汉语国际教育的发展还是相对滞后，蒙古国与我国的蒙古族语言上略有不同，但并不影响交流，双方习俗也相近，文化上也有密切的联系。例如，自 2016 年开始，内蒙古广播电视台在乌兰巴托成立了“中国影视剧喀尔喀蒙古语译制中心”，开创了一个宣讲中国文化的窗口。¹中国蒙古族音乐“长调”于 2005 年被联合国教科文组织列为非遗代表作，也深受蒙古国人民喜爱。当然两国之间文化上的差异也是实际存在的，两国在婚姻观念，生育观念，饮食文化，节日习俗方面也有很多不同。

“蒙古国的发展，需要利用本国自然资源，也需要外来的技术与资本。这必然带来对于外语人才的高度需求。”²汉语也有选择、有侧重地出现在蒙古国高等教育的课堂当中。以蒙古国科技大学为例。该校能源工程学院的电力专业的“中国 2+2 项目”要求学生前两年的四个学期中持续修汉语课。商务管理及人文学院则要求各专业学生在本科一年级修读语言文化和汉语课程。

语言学习是文化传播的重要途径，汉语教学中的文化传播主要发生在学校。蒙古国目前已有 80 多所中小学和 30 多所高校开设了汉语课程，汉语学习人数近 2 万人。对中国文化感兴趣是蒙古学生学习汉语的一个重要原因之一。

在大学生中，根据对蒙古国立大学 200 名学生的调查我们发现，对中国文化感兴趣是蒙古国大学生学习汉语的重要原因之一。³通过在蒙古国育才广播孔子课堂的调查我们发现，在中学生中，因为想了解中国文化

¹ 李艳丽：《“一带一路”建设背景下内蒙古高校对蒙古国汉语教育与传播对策研究》，《民族高等教育研究》2021 年 3 期。

² 李佐腾：《蒙古国高等教育中语言教育现状综述》，《语言政策与语言教育》2017 年 3 期。

³ 李佐腾：《蒙古国高等教育中语言教育现状综述》，《语言政策与语言教育》2017 年 3 期。

而学习汉语的人随着年纪的提高而增长，特别十一年纪和十二年级，比例分别高达 70% 和 80%。低年级学生由于心智相对不成熟，对于中国和中国文化的认识也尚浅，因此学习的意愿并不强烈。¹

此外，在中蒙汉语教学文化交流的过程中有两个有趣的现象，一个是蒙古国本土教师对于中国文化的兴趣非常浓厚，这种需求甚至超过其对语言本体知识的渴望；另一个是，由于历史遗留问题和其他一些原因，蒙古人对中国存在一些偏见和刻板印象，但大部分蒙古学生对中国文化表示尊重和喜爱，对汉语老师格外喜爱。²

二、蒙古汉语教学文化交传播存在的问题

（一）汉语教学中传播的文化内容与蒙古学生需求不匹配

通过对目前学界研究结果的梳理我们发现，蒙古学生学习汉语的目的主要是为了去中国留学或就业。例如，以对蒙古国科技大学 140 为汉语初中级学生的调查结果我们发现，“我想去中国留学”是蒙古学生学习汉语占比最高的原因，占 24.8%。其次是“目前在蒙古汉语是非常重要的语言之一”和“我认为学好汉语有利于找工作和未来的职业”，分别占 20.5% 和 19.7%。而对“我对中国文化、习俗、历史、艺术等感”这一原因只占 2.5%。³客观来说，蒙古国的教育发展与世界其他国家比相对落后。在高等教育学术研究工作方面，蒙古国的预算投入仅为 2.7%，且存在高校毕业生的专业水平无法满足市场需求，硕、博层次的教学尚达不到国际水准等问题。所以我们有理由相信，来中国留学和解决自己的就业问题是蒙古学生最大的需求。

然而，在目前的对蒙古的汉语教学中，这一问题显然没有被注意到。不论是使用的教材，还是教学过程中的文化活动，我们的关注点依然在中国的传统文化、习俗、历史或者艺术上。这些内容固然能展示中国悠久的历史和丰富的文化，吸引学生的学习兴趣，但显然，这对蒙古学生

¹ 王亚男：《蒙古国育才广播孔子课堂汉语教学现状调查研究》，吉林外国语大学 2020 年硕士论文。

² 嘉欣：《蒙古国高校汉语教学情况调查及相关对策研究》，安徽大学 2018 年硕士论文。

³ 吉祥（ULZIHTOGTOKH DEMBEREL）：《蒙古国汉语学习者学习动机减退问题研究》，浙江大学 2019 年硕士论文

了解当下的中国社会帮助不大。我们缺少对中国现代文化，现代生活的传播。例如，很多留学生来中国都会遇到的一个问题——如何使用手机支付，这已经是当下中国社会的普遍行为，但对留学生来说往往陌生的。而这些和生活息息相关的当代文化内容在我们的教材和文化活动中鲜有涉及。

（二）汉语教学中的文化传播缺少蒙方政府政策支持和民间认同

从蒙古的语言文化政策来看，近年来，蒙古政府的语言政策重点在本民语言和文化的传承和保护上。在对外来文化的交流上则着力较少。蒙古国教育部“2013—2016 年度高等教育改革工作计划”中明确提到“当前大学生母语能力不足”，需要革新蒙古语教育的内容、考察中等教育毕业生的母语综合水平、实行全国范围的蒙语写作考试，并要在此期间实现高等教育考生的母语能力上机测试。¹

汉语作为一种外语，汉语教学中的文化传播仍只通过孔子学院和一些民间培训机构进行，得到蒙古政府的支持较少。

虽然两国政府在外交上越来越注意沟通，但蒙古民间对现在中国的似乎还抱有偏见。蒙古媒体在报道中国相关事件时，总会带些偏见，好的“漠视”，不好的大肆“渲染”，往往使中国形象在蒙古民众之间造成不良影响。²

虽然蒙古国文化和中国内蒙有很多相似的地方，但我们必须清醒的认识到二者之间的文化差异是实际存在的。内蒙古区域文化具有典型的东方文化特质，而蒙古国文化则具有东欧文化特质。中华文化是中华民族共同体意识的情感相通体，并不只是一个民族的文化。这反映到教学上，就会造成一种文化传播民间认同的缺失。

三、解决蒙古汉语教学文化传播问题的建议

（一）让蒙古本土汉语教师更多的参与到教学中

蒙古本土的教师更加清楚学生学习的动机，了解当地文化。同时，他们自身对中国文化也很感兴趣。让本土教师参与到教材的编写中，制

¹ 艾美（AMARTUR TUGSJARGAL）：《蒙古国语言生活与语言政策研究》，辽宁师范大学 2018 年硕士论文。

² 隽娅玮：《蒙古国汉语教学状况及相关政策研究》，黑龙江大学 2012 年硕士论文。

作国别化的汉语教材。有选择，有针对的斟酌汉语课堂要传播的文化。既要有反映国家和民族精神风貌和品格的“软文化”，又要有关于人才培养、选拔的教育制度，金融、经济管理运行体制的“硬文化”。¹通过蒙古本土教师的建议，使教学过程更加满足蒙古学生的学习需求。

（二）利用好国际汉语教师及志愿者的身份

文化拥有者的民族、国家及其民众的良好形象，是决定文化传播的重要因素。尽管蒙古民间由于各种原因对中国仍有很多偏见，但国际中文教育必然要承担起“中华文化国际传播”的责任。同时，虽然文化差异和偏见客观存在，但是蒙古学生对中国汉语教师十分喜爱。这就要求每一位汉语教师和志愿者在自己的岗位上正视双方差异，在认真完成教学任务的同时，树立良好形象。以身作则，逐渐消除人们之间的偏见。

（三）运用新技术通过汉语课堂辐射文化传播

同时，我们可以尝试运用 AI 技术为代表的新技术，结合蒙古国实际，借助线上平台开设在线汉语课程，利用虚拟现实技术，打造汉语教学元宇宙，增强学习效果。让教学过程的文化传播不只局限于课堂。

四、结论

蒙古汉语教学文化传播过程的问题主要集中在文化传播内容不匹配学生需求和缺少政府支持和民间认同上。我们可以通过让蒙古本土教师更多的参与到教学中，树立良好的汉语教师形象和利用新技术手段的做法来解决这些问题。

参考文献目录

李艳丽：“一带一路”建设背景下内蒙古高校对蒙古国汉语教育与传播对策研究 [Li Yanli. Research on the Countermeasures of Mongolian Chinese Language Education and Communication in Inner Mongolia Universities under the Background of the “the Belt and Road” Construction] // 民族高等教育研究。2021 3 期，第 54- 59 页。

李佐腾：蒙古国高等教育中语言教育现状综述 [Li Zuoteng. A summary of the current situation of language education in higher education in Mongolia] // 语言政策与语言教育。2017 3 期，第 126- 127 页。

¹ 陆俭明：《试论中华文化的传播》，《学术交流》2019 年第 4 期。

王亚男：蒙古国育才广播孔子课堂汉语教学现状调查研究 [Wang Yanan. A Survey and Study on the Current Situation of Chinese Language Teaching in Confucius Classroom of Mongolian Talent Education Broadcasting] // 吉林外国语大学硕士学位论文。2020。

嘉欣：蒙古国高校汉语教学情况调查及相关对策研究 [Jia Xin. A Survey of Chinese Language Teaching in Mongolian Universities and Related Countermeasures] // 安徽大学硕士学位论文。2018。

吉祥：蒙古国汉语学习者学习动机减退问题研究 [ULZIITOGTOKH DEMBEREL. *Research on the Decreased Motivation of Mongolian Chinese Language Learners*] // 浙江大学硕士学位论文。2019。

艾美：蒙古国语言生活与语言政策研究 [AMARTUR TUGSJARGAL. *A Study on Mongolian Language Life and Language Policy*] // 辽宁师范大学硕士学位论文。2018。

隽娅玮：蒙古国汉语教学状况及相关政策研究 [Juan Yawei. *Research on the Status and Related Policies of Chinese Language Teaching in Mongolia*] // 黑龙江大学硕士学位论文。2012。

陆俭明：试论中华文化的传播 [Lu Jianming. *On the Spread of Chinese Culture*] // 学术交流。2019 4 期，第 5-12 页。

А.В. Ткачёва, Д.И. Стрельцов
**Институт лингвопереводческих технологий
и развития международных коммуникаций,
АНО ВО «Университет мировых цивилизаций
им. В.В. Жириновского»**

**В чем заключается уникальность глазурованного
керамического декора в архитектуре Китая периодов Мин
(1368—1644) и Цин (1644—1912)**

Аннотация. Данная статья исследует уникальность глазурованного керамического декора в архитектуре Китая. Глазурованные керамические элементы использовались для украшения храмов, дворцов, стен и крыш зданий, придавая им выразительность и уникальность. Глазурованный керамический декор включал в себя различные формы, от плитки и кафеля до статуи, фигур и украшений, которые создавались с использованием мастерства и передовых технологий. Исследования художественных и археологических находок позволяют понять, что глазурованный керамический декор не только выполнял декоративную функцию, но также играл роль символического и культурного значения. Он отражал технологические и художественные достижения своего времени, мировоззрение и религиозные убеждения древних китайцев. Технологии производства глазурованного керамического декора тщательно разрабатывались и совершенствовались на протяжении веков. Они включали в себя использование различных видов глазури, обжиг и отделку, которые позволяли создавать разнообразные цветовые оттенки и текстуры. Применение таких технологий позволило создать выдающиеся произведения искусства, которые сегодня являются объектом изучения археологов и искусствоведов. Исследование уникальности глазурованного керамического декора в архитектуре династий Мин и Цин поможет лучше понять его значение для китайской культуры.

Ключевые слова: уникальность, технология, исследования, культура, архитектура.

Alexandra. V. Tkacheva, Dmitriy I. Streltsov
**Institute of Linguistic Translation Technologies
and Development of International Communications,
ANO VO “University of World Civilizations
named after V.V. Zhirinovsky”**

**What is the uniqueness of glazed ceramic decoration
in Chinese architecture during the Ming (1368—1644)
and Qing (1644—1912) periods?**

Abstract. This article explores the uniqueness of glazed ceramic decoration in Chinese architecture. Glazed ceramic elements were used to decorate temples, palaces, walls and roofs of buildings, giving them expressiveness and uniqueness. Glazed ceramic decor included various shapes, from tiles to statues, figures and ornaments, which were created using craftsmanship and advanced technology. Studies of artistic and archaeological finds make it clear that glazed ceramic decor not only served a decorative function, but also served as a symbolic and cultural value. It reflected the technological and artistic achievements of its time, as well as reflected the worldview and religious beliefs of the ancient Chinese. The production technologies of glazed ceramic decor have been carefully developed and improved over the centuries. These included the use of various types of glazes, firing and finishing, which allowed for the creation of a variety of color shades and textures. The use of such technologies has made it possible to create outstanding works of art, which today are the object of study by archaeologists and art historians. The study of the uniqueness of glazed ceramic decoration in the architecture of the Ming and Qing dynasties will help to better understand its significance for Chinese culture.

Keywords: uniqueness, technology, research, culture, architecture.

Многовековая история глазурованного керамического декора глубоко уходит корнями в китайскую культуру. Глазурь — это стеклообразное покрытие, наносимое на поверхность керамики для украшения, защиты и придания ей дополнительных свойств.

Периоды Мин и Цин являются двумя важными эпохами в истории Китая, каждая из которых оставила свой след в культуре, искусстве и архитектуре страны. В китайской культуре цвет имел глубокое символическое значение, и это отражалось в выборе цветов для декоративных элементов из керамики и глазури в периоды Мин и Цин.

1. Желтый цвет был связан с императорской властью и императорской семьей. В период Мин этот цвет был особенно популярен, так как желтый считался цветом императора. Использование желтой глазури и керамики было зарезервировано для императорских дворцов, храмов и других императорских сооружений.

2. Сине-зеленый цвет также имел особое значение в китайской культуре. Он ассоциировался с природой, водой и небом, символизировал благополучие и долголетие. В период Цин сине-зеленая глазурь была широко использовалась для украшения посуды, керамических изделий и архитектурных элементов.

3. Красный цвет символизировал радость, удачу и процветание. В периоды Мин и Цин красная глазурь часто использовалась для украшения предметов роскоши, чтобы подчеркнуть их высокий статус и богатство.

4. Черный цвет обычно ассоциировался с смертью и трауром в китайской культуре, однако в некоторых случаях черная глазурь могла использоваться для создания элегантных и строгих декоративных элементов, как это было в монастыре Чжихуа-сы.

Эти символические значения цветов помогали создавать атмосферу уважения, благополучия и роскоши в архитектуре и предметах быта династий Мин и Цин.

В Китае было создано множество великолепных зданий, украшенных глазурованным керамическим декором. Вот несколько примеров архитектурных сооружений с использованием керамического декора:

1. В эпоху Мин и Цин черная глазурованная черепица чаще всего применялась для строений низшего социального статуса, таких как резиденции аристократов, народные монастыри и служебные помещения в императорском дворце.

2. Храм тринадцати гробниц императоров периода Мин, также расположенный в Пекине, является комплексом императорских некрополей династии Мин. Его архитектура отличается изысканным керамическим декором, который украшает входные ворота, стены и павильоны храма.

3. Буддийский монастырь Дабаоэнь-сы периода Мин в Нанкине славится своим прекрасным керамическим декором, который украшает его архитектурные элементы. Здесь можно увидеть разноцветные глазурованные керамические панно с изображениями Будд, лотосов, цветов и других символов буддизма. Декоративные элементы из керамики создают атмосферу мира, спокойствия и духовности в монастыре, привлекая поклонников и туристов своей красотой.

Эти архитектурные сооружения представляют собой выдающиеся примеры использования керамического декора в китайской архитектуре династии Мин. Каждое из них отражает богатство культурного наследия Китая и является важным памятником искусства и архитектуры этого периода.

Для дальнейших исследований и сохранения этого культурного наследия важно продолжать изучение технологий изготовления глазурованной керамики, ее символического значения и использования в архитектуре.

Библиографический список

Ван Юнтин. Иерархия глазурованного декора зданий династии Мин // Китайская традиционная архитектура и сады: 1989/4. С. 48—52.

Ли Цюаньцин. Глазурованная черепица династии Мин, анализ элементов в форме животных // Китайская традиционная архитектура и сады: 1990/1. С. 5—14

Лю Дакэ. Обзор глазурованного искусства в эпоху Мин и Цин // Китайская традиционная архитектура и сады: 1995/4. С. 29—32, 1996/1. С. 36—39.

Лю Дакэ. Технология обработки черепицы и каменных элементов китайской древней архитектуры. Пекин: Издательство строительной промышленности Китая, 1993.

Мурата Дзироу. Краткий исторический очерк китайского архитектурного элемента «чивэй» (хвост совы) / перевод Сюе Фань // Китайская традиционная архитектура и сады. 1998/1. С. 57—64, Хун Шань. Исследование искусства керамического декоративного элемента «чивэнь» (клюва совы) эпохи Мин и Цин. Диссертация магистра. Хунань: Технический университет, 2014.

Цю Вэньжун
Шаньдунский политехнический университет

Изучение результата распространения английского перевода
трактата Сунь-цзы «Искусство войны» —
на примере обзоров книги на американском сайте Amazon

Qiu Wernong

A study on the communication effect
of the English translation of “Sunzi Bingfa”
The Art of War——Taking the book reviews on Amazon.com
as an example

Abstract. This article studies the four main English translations of The Art of War and finds that The Art of War has broad prospects in the overseas book market and ranks high in the global sales market of Amazon in the United States. This article reveals the reasons why overseas readers like to read The Art of War, the characteristics of the English translations with good sales, and the problems that still exist in the current translations, which will help to further enhance the overseas dissemination influence of The Art of War, a classic Chinese literary work.

Keywords: The Art of War; English translation dissemination effect; Amazon website in the United States; book review

邱文蓉
山东理工大学文学与新闻传播学院

《孙子兵法》英译传播效果研究一
——以美国亚马逊网站书评为例

文章摘要：本文通过对《孙子兵法》主要的四个英译本进行研究，发现《孙子兵法》在海外图书市场拥有广阔的前景，在美国亚马逊全球销售市场中排名靠前。本文揭示了海外读者喜爱阅读《孙子兵法》的原因、销量较好英译本的特点以及当前译本仍然存在的问题，从而有助于进一步提高《孙子兵法》这一中华经典文学著作的海外传播影响力。

关键词：《孙子兵法》；英译传播效果；美国亚马逊网站；书评

中国春秋时期孙武的古典军事著作《孙子兵法》是我国迄今为止最古老、最完整的军事著作，被誉为兵学界的“圣经”。有文字确切记载的《孙子兵法》海外传播历史最早可以追溯到 1392 年朝鲜正史中，自此，

拉开了《孙子兵法》长达 600 多年的海外传播序幕。而英译版本肇始于 1905 年卡尔斯罗普 (E.F.Calthrop)，100 多年以来，国内外 200 多部《孙子兵法》英译本相继问世。虽然英译本起步较晚，但是传播范围广，深受海内外读者好评。

笔者以译文英文书名作为关键词在美国亚马逊网站进行检索，选取了自 2005 年至 2020 年译者在译界相对知名且书评数量较多的四个英译本进行分析，如下图所示。通过《孙子兵法》的全球评分，笔者发现已购买该书的读者超过 70% 都给《孙子兵法》这一著作的英译本打了满分，超过 90% 的读者都对这一著作感到满意，足见《孙子兵法》在海外传播具有一定的影响力。

《孙子兵法》英译本数据分析

译者	星级 评价 等级	书评数 量	书评影 响人数	五星情 况	四星情 况	三星 情况	二星 情况	一星 情况
Thomas cleary	4.5	12989	5000	77 %	11 %	6 %	2 %	5 %
Lionel White	4.5	5454	884	72 %	14 %	8 %	3 %	4 %
Pete Katz	4.7	1120	321	82 %	12 %	3 %	1 %	1 %
John Minford	4.6	355	150	78 %	12 %	5 %	2 %	3 %

同时，笔者对这四个译本在美国亚马逊网站图书排名中进行分析，发现 Thomas cleary 英译版的《孙子兵法》拥有最多的译本评论，达到了 12989 条。490094 人给予了好评，596671 人想要去阅读。笔者发现该英译本在美国亚马逊全球销售市场排名中，成为第一名的中国史书籍，第一名的战略学书籍，并且在整个全球图书热销榜中排 649 名。《孙子兵法》真正成为西方读者眼里中国经典战略著作的代表。超过 700 名读者认为没有一个国家从长期战争中获益，这体现出了和平与发展的时代主题。

Lionel White 英译本传播最为广泛，于 1910 年最早出版，迄今为止已经有 100 多年的历史。从美国亚马逊网站全球销售市场排名来看，该英

译本为全球第二名的军事战略史，第三的亚洲哲学。通过阅读亚马逊销售书评，笔者发现绝大多数的读者认为《孙子兵法》对如何解决商业问题最为有效，因此很多商业领域的人物大多购买此书。

Pete Katz 英译本在美国亚马逊网站历史和人物传记绘本小说销售排名中位列第 15 名，在绘本小说改编分类中排第 18 名，在战略学图书分类中排第 41 名。该书被概括为是对世界上最古老的军事文章的有趣的图形改编。此译本是精装插图本，不少读者认为以图画这一人们更能理解的方式来描绘文学经典，能够更好地促进读者年龄低龄化，吸引青少年读者的阅读兴趣。

John Minford 英译本是在美国亚马逊全球销售市场位列第 10 的中国史，第 24 名政治哲学，第 26 名战略学。有超过 50 名的读者认为该译本不是经典战略文本的最佳译本，但是在保留原始文本最佳风格上做出了基本成功的尝试。译者 **John Minford** 在引言中提到《孙子兵法》所提供的建议远远不只是关于战争，这是一本古老的智慧之书，是一本生活之书。

针对《孙子兵法》英译本在海外畅销的原因，笔者通过对书评的好评分析得知，具体可分为以下四类：第一，在当代社会，《孙子兵法》不仅仅只局限于军事领域，而在商业、社交场合以及任何需要权力去谈判的地方，这本书都能够给人一些启发。孙武利用简洁的语言，使他的天才军事思想可以被我们读者所理解。第二，读者认为这是一本鼓舞人心、内容丰富的书籍。当我们身处困境的时候，《孙子兵法》能够给予读者一些启发，意义非凡。第三，西方国家的军事高层决策者从这本书中得到了启发，认为该书所提出的理论仍然对现代西方军队和严密的专业分工有着重要作用，因此深受西方高层人士的推崇，从而进一步促进了《孙子兵法》的销售。第四，译本翻译的趣味性。有部分读者认为读《孙子兵法》充满趣味，译者使用趣味性的语言去理解孙武的高级智慧，鼓励读者用超前的眼光去思考问题、解决问题，这是普通图书无法做到的。

通过对《孙子兵法》的美国亚马逊官网的读者好评进行分析可知，销量较好的英译本具备以下三个优点：第一，制作精良，字体大小和样

式能够让人看起来很舒服，文本与评论采用不同字体，使读者感到条例清楚、层次分明。第二，译者采取了通俗易懂的词汇来翻译，更容易被不同年龄阶段的人群接受。在销量较好的书评中，笔者发现有很多读者是给自己的孩子购买的，因此词汇的选择就显得尤为重要，要尽可能地避免暴力词汇的出现。在翻译的六要素中，讯息和效果贯穿于整个传播过程，而其余要素分别处在翻译链条的不同节点。传播主体、译者、受众分别担任了把关人的作用，因此掌握住受众的喜好能够进一步促进文学作品海外传播。第三，译者添加了注释，使很多不了解中国传统文化的读者能够深化对文章内容的理解，提高海外读者的阅读兴趣，从而使《孙子兵法》英译本销售大增。

即使《孙子兵法》英译本广受好评，但是仍然存在着一些问题，根据亚马逊官网的读者差评进行分析，笔者大体可以分为以下几类：第一，有些译本中出现了一些错别字，读者认为自己花了比较高昂的费用购买图书，但是存在错别字，这严重拉低了图书的质量。第二，图书的尺寸和大小并不符合读者的要求，读者更加倾向于便于携带的图书尺寸。有些尺寸过大，在运输上并不方便；而有些尺寸过小，并不能达到人眼的舒适阅读区。第三，纸张的厚度并不能做到让所有人都满意，有些读者喜欢轻薄本，而有些读者更偏重于纸张较为厚重的版本，方便做笔记。因此，纸张的厚度无法做到让所有读者都满意。

本文通过对《孙子兵法》主要的四个英译本进行研究，发现《孙子兵法》在海外图书市场拥有广阔的前景，在美国亚马逊全球销售市场中排名靠前。本文揭示了海外读者喜爱阅读《孙子兵法》的原因、销量较好英译本的特点以及当前译本仍然存在的问题，从而有助于进一步提高《孙子兵法》这一中华经典文学著作的海外传播影响力。

参考文献目录

季红琴,卢文静.《孙子兵法》英译本国外传播现状、问题及对策研究——基于外国受众接受的实证研究[J].孙子研究,2023,(04):117—126.

王燕,邵溢.基于 Python 的中国典籍对外翻译传播效果研究——以《孙子兵法》英译本为例[J].外国语文,2022,38(03):116—129.

严娟.中国典籍翻译的最佳译者类型研究[D].江南大学,2020.
DOI:10.27169/d.cnki.gwqgu.2020.000988.

刘刚,唐寅,梁晗.中国式战略管理自主知识体系的建构——基于对《孙子兵法》的解读[J].中国人民大学学报,2024,38(02):56—71.

刘运国,谢思敏,李婷婷.中美电商企业业绩差异及其形成机理研究——基于京东和亚马逊的案例[J].财会通讯.2024.06.011.

Чжан Цзюньи
ИСАА МГУ

**Взаимовлияние китайских шахмат
в государствах китайского культурного ареала**

张君义
莫斯科国立大学亚非学院中国历史教研室博士生

围棋对中华文化圈国家之间互动的影响

摘要：围棋作为一种诞生于中国的智力游戏，与汉字一样在儒家文化圈广为传播。由于围棋是儒家、道家、法家和兵家思想的有机载体，因此在当代科学文献中，观察到将围棋视为一种理解中国乃至儒家文化圈国家间互动的工具的趋势。本文以对围棋基本规则的演绎和推理为切入点，通过研究经典文本，揭示出围棋对儒家文明圈国家间互动的影响。

关键词：围棋、中国文化、儒家文化圈、国际关系

Zhang Junyi
IAAS MSU

**Weiqi as a cultural factor influencing interactions
between countries in Sinosphere**

Abstract. As a game born in China, Weiqi, like Chinese characters, has spread widely in the sinosphere. The tendency to view Weiqi as a useful tool for understanding Chinese foreign policy and international interactions within the sinosphere has been observed in modern academic literature. In this thesis, author reveals the impact of weiqi on international interactions within the sinosphere through the combination of interpretation of the basic rules of the game and the study of the texts from Chinese classics.

Keywords: Weiqi, Go, Chinese Culture, sinosphere, international relations.

虽然围棋的起源尚不清楚，但在过去的三千多年中围棋一直被视为一种训练战略决策能力的抽象益智游戏，而一个人玩围棋的水平通常被认为是一个人智力和战略决策能力的体现。因此玩围棋被认为是君子所必须掌握的四艺之一。

围棋作为一种文化产品，也被认为是用来理解儒家文明地缘政治思想和战略文化的重要工具。在美国空军战争学院任教的美籍华人大卫·赖

认为，“这种游戏与中国的战争和外交方式有着惊人的相似之处。它的概念和战术是中国哲学、战略思想、战略和战术互动的生动反映。反过来，这种游戏影响了中国人的思维和行为方式”。[Lai 2004,1—20] 基辛格在他的《论中国》一书中指出，围棋可以用来理解中国的战略文化。他承认，中国的战略学说与西方的战略学说截然不同。对他来说，“西方传统重视力量的决定性冲突，强调英雄主义的壮举，而中国的思想则强调微妙、间接和相对优势的耐心积累。”[Kissenger 2011,23] 俄罗斯东方学家-历史学家弗尔索夫也指出，中国的对外政策就像中国人玩围棋一样：“在不同的地方站稳脚跟，包围它的敌人，缩小它敌人的战略回旋空间”。[Фурсов 2009, 244—249] 围棋作为理解儒家文明圈国家之间互动的工具的重要性还取决于它在领导人群体中的流程度：习近平、岸田文雄、尹锡悦和朴槿惠等东亚国家的领导人都喜欢下围棋。

围棋作为一种棋类游戏，具有简单的基本规则。首先，对弈双方各有 180 个棋子，而棋子之间没有能力上的区别。第二，围棋棋盘被划分为 9 个战区和 361 个交战地点，在基本规则中没有规定这些战区和交战地点的重要性高低。第三，判断胜负的标准是占领交战地点的数量。第四，被全面包围的棋子将被移除，但许多棋子可以共享一个未被占领的交战地点作为生存空间。第五，只要对方棋子无法在己方控制范围内出现，己方对交战地点甚至战区的控制就是安全的。因此，在对弈的过程中，只有对手实现目的的策略是未知的，而其余全部条件均是已知的。因此，棋手必须竭尽所能来判断方的决策逻辑、决策偏好和战略目标来避免输掉游戏，或通过损失一定的棋子来干扰对方实现其战略目标。正如南卡罗莱纳大学的莫斯科维茨教授所指出的那样，在围棋中棋子的损失不是关键，关键是以合理的代价获得胜利¹。

由于围棋棋盘被纵横各 19 条线分割成 361 个交战地点，因此围棋棋盘上会出现有 10 的 172 次方种变化，没有棋手能够在缺乏超级计算机帮助的情况下预判出所有的可能性，而人的思维是不能被外界不借助工具

¹ The Game Of Go: Ancient Applications And Contemporary Connotations. URL: <https://china.usc.edu/game-go-ancient-applications-and-contemporary-connotations-> 围棋游戏：古代应用及当代内涵 (accessed: 21/03/2024).

直接观察到的。因此，想要赢得游戏，必须了解对手的真实想法，否则就会落入到对手的圈套中。正如孙子所指出的：“知彼知己，百战不殆；不知彼知己，一胜一负，不知彼知己，每战必殆。”¹ 所以，下围棋不仅是一种智力上的较量，而且是一种心理学上的较量。因此，高水平的棋手不仅能够通过最少的战略资源消耗来确定对方的真实想法（即政策红线），也能够自由控制其战略思想的透明度以实现特定的目的：迫使对方浪费战略资源或诱使对方落入陷阱中。

围棋中首要的战略资源是对战区和交战地点的控制。正如前文所说，围棋棋盘被分为 9 个战区和 361 个交战地点，而且各战区之间没有被规则分割为不同的部分，而且每个交战地点都彼此相连。因此，棋手必须在每一局游戏中在所有时刻都要处理战区和战区之间、交战地点和交战地点、战区和交战地点之间的相互关系。因此，全面进攻是一种“牵一发而动全身”的行动，正如中国传统战略思想所强调的那样，“不谋万世者，不足谋一时；不谋全局者，不足谋一域”²。所以，秘密且突然的全面进攻在行动透明度极高的棋盘上是不可能的，因为进行全面进攻的判断必然会有大量的情报佐证。而在围棋文化的影响下，儒家文明圈国家不会在没有周密准备的情况下贸然开始战争。这也是当代具有受围棋文化影响的儒家文化圈国家之间通常能够很好的进行危机管理和进行预防性外交的原因。

围棋中的战略资源除了对交战地点的控制以外，还包括数量相对有限的棋子。这些棋子代表棋手可以控制的政治、经济和军事资源。棋子数量的限制使得任何棋手都不可能在所有时刻对全部 9 个战区都保持绝对控制，即便围棋规则规定胜利的条件是占领总数 51% 以上的交战地区。同时，棋子数量的限制也不允许棋手使用长期使用蒙特卡洛法去试探对手的破绽，因为随着时间的推移，棋子越少的一方越难以防守已经控制的交战地点。此外，由于棋子之间没有能力上的区别，所以在棋盘上集中力量发动一次或多次决定性的攻势来获取战略主动权是不必要的，因

¹ The Art of War. URL: <https://classics.mit.edu/Tzu/artwar.html> (accessed: 21/03/2024).

² 寤言 [Wu Yan]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=213758&remap=gb> (accessed: 21/03/2024).

为这可能落入对手的全套并导致损失大量的棋子而失去战略主动权。所以在围棋棋盘上，棋手追求的是相对优势而不是绝对优势。换句话说，围棋玩家追求的是“向胜利发展的趋势”而不是“绝对胜利”本身。在这个过程中，棋手会不断试探各个战区，以找到对手的薄弱环节或确定对手的真实意图。这也是孙子所强调的：“凡先处战地而待敌者佚，后处战地而趋战者劳，故善战者，致人而不致于人”¹。所以在现实中，儒家文化圈国家之间的互动主要是以非制度化和非正式的互动为主体，因为这将有助于在避免损失大量政治和军事资源的条件下确定对方的政策底线，并通过缓慢积累相对优势和反复尝试开拓新互动领域以最终获得战略主动权。

围棋棋手还被要求能够协调以下任务之间的相互关系：实现自己的战略，遏制对手实现其战略，如何进行短期和长期成本效益计算，如何扩大自己的战略优势以及如何弥补自己的战略劣势。[Pan Zhongqi 2016, 303—321] 通常，棋手需要根据实际情况在这些互相对立的任务之间找到一个合适的平衡点，以赢得博弈。正如科切罗夫指出的那样，围棋战略的本质是以最小的资源消耗，实现具有灵活性、多功能性、和多向性的地缘影响力和政治和经济收益的最大化。[Кочеров 2018,193—204] 所以，围棋文化允许儒家文化圈国家灵活使用各类对外政策工具，并根据实际情况随时调整对制定外政策的指导方针，而不是坚持僵化的理论规定和范式。所以现实中，儒家文化圈国家之间经常可以同时在不同领域同时开展合作、进行竞争、对抗或冲突。

围棋中还有一个重要的概念是棋风。虽然棋手在对弈中试图将实现不同的战略欺骗，但是在长期的对弈中棋手仍然会流出具体的决策偏好，这种偏好被中国人称之为“棋风”。所以在中国人看来，棋风是一种可用于身份识别的行为模式，因为每个人的棋风都不尽相同。棋风既可以在对手未知的情况下用来识别对手的身份，也可以在对手已知的情况下用来预判对手的未来决策。因此，棋风通常意味着一种只有长期对弈双方才可以理解的战略默契。在对弈双方对彼此的棋风越了解，局势发

¹ The Art of War. URL:<https://classics.mit.edu/Tzu/artwar.html> (accessed: 21/03/2024).

生突变的可能性就越低。所以，可以说，围棋文化一定程度上降低了对抗性和冲突性互动导致当代东亚国家之间关系完全破裂或引发战争的可能性，因为它的流行使得这些国家之间享有类似特征的战略文化，使彼此间可以通过识别“棋风”来管理双边和多边关系。

总的来说，围棋作为一种文化载体，对儒家文化圈国家之间互动的影 响主要集中在以下几个方面。首先，围棋是一种在同时在智力和心理层面进行对抗的游戏，因此侧重于强调通过研究行为模式和战略文化（棋风）进行定性判断，通过分析行为进行定量判断。所以其传播使得儒家文化圈国家奉行目标导向的战略文化，拒绝奉行僵化的理论规定和范式，强调保持对外行为种类的多样性。其次，由于围棋强调思维的不透明性，因此为了确定对手的博弈策略，产生了对弹性互动的高需求。所以，儒家文化圈国家偏向于非制度化的、非正式的互动模式。最后，儒家文明圈国家对精确管理双边和多边互动的需求的基础是对弈中行为模式（棋风）概念的存在、对思维不透明性的强调和对获取相对优势的重视。同时，由对弈双方战略文化和战略思维具有的相似性增强了互动的可管理性，所以，儒家文明圈国家则会在互动中更加倾向于使用更具有冲突潜力的互动方式以实现其目标，而不必担心互动走向失控。

Библиографический список

Фурсов А.И. Евразийские гиганты Россия и Китай в современном мире: проблемы, противоречия, перспективы (обзор докладов и выступлений) // Знание. Понимание. Умение. М.: МГУ, 2009. № 2. С. 244—249.

Кочеров О.С. Геополитика великой доски вэйци // Международные отношения. 2018. № 2. С. 193—204.

Kissinger, Henry. 2011. *On China*. New York: The Penguin Press.

Pan Z. Guanxi, Weiqi and Chinese Strategic Thinking // *Chin. Polit. Sci. Rev.* 2016. № 1. P. 303—321.

Lai D. Learning from the stones: a go approach to mastering China's strategic concept, shi. Carlisle: Strategic Studies Institute, US Army War College. 2004.

张勇
四川大学文学与新闻学院

中国守墓习俗考——以万州库里申科烈士陵园为例

文章摘要: 论文回顾了前苏联飞行员格里戈利·阿基莫维奇·库里申科 (Григорий Акимович Кулишенко, 1903~1939) 来华抗击日本侵略者的事迹, 以及中国人民守护其陵园的情况。看护英雄之墓乃中国传统; 不过, 不同时代有不同特点。

关键词: 前苏联, 飞行员, 抗日战争, 守墓习俗

Чжан Юн
Колледж литературы и журналистики
Сычуаньского университета

Китайские обычаи ухода за захоронениями
на примере могилы летчика Г.А. Кулишенко в Ваньчжоу

Zhang Yong
The College of Literature and Journalism,
Sichuan University

Chinese customs of caring for burials using the example of the grave of pilot G.A. Kulishenko in Wanzhou

Abstract. This paper reviews the deeds of former Soviet pilot, (Grigory Akimovich Kulishenko, 1903~1939), who came to China to resist Japanese aggressors. These also reveal the situation of the Chinese people guarding his cemetery. Guarding the tomb of heroes is a traditional Chinese tradition; However, different eras have different characteristics.

Keywords: Former Soviet Union, pilot, anti-Japanese war, tomb guarding customs.

一、引论

重庆万州区西山公园的中心, 有一座烈士墓园, 里面长眠着一位为了抗击日本侵略者而牺牲的原苏联飞行员。以一对母子为代表的当地人民, 守护烈士陵园已经长达半个多世纪。其实, 这种自愿、自动和自发地看护被视为英雄的人物的行为, 在中国源远流长, 体现出了人民对于英雄的感恩和缅怀, 同时也教育和激励了生者。

二、抗击日本侵略：苏联英雄喋血长江

这位前苏联飞行员名叫格里戈利·阿基莫维奇·库里申科（Григорий Акимович Кулишенко，1903~1939），1903年10月出生于苏联乌克兰共和国中部、第聂伯河右岸的切尔卡塞州（Черкаскы）切列宾镇。1925年，加入全联盟共产党（布尔什维克），曾任村党支部书记。1929年，参加苏联红军。[朱成山、杨颖奇，2017，134—136]

1939年6月，为了遏制日军对重庆的大轰炸，库里申科和考兹洛夫（Козлов）受苏联政府派遣，各率一支DB—3型远程重型轰炸机（ДБ-3，即“达沙式”）大队来到中国。

1939年9月29日，他所在大队首次从成都太平寺机场起飞，成功地远程轰炸了入侵广州的日军。1939年10月13日，库里申科率领全大队12架飞机，再次出击汉口王家墩日军机场。第二天，即1939年10月14日，库里申科等人驾驶着20架飞机，分两批出击王家墩机场。完成任务凯旋时，受重伤而体力衰竭的库里申科不幸牺牲，时年36岁。

1939年11月6日，库里申科的遗体打捞出水，被安葬在了万县城边景色壮美的太白岩下的白岩书院旁边。1958年7月7日，迁葬到西山公园。

陵园建成后，库里申科的妻子塔玛拉、女儿英娜和外孙谢尔盖·古什涅廖夫，曾前来祭扫。俄罗斯驻华大使馆、乌克兰在野党和切尔卡塞市市长等，亦皆前来悼念和参加有关纪念活动。

2009年9月10日，新中国成立60周年之际，库里申科被评为“100位为新中国成立作出突出贡献的英雄模范人物”；入选的外籍人士只有两位，另外一位为美国人埃德加·斯诺（Edgar Snow，1905~1972）。2014年9月1日，入选中华人民共和国“第一批著名抗日英烈和英雄群体名录”。1958年国庆招待会上，周恩来总理对应邀前来的库里申科妻子和女儿说：“中国人民永远不会忘记库里申科。”2013年3月23日，习近平主席在莫斯科国际关系学院的演讲中说：

抗日战争时期，苏联飞行大队长库里申科来华同中国人民并肩作战，他动情地说：“我像体验我的祖国的灾难一样，体验着中国劳动人民正在

遭受的灾难。”他英勇牺牲在中国大地上。中国人民没有忘记这位英雄，一对普通的中国母子已为他守陵半个多世纪。

三、安眠中国土地：本地民众守护缅甸

西山公园，跟万州人民反抗英帝国主义和日本帝国主义入侵密切相关。库里申科烈士长眠于此，实为相宜。

1926年9月5日，英帝国主义的军舰悍然向长江两岸的万县城区开炮，致中国军民死伤达1000余人。是为“九·五”惨案，也称“万县惨案”。西山公园，见证了这幕惨剧。

1940年7月28日，日军飞机疯狂轰炸万县。无人收敛的100多死者骸骨，被收葬在西山公园内，上建石塔。是为“万县大轰炸白骨塔”。

1946年，西山公园内又建成了“抗战阵亡将士纪念碑”，以纪念在抗日战争中牺牲的川军将士特别是下川东烈士。

习近平主席所说的“一对普通的中国母子已为他守陵半个多世纪”，指的是在西山公园工作的谭忠慧和其儿子魏映祥。

四、看护英杰陵墓：华夏百姓延续传统

必须要指出的是，中国古代守墓习俗与现当代守墓行为，还有有区别的。

必须要指出的是，中国古代守墓习俗与现当代守墓行为，还有有区别的。

《尚书·武成》：“释箕子囚，封比干墓。”可见当时已然有墓。然而，当时的墓只是埋葬死者后，将土推平而已。此等墓，自然不需要人看护。

封土隆起的，则称为坟。《汉书·刘向传》表明，孔子（公元前551～前479）生活的时代，建坟虽然尚未被视为正统，但已经很流行了。

守墓人的出现，应该在坟盛行之后。现知较早的文献记载，为三国时代。

南朝梁沈约《宋书》袁湛所记，则足以证明南朝此风已炽。

延及赵宋一代，守墓更漫漶至民间。

朱明一代，凡纳入政府祀典的坟墓，例有官家安排的“坟夫”，费用由政府付出。

五、余论

中国人民抵抗日本侵略者的战争中，前苏联的援助功不可没；特别是在 1942 年前，贡献远超美国和英国等国家。这一点，连美国《剑桥中华民国史（1912—1949 年）》也不得不承认。

俄罗斯有一句成语：“谁也不会忘记。”（Никто не забыт）

包括俄罗斯在内的前苏联，包括格里戈利·阿基莫维奇·库里申科烈士在内的所有为中国反法西斯斗争作出过贡献的前苏联人民，都会永远为中国人民所牢记和缅怀。

参考文献目录

John K. Fairbank and Albert Feuerwerker, ed., The Cambridge History of China, Vol. 13, Republican China, 1912—1949, Part 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

高楠顺次郎、渡边海旭、小野玄妙等编：大正新脩大藏经 [Такакусу Дзюндзиро, Ваганабэ Кайкёку и др. (ред.). Заново отредактированная Трипитака годов Тайсё]. 东京：大正一切经刊行会，1924—1934 年。

朱成山、杨颖奇：《中国社会各界抗战百杰》 [ZHU Cheng-shan & YANG Ying-qi, Top 100 Anti Japanese War Heroes from All walks of Life in Chinese Society], 南京：南京出版社，2017 年 10 月第一版。

Чжао Линьлин
Шаньдунский политехнический университет

**Влияние идеи «гармонии» на изучение китайского языка
в мире с точки зрения распространения конфуцианства
в Восточной Азии**

赵琳琳
山东理工大学

**从儒学在东亚的传播看“和”
思想对国际中文教育的影响**

文章摘要: 东亚儒学作为东亚各民族共同的文化遗产，在当今社会发挥着越来越重要的作用，“和”思想中的“天人合一”“以和为贵”“和谐共生”等儒家智慧，不仅为东亚各国提供了儒学范式和发展路径，也为国际中文教育提供了更为具体的教学理论依据与实践方法。

关键词: 儒学；东亚；“和”思想；国际中文教育

儒学思想起源于春秋战国时期，由孔子始创。自汉武帝采纳董仲舒的建议尊崇儒术后，儒家思想得以确立正统地位。儒学在对中国社会产生重大影响的同时，辐射周围区域，形成“儒教文化圈”，深刻陶染日本、韩国、越南等国。尤其是儒学中的“和”思想，更是影响了东亚国家的政治理念和道德伦理，也为国际中文教育的学科建设提供了理论依据和发展方向。

Zhao Linlin
Shandong University of Technology

**From the spread of Confucianism in East Asia
to the impact of “harmony” thought on international
Chinese education**

Abstract. As the common cultural heritage of all ethnic groups in East Asia, East Asian Confucianism plays an increasingly important role in today's society. The Confucian wisdom of “harmony” such as “unity of man and nature”, “harmony is the most precious”, and “harmonious coexistence” not only provides Confucian paradigms and development paths for East Asian countries, but also provides more specific teaching theoretical basis and practical methods for international Chinese education.

Keywords: Confucianism; East Asia; “harmony” thought; international Chinese education.

一、儒学在东亚传播的主要途径

自古以来，中国始终在东亚地区有较高话语权，是东亚国家朝贡交往和模范学习的对象。在此过程中，儒学通过文化交流、政治影响、人口迁移、贸易交往等途径在东亚地区广泛传播。

1.政治和文化

文化交流是儒学在东亚国家传播的主要方式。许多东亚国家曾向中国派遣使节和留学生，在中国学习后归国担任儒学教师，并带回大量儒学著作。佛教传入中国后，与儒学融突和合，演化出中国化的佛教，通过学问僧等方式传至各国¹。

2.经贸和移民

中国与东亚国家经贸交往密切，丝绸之路开辟后，既有东亚商人自发、个体的贸易行为；也有国家层面的朝贡贸易，如郑和下西洋，“耀兵异域”，“声威四海”，中外交往盛极一时。相关活动扩大了中国的影响力，推动儒学在东亚的传播。另外，出于政治经济等原因，许多华人侨居东亚，成为儒文化的重要载体，加速其在东亚各国的传播。

二、主要东亚国家对“和”思想的发展传承

儒学在东亚的传播，对部分国家的政治、文教和社会意识形态产生一定的影响。其中“和”思想因其普适性、多元性、向善性被广泛吸收，凸显了儒学的“亚洲价值”和世界意义。

1.日本

晋朝初年，儒学向日本传播，朝鲜为其津梁；在推古朝时期直接从中国传入日本。²在这一过程中，儒学浸润日本社会的方方面面。宗教上，日本儒学基本上能做到各种思想流派共存，儒学也能与佛教及日本固有的神祇（神道）和谐共处，³这种包容会通暗含着“和”思想。民族性格上，日本民族恭敬、谨慎、和谐、忍从等品质和特点无一不受到“和”思想的

¹ 张立文著.中国传统文化与人类命运共同体.中国人民大学出版社.2018:223. 得到电子书：<https://d.dedao.cn/F7YqcEZfldbDmwKd>

² 李甦平著.三国儒学本论.中国社会科学出版社.2016:277. 得到电子书：<https://d.dedao.cn/F82VC9ti6gZvgOPi>

³ 史革新 主编,区建英 主编著.信赖·互惠·共生：东亚地区交流的历史与现实.中国传媒大学出版社.2010:36. 得到电子书：<https://d.dedao.cn/F82ZsA5sThCEU0iR>

熏陶。在社会生活方面，将各种食材卷在一起食用的寿司、大量使用的暧昧语等都体现了“和”。不过对于自然，日本儒学提出了独特的“天人相争”思想，主张人和自然对峙斗争。¹

2. 韩国

儒学传入朝鲜半岛后，深刻影响了其民族的性格特点和价值取向，尤其是“和”思想，成为了韩国国民精神的重要底色，“弘益人间”的建国精神和开国理念正是其体现。在韩国的道德教育中，“天人合一”思想贯穿其中，体现人与自然的和谐；非常重视孝悌，强调礼节规范，长幼有序，家庭内部要和睦相敬；还主张“人间爱”，体现了人际关系和社会交往中的仁爱和谐。

三、对国际中文教育的影响启示

儒学在东亚地区的广泛传播，使得东亚国家的政治思想社会都打上了“和”思想的印记，不仅深刻影响了其政治走向和社会发展，还在一定程度上造就了其伦理规范和民族性格，这为国际中文教育提供了新视角和独特切入点。

1. 和而不同的教学态度

汉语学习者的学习动机与目标受年龄、身份等因素的影响，体现出较大差异性。如在京日籍企业员工汉语学习者学习动机调查中，工具型动机高达 84 %²，而韩国又石大学孔子学院学生汉语学习动机调查研究表明，在强度前十的动机中，有四个为兴趣型动机，三个成就感动机，三个未来发展及未来期待动机³。面向起点不同，方向各异的学习者平等地进行教学，又差异性地进行规划教学过程，体现着儒家“和而不同”的思想。

2. 因材施教的教学方式

学习者的动机与目标是进行教学设计的基本参考因素，微妙而繁杂的差异性要求教师考虑到每位学习者的特点。那么，孔子在和而不同的

¹ 李甦平著. 三国儒学本论. 中国社会科学出版社. 2016:423. 得到电子书: <https://d.dedao.cn/F833Q7p56kKqVFap>

² 杜晓萌, 《在京日籍企业员工汉语学习策略使用情况研究》, 浙江科技学院, 23 页。

³ 朴瑞琏, 《韩国又石大学孔子学院学生汉语学习动机调查研究》, 山东师范大学, 24 页。

思想指导下，提出的“因材施教”的教育理念就体现出极大的适用性，这本身就是一种文化现象，其根本在于在尊重每个个体的差异的基础上，寻求个体与群体的共性，又在共性中鼓励个性的发展。以需求牵引为导向，针对不同学习者的学习需求、认知水平以及自身素质设计适合对方的学习方案，合理融入文化知识，激发学习兴趣的同时，争取达到教学效率的最大化。

3.求同存异的文化交流

跨文化交际是对外汉语教学者必须掌握的课题。中国文化以包容性立世，与英文中相反，在汉语中，“和”字本身就更强调差异，在不兼容的情况下还能以包容之心共处，才可谓之“和”。秉持着“和而不同”承认差异、多元共处的理念¹，教学者需要做到在互相尊重的基础上，积极进行文化交流与借鉴，对于外来文化，既接纳，也给予。面对因文化背景年龄认知等原因导致各种差异甚至是矛盾，教师应本着“和而不同”的原则予以淡化或巧妙化解，实现求同存异，各美其美，美美与共。

四、结语

儒学思想意义深刻，在丰富东亚各国文化生活等方面具备深远影响。其中“和”思想展现了中国独特的教育理念，对国际中文教育事业的发展提供了借鉴意义。此外，“和”思想融入国际中文课堂，将利于中华优秀传统文化的传播，促进国际间的相互理解和尊重，为人类文明交流互鉴开辟崭新的道路。

参考文献目录

张立文：中国传统文化与人类命运共同体[Zhang Liwen.Chinese traditional culture and a community with a shared future for mankind]//中国人民大学出版社.2018年.223期.

得到电子书：<https://d.dedao.cn/F7YqcEZfldbDmwKd>

李甦平：三国儒学本论[Li Suping.The ontology of Confucianism in the Three Kingdoms]//中国社会科学出版社.2016年.277期.

得到电子书：<https://d.dedao.cn/F82VC9ti6gZvgOPi>

¹ 汤哲远，潘亮，《国际传播视域下儒家文化的世界影响及其价值》，北京外国语大学，第7页。

史革新,区建英: 信赖·互惠·共生: 东亚地区交流的历史与现实[Shi Gexi,Ou Jianying.Trust, Reciprocity, and Symbiosis: The History and Reality of East Asian Regional Exchange]//中国传媒大学出版社.2010年36期.

得到电子书: <https://d.dedao.cn/F82ZsA5sThCEU0iR>

李甦平: 三国儒学本论[Li Suping.The ontology of Confucianism in the Three Kingdoms]//中国社会科学出版社.2016年423期.

得到电子书: <https://d.dedao.cn/F833Q7p56kKqVFap>

杜晓萌: 在京日籍企业员工汉语学习策略使用情况研究[Du Xiaomeng.A Study on the Use of Chinese Learning Strategies by Japanese Employees in Beijing]//浙江科技学院.硕士毕业论文.23页.

朴瑞琏: 韩国又石大学孔子学院学生汉语学习动机调查研究[Piao Ruilian.A Study on Students' Motivation to Learn Chinese at the Confucius Institute at Woosuk University in South Korea]//山东师范大学.硕士毕业论文.24页.

汤哲远,潘亮: 国际传播视域下儒家文化的世界影响及其价值[Tang Zheyuan,Pan Liang.The global influence and value of Confucian culture from the perspective of international communication]//北京外国语大学.硕士毕业论文.7页.

Чжу Юйжу

Шаньдунский политехнический университет

**Межкультурное взаимодействие в культуре чая Китая
и стран Восточной Азии**

Zhu Yuru

Shandong University of Technology

**An analysis of the cross-cultural exchange of tea culture
between China and East Asian countries**

Abstract. Tea has a long history and tradition in East Asian countries, and as the carrier of tea culture, tea embodies the material civilization and spiritual civilization of a certain period, and is now gradually regarded as an art form, which affects people's cultural character. Under the theme of mutual convergence and integration, East Asian countries carry out cross-cultural exchanges and development of tea culture, and the tea cultural exchanges between contemporary China and East Asian countries present a new situation and new characteristics of multi-level, multi-field and multi-form. The international tea culture exchanges with each other, so that the tea culture transcends national borders, and “tea and the world” have become the common spiritual wealth of human civilization. In this paper, we will explore the tea culture between China and East Asian countries through the cultural symbol of tea.

Keywords: tea, tea culture, China and East Asian countries, cross-cultural exchange.

朱玉茹

山东理工大学

浅析中国与东亚国家茶文化的跨文化交流

内容摘要: 茶在东亚国家有悠久的历史 and 传统, 茶作为茶文化的载体, 体现一定时期的物质文明和精神文明, 现如今逐渐被视为是一种艺术形式, 影响着人们的文化性格和文化品格。东亚各国在相互交汇和融合的主旋律下进行茶文化的跨文化交流与发展, 当代中国与东亚国家之间的茶文化交流呈现多层次、多领域、多形式的新局面和新特点。国际茶文化的互相交流, 使茶文化跨越国界, “茶和天下”成为人类文明的共同精神财富。本文将通过茶这一文化符号, 试对中国与东亚国家之间的茶文化进行探讨。

关键词: 茶, 茶文化, 中国与东亚国家, 跨文化交流

一、中国茶文化特征

文化是凝结在物质文化之外的意识形态，在作品中往往是作为一种审美形态而存在。^[1]茶圣陆羽的《茶经》是我国也是世界上第一部关于茶的学术著作，作者通过具体物像将品鉴茶叶的行为上升为一种艺术境界，体现古代茶人刻苦学习、潜心求索、不屈不挠的精神品质。同时，茶人所承载的文化气息和文化特质也尽数彰显。茶在我国传统文化中形成了某种固定意义，它象征着质朴优雅的气质，将人之品格和茶之品格联系在一起是具有文化意蕴和审美价值的。中国茶文化体系也是在我国特有茶文化机制的基础上，进行长期、系统对外交流而形成的。

从外观上看，茶是一种可观赏的木本植物；从功用上看，茶在系统化饮用过程中，是一种生活饮品；从文化层面上看，茶作为一种文化符号承载的深刻文化意蕴和丰富人文精神使中国传统文化形成了与茶相关的文化元素和价值理念。因此，系统来说，在我国茶文化体系中，我们可以看到其中包含诸多元素内容，其基础是与茶相关的物质元素，而核心则是与茶相关的精神理念和价值内涵。特别是整个茶文化体系中融入了我国整个社会文化和生活理念中，丰富而完善的多元化元素内容。^[2]随着我国茶文化体系发展不断成熟，我国与东亚各国进行密切的茶文化交流，助力中国茶文化体系走出国门，弘扬中国传统文化，在“一带一路”的推动下形成具有内涵关联和相关差异的茶文化元素。

二、东亚国家茶文化特征

茶，起源于中国，盛行于世界。陆羽在《茶经》中记载：“茶之为饮，发乎神农氏，闻于鲁周公，齐有晏婴，汉有杨雄、司马相如，吴有韦曜，晋有刘琨、张载、远祖纳、谢安、左思之徒，皆饮焉。”^[3]中国是茶之故乡，也是茶文化的发祥地，东亚茶文化发展与我国有着密切关系，茶文化发展不仅促进了我国与东亚国家的茶文化交流与融合，而且在一定程度上改变着人们的文化思想和文化品格。有不少华侨华裔以他们自身经验传播茶文化体系中的文化价值和饮茶习惯，成为拉近和沟通不同国家和民族之间的现代桥梁。

东亚国家在与中国交流互鉴的过程中形成了具有自身特色且多样的茶文化机制。东亚各国茶叶种类繁多，多以红茶文化为主，与中国以绿

茶为核心的茶文化有所不同，这与东亚国家地理环境和人们生活习性密不可分。显然，东亚人民对茶的理解融入了自己的思考，在借鉴中国茶文化的基础上，注入了新鲜的茶文化元素，从而形成了具有独特艺术魅力和文化价值的茶文化体系。他们将自己的茶文化与各国国情、文化基因相结合，催生出具有中外文化交流特点的茶文化，譬如韩国茶礼、日本茶道。同时，他们也有相似之处：以茶为载体，通过茶传播各种优秀文化，是茶与文化在意识形态的有机融合。

三、结语

总之，这一片片神奇的叶子，承载着人文精神和文化底蕴，从漫漫历史的长河中走来，带着美好的希冀与精神连接东亚各国的友好往来，茶文化的跨文化交流使得东亚各国友谊长存。

参考文献目录

王晓梦，田旭：《谁谓茶苦，其甘如荠——论〈茶人三部曲〉中的人文意蕴》，《百家评论》，2022年第5期。

林学艺：《中国与东南亚茶文化的跨文化比较研究》，《福建茶叶》，2017年第12期。

陆羽：《茶经全集》，线装书局2014年版，第256页。

А.А. Шеметова
**УО Белорусский государственный
университет культуры и искусств (Минск)**

**Ценностные основания социокультурной адаптации
китайских обучающихся в Беларуси**

Аннотация. В статье рассматриваются основные ценности для иностранных граждан из Китая, особенности пребывания китайских обучающихся в Беларуси, попадающих в новую для них социокультурную среду. Охарактеризованы доминирующие факторы социокультурной адаптации китайских обучающихся в Беларуси такие, как низкая стоимость обучения, легкость прохождения отбора, короткие сроки обучения в магистратуре и аспирантуре, благоприятная обстановка в стране, репутация Беларуси как мирной и спокойной страны, межкультурное сотрудничество между Беларусью и Китаем. Проанализированы этнопсихологические особенности китайских студентов: настойчивость в деятельности, внутренняя уверенность в необходимости действовать, проявление инициативы, творческий подход.

Ключевые слова: ценности, социокультурная адаптация, китайские обучающиеся.

Alesia A. Shemetava
**Belarusian State University
of Culture and Arts (Minsk)**

**Value bases of sociocultural adaptation
of Chinese students in Belarus**

Abstract. The article discusses the basic values for foreign citizens from China, the features of the stay of Chinese students in Belarus, who find themselves in a new socio-cultural environment. The dominant factors of sociocultural adaptation of Chinese students in Belarus are characterized, such as low cost of education, ease of selection, short periods of study in master's and postgraduate studies, favorable conditions in the country, the reputation of Belarus as a peaceful and calm country, intercultural cooperation between Belarus and China. The ethnopsychological characteristics of Chinese students are analyzed: persistence in activity, internal confidence in the need to act, manifestation of initiative, creative approach.

Keywords: values, sociocultural adaptation, Chinese students.

Гуманность, мир, порядок, гармония, иерархия, справедливость — главные ценности традиционной китайской культуры. Сегодня ценность культуры является неотъемлемой частью политики, она всегда играла

важную роль на ее арене. Китай придерживается принципа ненасилия и гармоничного развития и тем самым становится влиятельной державой, повышая уровень жизни людей.

На сегодняшний день Китай является одним из ведущих потребителей образовательных услуг Беларуси. По состоянию на 2022/2023 учебный год Китай входит в тройку стран по количеству студентов в белорусских вузах (8 % от общего количества иностранных студентов в стране) [Шеметова, 2021, 5]. В последние десятилетия приобрела новое звучание проблема социокультурной адаптации в связи с тем, что существенно увеличился приток китайских граждан (студентов, магистрантов, аспирантов), желающих получить высшее образование, повысить профессиональную и научную квалификацию в Республике Беларусь.

Специфика социокультурных процессов и адаптации отражена в исследованиях М.А. Абрамовой, Ю.С. Барышевой, Т.В. Бурковской, А.М. Григорьевой, Е.М. Калашниковой, В.Г. Немировского, Т.А. Силантьевой, А.Н. Суховой, А.Я. Флиера; в трудах американских ученых (В. Геллерстедт, Г. Гротвант, М. Гуннар, Р. Ли) [2011, 1].

Особенности пребывания иностранного студента, попадающего в новую для него социокультурную среду, определяются не только условиями, которые предоставляет принимающая сторона (деятельность университетов, реализация нормативно-правовых актов по пребыванию иностранных граждан в образовательных целях и т. д.), но и биографическим опытом человека, его ценностными ориентациями, мировоззрением и т. д. [Калачева, 2016, 122]. Феноменологический подход позволяет проанализировать уже имеющийся опыт иностранного студента с учетом его глубокой персонализации.

Также следует отметить исследование В.С. Лапуцкого [Лапуцкий, 2018, с.101—105], которое было проведено с китайскими студентами с применением глубинного интервью и метода онлайн-опроса. Проведенное исследование показало, что доминирующими ценностными основаниями социокультурной адаптации китайских обучающихся в Беларуси являются следующие: низкая стоимость обучения, легкость прохождения отбора, короткие сроки обучения в магистратуре и аспирантуре, благоприятная обстановка в стране, репутация Беларуси как мирной и спокойной страны, межкультурное сотрудничество между Беларусью и Китаем. Поскольку 32,3 % респондентов указали, что источником информации о Беларуси для них стали родственники, знакомые и друзья, можно выдвигать гипотезу, что положительный опыт уже обучавшихся в Беларуси китайских студентов позитивно влияет на решение тех, кто только планирует свое обучение.

Выбор Беларуси как страны получения образования, по мнению участников интервью, связан с тем, что: 1) в китайском сообществе сложи-

лось достаточно позитивное мнение о белорусском образовании (респонденты часто опирались на опыт лиц из своего круга общения либо получали позитивную информацию о Беларуси в Интернете); 2) в Беларуси мало барьеров для поступления иностранцев (проверяется только уровень владения русским языком, если обучение планируется на русском; зачисление проходит по собеседованию); 3) стоимость обучения в Беларуси относительно низкая; 4) короткие сроки обучения в магистратуре (1 год) и аспирантуре (дневная форма обучения — 3 года, заочная — 4 года, соискательство — 5 лет); 5) межкультурное гуманитарное сотрудничество между Китаем и Беларусью. В Беларуси созданы и работают шесть институтов Конфуция: Республиканский институт китаеведения имени Конфуция в БГУ, классический Институт Конфуция в МГЛУ, институт Конфуция в Гродненском университете имени Я. Купалы, институт Конфуция в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина, Институт Конфуция при Гомельском государственном университете им. Ф. Скорины, первый в мире Институт Конфуция по обеспечению двустороннего научно-технического сотрудничества в БНТУ, которые координируют деятельность по взаимодействию с представителями китайской культуры, а также оказывают образовательные услуги по изучению китайского языка и культуры [Шеметова, 2021, 5].

В Белорусском государственном университете культуры и искусств с 2023 года функционирует специальность «Синология» [6]. В рамках образовательных дисциплин изучаются основы синологии, теория и история китайской культуры, герменевтика, аксиология и феноменология китайской культуры, особенности межкультурного диалога с Китаем, специфика межкультурных отношений Китая и Беларуси и т.д.

Этнопсихологической особенностью китайских студентов является их настойчивость в деятельности, залогом чего становится внутренняя уверенность в необходимости действовать, проявлять инициативу, творческий подход. Именно поэтому у китайских студентов проявление их инициативы в обучении дает лучшие результаты и помогает быстрее адаптироваться в новой поликультурной образовательной среде.

Своеобразны и мотивация, ценности в учебной деятельности: для китайских обучающихся наиболее значимым является приобретение опыта, возможность получить работу, найти хороших и верных друзей.

Для китайских граждан крупнейшими ценностями являются забота о своем здоровье, приобретение самостоятельности и независимости, совершенствование себя и своих способностей. В своих действиях китайские студенты ориентируются на достижение общих целей, стремление помочь людям и наилучшим образом способствовать общему делу. Не столько материальные соображения, сколько желание зарекомендовать себя руководят действиями китайских студентов. Именно успех в реше-

нии общих задач предоставляет китайским студентам уверенность в себе, что способствует лучшему получению новых знаний.

Таким образом, в этой статье предпринята лишь попытка посредством качественных исследований проанализировать ценностные основания социокультурной адаптации китайских обучающихся в Республике Беларусь.

Библиографический список

Адаптация иностранных студентов к обучению в Республике Беларусь. Могилев: Белорусско-Российский университет, 2011. 48 с.

Лапуцкий В.С. Адаптация иностранных студентов в контексте белорусской высшей школы // Социальные технологии в глобализирующемся мире: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции, 21—22 ноября 2018, Минск / БГУ, Факультет философии и социальных наук. Минск: БГУ, 2018. С. 101—105.

Поликультурное образование в системе межкультурных коммуникаций молодежи: учеб.-метод. пособие / И.И. Калачёва. Минск: РИВШ, 2016. 134 с.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. -5-е изд., испр. и доп.-М.: Аспект-Пресс, 2014.-550 с.

Шеметова А.А. Студенческая молодежь как субъект организации международных культурных связей Беларуси и Китая // Национальная культура глазами молодых: сборник материалов XLVI итоговой научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов (18.03.2021 г.) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=lrhbth> (дата обращения: 10.03.2024).

Белорусский государственный университет культуры и искусств. URL: <https://www.buk.by> (дата обращения: 10.03.2024).

Секция 5
Искусство

Ван Ихэн
РГХПУ им. С.Г. Строганова

Духовность в ландшафте промышленных руин на северо-востоке Китая

Аннотация. Руины — это взгляд времени, осадок истории и микрокосм общественного развития. Свидетельствуя о коллективистском духе индустриальной эпохи, промышленные руины широко распространены во всех уголках города, рассказывая о переменах времени. В слове «руины» кроется глубокое влияние истории прошлого и духовной культуры. Для меня глубокое переживание красоты руин происходит из моих наблюдений и опыта жизненной среды и творческого процесса. В Северо-Восточном Китае, где я выросла, большое количество промышленных руин и заброшенных зданий, оставшихся от индустриальной эпохи, является наиболее заметным местом, и их существование не только вызывает у людей воспоминания о прошлом, но и заставляет их думать о настоящем и будущем. В своем исследовании я погружусь в духовность промышленных руин, исследуя их историческое значение, культурную ценность и влияние на современное общество.

Ключевые слова: Северо-восточный Китай; промышленные руины; руины.

Wang Yiheng
Stroganov Moscow State Academy
of Arts and Industry

Spirituality in the Landscape of Industrial Ruins in Northeast China

Abstract. Ruins are the gaze of time, the precipitation of history and a microcosm of social development. Witnessing the collectivist spirit of the industrial era, industrial ruins are widely distributed in all corners of the city, telling the story of the changes of the times. In the word “ruins”, there is a profound influence on the past history and spiritual culture. For me, the profound experience of the beauty of ruins comes from my observation and experience of the living environment and creative process. In the northeastern region where I grew up, the large number of industrial ruins and abandoned buildings left over from the industrial era are the most prominent scenes, and their existence not only evokes memories of the past, but also triggers reflection on the present and future. In my research, I will delve into the spirituality of industrial ruins, exploring the historical significance, cultural value and revelations for contemporary society contained therein.

Keywords: Northeast China; industrial ruins; ruins.

Духовные руины в постиндустриальную эпоху

Промышленные руины — самое мощное свидетельство трансформации индустриальной истории от процветания к упадку во второй половине XIX века, которое несет в себе великолепие прошлой истории и пафос современных людей. Система тяжелой промышленности на Северо-Востоке несет в себе общую память нескольких поколений. Рабочие группы в полной мере воплотили в себе коллективистские ценности и сильную волю нынешней индустриальной эпохи.

До перехода к рыночной экономике государственные предприятия в системе плановой экономики были похожи на небольшое общество, взявшее на себя такие социальные функции, как обслуживание до и после повышения производительности труда, быта, благосостояния и социального обеспечения работников. В результате отношения между семьями рабочих и предприятиями порождали сильное чувство принадлежности и идентичности в плане счастья, дома и эмоций, поэтому, когда предприятия закрывались и приходили в упадок, предприятия, от которых зависело выживание рабочих, разрушали их ожидания на будущее и смысл их жизни.

В книге У Сяобо «Тридцать лет волнения» говорится, что с закрытием государственных предприятий у рабочих исчезает первоначальное коллективное чувство принадлежности, они теряют общественные отношения, превращаясь в отдельных и слабых индивидов. В результате в постиндустриальную эпоху возникли уникальные духовные руины, полные печали, не желающие расставаться с прошлым, и под волной реформ они потеряли направление, образовалась духовная пустошь.

Фабрики были заброшены и превратились в промышленные руины, не только материальная реальность превратилась в физические руины, но и субъективные эмоциональные духовные пустые руины, память поколения также была запечатана, эти руины хранят страстные горящие воспоминания рабочих и могут быть использованы только как ностальгия по прошлой славе и для увековечивания коллективной памяти прошлого. Трудно духовно восстановить счастье и чувство принадлежности, которые люди потеряли.

Честь коллективизма и отсутствие веры в волну

Идеологический «коллективизм» требует, чтобы при противоречии интересов личности с интересами государства и коллектива человек подчинялся интересам коллектива и государства. Именно такое бесстрашное «коллективное сознание» заставило рабочих с энтузиазмом сотворить промышленное чудо, которое считалось невозможным в эпоху крайнего недостатка материалов, а воля веры, порожденная «коллективизмом»,

в полной мере продемонстрировала культурную ценность и духовную силу индустриальной эпохи.

Коллективизм привносит индивидуальные общественные идеалы в строительство страны, благодаря чему у человека появляется чувство миссии и коллективной чести, а также достигается духовное удовлетворение и счастье при обретении самоуважения.

После проведения политики реформ и открытости на смену воле «коллективизма» пришла эра индивидуализма. В процессе модернизации индивидуализированное общество стимулирует творческий потенциал и жизненную силу личности, но в то же время порождает недостаток веры. В эту эпоху индивидуумы укрепились как никогда, но чрезмерное стремление к эгоизму, эгоцентризм, чрезмерная забота об утилитарном богатстве, поощрение преследования личных целей и максимизации выгоды самым непосредственным образом отражаются в их материалистических духовных поисках.

Тепло коллективизма и равнодушие волны

«Коллективизм» рабочего класса верит в объединение сил других классов, что также является духовной коннотацией «коллективизма». Коллектив — это привычное убежище для индивидов и пространство для их выживания. Поскольку развитие современного общества требует, чтобы сильные стороны индивида были задействованы в полной мере, необходимо освободить его от коллектива.

Однако индивиды все дальше и дальше уходят от акцента на самоощущении и духовности; им больше не угрожает выживание, и они наслаждаются одиночеством, изолированным от коллектива. В «Духе пост-модерна» Гриффин предполагает, что индивидуализм означает отрицание того, что уменьшение собственной зависимости и агрегированности человека также способствует безразличию современного человека. Это приводит к отсутствию коллективного чувства человеческих эмоций и кризису доверия.

Над «руинами»: из руин в будущее

Эти промышленные руины — зеркало истории, они рассказывают обо всем, что происходило в прошлом. Перед лицом этих промышленных руин, когда мы смотрим на них и думаем о них, помимо воспоминаний об индустриальной эпохе прошлого, мы должны научиться просыпаться к современной исторической ситуации, размышлять о гуманистическом духе, а также о видении и надежде на будущее. Если мы можем принять во внимание защиту и поддержание старого города или промышленной зоны, то это своего рода защита теплых воспоминаний людей, а также охрана драгоценного духовного богатства поколения.

Современность — это неизбежный путь развития всех человеческих обществ, и Китай все еще находится в рамках современности. В современном обществе, где не хватает веры, мы должны помнить о силе веры в «коллективизм», и в процессе развития мы не должны терять себя, а должны помнить об истории и выходить из-под руин.

Библиографический список

Дэвид Рэй Гриффин. Постмодернистская духовность [Д.Р. Гриффин. Духовность и общество — Постмодернистские взгляды] [М]. Пекин: Центральное издательство компиляций и переводов, 2011.

У Сяобо. Тридцать лет бурного развития: китайские предприятия 1978—2008 [У Сяобо]. Пекин: CITIC Press, 2017.

Griffin D.R. Spirituality and Society-Postmodern Visions[M]. — 北京: 中央编译出版社, 2011 年.

吴晓波著.激荡三十年: 中国企业 1978—2008 [Wu Xiaobo. Thirty Years of Stirring: Chinese Enterprises 1978—2008][M]. — 北京: 中信出版社, 2017 年.

Ван Минъян

Шаньдунский политехнический университет

**Влияние и механизм трансляции китайской культуры
в Восточной Азии на примере современной
китайской живописи**

王明洋

山东理工大学

**中国文化在东亚的传播机制与影响研究 —
以当代中国画为例**

摘要：中国传统文化作为中国文化的重要组成部分，在近年来外国人民了解中国的过程中越来越发挥着重要的促进作用。中国画作为中国传统文化的特色内容之一，探索和研究其在东亚国家的传播情况也对中国传统文化的当代海外传播研究具有着一定程度的参考意义，本文主要是从当代中国画在东亚及东南亚的海外传播情况来以小见大地对中国传统文化的当代海外传播情况进行研究。希望能在实践中为中国画等传统文化在当代的海外传播提供参考。

关键词：中国传统文化；东亚；海外传播；当代中国画

Wang Mingyang

Shandong University of Technology

**Study on the transmission mechanism and influence
of Chinese Culture in East Asia — Take contemporary
Chinese painting as an example**

Abstract. As an important part of Chinese culture, Chinese traditional culture has played an increasingly important role in promoting foreigners' understanding of China in recent years. Chinese painting as one of the characteristics of Chinese traditional culture, the exploration and study of the spread of it in east Asian countries has a certain degree of reference significance for the study of the modern overseas spread of Chinese traditional culture. This paper focuses on the overseas spread of modern Chinese painting in East and Southeast Asia to explore, in a small way, the contemporary overseas dissemination of traditional Chinese culture. It is hoped to provide reference for the dissemination of traditional culture such as Chinese painting abroad in practice.

Keywords: Chinese traditional culture; East Asia; overseas communication; contemporary Chinese painting.

一、当代中国画的文化特征及对外传播的意义

当代中国综合国力不断提升，人民生活水平越来越高，但中国人民的精神文化需求尚未得到满足，且随着中外文化交流的越发频繁与深入，中国人民开始接触到西方文化，并兴起了一阵效仿西方生活方式及学习西方文化之风。如美国文化在中国的传播，使得中国民众开始受到美国英雄主义文化的影响和盲目追求美国的生活方式等。近年来，韩流文化的广泛传播也对中国本土文化产生了极大的冲击，尤其是对青年一代产生了一些不好的影响。如韩国整容文化的流入，让一些不明其危害的年轻一代盲目追风，致使他们形成了不正确的审美观，导致对其身心均产生了不好的影响；还有韩国偶像文化的传入，使得追星文化蔚然成风，出现了对偶像周边产品的哄抢和多种形式的博眼球事件，以引起民众的关注，而当明星成为许多人的理想职业，对青少年的人生观、价值观造成不利的影响，对其身心健康造成危害。而且随着韩流影响的扩大，韩妆、韩系服饰的流行等等，亦对我国经济方面产生一定程度的影响。而这些均体现出我国人民对本民族文化认识的不足且对自己的民族文化不够自信的现状。在这种情况下，当代中国画的对外传播一方面可以让外国人民感受到中国绘画之美，从中领略到当代中国画所传达出的简约但不简单之意境，认识到作品当中所传达的中国哲学思想及那些迷人的文化意境，而更重要的是它是一种相对于西方油画而言更加别具特色的艺术品，对外国人民有着别样的吸引力；而另一方面，通过促进当代中国画的对外传播能够让中国人民重视中国传统文化，认识到中国传统文化之美，从而使得中国人能够坚定对本民族文化的自信心，以促使其认同本民族文化，且想要与世界其他国家的人民分享中国传统文化，最终推动中国传统文化的对外传播。

二、当代中国画在东亚的传播情况和所存在的问题

中国画在东亚地区的传播情况较好，一方面，由于在历史上，这些国家与中国都有所往来，并且缔结过政治邦交关系，经济上有过贸易往来，文化上有过交流互鉴，且都深受儒家文化的影响；另一方面，由于这些国家基本上是距离中国不远的邻国，且近些年来民间交流活动频繁，国家间的互动不断，促使了中国画在这些地区的交流互动。而在东亚的

这四个国家当中，当代中国画在韩国和日本两个国家传播得较好，韩国与中国的地缘位置很近，自古深受儒家文化的影响，到目前为止其文化中尚有着较深的儒家文化的烙印，故两国在文化方面的差异并不是很大。这些国家部门牵头发起的中国画交流活动在某种意义上来说是更加高层次的文化艺术交流活动，所涉及到的参与人员均为这方面的专家及爱好者，不够具有普适性，但它所具有的优势则是它在官方方面向公众释放出了信号，向公众宣传了中国画艺术；而学校间或民间中国画艺术团体间进行的文化交流活动，其受众固定且目的明确，在促进当代中国画的发展和传播方面效果可能会更好一些。但以上这两种形式的活动都能够促进当代中国画的传播，是应提倡的文化交流活动形式。自唐代以来，日本就派遣使者来中国进行经济、政治和文化等方面的交流学习活动。即使是在目前的当代环境中，日本国家也拥有着 15 个孔子学院和两个独立的孔子课堂。它为日本当地人民了解中国打开了交流的大门和相互学习的途径，孔子学院和孔子课堂的设立为中日文明的相互学习和借鉴做出了重要的贡献。但如今，随着时代的变迁，日本的年轻人基本上是处于蜗居状态的，基本上很少出门去看画展，喜欢在画展中欣赏中国画作的年轻人越来越少，喜欢传统绘画的人也越来越少。因此，培养年轻人的兴趣，向年轻人介绍中国绘画，是维系中日两国中国画交流的重要工作。而中国画展览在一定程度上能够让更多的日本年轻人了解中国画，了解中国文化。

三、当代中国画在东亚的传播情况对中国传统文化海外传播的启示

乔治·桑塔亚那(George Santayana)的《美感》一书中写道：“形式美是可以与那些具有审美天赋的人们产生特别共鸣的艺术；形式美像无形的刺激一样使人们僵化，并不分青红皂白地表达出内心深处情感，思维距离具体的表象很远，会使得人们沉迷于想法的情感和暗示，甚至牺牲掉了形式的美感，这是缺乏真正的自我修养的一种典型特征展现，其最终的结果会是比野蛮人沉迷于绚烂的色彩更糟糕的事情的发生。”这深刻地揭示了尽管我们应该继续发展创新，开创中国绘画艺术的新时代，更加贴近时代，更加贴近大众，但一味迎合大众和时代，没有原则和底线，中国绘画艺术就会失去了其所具有的独特性和民族性，也将会丧失增强内

在力量的动力。继承传统文化就是维护文化的民族特色，吸收外国文化并进行文化交流是保持文化的时代性的必然选择。国籍与现代性之间并没有本质的冲突。作为新时代的年轻一代，我们应该充分了解中国传统文化的核心内容和优势部分，充分弘扬中华传统文化，不断增强其核心力量和内生力量，同时在一定条件下保持民族特色的创新发展和传播。艺术家的创作还必须适应社会环境。一方面，他们必须掌握传统文化的根源；另一方面，它们必须反映中国传统文化在不同时期演变的时代特征。在当今时代，文化更加多样化，世界各族文化交流越来越频繁，技术不断进步，沟通更加及时。用于各种文化发展的硬件设施正在不断完善。它的文化发展平台在不断增加，我们应该对中国传统文化的向外传播充满信心，走以本民族为核心的新时期中国传统文化的创新和发展之路。

参考文献

- 柴欣.中国传统文化的对外传播策略研究[J].—视听, 2015(09), 第150页.
洪惠镇.论中国画对外传播的若干问题[J].—美苑, 1998(02), 第4—7页.
梁云彬.当代中国画的传承与创新[J].—攀枝花学院学报, 2010(02).
王岳川.二十一世纪中国文化命运忧思[J].—粤海风, 2003(03), 第11—13页.
宗白华.艺境[M].—北京:北京大学出版社, 1987年.
庄晓东.传播与文化概论[M].—北京:人民出版社, 2008年.
周宁.跨文化研究:以中国形象为方法[M].—北京:商务印书馆, 2011年.

Ван Цзыюнь
Санкт-Петербургский
государственный университет

**«Сад» китайских и восточноазиатских идей
в области художественного мышления**

Аннотация. Если собрать вместе художественные идеи Китая и восточноазиатских стран и обозначить их как «сад», это означает, что в этих странах процветает многообразие художественных идей. Независимо от геополитических или исторических вопросов, у Китая и восточноазиатских стран есть общие черты и собственные характерные особенности, которые влияют на становление новых форм искусства путем совмещения своих национальных особенностей и традиций, а также через обучение и поиск вдохновения у других стран. В этом процессе создаются разнообразные и сложные художественные идеи. Таким образом, целью данной статьи является исследование «сада» художественных идей и выявление причин его возникновения и развития.

Ключевые слова: Китай, восточноазиатские страны, художественные идеи, культурный обмен.

Wang Ziyun
Saint Petersburg State University

**The 'Garden' of Artistic Ideologies in China
and East Asian Countries**

Abstract. If the artistic ideologies of China and East Asian countries are summarized as a “garden,” there is a flourishing diversity of artistic ideologies in China and various East Asian countries. Regardless of geopolitical or historical issues, China and East Asian countries share commonalities in terms of cultural ideologies, while also incorporating their own national characteristics and traditions to develop new forms of art through learning and inspiration from each other. This includes various complex artistic ideologies. Therefore, this article aims to explore and understand the reasons behind the emergence of this “garden” of artistic ideologies.

Keywords: China, East Asian countries, artistic ideologies, cultural exchange.

中国与东亚国家的艺术思想观念的“花园”

摘要：中国与东亚国家的艺术思想观念若是总结为“花园”则意味着在中国以及东亚各国艺术思想观念百花齐放。无论是地缘政治还是历史问题中国与东亚国家从思想文化上有其共性也有各自国家结合自身国情和传统学习借鉴总结出的新的艺术形式，其中包含了各种复杂的艺术思想观念，至此本文意在对这个艺术思想观念产生的“花园”进行探索了解出现的原因等。

关键词：中国 东亚国家 艺术思想观念 文化交流

中国的艺术从古至今都有其独特的艺术门类，用毛笔结合传统墨色的国画和书法在世界艺术上独树一帜，是艺术史浓墨重彩的一笔。伴随着各个国家地区的交流，中国古代艺术风格和创作思想逐渐向古代东亚国家流动，这种互相流动的思想观念和各自当地的艺术形式结合被东亚国家诸如日本，韩国等艺术创作逐渐融合成一种视觉上全新且有区别的艺术表现形式，例如：陶艺、漆器、国画、园相的禅宗艺术中流行的意象及部分道教思想，这些艺术门类和思想观念形式到了今天中国与东亚国家的艺术都在不断地演变发展，类似花园里的花朵各自绽放。

笔者在文章的题目里所提到的“花园”其强调的正是，中国与东亚国家的艺术思想观念其实是因地缘所交流互通的，艺术形式和艺术思想观念的成果是花园里的土壤所孕育出的各种各样鲜艳的花朵，土壤中互相纠缠捆绑的根系提供养分，每粒种子再进行个人化、风格化的体现，从而诞生出不同品种但同样美丽的花，绿叶及一切与之相关的美好事物，因此“花园”更加能够对中国与东亚国家艺术思想观念进行解释。

中国与东亚国家的艺术交流伴随着古代丝绸之路的兴盛而更加深刻，在此之前古代世界上有一个重要的国家关系体系及朝贡、恩赐与遣使也是促成中国与东亚国家进行艺术交流的因素之一，朝贡体系尤其体现在一元政治体系为特征的古代中国，朝贡成为处理国际关系的重要制度。根据 1371 年，明朝政府规定高丽、琉球、安南、占城、苏门答腊、爪哇、三佛齐等“外藩”以及南洋、西洋地区的一些国家为“不征之国”，明确规定凡是藩属国需要定期向我国进献方物，即“朝贡制度”，同时规定，凡

是来进献方物的国家或者来华朝贡的均给予一定的恩赐，但由于后来的海禁政策，海外在朝贡制度下能获得海禁后不能贸易的中国货物，因此原先政治性的朝贡活动逐渐演变成具有经济性质的贸易行为，因此在朝贡体系下，朝贡、恩赐与谴使具体且直接的进行了产品、宝物以及艺术作品的交流借鉴和融合，使文化进行了直接高效高质量的交流互通。因此在东亚地区形成了一个以中国为中心的文化圈带，但到了 17 世纪以后，随着欧洲国家与我国海上丝路贸易的频繁，朝贡体系被打破，至此，中国古代朝贡体系下的贸易及其文化交流又走向新征程。[潘天波 2017(02):18—28.]

贸易上的交流是国家之间经济上的体现，是外在体现、是具体且可被量化的体现，但伴随着的各国之间艺术人文之间的思想观念交流才是最隐蔽传播最久影响最深最广的，无论这些贸易上的交流是“主动”或“被迫”艺术文化和思想观念是切切实实的进行了交流，由于东亚国家与中国毗邻，思想上自然尤其共性那么在原生的艺术形式上似乎会存在一种联系，在中国日本、韩国所在的区域之中，也确实存在过一些文化共相，这些文化共相可以在某些情况下为不同地区的人所共享，甚至催生出一一种共同的感觉，这种感觉自然分为不同的类型，有艺术、有人文、有技术、有思想观念等，具体的都可以找出相对应的历史典故或具体形象再到生活里常见的器物，这些结果也可以说是产物必然存在共性和异性，这既是贸易的流通也是艺术的借鉴和传承，体现在艺术上自然有迹可循却未来可期。

东亚地区虽然在一定程度上具有同源、同根、共通的特性，根据地理位置这些共性被逐渐放大，但随着深入的探索当研究具体到人文社会，人类的生存环境等具有地域特有特性的地方，东亚地区各国则具有异质、多元与差异的特性。因此东亚各国若想建立更大范围的交流合作和更广的立足于区域性的合作，自然需要在人类共同的文化和艺术属性上寻找和建立共识，而且这种地区性共识又与全球性的各种积极层面的共识相辅相成，学术界对亚文化现代化问题探讨的比西方文化的现代化问题较少一些，因为地缘等问题，亚洲文化呈现的是一种复杂里的和谐和简单里的各异，学术界对亚洲文化内的研究更多体现在国家间的国际关系，

文化认同等领域的讨论。随着全球化意识的提高，不同文化的共融、文化尊重与认同对维持世界的相对稳定，推动东亚地区经济合作、相互依存、平等互惠、共同利益下的合作有着重要的作用。[万红 2017.03.042]

中华多元一体的民族结构造就了多元共同体意义上的民族文化。培育了自强不息、厚德载物、协和万邦的中华民族精神和性格。中华文化在东亚文化的历史长河中占有重要的地位。东亚文化及国家间彼此的相互认识以及相互了解，也是各国合作的动力，是决定一个国家外交行为最主要的因素。在文章中主要论述的中国与东亚艺术主要指中国、朝鲜半岛、日本列岛等组成的东北亚地区的艺术，由于东亚幅员辽阔，各民族的语言、文化、风俗习惯、宗教信仰与价值观复杂多样，使东亚文化经历了漫长的演变过程。这也为论文提供了一个值得探讨和研究的方向。[万红 2017.03.042]

艺术思想和方式之间的融合交流，起初是地理因素古人说到天时地利人和，在这里也可以理解为因为所处的地理位置接近，可以看见同一片云，接着人民的生活节奏相似，加之各国因为古代的朝贡政策以及贸易而频繁交流，因此对于艺术创作和交流而言艺术上的思想能够互相查漏补缺，相辅相成的共同进步，如今各国之间的艺术思想观念，艺术形式仍然在互相之间弥补和学习，从最开始的国与国交流到因为经济而开始的贸易活动接着如今相对个人或团体之间的对某种思想交流感兴趣到对新的艺术形式产生共鸣，共同提炼出生活化的艺术简单直接的思想观念和人类与自然与社会和谐共存的美好愿望。

总的来说，中国与东亚艺术同历史和地理等复杂的关系，从古互相影响互相连接互相作用。积极的创新融合各自又发展本民族的文化艺术，艺术的表现形式多变但艺术思想和观念会在根源上保持相对一致但在各自本国国情的不同，社会发展节奏的不同，人与人交流的不同等产生更为多元的艺术形式，在获取传统与现代的观念后产生孕育出一整片颜色各异的花朵，或高，或羞涩，或簇拥。

参考文献

万红.东亚文化交融、互兴及共生的理性诉求 [Wan Hong. Rational Appeals for Cultural Integration, Mutual Prosperity, and Coexistence in East Asia[J]]. — 甘肃社会科学, 2017 (03), 第 244—249 页. DOI:10. 15891/j.cnki.cn62-1093/c.2017.03.042.

潘天波.中日漆器文化交流的历史进程:从溢出到透入 [Pan Tianbo. The Historical Process of Cultural Exchange between China and Japan in Lacquerware: From Overflow to Infiltration[J]]. — 艺术学界, 2017(02), 第 18—28 页.

Е.А. Вострикова
ИСАА МГУ

**Иконография цветущей дикой сливы *мэхва*
в живописи эпохи Чосон**

Аннотация. В докладе будет исследован мотив дикой сливы *мэхва* в корейской традиционной живописи эпохи Чосон (1392—1910), систематизированы основные живописные сюжеты с использованием ее изображения, многообразные поэтические интерпретации, отраженные в разных типах иконографии. Предложен искусствоведческий разбор целого ряда художественных произведений, посвященных цветущей сливе, позволяющий проследить эволюцию изображений, а также выявить изменения эстетических предпочтений и вкусов корейских интеллектуалов разных столетий.

Ключевые слова: корейская традиционной живопись, цветение сливы, *мэхва*, Син Джам, О Монён, Чо Сок, Чо Джиун, Сим Саджон, Кан Сехван, Ким Хондо, Чо Хирён, Ким Сучоль, Син Мёнён, Ан Джунсик.

Ekaterina Vostrikova
IAAS MSU

**Iconography of Maehwa
in Korean Traditional Painting of Chosŏn Era**

Abstract. The report will explore the motif of wild plum *maehwa* in Korean traditional painting during the Chosŏn era (1392—1910), categorize key painting subjects utilizing its depiction and the diverse poetic interpretations reflected in various types of iconography. An art historical analysis of a range of artworks dedicated to the wild plum will be proposed, allowing us to trace the evolution of images of the blossom, as well as identify changes in aesthetic preferences and tastes of Korean intellectuals from different centuries.

Keywords: Korean traditional painting, plum blossom, *maehwa*, Sin Jam, Ŏ Mongnyong, Cho Sok, Cho Jiun, Sim Sajŏng, Kang Schwang, Kim Hondo, Cho Hŭiryong, Kim Such'ol, Sin Myŏngyŏn, An Junsik.

Актуальность образа цветущей дикой сливы в искусстве Дальнего Востока объясняется его глубоким философским содержанием и эстетической символикой. Следуя особым композиционным приемам, корейские авторы чаще всего писали фрагменты сливы *мэхва*. Популярностью также пользовались сюжеты *тхаммэ* (探梅 탐매, «в поисках цветущей сливы») и *мэхва соок* (梅花書屋 매화서옥, «домик для чтения книг, окруженный цветущей сливой»).

От раннего периода Чосон (1392—ок. 1550 гг.) сохранился только свиток «В поисках цветущей сливы» (探梅圖 탐매도) кисти интеллектуала Син Джама (申潛 신잠, 1491—1554). Мастер создает картину в тщательной манере, типичный сюжет отсылает нас к образу мудреца на ослике, пересекающего мостик в поисках цветущей сливы.

В средний период Чосон (ок. 1550 — ок. 1700) изображение сливы в лунном свете, выполненное только тушью, стало самым популярным в корейской живописи, примером служит свиток «Цветущая слива лунной ночью» (墨梅圖 묵매도) интеллектуала О Моннёна (魚夢龍 어몽룡, 1566—1617?). Идейная суть таких картин состояла в утверждении силы духа растения, способного зацвести в холодную зиму.

Другой распространенный мотив — цветущая слива с птицами. Авторству интеллектуала Чо Сока (趙涑 조속, 1595—1668) приписывают свиток «Приносящая радость сорока на старой сливе» (古梅瑞鵲 고매서작). В картине сорока под стать сливе — становится аллегорией преданного чиновника. В свитке «Спящая птица на сливе» (梅上宿鳥圖 매상숙조도) мастер Чо Джуун (趙之耘 조지운, 1637—1691?) на изогнутой ветви разместил спящую птицу, стремясь передать идею железной воли.

В поздний период Чосон (ок. 1700 — ок. 1800) эстетический кодекс художников претерпел изменения. Образы цветущей сливы начали использовать как визуальный канал для отражения красоты мира. Мягкостью линий отличаются свиток «В поисках цветущей сливы у моста Бася» (灞橋尋梅圖 파교심매도) и альбомный лист «[Аромат] сливы и лунный [свет] наполняют двор» (梅月滿庭 매월만정) кисти Сим Саджона (沈師正 심사정, 1707—1769).

Лирический настрой и поэтизация образа *мэхва* стали отличительной особенностью живописи XVIII в. В альбомном листе «Слива» (梅花圖 매화도) интеллектуал Кан Сехван (姜世晁 강세황, 1713—1791) передает радостное настроение весны. В свитке «Белая слива» (白梅 백매) придворный художник Ким Хондо (金弘道 김홍도, 1745—1806?) уходит от формальных шаблонов, стремясь к натуроподобию образа.

В конце эпохи Чосон (ок. 1800—1910) самым известным художником *мэхва* стал интеллектуал Чо Хирён (趙熙龍 조희룡, 1789—1866). Он вышел за рамки традиции и писал сливу сочными красками, примером могут стать его ширмы «Красная и белая слива в цвету» (紅白梅花圖 홍백매화도) и «Красная слива» (紅梅圖 홍매도). Именно Чо Хирён популяризировал в XIX в. сюжет *мэхва соок*, шедевром мастера является свиток «Домик для чтения книг, окруженный цветущей сливой» (梅花書屋圖 매화서옥도).

Отход от строгого канона демонстрируют также работы «Камень и слива» (石梅圖 석매도) интеллектуала Ким Сучоля (金秀哲 김수철, 1800?—

1862?) и «Красная и белая слива» (紅白梅圖 홍백매도) мастера Син Мёнъёна (申命衍 신명연, 1809—1886).

Свиток «Домик для чтения книг, окруженный цветущей сливой» (梅花書屋圖 매화서옥도) принадлежит авторству последнего придворного художника Чосона Ан Джунсика (安中植 안중식, 1861—1919). Мастер пишет мостик и хижину, тонущие в цветущих деревьях сливы, однако Ан Джунсик отступает от распространенной иконографии и добавляет в пейзаж лодку с рыбаком. Смешение сюжетов также показывает ослабление канона.

Подводя итоги, отметим, что неповторимое звучание поэзии оттенков мотива *мэхва* на протяжении столетий передавало своеобразие авторского голоса того или иного корейского мастера.

Библиографический список:

Kho Youen-hee. Images and Beyond, Plum Blossom Painting in the Joseon Period // National Museum of Korea. Quarterly Magazine. Seoul: National Museum of Korea, Vol. 07, № 7, Spring, 2009. P. 4—9.

Yoon Jong-gyoon. Plum Blossoms: a Beautiful Flower that Reflects the Joseon Mindset // National Museum of Korea. Quarterly Magazine. — Seoul: National Museum of Korea, Vol. 07, № 7, Spring, 2009. P. 10—13.

장지성. 한국의 화훼영모화 [Чан Джисон. Корейская живопись растений, птиц и животных]. — 서울: 안크라픽스, 2020. 419 쪽.

潤松文華. 화훼영모 — 자연을 품다 [Кансон мунхва. Растения, птицы и животные — отражение природы]. — 서울: 강송미술문화재단, 2015. 221 쪽.

潤松文華. 매난국죽 — 선비의 향기 [Кансон мунхва. Слива, орхидея, хризантема и бамбук — аромат ученого-конфуцианца]. — 서울: 강송미술문화재단, 2015. 178 쪽.

А.И. Донченко
Институт Китая и современной Азии РАН

**«Городской пейзаж» — новый вид
 китайской традиционной пейзажной живописи**

Аннотация. В начале 1990-х гг. в Китае появляется новое направление китайской традиционной пейзажной живописи, главным объектом которого становится современная социалистическая городская архитектура. Опираясь на древние традиции китайского изобразительного искусства, «городской пейзаж» стал новой темой для создания картин в стиле *гохуа*. За более чем двадцать лет своего существования этот вид пейзажа прошел несколько важных этапов развития и постепенно принял законченную форму. В настоящее время можно выделить целый ряд выдающихся художников данного направления.

Ключевые слова: Китайское искусство, китайская пейзажная живопись, культура, живопись.

Anna Donchenko
ICCA RAS

**“Urban Landscape” — a new type
 of Chinese traditional landscape painting**

Abstract. In the early 1990s, a new direction of Chinese traditional landscape painting emerged in China, focusing on contemporary socialist urban architecture. Drawing on ancient traditions of Chinese visual arts, “Urban Landscape” became a new theme for creating paintings in *guohua* style. In the course of more than twenty years, this genre of landscape has undergone several important stages of development and gradually taken on a mature form. Currently, there are a number of outstanding artists in this field.

Keywords: Chinese art, Chinese landscape painting, culture, painting.

Относительно новое направление китайской традиционной пейзажной живописи — «городской пейзаж», возникло как отражение образов современных городов, однако оно имеет глубокие исторические корни. Древний поджанр пейзажной живописи — «цзехуа» («рисование по линейке») и дворцовую живопись можно рассматривать как начальную форму направления «городской пейзажной живописи». В эпоху Сун произведения с городской тематикой становятся популярными, например, известная картина Чжан Цзэдуаня «По реке в День поминовения усопших» является типичным произведением в жанре городского пейзажа.

После основания Нового Китая китайские художники начинают активные поиски новых форм и тем, отражая в своих работах стремительные изменения, происходившие во всех сферах жизни молодого государства, в том числе в промышленности и сельском хозяйстве.

В 1950-х и 1960-х гг. появляется новый взгляд на живопись *гохуа*, идущие в ногу со временем художники создают свои произведения с натуры, много путешествуя по стране. Эскизы тушью пейзажей Цзяннань Чжан Дина (1917—2010) и Ли Кэжана (1907—1989), а также картины группы художников под руководством Фу Баоши (1904—1965), рисовавших виды провинции Цзянсу, стали настоящим прорывом в развитии китайской традиционной пейзажной живописи.

В начале 1990-х гг. известный ученый Цянь Сюэсэнь (1911—2009) предложил использовать идеи пейзажной поэзии и пейзажной живописи, а также классического китайского садово-паркового искусства в застройки крупных городских территорий, чтобы придать им дух социалистического Китая и создать соответствующий времени эстетический стиль. Данная концепция была дополнением к городскому дизайну и архитектурной эстетике, а также новым взглядом на создание современного городского пространства, объединяющего природу и человека. Позднее он предложил художникам использовать «городской пейзаж» в качестве новой темы для создания картин в стиле *гохуа*.

В 11-м номере журнала «Искусство» за 1992 год была опубликована статья «Письмо Цянь Сюэсэня о художественном творчестве». В этой статье Цянь Сюэсэнь пишет, что художники Шэньчжэньской академии живописи создают весьма оригинальные и креативные картины с видами своего города. Он выдвинул предположение, что китайские художники, работающие в стиле *гохуа*, могут изображать городской пейзаж на основе социалистической городской архитектуры. Для обозначения этого направления был впервые использован термин «*чэньши шаньшуй хуа*» «городская пейзажная живопись». Далее в тексте говорится, что образ современных городов уже проник в традиционную китайскую пейзажную живопись и эта тема будет активно развиваться. В конце статьи автор делает вывод, что следует проникнуться духом социалистического Китая и создать новый вид китайской традиционной пейзажной живописи под названием «городской пейзаж» «*чэньши шаньшуй*».

В результате концепция «городской пейзажной живописи» была окончательно сформирована и достаточно быстро нашла свое отражение в творчестве художников по всему Китаю. За более чем двадцать лет существования «городской пейзаж» прошел несколько важных этапов развития и постепенно принял законченную форму. В настоящее время можно выделить целый ряд выдающихся художников этого направления. Их работы отражают художественную эстетику и гуманистическую забо-

ту о городах в соответствии с ценностями современного общества и превратились в новую форму живописи и художественного самовыражения, которая отличается от китайской традиционной пейзажной живописи.

Одним из основоположников этого нового направления китайской традиционной пейзажной живописи является национальный художник первого уровня Ян Люи (1953—). Он родился в селе Дасин (уезд Суйпин, провинция Хэнань). Окончил Нанкинский институт искусств, в настоящее время занимает пост председателя Пекинского исследовательского общества городской пейзажной живописи.

В своих работах Ян Люи отражает современные социальные ценности и художественную эстетику, в основе которых лежит традиционная для живописи *гохуа* техника работы «тушью и кистью». Главной темой его картин является современный городской ландшафт с различными архитектурными особенностями и условиями жизни, отражающими специфику места.

Ян Люи соединяет методы традиционной китайской живописи с художественными формами современного западного искусства, часто используя в своих произведениях композицию, форму, цветовые сочетания и обработку пространства, свойственные западным картинам. При этом мастеру удается соблюдать баланс между конкретными пейзажами и абстрактными структурами, уточняя и обрабатывая городские пейзажи, а также создавая новые образы в духе современной эпохи.

Библиографический список

驻马店籍名人名家 | 杨留义和他的城市山水画艺术 [Знаменитые мастера г. Чжумадянь / Ян Люи и его искусство рисования городских пейзажей]. URL: https://www.sohu.com/a/740433846_121106991 (accessed: 14.03.2023).

名家集评杨留义城市山水画摘要 [Краткие отзывы известных мастеров о городской пейзажной живописи Ян Люи]. URL: <https://m-news.artron.net/news/20240423/n1088585.html> (accessed: 17.03.2023).

方向：因心再造的人间山水 [Курс: Воссозданный сердцем пейзаж в человеческом обществе]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1764136183503040032&wfr=spider&for=pc> (accessed: 12.03.2023).

什么是城市山水画？杨留义师生作品展在京展出 [Что такое городская пейзажная живопись? В Пекине проходит выставка работ учителей и учеников Ян Люи]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1713416684934148287&wfr=spider&for=pc> (accessed: 14.03.2023).

杨留义 [Ян Люи]. URL: https://baike.baidu.com/item/%E6%9D%A8%E7%95%99%E4%B9%89/4380587?fr=ge_ala (accessed: 12.03.2023).

Ду Шаньцзе
РГХПУ им. С.Г. Строганова

**Живопись *мочжу* как отражение моральных установок
художника в эпоху Юань**

Аннотация. Эпоха Юань (1271—1368) стала пиком развития живописи бамбука — *мочжу* и обладает уникальными характеристиками. Главной причиной этого стало изменение идейного мировоззрения художников. Характер и моральные установки художника отражены в живописи *мочжу* в трех аспектах: стремление к обобщенному и лаконичному изображению как эстетическое представление; стремление к единству красоты *ицзин* (意境 Yijing), художественное настроение или концепция) и литературы; стремление к эстетическому единству искусства и человеческой морали.

Ключевые слова: *мочжу*, характер, моральные установки художника.

Du Shangjie
Russian State Stroganov University
of Design and Applied Arts

**In the Yuan era, how the character and moral attitudes
of the artist are reflected in Mozhu painting**

Abstract. The Yuan Dynasty (1271—1368) became the peak of the development of ink and bamboo paintings, which had unique characteristics. The main reason for this was the change in the ideological worldview of artists. Ink bamboo painting is reflected in three aspects: pursuing generalized and condensed images as aesthetic expressions; striving for the unity of artistic conception and literature; striving for the unity of art and human moral aesthetics.

Keywords: Ink bamboo painting, character, moral principles artist.

Эпоха Юань (1271—1368) стала пиком развития живописи бамбука — *мочжу* и характеризуется уникальным значением этой темы. Главной причиной стало изменение идейного мировоззрения художников. Во-первых, заострение социальной стратификации привело к понижению положения творцов в обществе и появлению идеи отшельничества. Изящество бамбука использовалось ими для того, чтобы передать собственное состояние. Слияние идей конфуцианства, буддизма и даосизма в мировосприятии людей культуры (*вэньжэнь*) породило многообразие и свободу творческих методов. Отсутствие при императорском дворе Академии дворцовой живописи привело к снижению уровня популярности тонких изящных техник, которыми владели придворные художники, и

появлению пространства для живописи литераторов — непрофессионалов, зарабатывавших на жизнь чиновничьей службой и писательством. Итак, в символическом содержании бамбука в живописи *мочжу* в эпоху Юань можно выделить три аспекта.

Прежде всего, стремление к обобщенному и лаконичному изображению как особое эстетическое видение. Для художника живопись бамбука была средством выражения идеи собственного духовного освобождения от всего мирского, визуализацией в художественной форме. Стремление к обобщенности изображения, лаконичности цвета позволяло передать индивидуальные взгляды и красоту моральных принципов автора. Чжао Мэнфу, автор живописи *мочжу*, несмотря на то, что занимал высокий пост при дворе, провозглашал приоритет независимости человека: «Будьте свободны от мира, не позволяйте похвалам и унижениям трогать ваше сердце» [赵孟頫 2010, 164]. Этот концепт обусловил и его живописный стиль, в котором он избегал сложной декоративности и включения излишнего количества деталей в произведение. Это обобщение в высокой степени. Так, на картине «Бамбук и камень» («*Чжу ши ту*», 《竹石图》) всего два элемента: намеченный несколькими чертами контур утеса и растущие на камнях два сухих стебля бамбука, обозначенные густой и бледной тушью. При помощи лаконичных и уверенных линий автор передает жизненную силу тянущегося вверх тонкого бамбука. Здесь прочитывается параллель — прямодушный человек с великими и глубокими помыслами подобен бамбуку.

Стремление к единству красоты *ицзин* и литературы

Традиционно китайская живопись не старается передать внешнее сходство с изображаемым объектом, а потому и не подчёркивает цветовые переходы предметов природного мира. Напротив, она стремится раскрыть субъективные чувства автора через *ицзин*. В эпоху Юань произведения *мочжу* придумывались автором на основе зарисовок с натуры, но не ограничивались объективной реальностью того или иного вида природы. Разные элементы картины: животные, растения, объекты природы, зарисованные в разное время и в разных местах, могли произвольно компоноваться автором для создания гармоничной и изящной композиции, в которой был бы передан дух культуры бамбука. Именно поэтому Шэнь Ко (1031—1095) в «Записи бесед в Мэнси» («*Мэн си би тань*», 《梦溪笔谈》) пишет: «Чудо каллиграфии и живописи состоит в понимаемом интуитивно, сердцем, *ицзин*, и его едва ли можно обнаружить лишь в формальном сходстве. Большинство людей, оценивая картину, укажут на недостатки трактовки формы, композиции, цвета объектов, изображенных на картине, и не более того. Редко кто может в действительности понять глубину *ицзин* превосходной картины» [沈括 2022, 372]. Представление о том, что воспитание и образование художника имеют значи-

тельное влияние на качество его искусства, сформировалось еще до эпохи Юань, к этому времени большинство живописцев использовали поэтические подписи для передачи настроения или собственных идей. Так, монохромная живопись бамбука *мочжу* стала искусством, объединяющим поэзию, каллиграфию и живопись.

Стремление к эстетическому единству искусства и человеческой морали

Дискуссии о том, что качество живописного произведения зависит от моральных качеств человека, написавшего картину, велись еще с эпохи Шести династий (222—589). Танский художник Чжан Яньюань считал, что хороший мастер должен быть «образованным аристократом и отшельником, отстраненным от всего мирского, ведь только тогда он сможет создавать произведения, прославляемые современниками и будущими поколениями» [Кривцов В.А. 1976,187—190]. А сунский теоретик живописи Го Жосюй утверждал, что «если моральные качества человека высоки, то это будет отражено в жизненности замысла и манере исполнения¹, они не могут не быть на высоком уровне» [郭若虚 1964,10]. В эпоху Юань, в живописи бамбука главным содержанием были скрытые мысли и чувства художника, а искренность и глубина эмоций и идей художника связывались с его моральными качествами. Так, ученый-литератор Ян Вэйчжэнь (1296—1370) говорил: «Разве может бамбук тушью быть написан человеком вульгарным?» [夏文彦 2016, 234].

Библиографический список

Кривцов В. А. Чжан Янь-юань и его «Записки о знаменитых художниках минувших эпох» // Проблемы Дальнего Востока. 1976. С. 187—190.

郭若虚 (宋代), 图画见闻志[M] [Го Жосюй (Династия Сун). Тухуа цзянь вэнь чжи]. —北京: 人民美术出版社, 1964, 第10页.

夏文彦 (元). 元代绘画雕塑志[M]. [Ся Вэньян (династия Юань). Записи о живописи и скульптуре в династии Юань [M]]. —北京: 北京师范大学出版社, 2016, 第234页.

赵孟頫 (元). 赵孟頫文集[M]. [Чжао Мэнфу (Династия Юань). Собрание сочинений Чжао Мэнфу [M]]. —杭州: 浙江古籍出版社, 2010, 第164页.

沈括 (宋). 梦溪笔谈[M]. [Шэнь Ко (Династия Сун). Записи бесед в Мэнси [M]]. —北京: 中华书局, 2022, 第372页.

¹ В оригинальном китайском циюнь, один из шести критериев качества живописи Се Хэ.

Е.В. Ляхович

Государственный институт искусствознания

Основные типы композиционной организации росписи китайского фарфора XVII—XVIII вв.

Аннотация. Композиционная организация росписи китайского фарфора берет начало в специфике национальной живописи *гохуа*, демонстрирует тесную связь с тенденциями развития живописного искусства конкретной эпохи и в то же время опирается на прикладные функции предметов, особенности технологии и материала. Композиционные типы организации живописи на фарфоре развиваются в течение многих столетий, и к XVII—XVIII вв. проявляют значительный прогресс в наследовании и продолжении комбинаций более ранних эпох. Композиция проявляет тесную связь с национальной художественной традицией, культурой, эстетикой, философией и религией Китая. Росписи фарфора XVII—XVIII вв. отличает развитость композиционной структуры, высокий уровень мастерства упорядочения и сочетания декоративных элементов. В рассматриваемый период времени композиционная организация росписей формирует многоуровневую систему, компоненты которой находятся в сложных отношениях и функционируют по специфическим законам. Вследствие различных формальных ограничений фарфоровых изделий композиционный проект росписи выстраивается весьма гибко, подстраиваясь под различные требования формы и принципы дальнейшей экспозиции предметов. В фокусе настоящего исследования — основные типы композиционной росписи китайского фарфора XVII—XVIII вв. Цель — определить и охарактеризовать основные типы композиционной организации росписи фарфора Китая обозначенного периода.

Ключевые слова: фарфор, Китай, типы, композиция, роспись.

Ekaterina Lyakhovich

State Institute for Art Studies

Main principles of compositional organization in Chinese porcelain painting of the 17—18th centuries

Abstract. The compositional organization of Chinese porcelain paintings originates in the specifics of national painting *Guohua*, demonstrates a close connection with the trends in the development of pictorial art of a particular historical period and at the same time is relied on the applied functions of items, features of technology and material. Compositional types of organisation of painting on porcelain have been developing for many centuries, and by the 17—18th centuries had made significant progress in inheriting and continuing combinations of earlier eras. The composition shows a close connection with the national artistic tradition,

culture, aesthetics, philosophy and religion of China. Paintings on porcelain of the 17—18th centuries is distinguished by the development of the compositional structure, a high level of skill in ordering and combining decorative elements. During the period under consideration, the compositional organization of murals forms a multi-level system, the components of which are in complex relationships and function according to specific laws. Due to various formal limitations of porcelain products, the compositional design of the painting is very flexibly, adapting to various requirements of the form and principles of further exposure of items. The focus of the study is centered on the main types of the compositional organization of Chinese paintings on porcelain of the 17—18th centuries. The main goal of the study lies in identification and description of the major types of paintings' compositional structure of Chinese porcelain of the designated period.

Keywords: porcelain, China, types, composition, painting.

Композиция росписи плоских предметов, предназначенных для экспонирования на горизонтальной поверхности, располагается в одной визуальной плоскости, т.е. ее можно охватить целиком под углом обзора сверху (если предмет располагается горизонтально) или прямо (если предмет располагается вертикально). На вертикальных изделиях под углом обзора как сверху, так и прямо можно увидеть лишь некоторую часть общего изображения. В соответствии с особенностями организации росписи фарфора XVII—XVIII вв. можно выделить следующие композиционные типы.

1. Композиция с многократными повторениями (нагромождениями) элементов *чундешш гоуту* 重叠式构图

Композиция с многократно повторяющимися элементами предполагает, что в центральном месте располагается основное изображение, а вокруг него множеством слоев или уровней разворачиваются дополнительные орнаментальные элементы. Максимально количество слоев — шесть-восемь. Вокруг ключевого (центрального) изображения вправо и влево / вверх и вниз выстраиваются ритмически организованные узоры в виде цветов, трав, облаков или воды. Такие узоры разворачиваются от центра, вращаются или закручиваются в спираль, они соответствуют культурной символике и смыслу основного изображения, при этом могут образовывать с ним явные тональные контрасты [Сюй 2003, 24—25].

2. Развернутая композиция *чжанькайшш гоуту* 展开式构图

Явное влияние китайской живописи *гохуа* на роспись фарфора проявляется в принципах организации развернутой композиции на изделиях. Изображение, задающее тему, располагается в наиболее значимом месте, а второстепенный узор становится неотъемлемой частью общей композиции. Изображения, по исполнению напоминающие технику *гохуа*, помещаются в середине — на тулово ваз или кувшинов, в центр тарелок или блюдца, а орнаменты опоясывают их или располагаются свер-

ху/снизу, справа/слева. По краям, на горлышках, плечах изделий выполняются традиционные орнаменты в виде стилизованных листьев и трав, растительные узоры, орнаменты из ортогональных элементов, меандр и другие, проявляющие отношения главного-второстепенного. Организация основного изображения и дополнительного орнамента должна учитывать взгляд сверху вниз и взгляд прямо [Цзэн, Цзэн 2008, 87—88].

3. Композиция с полями *кайгуанши гоуту* 开光式构图

Композиция с полями *кайгуанши гоуту* 开光式构图 («открывающая свет») предполагает организацию одного или нескольких ключевых изображений в поле и некоторый орнамент за его пределами, в результате чего создается впечатление формирования окна, а пространство изображения разделяется на разные уровни. В фарфоре XVII—XVIII вв. подобная композиция встречается достаточно часто, «окна» 窗 *чуан* — поля — имеют округлую, квадратную или ромбовидную форму, форму веера или керамического осколка. Хотя отдельные объекты могут казаться разрозненными, второстепенные декоративные элементы соединяют их в единое целое.

Итак, художнику по фарфору крайне важно согласовать живопись с формой изделия, учесть предназначение и сферу применения, добиться единства художественной, прикладной и декоративной составляющих. Организуя декоративный орнамент и ключевое изображение, мастера XVII—XVIII вв. добиваются их баланса при восприятии с любого угла или стороны обзора. Стремясь к наивысшим стандартам древнекитайского искусства: «показать большое в малом и малое в большом, реальное в нереальном и нереальное в реальном» [Линь 2010, 300], «проявить близкое в далеком, а в части — целое» [Ян 2000, 20] — они избегают фрагментированности и несогласованности основного изображения и декоративных элементов.

Библиографический список

Линь Юйтан. Китайцы. Моя страна и мой народ / пер. с кит. Н. А. Спешнев. М.: Вост. лит., 2010.

徐岚: 谈陶瓷造型与装饰. [Сюй Лань. О форме и декорах керамических изделий] // 景德镇陶瓷. — 2003. 第 13 卷, 第 4 期(总第 99 期), 第 24—25, 30 页.

曾亚琴, 曾亚林: 浅析陶瓷造型与装饰的语言特征. [Цзэн Яцинь, Цзэн Ялинь. Краткий анализ языковых особенностей формы и декора керамики] // 陶瓷研究. — 2008. 第 1 期, 第 87—88 页.

杨永善: 陶瓷造型与装饰的关系. [Ян Юншань. Взаимосвязь между формой и декором керамики] // 艺术设计双月刊. — 2000. 第 1 期(总第 13 期), 第 20 页.

А.А. Харитошкина
Независимый исследователь

**Роль зрительного восприятия
в анализе традиционной китайской живописи**

Аннотация. В статье представлен подход к анализу китайской традиционной живописи с точки зрения воздействия её специфической технологии на зрителя. В основу легли как исследования по китайской традиционной живописи, так и исследования, посвящённые природе и особенностям визуального восприятия искусства.

Ключевые слова: искусство Китая, китайская традиционная живопись, физиология зрения.

A. Kharitoshkina
Independent researcher

**The role of visual perception
for the analysis of traditional chinese painting**

Abstract. The article presents an approach to the analysis of Chinese traditional painting in view of the influencing effect of its specific technology on the viewer. It is based on both research on Chinese traditional painting and research on the nature and peculiarities of visual perception of art.

Keywords: Chinese art, Chinese traditional painting, physiology of vision.

Китайская традиционная живопись «кисти и туши» давно очаровала западную культуру своей манерой и образами. Однако её индивидуальность по сей день не поддаётся включению в западную теорию систематизации изобразительного искусства. В данной работе автор пытается сделать шаг в развитии анализа и интерпретации китайской традиционной живописи, обращая особое внимание на значимость процесса зрительного восприятия.

Отправной точкой выбрана физиология зрения, так как оперирование понятиями «универсальных» изобразительных средств в случае китайской традиционной живописи имеет крайне ограниченный потенциал, более того, приводит к существенным ошибкам в описании особенностей художественно-выразительного языка.

Рассмотрению, прежде всего, подлежит соотношение работы кистью и тушью на бумаге с некоторыми важными физиологическими особенностями функционирования зрительного аппарата (бинокулярностью, стереопсисом, латеральным торможением [Подробнее о физиологии явле-

ний см. Ливингстон 2020, 24—37, 48—55, 148—189)) и то, как эти связи отразились в эстетической теории китайской традиционной живописи.

Бинокулярное зрение — это первое, что необходимо принимать во внимание, создавая иллюзию пространства на плоскости. Бинокулярное зрение приспособлено для того, чтобы воспринимать мир в движении, чему мало соответствуют перспективы с единой точкой схода. Перспективу можно считать одной из главных условностей живописного искусства, цена которого «решительное абстрагирование от живого зрительного опыта» [Даниэль 2006, 88]. «От неподвижного созерцателя итальянской перспективы реальный зритель отличается тем, что воспринимает мир в движении — в движении глаз и тела» [Даниэль 2006, 88]. Китайская многоточечная перспектива активно воплощает потребность зрения двигаться, используя не только совмещение и чередование областей, выстроенных разными перспективными приёмами, но и преобразование их друг в друга. Безусловно, значение здесь играет и красочный слой, чьё строение и структура, в этом аспекте, несомненно, наследуют технику письменности, позволяют осуществлять необходимую связность переходов. Строгие геометрические структуры в китайской традиционной живописи не отвечали за формирование целостности изображаемого пространства, хотя и могли возникать в отдельных планах, фрагментах. Данная функция принадлежала явлению, носящему название «Единой черты», которое объединило в себе эстетизацию в живописи каллиграфической связной техники письма, требующей последовательного прочтения всех элементов, и способ структурирования изображаемых предметных масс, планов: «Так же и Единая черта — она охватывает все, вплоть до отдалённого и самого недоступного. И в десяти тысячах миллионов ударов кисти нет ни одного, начало которого и завершение не находилось бы в конечном счете в этой Единой черте, контроль над которой принадлежит только человеку» [Завадская 1978, 60—62].

Непосредственно связанным с бинокулярным зрением является стереопсис — способность зрительной системы интерпретировать расхождение между двумя изображениями (диспаратность) как глубину, а отсутствие расхождения, как отсутствие глубины. Любовь китайской живописи к повторяющимся элементам (будь то листья, камни, цветы, ветви и пр.), благодаря этому свойству зрения, усиливает эффект движения и жизни в произведениях.

Латеральное торможение — первый, обобщающий этап зрительной обработки информации о свете, получаемой с сетчатки. Несомненно, что лучше всего воспринимаются границы света и тени, точнее их чередование. Однако, излишняя детализация претерпевает обязательный процесс обобщения, иначе не будет возможности оформить сигналы сетчатки в определённую форму. Большие же однородные области утрачивают ин-

формационную содержательность для смотрящего. Техника китайской традиционной живописи является золотой серединой между однородными плоскостями и беспорядочным набором светлых и тёмных точек, поскольку материалы способны отображать тончайшие изменения красочного слоя. В данном случае созерцание максимально задействует зрительную функцию.

Китайская традиционная живопись — это также тональная живопись, в силу особенностей красящего вещества (туши). Главную роль в построении её пространства играет тональная перспектива. С точки зрения физиологии тональная перспектива важна для лучшей ориентации в пространстве и поэтому оказывает большее визуальное влияние, чем кажется на первый взгляд, кроме того, создаёт не только глубину картинного пространства, но позволяет пространству картины выступать в пространство зрителя [Подробнее см. Лапин 2016, 35—60].

Сложная взаимообусловленность технологии живописи и физиологии зрения в своё время сформировала основные эстетические установки традиционной китайской живописи, сохраняющие актуальность на протяжении веков. Анализ художественных принципов на этом уровне даёт сегодня возможность проводить более обоснованные параллели между китайской традиционной живописью и станковыми видами западноевропейского искусства. Этот анализ также позволит лучше понять внутреннее развитие китайской традиционной живописи, в особенности изменения, постигшие её в XX веке, и оценить дальнейшие перспективы данного вида искусства.

Библиографический список

Даниэль С. Искусство видеть: О творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя / Сергей Даниэль. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. С. 206.

Завадская Е.В. «Беседы о живописи» Ши-тао / Е.В. Завадская. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. 208 с.

Лапин А.И. Плоскость и пространство, или Жизнь квадратом / Александр Лапин. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М.: Л. Гусев, 2016. 148 с.

Ливингстон М. Искусство и восприятие: Биология зрения / Маргарет Ливингстон; [пер. с англ. А.Д. Громовой]. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 240 с.

Секция 6
Музыка, театр, танец

Жань Цзиньхун
Московский
государственный университет
Чжан Сюэ
Московский педагогический
государственный университет
Хуан Фэн
Московский педагогический
государственный университет

**Сычуаньское «исполнение баллад» (цинъинь)
как нематериальное культурное наследие Китая —
на примере «Новая рифма старой улицы»**

Аннотация. Сычуаньский *цинъинь* — это народное музыкальное искусство, история которого насчитывает более 300 лет. Сычуаньский *цинъинь* впервые популярен во времена правления императоров Цяньлуна и Цзяцина. С 1930-х и 1940-х годов для сычуаньского *цинъинья* наступил золотой век. Его творчество тесно связано с жизнью местного народа, их язык и мелодии богаты местным сычуаньским колоритом. Он широко распространен в городских и сельских районах в Чэнду, в Хучжоу, Чунцине и других портах водного и наземного транспорта реки Янцзы. Артисты *цинъинь* создали уникальные стили напевов, наиболее характерным из которых является мелодия Хаха. Репрезентативным произведением сычуаньского *цинъинья* является репертуар «Новая рифма старой улицы», на примере которого анализируются его основные характеристики напевов. Изысканная и яркая мелодия Хаха используется в произведении «Новой рифмы старой улицы», которое демонстрирует сильный местный стиль и атмосферу музыки сычуаньского *цинъинья* и заставляет людей почувствовать непобедимое очарование сычуаньского *цинъинья*. В современную эпоху диверсифицированных развлечений экологическая среда сычуаньского *цинъинья* пострадала от влияния популярной культуры. Как продолжать эффективно продвигать вперед и унаследовать сычуаньский *цинъинь*? Это вопрос, который стоит исследовать.

Ключевые слова: Сычуаньский *цинъинь*, навыки пения, мелодия Хаха, наследование, инновация.

Ran Jinhong
Lomonosov Moscow State University
Zhang Xue
Moscow Pedagogical State University
Huang Feng
Moscow Pedagogical State University

**Sichuan “ballad performance” (qingyin)
as an intangible cultural heritage of China —
exemplified by “New Rhyme of an Old Street.”**

Abstract. Sichuan Qingyin is a folk musical art whose history goes back more than 300 years. Sichuan Qingyin was first popular during the reigns of the Qianlong and Jiaqing Emperors. Since the 1930s and 1940s, Sichuan Qingyin enjoyed a golden age. His work is closely connected with the life of the local people, their language and melodies are rich in local Sichuan flavor. It is widely distributed in urban and rural areas in Chengdu, Huzhou, Chongqing and other Yangtze River water and land ports. Qingyin artists created unique styles of chants, the most characteristic of which is the Haha melody. A representative work of Sichuan Qingyin is the “New Rhyme of the Old Street” repertoire, using the example of which its main characteristics of chants are analyzed. Haha's exquisite and vibrant melody is used in the piece of “Old Street New Rhyme”, which shows the strong local style and atmosphere of Sichuan Qingyin music, and makes people feel the invincible charm of Sichuan Qingyin. In the modern era of diversified entertainment, the ecological environment of Sichuan Qingyin has suffered from the influence of popular culture. How to continue to effectively push forward and inherit Sichuan Qingyin? This is a question worth exploring.

Keywords: Sichuan Qingyin, singing skills, Haha melody, inheritance, innovation.

Сычуаньский *цинъинь* появился в конце правления династии Мин и в начале правления Цин. Он берет начало из второстепенных мелодий, опер и народных песен провинции Сычуань, которые были популярны в эпохе Мин и Цин в Ибине, Лучжоу, Чэнду, Чунцине и других районах провинции Сычуань. Репертуар сычуаньского *цинъинья* очень богат, в конце династии Цин насчитывалось более 400 произведений. Исполняется на сычуаньском диалекте, который отличается большей музыкальностью и красотой звучания, имеет богатую мелодию, известен своим проникновенным исполнением и пьянящими меланхолическими мелодиями; имеет 8 мажорных и более 100 минорных тонов, в общей сложности насчитывает более 200 арий. Поскольку артисты были сычуанцами и темы их песенок были тесно связаны с жизнью местного народа, поэтому их язык и мелодии богаты местным сычуаньским колоритом.

Песни *цинъинь* адаптируются из литературы, оперы и очерков о жизни исторических персонажей. Они повествуют об исторических деятелях

и отражают реальную жизнь. На основе непрерывных исследований и длительной художественной практики бесчисленных певцов были накоплены богатые репертуары, такие песни, как «Чжаоцзюнь покидает пределы Родины», «Сломанный мост», «Пьяная наложница», «Запах сычуаньской кухни», «Кукушка кукует», «Запуск воздушного змея» и другие классические репертуары. Артисты создали методы напевов, наиболее характерным из которых является мелодия Хаха, кроме того, еще есть «форшлаг», «дрожящий звук» и «портаменто» и так далее. Мелодия Хаха (Хаха цян) — уникальный напев сычуаньского *цинъюня*. Она была названа в честь смеха Хаха и союзов «ах, ха, вау, я, на, ха». Мелодия Хаха была разработана мастером Ли Юэцю на основе мелодии Хэхэ (Хэхэ цян), созданной артистом Цай Вэньфаном (蔡文芳).

Навыки пения *цинъюня* рассмотрены на примере «Новой рифмы старой улицы». В произведении «Новая рифма старой улицы» использованы многие певческие навыки. В целом требуется обработка специального пения. Самое основное — обеспечить ясность и чистоту произношения, так как, согласно особенностям произношения сычуаньского диалекта, положение языка относительно вперед, именно это легко вызывает нечёткость произношения слов и кашу во рту у певца. Техника дрожащих звуков, используемых при исполнении «Новой рифмы старой улицы», не только делает музыку более яркой и юмористической, но и выражает явное нежелание местных жителей покидать старую улицу. Певческие тоны при исполнении «Новой рифмы старой улицы» в основном портаменто, и почти все они используются в конце предложения, это одна из характеристик тонов сычуаньского диалекта. В произведении «Новой рифмы старой улицы» используется еще форшлаг, который обогащает способ пения и заставляет арию акцентироваться на более ярких особенностях местной культуры.

Традиции сохраняют преемственность, инновации обеспечивают динамику. Чтобы обсудить изучение наследования и инноваций сычуаньского *цинъюня*, мы предлагаем возможные решения с трех точек зрения: слияния различных музыкальных стилей, постоянного обновления репертуара, инновации в методах пения.

Библиографический список

Li Xueling, Yang Yuan. Research on borrowing Sichuan Qingyin singing skills for vocal exercise of Sichuan folk songs // Drama house. — 2015 No. 3, pp. 82—85

Zhang Xinyu. Introducing Sichuan Qingyin into the classroom — based on the example of some primary and secondary schools in Chengdu // Northern Music. — 2019 No. 21, pp. 81—83

Лю Цзини
МГУ имени М.В. Ломоносова

**Тема патриотизма в китайской классической музыке
первой половины XX века**

Аннотация. В статье дается описание китайских музыкальных произведений первой половины XX века, созданных под влиянием войны и с целью призыва к народу защищать родину.

Ключевые слова: патриотизм, школьная песня, защищать родину.

Liu Jingyi
Lomonosov Moscow State University

**The theme of patriotism in Chinese classical music
of the first half of the 20th century**

Abstract. The article describes musical works of the first half of the 20th century, created under the influence of war and with the aim of calling on the people to the defence of their homeland.

Keywords: patriotism, school song, defend the homeland.

Идея патриотизма является важной для китайской культуры уже со времен Древнего Китая. Но после Первой опиумной войны (1840—1842) данная идея была отражена в различных культурных формах, в частности, в музыке первой половины XX века.

В Китае классическая музыка западного образца пришла только в начале XX века. Именно с того времени начали создаваться песни, кантаты, симфонии, оперы и т.д.

В 1989 году в Китае были проведены реформы западного образца в разных сферах жизни, и тогда в учебных заведениях впервые осознали важность музыки в воспитании людей [Цзо 2023, 95]. Первым жанром в истории развития китайской классической музыки стала так называемая школьная песня, зародившаяся в начале XX века. Одна из ее главных целей — распространение идеи патриотизма. В 1919 произошло историческое событие, получившее название «Движение 4 мая», которое носило антиимпериалистические и антифеодалские идеи. Появился ряд патриотических песен, например, «Река Хуанхэ» (1905) авторства Шэнь Синьгун, «Мужчины Китая» (1906) авторства Синь Хан, «4 мая — памятная дата» (1924), «Помнить о позоре Родины» (1928) авторства Сяо Юэмэй и другие.

Подобные произведения создавались на фоне военных событий 30—40-х годов, среди которых инцидент 18 сентября, инцидент на Лугоуцяо и другие важные моменты Японо-китайской войны. Во время сопротивления японской агрессии тема патриотизма для китайцев стала важнейшей в музыке, и ряд композиторов создал множество патриотических песен. Среди них: «Вступай в армию» (1931) Сяо Юмэй, «Песня сопротивления» (1931) и «Развеваются флаги» (1932) Хуан Цзы, «Марш добровольцев» (1935) Не Эр, «На реке Сонхуа» (1935) Чжан Ханьхуэй, «Армейская песня для спасения Родины» и кантата «Река Хуанхэ» (1938) Сиань Синхайи другие. Эти произведения объединены призывом к народу защищать родину.

Создавались новые симфонические произведения. Например, это симфония № 1 «Национальное освобождение» (1941) композитора Сиань Синхай. Каждая из четырёх частей имеет своё название: «Прекрасные горы и реки», «Беды страны на протяжении истории», «Защита родины», «Строительство нового демократического Китая». Сам композитор в своей работе писал: «Это произведение было написано после того, как я вернулся в Китай в 1935 году и своими глазами увидел ситуацию на родине, национальный кризис, геноцид со стороны зарубежных агрессоров, лишения, потерю жилья, безработицу и голод народа, тяготы, угнетение и эксплуатацию рабочих и крестьян» [瞿维 1989, 1] К сожалению, из-за войны это произведение было впервые исполнено только в 1985 году — композитор уже не смог увидеть.

Эти музыкальные произведения стимулировали патриотическое сознание и сплотили китайский народ. Параллельно этому постепенно формировалась более зрелая китайская классическая музыка.

Библиографический список

Цзо Чжэньгуань. Музыкальная культура Китая. — СПб.: Композитор Санкт-Петербург, 2023. 276 с.

瞿维, 爱国主义的颂歌——介绍冼星海《第一交响乐》[Цюй Вэй. Ода патриотизму — представление симфонии № 1 Сянь Синьхая] // 音乐研究. — 1989 年第 1 期, 第 11—25 页.

Ю.П. Медведева

**Нижегородская государственная консерватория
им. М.И. Глинки**

**Китай в зеркале европейской оперы:
эволюция восприятия в XVIII —
первой половине XIX вв.**

Аннотация. Экзотическая линия в истории европейской оперы на протяжении более чем четырех столетий связана с образами Китая. Особый всплеск оперной синофилии произошел в XVIII — первой половине XIX в. под влиянием художественного течения chinoiserie. Анализ наиболее значительных опер позволил выделить два сменяющих друг друга и исторически обусловленных подхода к образу Китая. Первый из них — восприятие Поднебесной как идеала государственности и высокой морали в операх seria (Вивальди, Хассе, Чимароза и др.). В рамках второго подхода Китай рассматривается в операх buffa как «кривое зеркало» Европы. Комические ситуации чаще всего сопровождают столкновение представителей двух далеких культур: европейской и азиатской (Паизиелло, Галуппи, Дж. Скарлатти).

Кризис классицизма приводит полному исчезновению в музыкальном театре нравоучительных сюжетов, и в операх XIX века (Корри, Обер) Поднебесная империя фигурирует лишь в комическом ключе. В первой русской опере на данную тему — «Сыне мандарина» Ц.А. Кюи — возникает едкая сатира на китайские обычаи. Возрождение серьезного оперного Китая произойдет лишь к рубежу XIX-XX вв. и будет связано с новыми историческими потрясениями.

Ключевые слова: Китай в опере, шинуазри в музыке, музыкальный экзотизм.

Yulia P. Medvedeva

Glinka Nizhniy Novgorod State Conservatoire

**China in the mirror of European opera:
evolution of perception in the 18th —
first half of the 19th centuries**

Abstract. The exotic line in the history of European opera has been associated with images of China for more than four centuries. A specific surge in operatic sinophilia occurred in the 18th — first half of the 19th centuries under the influence of the chinoiserie artistic movement. Analysis of the most significant operas made it possible to identify two successive and historically determined approaches to the image of China. The first is the perception of the Celestial Empire as an ideal of statehood and high morality in the operas seria (Vivaldi, Hasse, Cimarosa,

etc.). In the second approach, China in buffa operas is seen as a “distorting mirror” of Europe. Comic situations most often accompany the clash between representatives of two distant cultures: European and Asian (Paisiello, Galuppi, G. Scarlatti).

The crisis of classicism leads to the complete disappearance of moralizing plots in musical theater, and in the operas of the 19th century (Corrie, Aubert) the Celestial Empire appears only in a comic way. In the first Russian opera on this topic, “Son of the Mandarin” by Ts. A. Cui, a caustic satire on Chinese customs appears. The revival of serious opera in China will occur only at the turn of the 19th-20th centuries and will be associated with new historical shocks.

Keywords: China in opera, chinoiserie in music, musical exoticism.

Европейская опера с первых шагов существования тяготела к необычному: ярким чувствам, небывалым событиям, идеальным героям, а также экзотическим сюжетам. Один из наиболее постоянных для оперы географических векторов экзотического — Китай. В XVIII — начале XIX в. под влиянием художественного течения *chinoiserie* возникает целая волна оперных произведений, отразивших увлечение Европы китайской культурой. Анализ наиболее значительных опер позволяет выделить два сменяющих друг друга и исторически обусловленных подхода к образу Китая.

Первый из них — восприятие Китая как идеала государственности. Как доказывает Л.В. Кириллина, оперный жанр всегда стремится «мифологизировать все, что попадает в сферу его действия» [Кириллина 1997, 6]. Китай в опере XVIII используется для создания мифа о справедливом и мудром государственном управлении. Композиторы и либреттисты ориентируются на идеи просветителей — Вольтера, Дидро, Лейбница, — считавших китайский государственный строй воплощением разума, а императора — философом, который «даровал покой гражданам путем воспитания мирных добродетелей» [Фишман 2003, 284]. Оперы о китайских императорах давали возможность сопоставить их идеализированные фигуры с обликом европейских правителей и тем самым поддерживать действующую власть. Не случайно подобные оперы, как правило, исполнялись при дворах европейских королей («Теудзон» А. Вивальди, «Камаида, император Китая» А. Кальдара, «Тайкан, король Китая» Ф. Гаспарини и др.).

В сознании европейцев китайское общество представлялось достигшим «совершенства в морали — главной из всех наук» [Фишман 2003, 237]. Излюбленным образцом высокой морали стал для авторов опер *seria* сюжет драмы Цзи Цзюньсяна «Сирота из рода Чжао». Созданное на его основе либретто П. Метастазियो «Китайский герой» легло в основу более чем 20 опер (Дж. Бонно, Б. Галуппи, И.А. Хассе, Д. Чимароза и др.).

Второй подход к Китаю в операх этой эпохи — восприятие его как «кривого зеркала» Европы. Со второй половины XVIII в. «отношение к Поднебесной у европейцев меняется, синофилия сменяется синофобией»

[Цисельская 2009, 22]. С середины XVIII в. и далее Китай всё чаще начинает фигурировать в комических сюжетах опер buffa («Китайский идол» Дж. Паизиелло, «Необитаемый остров» Дж. Скарлатти, «Враг женщин» Б. Галуппи и др.), изображая встречи представителей двух далеких культур: европейской и азиатской.

Кризис классицизма постепенно приводит полному исчезновению в музыкальном театре нравоучительных сюжетов. В операх XIX века («Путешественники» Д. Корри, «Бронзовый конь» Д. Обера) Поднебесная империя фигурирует лишь в комическом и сатирическом ключе. При этом авторы демонстрируют углубление знаний о китайской культуре и музыке [Lee 2021, 103]. Первая русская опера о Китае — «Сын мандарина» Ц.А. Кюи — создана под влиянием откликов В.Г. Белинского на работы И. Бичурина [Белинский 1982, 596] и на материале «китайского» сюжета пародирует низкопоклонство перед вышестоящими, жестокость и взятничество.

Так под влиянием меняющихся взглядов Европы на крупнейшего восточного соседа Китай в операх XVIII — первой половины XIX в. претерпевает значительную трансформацию. Из возвышенного образца идеального государства он превращается в повод для игры или шутки, а во второй половине XIX в., после Опиумных войн, и вовсе уходит из оперы в «облегченный» мир оперетты. Возрождение серьезного оперного Китая произойдет лишь к рубежу XIX—XX вв. и будет связано с новыми историческими потрясениями.

Библиографический список

Белинский В.Г. Китай в гражданском и нравственном отношении. Сочинение монаха Иакинфа // Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т.: Т. 8. М.: Художественная литература, 1982. С. 595—599.

Кириллина Л.В. Драма—опера—роман // Музыкальная академия. 1997. № 3. С. 3—15.

Фишман О. Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII—XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Цисельская Е. С. Формирование и трансформация образа Китая в Европе (середина XIII — конец XVIII вв.). Автореф. дис. ... канд. исторических наук: 07.00.03 / Российский университет дружбы народов. М., 2009.

Lee, Hayoung Heidi. An Opera about the 'Progress of Music': Charles Burney, Domenico Corri's *The Travellers* (1806) and the Macartney Embassy to China 1792—1794 // *Cambridge Opera Journal*. 2021, Vol. 33, Issue 1—2, pp. 89—108.

С.Ю. Петрунина
МГК имени П.И. Чайковского

Органические инструменты в музыке Тань Дуня

Аннотация. В творчестве современного китайского композитора Тань Дуня (р. 1957) в конце 1980-х — начале 1990-х годов формируется особая концепция органической музыки. В её основе лежат идеи тесной духовной связи человека и природы, единства мироздания. Важным элементом воплощения этой концепции становится использование органического инструментария. Этот термин, предложенный самим композитором, употребляется им по отношению к ряду инструментов, изготовленных из таких материалов, как бумага, вода, глина (керамика) и камни. В поисках новых звучаний Тань Дуня обращается к традиционным инструментам различных культур мира (прежде всего китайской и африканской), используя некоторые из них как прототипы представителей органического инструментария. Создаваемая с его помощью музыка обнаруживает связи с китайской системой музыкальных инструментов *ба-инь*, а также с натурфилософской концепцией *У-син*. Органические инструменты имеют символическое значение, которое отчасти пересекается с пятью первоэлементами. В данном исследовании представлено своеобразие органического инструментария в творчестве Тань Дуня, благодаря использованию которого композитор осуществляет синтез Востока и Запада, традиционных и современных музыкальных инструментов, человека и природы.

Ключевые слова: Тань Дуня, органические музыкальные инструменты, ба-инь, У-син.

Sofia Petrunina
Tchaikovsky Moscow State Conservatory

Organic instruments in Tan Dun's music

Abstract. In the works of the contemporary Chinese composer Tan Dun (b. 1957), in the late 1980s and early 1990s, a special concept of organic music was formed. It is based on the ideas of a close spiritual connection between man and nature, the unity of the universe. An important element in the embodiment of this concept is the use of organic music instruments. This term, proposed by the composer himself, is used by him in relation to a number of instruments made of such materials as paper, water, clay (ceramics) and stones. In search for new sounds, Tan Dun turns to traditional instruments from various cultures around the world (primarily Chinese and African), using some of them as prototypes of organic instruments. The music created with them reveals connections with the Chinese *ba-yin* system of musical instruments, as well as with the natural philosophical con-

cept of Wu-xing. Organic tools have a symbolic meaning that overlaps with the five elements. This study presents the originality of organic instruments in the work of Tan Dun, through the use of which the composer realizes a synthesis of East and West, traditional and modern music instruments, man and nature.

Keywords: Tan Dun, organic music, organic music instruments.

Органические инструменты представляются важной и одной из самых ярких отличительных черт органической музыки Тань Дуня. В произведениях композитора насчитывается более 40 их различных видов. «Органическое» указывает на связь с природой, которая прежде всего заметна в материалах, из которых изготавливаются эти инструменты: к ним относятся вода, глина, бумага, камни. Сам композитор, исходя из четырёх видов материала, разделяет инструменты на четыре группы. Такой подход был заимствован им древнекитайской классификации музыкальных инструментов по материалу изготовления *ба-инь* (八音 — «восемь звуков»).

Китайская традиционная классификация пересекается с концепцией первоэлементов *У-син* (五行), которая отражается во многих произведениях Тань Дуня. Её элементы могут выноситься в названия отдельных частей и целых произведений, включаться в список действующих лиц как определённые символы, музыкально выраженные органическим звучанием. Пять разделов второй части симфонии «Heaven Earth Mankind» (1997) практически полностью соответствуют пяти первоэлементам: опера, земля, огонь, вода, металл. Элементы *У-син* представлены в названиях таких сочинений, как «Виолончельный концерт: связь огня и воды» (1994), «Скрипичный концерт: ритуал огня» (2018).

Четыре органические группы также выступают в качестве определённых символов. Вода символизирует перерождение и слёзы природы, бумага — ветер и любовь, керамика и камни — судьбу. В опере «Чай: зеркало души» последовательность символов практически соответствует космогоническому порядку *У-син*: вода, огонь, бумага (элемент «дерево»), керамика и камни (элемент «земля»).

В качестве образцов для многих органических инструментов послужили представители различных культур: китайской (бумажные полоски; *бяньцин* 编磬; сосковый гонг, керамическая поперечная флейта и окарина *сюнь* 埙); африканской (барабан *уду*). Барабан из салатных мисок близок африканскому и мексиканскому водным барабанам из тыквы. В то же время использование Тань Дунем предметов в качестве музыкальных инструментов (чашки, бутылки, цветочные горшки, дуршлаг, зонтик, веер, ноты, пакеты, картонная труба) отсылает к экспериментам известного американского композитора Джона Кейджа (1912—1992), а также к упоминаемому композитором обычаю задействовать любые предметы в ки-

тайских шаманских ритуалах. Ряд принципиально новых инструментов в органической музыке появляются благодаря сотрудничеству с американским гончаром Рагнарсом Нэссом (Ragnar Naess), например, керамическая труба, изогнутая пластина *мун*.

Органический инструментарий становится для Тань Дуня способом отражения связи человека и природы, традиционных культур и современности благодаря используемым природным материалам, соединении в партитурах органических инструментов, созданных по древним образцам, вместе с бытовыми предметами и симфоническим оркестром. Тембровые особенности органических групп оказывают влияние и на остальных оркестрантов, которые перенимают от органических инструментов приёмы игры, громкость и т. д.

Библиографический список

Сы Ян. Идеи даосизма в творчестве Тан Дуна // Музыкальный журнал Европейского Севера. — 2021, № 3 (27). С. 78—90.

Цзо Чжэньгуань. Музыкальная культура Китая: очерки. — Спб: Композитор, 2023. 276 с.

Юнусова В.Н. Концепция звука и национальные музыкальные инструменты в музыкальном авангарде Азии // Исполнительское искусство и музыковедение: параллели и взаимодействия. Сборник статей по материалам Международной научной конференции 6—9 апреля 2009 года / ред.-сост. канд. иск. Г.Р. Консон. ГКА им. Маймонида. М.: Человек, 2010. С. 199—209.

Ян Тун. «Органическая музыка» Тан Дуна: традиции и инновации / Музыка и время. — 2023, № 1. С. 34—37.

Tan Dun [*Тань Дунь*]. URL: <https://web.archive.org/web/20220101152245/http://tandun.com/> (accessed: 03.04.2024).

Waters R. [Ричард Уотерс]. URL: <https://www.richardawaters.com> (accessed: 03.04.2024).

霜槽. 楚祭祀仪式的音乐化重现谭盾《九歌》与楚祭祀仪式的对应关系研究. [У Шуан. Воссоздание ритуалов жертвоприношений Чу: исследование взаимосвязей «Девяти песен» Тань Дуня и ритуалов жертвоприношений Чу] // 天津音乐学院学报(天籁). — 2011年第1期, 第101—108页.

杨玲. 谭盾有机音乐研究: 硕士学位论文 [Ян Лин. Исследование органической музыки Тань Дуня: магистерская дисс.]. — 山东大学, 2009年, 第54页.

Н.Б. Старостина
Творческая мастерская Леонида Лундстрема

**«Осенние гуси» из «Чудесных тайных нот» (1425)
как образец логики музыкального развития
циневой музыки эпохи Мин**

Аннотация. В настоящем докладе рассматриваются основные особенности логики музыкального развития пьесы «Осенние гуси» из сборника «Чудесные тайные ноты» как образца музыкального мышления циневой музыки эпохи Мин.

«Чудесные тайные ноты» — первый сохранившийся сборник пьес для циня, представляет собой золотой фонд циневой музыки, ставший источником и современного репертуара гуцинистов. Составитель — семнадцатый сын Чжу Юаньчжана принц Чжу Цюань (1378—1448), военачальник, драматург, музыкант. Сборник состоит из трех цзюаней, выстроенных согласно настройкам струн и ладам циня. Последняя пьеса представляет собой образец выразительной мелодики, соответствующей описываемым поэтическим образам; также обладает непрерывным музыкальным развитием. Музыкальное развитие может быть обусловлено:

в крупном плане — сюжетом поэтического первоисточника, который в свою очередь предопределяет логику смены разделов, контрастных по темпу, фактуре и распределению тембров и технических приемов;

в частности — мотивно-мелодическими приемами (лейтмотивы, продолжительные изобретательные мелодии с кульминациями, повторение мотивов, секвенцирование и пр.). Отмечается важная роль мелодии и ее развития как формообразующего фактора.

Ключевые слова: гуцинь, эпоха Мин, «Чудесные тайные ноты», «Осенние гуси», мотивно-мелодическая логика.

Nina Starostina
Leonid Lundstrom Art Studio

**“Autumn Geese” from “Handbook of Spiritual
and Marvelous Mysteries” (1425) as an example of the logic
of the musical development of Qin music of the Ming era**

Abstract. This report examines the main features of the logic of musical development of the play “Autumn Geese” from the collection “Handbook of Spiritual and Marvelous Mysteries” as an example of musical thinking of Qin music of the Ming era. “Handbook of Spiritual and Marvelous Mysteries,” the first surviving collection of pieces for qin, represents the golden fund of qin music, which has become the source of the modern repertoire of the Guqinists. Compiled by the sev-

enteenth son of Zhu Yuanzhang, Prince Zhu Quan (1378—1448), military leader, playwright, musician. The collection consists of three Juan, arranged according to the string tunings and modes of Qin. The last piece is an example of expressive melody, corresponding to the poetic images described; also has continuous musical development. Musical development may be determined by: in the close-up, by the plot of the poetic source, which in turn predetermines the logic of changing sections, contrasting in tempo, texture and distribution of timbres and techniques; in particular, by motive-melodic techniques (leitmotifs, long inventive melodies with climaxes, repetition of motives, sequencing, etc.). The important role of melody and its development as a formative factor is noted.

Keywords: guqin, Ming era, “Shen Qi Mi Pu”, “Autumn geese”, motive-melodic logic.

Доклад посвящен особенностям музыкального развития в произведении «Осенние гуси» (秋鴻 *Цюхун*) — последней пьесе сборника «Чудесные тайные ноты» (神奇秘譜 *Шэньци мипу*, 1425). Составитель собрания принц Чжу Цюань (朱叔, 1378—1448) придавал ей особое значение (дикие гуси — символ изгнания; эта тема была чувствительна для Чжу Цюаня) и даже называл себя ее автором. Пьеса сохранилась в 33 вариантах до 1910 г., т. е. была достаточно популярна; довольно сильно изменялась в соответствии с изменением стиля эпох.

«Осенние гуси» написаны в ладу-настройке *гусянь* (姑洗 «девичья чистота»; в сборнике «Чудесные тайные ноты» всего две пьесы с такой настройкой, и обе они связаны с «птичьей» темой). После известной «Поэмы Гуанлиня» — это самая продолжительная пьеса из «Чудесных тайных нот»: она содержит 36 разделов с поэтическими подзаголовками, так же, как и другим пьесам из «Чудесных тайных нот», ей предпослано стихотворение, и музыка следует сюжетным узлам из него, что, как это типично для циневых пьес, предопределяет и музыкальную структуру целого; разделы 15 и особенно 27 содержат указания, которых нет в других произведениях для циня. По словам Чжу Цюаня, нужен учитель, который знает, как их сыграть.

Музыкальное развитие в пьесе обуславливается контрастностью разделов, а также образным музыкальным языком: так, ветер изображён с помощью глиссандо по открытым струнам, образ времени — приемом сую янь (虛掩 «пустой янь» (накрытие), то есть ритмичные удары по струнам); полет — часто с помощью флажолетов. Относительно много распевов, не очень характерных для циневой минской музыки; в то же время много общего с пьесой Лисао — «Скорбь разлученного» из того же сборника (в области музыкального развития и соответствующих приемов). «Осенние гуси» — образец логичной мелодики, опровергающий распространенное суждение о доминирующем значении одного звука как такового, взятого различными способами; мелодия развивается во време-

ни с помощью изменения регистра, лада, смены тембров, наконец, мотивного развития (дробления-повторения, секвенций), и в более крупном плане — контрастное строение пьесы, не «застревающей» в утонченной разработке отдельных звуков, тормозящих развитие (гуси летят, а не полочутся в болоте).

О распространенном обычае трактовать музыку циня как музыку звуков, а не мелодий, что отчасти справедливо для музыки эпохи Цин, писал Джеймс Уатт:

«Слушать такую музыку [о музыке для циня эпохи Цин] — все равно, что слушать, как кто-то декламирует стихи сладким и соблазнительным голосом, не обращая внимания ни на произношение, ни даже на правильное ударение на слоги отдельных слов. Это может быть увлекательно странным и экзотическим образом, но в этом мало смысла» — статья Джеймса Уатта (silkqin.com). В музыке же для циня минского времени важно **что** звучит, а не **как**; «Осенние гуси» представляют собой образец логичного мелодико-интонационного строения, так же, как и подавляющее количество ранних циневых пьес.

Библиографический список

James Watt. The Qin and the Chinese Literati. // *Orientalism Magazine.* November 1981, pp. 38—49.

Цуй Гэ
Санкт-Петербургский
государственный университет

Символизм в китайских народных танцах

Аннотация. Автор исследует роль и значение китайских народных танцев в контексте культурного наследия Китая. Описывается богатство традиций и символизма, присущих этому искусству, а также их влияние на современное танцевальное искусство. Автор подчеркивает, что китайские народные танцы не только служат средством развлечения, но и играют важную роль в обрядах, ритуалах и церемониях, отражая глубокие культурные и философские убеждения китайского народа. Описываются основные темы и мотивы, лежащие в основе китайских народных танцев, и их проявления в позах и жестах танцоров. Также обсуждается вопрос о том, как философские направления, распространенные в Китае, находят свое отражение в китайских народных танцах, в чем проявляются и какое смысловое наполнение они несут. Кроме того, рассматривается использование символизма в современных танцевальных постановках. Подчеркивается, что китайские народные танцы и в настоящее время остаются важным элементом национального искусства, играя ключевую роль в сохранении и передаче культурного наследия и вдохновляя новые поколения творческих деятелей по всему миру.

Ключевые слова: символизм, китайские народные танцы, культура, традиции.

Cui Ge
St. Petersburg
State University

Symbolism in Chinese folk dances

Abstract. This article explores the role and significance of Chinese folk dances in the context of China's cultural heritage. It describes the richness of tradition and symbolism inherent in this art, as well as their influence on modern dance art. The author emphasizes that Chinese folk dances not only serve as a means of entertainment, but also play an important role in rites, rituals and ceremonies, reflecting the deep cultural and philosophical beliefs of the Chinese people. This article describes the main themes and motifs underlying Chinese folk dances and their manifestations in the postures and gestures of the dancers. It also discusses how the philosophical trends prevalent in China are reflected in Chinese folk dances, in what ways they manifest themselves and what meaning they carry. In addition, the use of symbolism in contemporary dance performances is examined. The article

concludes by emphasizing that Chinese folk dances remain an important element of national art, playing a key role in the preservation and transmission of cultural heritage and inspiring new generations of artists around the world.

Keywords: symbolism, Chinese folk dances, culture, traditions.

Китайские народные танцы представляют собой богатое и уникальное выражение культуры и традиций народа Китая. В течение многих веков они служили не только средством развлечения, но и важным элементом обрядов, ритуалов и церемоний. Они являются отражением культуры Китая, известной своим глубоким символизмом, который пронизывает все сферы жизни. Символизм играет ключевую роль в формировании китайской идентичности и восприятии мира. В контексте народных танцев он проявляется через символическое значение движений, костюмов, музыки и сюжетов, помогая передать глубокие культурные, эмоциональные и духовные традиции.

Китайские народные танцы основываются на множестве ключевых тем и мотивов, значимых для культуры и истории Китая. Эти темы включают в себя: природу и цикличность сезонов, исторические события и легенды, ритуалы и обряды, мифологию и фольклор [Чжан Юйтун, Сюй Вань Линь 2017, 206]. В этих танцах можно наблюдать:

1. Использование символов и образов из китайской мифологии и религии, таких как драконы, фениксы, божества, которые воплощают различные аспекты китайской космологии и верований.

2. Перформансы, воспевающие земные и небесные божества, проводимые в храмах и на праздниках, выражающие благодарность и уважение к сверхъестественным силам.

3. Ритуалы поклонения предкам и уважения к традиционным обычаям, такие как танцы в честь праздника Посвящения урожая (Цинхуа) или во время китайского Нового года [Сунь И 2022, 25].

4. Отсылки к народным сказаниям и легендам, которые передаются через танцевальные постановки и являются частью культурного наследия Китая.

Важную роль в китайских народных танцах играют жесты и позы, посредством которых передаются эмоции, символы и идеи. Каждые из них имеют глубокое значение, отражающее культурные и философские убеждения народа Китая. Так, например, жесты и позы используются для передачи разнообразных эмоций, таких как радость, горе, любовь, гнев и благодарность. Они помогают танцорам создать связь со зрителями и передать им эмоциональный опыт [Цзо Цзячжень 2017, 201]. Также многие из них имеют символическое значение и отражают различные аспекты китайской культуры, истории и фольклора. Например, поднятые руки могут символизировать радость или благодарность, а опущенная голо-

ва — скромность или поклонение. Некоторые позы и жесты могут имитировать движения природы, такие как волны моря, ветер в листве или плавание рыбы. Это помогает создать образы гармонии с природой и показать уважение к ее силе и красоте. Кроме того, в китайских народных танцах часто используются плавные и изящные движения, отражающие китайскую эстетику. Это включает в себя использование изогнутых поз, мягких рукопожатий и плавных переходов между движениями, создающих образы красоты и гармонии.

Важно также упомянуть, что движения в китайских народных танцах тесно связаны с основными принципами китайской философии, такими как даосизм, конфуцианство и буддизм [Люй Инь 2011, 87]. Эта связь проявляется в нескольких аспектах:

1. Гармония и баланс. Многие движения направлены на создание гармонии и баланса между телом, разумом и духом танцора. Это отражает основные принципы даосизма о взаимодействии с природой и достижении гармонии с космосом.

2. Уважение к традициям. Движения также могут отражать уважение к традиционным ценностям и обычаям, проповедуемым конфуцианством. Это может проявляться в позах поклонения, ритуалах и символических жестах, передающих уважение к предкам и уважение к общественным нормам и идеалам.

3. Духовная практика. Некоторые движения могут иметь свои корни в буддизме и даосизме, пропагандируя духовное просвещение и самосовершенствование через практику медитации и контроля над телом. Такие движения могут символизировать стремление к духовной гармонии и просветлению.

В то же время стоит отметить, что символизм китайских народных танцев находит свое отражение и в современном танцевальном искусстве. Современные хореографы и танцоры все чаще обращаются к традиционным китайским мотивам, символам и эстетике, чтобы создавать новые, современные танцевальные произведения. Это позволяет им не только сохранить связь с культурным наследием, но и переосмыслить его в контексте современности, обогатив традиционные танцы новыми интерпретациями и идеями.

В заключение можно отметить, что китайские народные танцы являются важным элементом культурного наследия Китая, не только сохраняющим богатство его истории и традиций, но и привносящим символизм и красоту в современное искусство. Символизм этих танцев отражает глубокие культурные и философские ценности китайского народа, а также является ключевым инструментом в выражении эмоций, идей и символов.

Библиографический список

Люй Инь. Характерные черты китайских народных танцев // Наука и современность. 2011. № 9-1. С. 86—91.

Сунь И. Некоторые выраженные особенности и специфические характеристики исполнения танцев в Китае: от традиций к современности // НАУ. 2022. № 75-3. С. 24—27.

Цзо Цзячжень. Эмоциональная выразительность в китайском народном танце // МНКО. — 2017. № 5 (66). С. 201—204.

Чжан Юйтун, Сюй Вань Линь. Китайский народный танец как средство приобщения к Великой китайской культуре // МНКО. 2017. № 5 (66). С. 206—207.

Об авторах

Information about authors

АЛЕКСАНИЯН Армен Гургенович, к. ф. н., ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997). ORCID: 0000-0002-7855-9651

E-mail: armengurgen@gmail.com

Armen Alexanyan, Ph.D. (Philosophy), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997)

ORCID: 0000-0002-7855-9651. E-mail: armengurgen@gmail.com

БАНКОВА Людмила Львовна, к. филол. н., доц., доцент кафедры китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4). ORCID: 0000-0001-6021-0331. E-mail: BankovaLL@mgpu.ru

Liudmila BANKOVA, Ph.D. (Philology), Associate professor, Chinese Language Department, Moscow City University (4 Vtoroy Selskhozajstvenny proezd, Moscow, 129226, Russia). ORCID: 0000-0001-6021-0331. E-mail: BankovaLL@mgpu.ru

БАРСКИЙ Кирилл Михайлович, к. историч. н., заведующий Кафедрой дипломатии МГИМО МИД России (пр. Вернадского, 76, Москва, 119454)

E-mail: kirill_barsky@yahoo.com

Kirill BARSKY, PhD (history), Head, Department of Diplomacy, MGIMO University (Vernadsky Ave., 76, Moscow, 119454). E-mail: kirill_barsky@yahoo.com

БЕЛАЯ Ирина Витальевна, д. филос. н., главный научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997); ведущий научный сотрудник Отдела Китая Института Востоковедения РАН (ул. Рождественка 12/1, Москва, 107031). ORCID: 0000-0002-3453-4196

E-mail: belaya-irina@rambler.ru

Irina BELAIA, DSc in Philosophy, Chief Researcher, Center for the Study of Contemporary History of China and Its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997); Leading Researcher, China Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (12/1, Rozhdestvenka street, Moscow, 107031).

ORCID: 0000-0002-3453-4196. E-mail: belaya-irina@rambler.ru

БЕРЕЗКИН Ростислав Владимирович, к. филол. н., старший научный сотрудник Института Гуманитарных Исследований Фуданьского Университета (Шанхай, КНР). ORCID: 0000-0003-1924-8535; Email: berezkine56@yandex.ru

Rostislav BEREZKIN, candidate of sciences, Ph.D (Philology), senior research fellow of the National Institute for Advanced Humanistic Studies of Fudan University (Shanghai, PRC)/ senior research fellow of the Institute of Oriental Studies (Moscow, Russia; con-current). ORCID: 0000-0003-1924-8535. Email: berezkine56@yandex.ru

БЛАЖКИНА Анастасия Юрьевна, к. филос. н., старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997). ORCID: 0000-0002-8313-5917

E-mail: myshashu@yandex.ru

Anastasia BLAZHKINA, Ph.D. (Philosophy), Senior Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997)

ORCID: 0000-0002-8313-5917. E-mail: myshashu@yandex.ru

Ван Ицюнь, Зам. зав. Центром по изучению современной России, доцент Института международных отношений, Сычуаньский университет (Чэнду)

E-mail: 770972623@qq.com

WANG YIQUN, deputy head Center for the Study of Modern Russia, Associate Professor, Institute of International Relations, Sichuan University (Chengdu)

E-mail: 770972623@qq.com

ВАН Ичунь 王艺纯, аспирант Института литературы и журналистики Шаньдунского университета. E-mail: 389959897@qq.com

Yichun WANG, China, postgraduate student level 23, School of Literature and Communication, Shandong University of Technology (Zibo, Shandong, 255000)

E-mail: 389959897@qq.com

Ван Ихэн 王一恒, аспирант, РГХПУ им. С.Г. Строганова (Волоколамское ш., 9, стр. 1, 125080). E-mail: wangi heng19950223@qq.com

Yiheng WANG, Postgraduate student of Stroganov Moscow State Academy of Arts and Industry (Volokolamskoe highway, 9, building 1,125080)

E-mail: wangi heng19950223@qq.com

ВАН Миньян 王明洋, Шаньдунский политехнический университет

E-mail: 2570237088@qq.com

Mingyang WANG, graduate student, Shandong University of Technology

E-mail: 2570237088@qq.com

ВАН Мэн 王猛, аспирант кафедры философии, Забайкальский государственный университет (Ул. Александрo-заводская, 30, г. Чита, 672000)

ORCID: 0009-0000-3681-0409. E-mail: 20819427@qq.com

Meng WANG, postgraduate student, Department of Philosophy. Transbaikal State University (Aleksandro-zavodskaya street 30, Chita, 672039)

ORCID: 0009-0000-3681-0409. E-mail: 20819427@qq.com

ВАН Сяо 王潇, аспирант кафедры библеистики института теологии Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская набережная, д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034). ORCID: 0009-0001-0077-9435.

E-mail: wangxiao@list.ru

Xiao WANG, PhD student, Department of Biblical Studies, Institute of Theology, St. Petersburg State University (7/9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034). ORCID: 0009-0001-0077-9435. E-mail: wangxiao@list.ru

ВАН ФУРС Цзыи 王富勒斯·仔怡, к. экономич. н., старший преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО) (просп. Вернадского, 76, Москва, 119454). E-mail: v.tszyi@gmail.com

Tszyi VAN FURS, PhD (Economics), Senior lecturer of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai languages, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO) (76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454). E-mail: v.tszyi@gmail.com

ВАН Цзыюнь 王紫昀, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет. ORCID: 0009-0005-8948-6696. E-mail: st116186@student.spbu.ru

Ziyun WANG, China, postgraduate student, Saint Petersburg State University. ORCID: 0009-0005-8948-6696. E-mail: st116186@student.spbu.ru

ВАШКЯВИЧУС Валентина Юрьевна, к. филол. н., доцент кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета (2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1, Москва, 129226)

ORCID: 0000-0001-6780-5610.

E-mail: vashkyavichusvu@mgpu.ru

Valentina VASHKYAVICHUS, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Chinese Language, Moscow City University (4 Vtoroy Selskhoziazjstvenny proezd, Moscow, 129226). ORCID: 0000-0001-6780-5610.

E-mail: vashkyavichusvu@mgpu.ru

ВЕЛЬМА Денис Юрьевич, Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики», Факультет Мировой Экономики и Мировой Политики, образовательная программа «Востоковедение», 4 курс, группа БВВ-202.

E-mail: dyuvelma@edu.hse.ru

Denis VELMA, National Research University “Higher School of Economics”, Faculty of World Economy and International Affairs, educational program “Oriental Studies”, 4th grade, group BVV-202. E-mail: dyuvelma@edu.hse.ru

ВЕРЧЕНКО Алла Леонидовна, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997). ORCID: 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

Alla VERCHENKO, Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia RAS (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997), ORCID: 0000-0002-8718-8338.
E-mail: veailan@yahoo.com

ВИНОГРОДСКАЯ Вероника Брониславовна, к. филол. н., ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997). ORCID: 0000-0002-3878-1282.
E-mail: vinogrodsкая@iccaras.ru

Veronika VINOGRODSKAYA, Ph.D. (Philology), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997)
ORCID: 0000-0002-3878-1282. E-mail: vinogrodsкая@iccaras.ru

ВИХРОВА Ксения Александровна, старший преподаватель Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица (Соляной пер., 13, Санкт-Петербург, 191028)

ORCID: 0000-0003-4175-8005). E-mail: r2654256@gmail.com

Kseniya VIKHROVA, Senior Lecturer, St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design (13, Solyanoy Av., St. Petersburg, 191028). 0000-0003-4175-8005).
E-mail: r2654256@gmail.com.

ВОСТРИКОВА Екатерина Александровна, к. иск., ведущий научный сотрудник Международного центра корееведения ИСАА МГУ (Моховая, д. 11 стр. 1, Москва, 125009). E-mail: dolihotella@hotmail.com

Ekaterina VOSTRIKOVA, Ph.D. (History of Art), Leading Research Associate, International Center for Korean Studies, IAAS MSU (11/1 Mokhovaya Str. Moscow, 125009). E-mail: dolihotella@hotmail.com

ВЭЙ Жань 尉然, аспирант, Пекинский педагогический университет (Синьцзекоувай пр., Пекин, 19, 100875) / Филологический факультет МГУ, (д. 1, Ленинские Горы, г. Москва, 119991). E-mail: wr1412552837@163.com

Ran WEI, PhD student, Beijing Normal University (19, Xijiekouwai Ave., Moscow, 100875)/ Trainee Faculty of Philology, Moscow State University, (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991). E-mail: wr1412552837@163.com

ГАО Цин 高青, аспирант, кафедра философии. Забайкальский государственный университет (Александровская 30, г. Чита, 272039)

ORCID: 0009-0001-7241-1621. E-mail: 654562938@qq.com

Qing GAO, postgraduate student, Department of Philosophy. Transbaikal State University (Aleksandro-zavodskaya street 30, Chita, 672039)

ORCID: 0009-0001-7241-1621. E-mail: 654562938@qq.com

ГЛАВЕВА Диана Георгиевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник научного центра «Глобальный Диалог», Амстердам (Нидерланды, 1188 НХ, Бринк 138, Амстелфейн). E-mail: dianaglaveva@yahoo.com)

Diana GLAVEVA, Ph.D. (Philosophy), Senior Research Fellow, Global Dialog, Amsterdam (The Netherlands, 1188 NG, Brink 138, Amstelveen)
E-mail: dianaglaveva@yahoo.com

ГЛАЗУНОВА Виктория Викторовна, аспирант департамента китайского языка и литературы, Гонконгский баптистский университет (Гонконг, Китай). ORCID: 0000-0003-0074-2445. E-mail: victoria.glazunova23@yandex.ru

Victoria GLAZUNOVA, Ph.D. student (Chinese Language and Literature), Hong Kong Baptist University (Hong Kong, China). ORCID: 0000-0003-0074-2445.
E-mail: victoria.glazunova23@yandex.ru

ГОЛОСОВА Елена Владимировна, д-р с.-х. наук, Главный научный сотрудник, зав. Лабораторией ландшафтной архитектуры и этноботанических исследований Никитского ботанического сада — национального научного центра РАН, Московское представительство (Ленинский проспект, д.38в, 119334. Москва), ORCID: 0000-0003-2928-0176. E-mail: eastgardens@mail.ru

Elena GOLOSOVA, Doctor of Agricultural Sciences, Chief Researcher, Head of Laboratory of Landscape Architecture and Ethnobotanical Research of the Nikitsky Botanical Garden — National Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow representative Office (Leninsky Prospekt, 38v, 119334. Moscow)
ORCHID: 0000-0003-2928-0176. E-mail: eastgardens@mail.ru

Го Сяньшу 郭贤姝, магистрант института литературы и журналистики, Шаньдунский политехнический университет. E-mail: 1501172978@qq.com

Xianshu GUO, Faculty of Literature and Journalism, Shandong University of technology (No. 266, Xincun West Road, Zhangdian District, Zibo City, Shandong Province (255000)). E-mail: 1501172978@qq.com

ДАНИЛОВА Елена Андреевна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1), аспирант, Факультет политологии. ORCID: 0009-0000-4682-1304

Elena DANILOVA, MSU (Moscow State University) (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991), postgraduate student, Faculty of Political Science.
ORCID: 0009-0000-4682-1304

ДОНДОКОВА Максара Юрьевна, Россия, к.филол.н., доцент кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков, МГИМО МИД РФ, (Проспект Вернадского 76, Москва, 119454). ORCID: 0000-0002-5880-3557. E-mail: maksara508@mail.ru, m.dondokova@my.mgimo.ru

Maksara DONDOKOVA, Russia, PhD of philology, MGIMO University (76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454). ORCID: 0000-0002-5880-3557.
E-mail: maksara508@mail.ru, m.dondokova@my.mgimo.ru

ДОНЧЕНКО Анна Ильинична, научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997). ORCID: 0000-0002- 9044-3707. E-mail: an.donchenko@gmail.com

Anna DONCHENKO, Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997). ORCID: 0000-0002-9044-3707.

E-mail: an.donchenko@gmail.com

ДУДНИКОВ Павел Сергеевич, студент магистратуры Восточного факультета СПбГУ (Университетская наб., 7-9-11В, Санкт-Петербург)

E-mail: pashvod@gmail.com

Pavel DUDNIKOV, Master's degree student, Institute of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (7-9-11В, Universitetskaya Emb., St. Petersburg).

E-mail: pashvod@gmail.com

Ду Шанджэ (Ду Шанцзе) 杜尚劼, аспирант, РГХПУ им. С.Г. Строганова

E-mail: dushangjie90@gmail.com

Du Shangjie, postgraduate student of the Russian State Stroganov University of Design and Applied Arts. E-mail: dushangjie90@gmail.com

ДЫШЕНОВ Александр Валерьевич, магистр китайской филологии, ассистент кафедры Филологии стран Дальнего Востока Восточного института Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24 а, 670000). ORCID: 0000-0003-0053-3184. E-mail: mr.graf3@gmail.com

Alexander DYSHENOV, Master of Chinese Philology, Assistant of the Department of Philology of the Far East, Institute of Oriental Studies, Buryat State University. Dorzhi Banzarova (Ulan-Ude, Smolina st. 24 а, 670000)

ORCID: 0000-0003-0053-3184. E-mail: mr.graf3@gmail.com

ЕМЕЛЬЧЕНКОВА Елена Николаевна, к.филол.н., доцент, заведующая Кафедрой теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки СПбГУ (Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034). ORCID: 0000-0001-5090-3011. E-mail: emelchenkovae@gmail.com

Elena EMELCHENKOVA, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Theory and Methods of Training in Languages and Cultures of Asia and Africa, St. Petersburg University (11, Universitetskaya Emb., St Petersburg, 199034). ORCID: 0000-0001-5090-3011. E-mail: emelchenkovae@gmail.com

ЖАНЬ Цзиньхун 冉锦红, философского факультета МГУ им. Ломоносова

E-mail: furongran@yandex.ru

RAN Jinhong, Postgraduate student of Moscow State University

E-mail: furongran@yandex.ru

ЗАВИДОВСКАЯ Екатерина Александровна, к. филол. н., ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997), доцент Брянского государственного университета (Бежицкая ул., Брянск, 14, 241036)

ORCID: 0000-0002-8369-7776. E-mail: katushaza@yahoo.com

Ekaterina ZAVIDOVSKAYA, Ph.D. (Philology), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997), associate professor, Bryansk State University (Bezhitskaya ul., 14, Bryansk, 241036)

ORCID: 0000-0002-8369-7776. E-mail: katushaza@yahoo.com

ЗАВЬЯЛОВА Ольга Исааковна, д. филол. н., г. н. с. Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН

ORCID: 0000-0003-3355-4598. E-mail: olgazavyalova@yahoo.com

Olga ZAVYALOVA, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-3355-4598

E-mail: olgazavyalova@yahoo.com

ЗИГАНЬШИН Ринат Махмутович, к. филос. н., старший научный сотрудник Отдела сравнительного культуроведения, Институт востоковедения РАН (ул. Рождественка, д.12, Москва, 107031). ORCID: 0000-0002-5406-3483.

E-mail: rinatzigan@mail.ru

Rinat ZIGANSHIN, PhD, Senior Researcher at the Department of Comparative Cultural Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Rozhdestvenka str., 12, Moscow, 107031). ORCID: 0000-0002-5406-3483.

E-mail: rinatzigan@mail.ru

ИГНАТЕНКО Александр Владимирович, к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198). ORCID: 0000-0001-9261-4306. E-mail: ignatenko-av@rudn.ru

Alexander V. IGNATENKO, PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN (Miklukho-Maklaya, 6, Moscow, 117198). ORCID: 0000-0001-9261-4306. E-mail: ignatenko-av@rudn.ru

ИСАЕВ Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» ИККА РАН (Москва)

ORCID: 0000-0002-7187-1757. E-mail aisaev51@mail.ru

Alexander ISAEV, Ph.D. of Historical Sciences, leading researcher at the Center “Russia-China and the World” of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-7187-1757.

E-mail aisaev51@mail.ru

КВАРТАЛОВА Наталия Леонидовна, к. филос. н., ведущий научный сотрудник, Центр изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-1439-9716. E-mail: kvartalova@iccaras.ru

Nataliya KVARTALOVA, PhD (Philosophy), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-1439-9716. E-mail: kvartalova@iccaras.ru

КИСЕЛЕВА Елена Александровна, к. т. н., старший научный сотрудник лаборатории № 9.1 — электрохимической энергетики, Объединенный институт высоких температур РАН (Ижорская ул., 13, стр.2, Москва, 125412)

ORCID: 0000-0002-4964-3803. E-mail: kanna787@mail.ru

Elena KISELEVA, Ph.D., Senior Researcher at Laboratory No. 9.1 — Electrochemical Power Engineering, Joint Institute of High Temperatures of the Russian Academy of Sciences (Izhorskaya str., 13, building 2, Moscow, 125412). ORCID: 0000-0002-4964-3803. E-mail: kanna787@mail.ru

КНЯЗЕВ Ярослав Михайлович, аспирант отдела Китая, лаборант-исследователь отдела Сравнительного культуроведения, Института Востоковедения РАН (ул. Рождественка 12/1, Москва, 107031). E-mail: y.knyazev@ivran.ru

Iaroslav KNIAZEV, Postgraduate student, China Department, research assistant, Department of Comparative Cultural Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (12/1, Rozhdestvenka street, Moscow, 107031)

E-mail: y.knyazev@ivran.ru

КОЛЕБИНА Мария Сергеевна, студент, факультет иностранных языков, Иркутский государственный университет (664003, Сибирский федеральный округ, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1)

Maria KOLEBINA, student, Faculty of Foreign Languages, Irkutsk State University (1, st. Karla Marksa, Irkutsk, Irkutsk Region, Siberian Federal District, 664003)

КОМАРОВСКАЯ Полина Антоновна, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки, Восточный факультет СПбГУ (Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034). ORCID: 0000-0001-6977-9524.

E-mail: p.komarovskaja@spbu.ru

Polina KOMAROVSKAYA, Ph.D. (Cultural Studies), Senior Lecturer, Department for Theory and Methods of Training in Languages and Cultures of Asia and Africa, Faculty of Oriental Studies (11, Universitetskaya emb., St.Petersburg, 199034). ORCID: 0000-0001-6977-9524. E-mail: p.komarovskaja@spbu.ru

КОРОБОВА Анастасия Николаевна, к. филол. н., ведущий научный сотрудник, руководитель Центра изучения культуры Китая Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-1536-4344. E-mail: korobova@iccaras.ru

Anastasia KOROBOVA, Ph.D. (Philology), Head of the Centre for the Chinese Culture Research, Institute of China and Contemporary Asia, RAS

ORCID: 0000-0003-1536-4344. E-mail: korobova@iccaras.ru

КРУШИНСКИЙ Андрей Андреевич, д. филос. н., главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (Россия, 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 32). ORCID: 0000-0003-1126-3853.

E-mail: zvenigor@gmail.com

Andrey KRUSHINSKIY, DSc in Philosophy, Chief Researcher, Institute of the Institute of China and contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997). ORCID: 0000-0003-1126-3853.

E-mail: zvenigor@gmail.com

КУТАФЬЕВА Наталия Витальевна, к. филол. н., доцент кафедры востоковедения Гуманитарного института, директор Японского центра Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090). ORCID: 0000-0002-3656-8362. E-mail: natasha7362@mail.ru

Nataliia KUTAFEVA, Ph.D. (Philology), associate professor of cathedra of Oriental studies of Humanitarian faculty, Director of center for Japanese studies of Humanitarian faculty, Novosibirsk State University (1, Pirogova str., Novosibirsk, 630090). ORCID: 0000-0002-3656-8362. E-mail: natasha7362@mail.ru

Ле Тхи Хонг Фыонг (Вьетнам), к. филос. н., научный сотрудник Вьетнамской Школы прикладной философии (10/6/8, Ле Чонг Тан ул., Хадонг р., Ханой, 12113). ORCID: 0000-0001-6334-4132. E-mail: lethihongphuong@mail.ru

Le Thi Hong Phuong (Vietnam), Ph.D. (Philosophy), researcher, Vietnam School of Applied Philosophy (10/6/8, Le Trong Tan str., Ha Dong district, Hanoi, 12113). ORCID: 0000-0001-6334-4132. E-mail: lethihongphuong@mail.ru

Ли Синьмэй 李新梅, к. филол. н., доцент факультета русского языка, Институт иностранных языков и литератур Фуданьского университета (Ханьданьский пр., 220, Китай, 200433). E-mail: lixinmei@fudan.edu.cn

Li Xinmei — Candidate of Philology, Associate Professor, Faculty of Russian Language, Institute of Foreign Languages and Literatures, Fudan University (220 Handan Rd, Shanghai, China, 200433). E-mail: lixinmei@fudan.edu.cn

Ли Тунсинь 李桐馨, преподаватель, Институт искусств Шаньдунского авиационного института; аспирант, Московский государственный университет (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1). E-mail: litongxin1989@163.com

Li Tongxin, lecturer, Art Institute of Shandong Aviation Institute, PhD student, Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991). E-mail: litongxin1989@163.com

ЛУАНЬ Вэй 栾威, аспирант кафедры философии, Забайкальский государственный университет (Александровская 30, г. Чита, 272039)

ORCID 0009-0005-1816-1800. E-mail: 15145002637@163.com

Wei LUAN, PhD student at the Department of Philosophy, Trans-Baikal State University (Aleksandro-zavodskaya street 30, Chita, 672039).

ORCID 0009-0005-1816-1800. E-mail: 15145002637@163.com

Лю Цзини 刘婧怡, Китай, аспирантка факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: 1304638069@qq.com

Liu Jingyi, China, PhD student of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: 1304638069@qq.com

ЛЫСЯКОВА Ксения Андреевна, студент 4го курса бакалавриата кафедры китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (Россия, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4). E-mail: lisyakova.ks@bk.ru

Ksenia LYSIAKOVA, Bachelor student of 4th year, Chinese Language Department, Moscow City University (4 Vtoroy Selskhoziazjstvenny proezd, Moscow, 129226, Russia). E-mail: lisyakova.ks@bk.ru

ЛЮ Ядин 刘亚丁, профессор Института литературы и журналистики Сычуаньского университета и Центра современных российских исследований. E-mail: liuyd@scu.edu.cn

Yading LIU, School of Literature and Journalism, Sichuan LIU, Center for Contemporary Russian Studies. E-mail: liuyd@scu.edu.cn

ЛЯХОВИЧ Екатерина Викторовна, к. искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного института искусствознания (Козицкий пер., д. 5, Москва, 125009). ORCID: 0000-0002-4982-1630. E-mail: katyusha_07007@mail.ru

Ekaterina LYAKHOVICH, Ph.D. (Art History), Senior Research Associate, State Institute for Art Studies (5, Kozitsky pereulok, Moscow, 125375)

ORCID: 0000-0002-4982-1630. E-mail: katyusha_07007@mail.ru

МЕДВЕДЕВА Юлия Петровна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры истории музыки, Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки (ул. Пискунова, 40, Нижний Новгород, 603005)

ORCID: 0000-0003-0780-5584. E-mail: jul-medvedeva@yandex.ru

Yulia Medvedeva, Ph.D. (History of Arts), Associate Professor, Music History Department, Glinka Nizhniy Novgorod State Conservatoire, Nizhniy Novgorod, Russia (40 Piskunov str., Nizhny Novgorod, 603005). ORCID: 0000-0003-0780-5584. E-mail: jul-medvedeva@yandex.ru.

МЕНЬШИКОВА Мария Львовна, старший научный сотрудник, хранитель коллекций прикладного и ювелирного искусства Китая, Государственный Эрмитаж. E-mail: mlmenshikova@yandex.ru

Maria MENSNIKOVA, Senior Research Fellow, curator of the Chinese decorative arts and jewelry, Oriental department, the State Hermitage Museum.

E-mail: mlmenshikova@yandex.ru

МЕРКУЛОВ Катенарий Катенарьевич, доктор экон. наук (МАН Сан-Марино, 1994), канд. ист. наук (МГИМО, 1990), действительный член Академии проблем дипломатических наук и международных отношений (1998), старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997). ORCID: 0000-0002-6244-1800. E-mail: katenariy@gmail.com

Katenariy MERKULOV, D.Sc. (Economics) (IAS San Marino, 1994), Ph.D. (History) (MGIMO, 1990); full member of the Academy of the problems of diplomatic sciences and international relations (1998); Senior Researcher, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997). ORCID: 0000-0002-6244-1800. E-mail: katenariy@gmail.com

МИХАЙЛОВА Людмила Евгеньевна, Россия. АНО «ЦРКИ», руководитель департамента сопровождения творческих индустрий (Москва, ул.Двинцев, 12)
E-mail: mimoteka@mail.ru

Liudmila MIKHAILOVA. Center for the Development of Cultural Initiatives, Head of the Creative Industries Support Department (Moscow, Dvintsev St., 12).
E-mail: mimoteka@mail.ru

МИТЬКИНА Евгения Иосифовна, к.филол.наук, доцент, кафедра китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11). ORCID 0000-0002-3111-6810. E-mail: e.mitkina@spbu.ru

Evgenia I. MITKINA, PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Chinese Philology, St. Petersburg State University (199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb., 11). ORCID 0000-0002-3111-6810. E-mail: e.mitkina@spbu.ru

ПАХОМОВА Екатерина Сергеевна, бакалавр 4 курса кафедры китайского языка Института лингвистики МГПУ (2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, корп. 1, Москва, 129226). E-mail: kapaha2002@yandex.ru

Ekaterina PAKHOMOVA, 4th year Bachelor student of the Chinese Language Department of the Institute of Linguistics of the Moscow State Pedagogical University (2nd Agricultural Passage, 4, building 1, Moscow, 129226).
E-mail: kapaha2002@yandex.ru

ПЕТРУНИНА София Юрьевна, аспирантка МГК имени П. И. Чайковского (ул. Большая Никитская, 13, Москва, 125009). ORCID: 0000-0003-3862-0857.

E-mail: sofi.petrunina@yandex.ru
Sofiiia PETRUNINA, postgraduate student, Moscow State Tchaikovsky Conservatory (13, Bolshaya Nikitskaya street, Moscow, 125009)
ORCID: 0000-0003-3862-0857. E-mail: sofi.petrunina@yandex.ru

ПИКОВЕР Александр Владимирович, старший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997). E-mail: Pikover@mail.ru

Alexander PIKOVER, Senior Researcher at the China Socio-Economic Research Center, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997). E-mail: Pikover@mail.ru

ПИЦЦОВ Константин Михайлович, к. ист. н., старший научный сотрудник Отдела сравнительного культуроведения, Институт Востоковедения РАН (Рождественка, 12, Москва, 107031). ORCID: 0000-0002-7594-4466.

E-mail: pistsov-gmv@mail.ru

Konstantin PISTSOV, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Department of Comparative cultural Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, (12, Rozhdestvenka, Moscow, 107031). ORCID: 0000-0002-7594-4466.

E-mail: pistsov-gmv@mail.ru

ПУШКАРСКАЯ Наталья Вячеславовна, научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997). ORCID: 0000-0001-5372-5281.

E-mail: pushkarskaya@ifes-ras.ru

Natalia PUSHKARSKAIA, Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997). ORCID: 0000-0001-5372-5281.

E-mail: pushkarskaya@ifes-ras.ru

ПЭН Юхай 彭玉海, профессор Сычуаньского университета

E-mail: ccttcnn@scu.edu.cn

PENG Yuhai, professor at Sichuan University. E-mail: ccttcnn@scu.edu.cn

СОКОЛОВ Иван Алексеевич, к.и.н., независимый историк-исследователь (115522, г. Москва, ул. Кантемировская, 22-1-495). ORCID: 0000-0003-2032-120X. E-mail: s-hist@mail.ru

Ivan SOKOLOV, Ph.D. (history), independent historian-researcher (115522, Moscow, st. Kantemirovskaya, 22-1- 495). ORCID: 0000-0003-2032-120X.

E-mail: s-hist@mail.ru

СТЕЖЕНСКАЯ Лидия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Покровский бульвар, д. 11, Россия, Москва, 109028), ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Россия, Москва, 117997)

ORCID: 0000-0002-4011-6783. E-mail: liuxie@mail.ru

Lidiya V. STEZHENSKAYA, PhD (Philology), Associate Professor, Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University “Higher School of Economics” (11, Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028, Russia); Principal Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117997, Russia).

ORCID: 0000-0002-4011-6783. E-mail: liuxie@mail.ru

СТАРОСТИНА Нина Борисовна, Творческая мастерская Леонида Лундстрема. E-mail: starostinan@mail.ru

Nina STAROSTINA, Leonid Lundstrom Art Studio. E-mail: starostinan@mail.ru

СТРЕЛЬЦОВ Дмитрий Иванович, Студент 1 курса Института лингвопереводческих технологий и развития международных коммуникаций, Зарубежное регионоведение. Восточные исследования, АНО ВО «Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского»(Ленинский просп., 1/2к1)

E-mail: litvin.cev@mail.ru

Dmitriy STRELTSOV, 1st year student of the Institute of Linguistic Translation Technologies and Development of International Communications, Foreign Regional Studies. Oriental Studies., ANO VO “V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations”,(Leninsky Prospekt, 1/2k1). E-mail: litvin.cev@mail.ru

СУНЬ Юаньюэ 孙元越, аспирант, Институт литературы и журналистики Шаньдунского политехнического университета (№ 266, Синьцунь Вест Роуд, район Чжандянь, город Цзыбо, провинция Шаньдун (255000))

E-mail: 1585894307@qq.com

SUN Yuanyue, postgraduate student, Faculty of Literature and Journalism, Shandong University of technology (No. 266, Xincun West Road, Zhangdian District, Zibo City, Shandong Province (255000)). E-mail: 1585894307@qq.com

СЯО И , преподаватель кафедра теории и практики китайского языка, Минский государственный лингвистический университет (ул. Захарова, 21, Минск, 220088). E-mail: xiao.eric@yandex.by

Xiao Yi, Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997). E-mail: xiao.eric@yandex.by

ТКАЧЁВА Александра Васильевна, Старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения, Институт лингвопереводческих технологий и развития международных коммуникаций, АНО ВО «Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского» (Ленинский просп., 1/2к1). E-mail: 55ws22xv@mail.ru

Alexandra TKACHEVA., Senior Lecturer at the Department of Foreign Regional Studies, Institute of Linguistic Translation Technologies and Development of International Communications, ANO VO “University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovskiy” (Leninsky Ave., 1/2k1). E-mail: 55ws22xv@mail.ru

УНГУРЯН Софья Валентиновна, Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики», Факультет Мировой Экономики и Мировой Политики, образовательная программа «Востоковедение», 4 курс, группа БВВ-202. E-mail: svunguryan@edu.hse.ru

Sofia UNGURIAN, National Research University “Higher School of Economics”, Faculty of World Economy and International Affairs, educational program “Oriental Studies”, 4th grade, group BVV-202. E-mail: svunguryan@edu.hse.ru

ХАРИТОШКИНА Анастасия Александровна, независимый исследователь. E-mail: nastiuha-chen@mail.ru

KHARITOSHKINA Anastasia Aleksandrovna, independent researcher.

E-mail: nastiuha-chen@mail.ru

ХУАН Лилиан 黄立良, кандидат исторических наук, старший преподаватель Высшей школы востоковедения Факультета Мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ) (ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000); Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Проспект Вернадского, 82, Москва, 119571). ORCID: 0000-0003-3302-2495.

E-mail: liliang1017@mail.ru

Liliang HUANG, PhD (History), PRC, Senior Lecturer, Faculty of World Economy and International Affairs, Higher School of Economics (20, Myasnitkaya Str., Moscow, 101000); Institute of Business Studies, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy (82, Vernadsky Av., Moscow, 119571). ORCID: 0000-0003-3302-2495.

E-mail: liliang1017@mail.ru

Хуан Фэн, Московский педагогический государственный университет.

E-mail: 674809824@qq.com

Huang FENG 黄凤, Moscow Pedagogical State University.

E-mail: 674809824@qq.com

ЦЗИН Сюаньжу 荆萱茹, Китай, магистрант института литературы и журналистики, Шаньдунский политехнический университет

E-mail: 19811731375@163.com

Xuanru JING, Master's student at the Institute of Literature and Journalism, Shandong University of Technology. E-mail: 19811731375@163.com

ЦОЙ Инна Валериановна, Российская Федерация, к. филол. н., доцент Кафедры корееведения СПбГУ (Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034). ORCID: 0000-0001-9462-5420. E-mail: i.tsoy@spbu.ru

Inna TSOY, Russian Federation, Ph.D. (Philology), Associate Professor at the Department of Korean Studies, Saint Petersburg State University (11, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034). ORCID: 0000-0001-9462-5420.

E-mail: i.tsoy@spbu.ru

Цуй Гэ, аспирантк, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия,5).

ORCID: 0009-0006-2355-4585. E-mail: st122446@student.spbu.ru

Cui Ge, Ph.D., St. Petersburg State University (Mendeleevskaya Liniya, 5, St Petersburg, 199034). ORCID: 0009-0006-2355-4585. E-mail: st122446@student.spbu.ru

ЦЮ Вэньжун 邱文蓉, аспирант, Институт литературы и журналистики Шаньдунского политехнического университета (№ 266, Синьцунь Вест Роуд, район Чжандянь, город Цзыбо, провинция Шаньдун (255000))

E-mail: 3025008963@qq.com

Wenrong Qiu, postgraduate student, Faculty of Literature and Journalism, Shandong University of technology (No. 266, Xincun West Road, Zhangdian District, Zibo City, Shandong Province (255000)). E-mail: 3025008963@qq.com

ЦЮЙ Цзясянь , Китай, Аспирант Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (д.1, Ленинские Горы, г. Москва, 119991) , Факультета иностранных языков и регионоведения, Кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур. E-mail: qjxenia@gmail.com

Jiaxin QU, China, 1st year PhD student at Lomonosov Moscow State University (MSU) (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991), Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Department of Comparative Studies in Literatures and Cultures.
E-mail: qjxenia@gmail.com

ЧЖАН Сюэ 张雪, Китай, Московский педагогический государственный университет. E-mail: 178975459@qq.com

Xue ZHANG, Moscow Pedagogical State University.
E-mail: 178975459@qq.com

ЧЖАН Цзюньи 张君义, аспирант кафедры истории Китая, Институт стран Азии и Африки, Московский Государственный Университет (ул. Моховая, 11, стр. 1, Москва, 125009). E-mail: tzar1994@outlook.com

Junyi ZHANG, Postgraduate student, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (MSU) (11, building 1, Mokhovaya str., Moscow, 125009). E-mail: tzar1994@outlook.com

ЧЖАН Юн 张勇, профессор факультета литературы и журналистики Сычуаньского университета. (Китай, Сычуань, Чэнду, район Циньян, пр-т Шуньчэн, 252, 610017). E-mail: zikai99@163.com

Yong ZHANG, professor at the Faculty of Literature and Journalism, Sichuan University (Sichuan University, No.24 South Section 1, Yihuan Road, Chengdu, China, 610065 | No.29 Jiuyanqiao Wangjiang Road, Chengdu, 610064).
E-mail: zikai99@163.com

ЧЖАО Линьлинь 赵琳琳, аспирант, Институт литературы и журналистики, Шаньдунский политехнический университет (№ 266, Синьцунь Вест Роуд, район Чжандянь, город Цзыбо, провинция Шаньдун (255000))

E-mail: 1520626352@qq.com

Linlin ZHAO, Postgraduate student, Faculty of Literature and Journalism, Shandong University of Technology (No. 266, Xincun West Road, Zhangdian District, Zibo City, Shandong Province (255000)). E-mail: 1520626352@qq.com

ЧЖОУ Лайшунь 周来顺, заместитель декана и профессор факультета философии Хэйлунцзянского университета (г. Харбин, р-н Наньган, ул. Сюэфу, д. 74), директор Центра российских философских и культурных исследований, приглашенный научный сотрудник МГУ, в основном занимается исследованиями по русской философии.

Laishun ZHOU, Vice Dean and Professor of the School of Philosophy at Heilongjiang University (74, st. Xuefu, Nangang district, Harbin), Director of the Russian Philosophy and Cultural Research Center, Visiting Scholar at Moscow State University, mainly engaged in research on Russian philosophy.

ЧЖУ Юйжу 朱玉茹, студент магистратуры, Шаньдунский политехнический университет (№ 266, Синьцунь Вест Роуд, район Чжандянь, город Цзыбо, провинция Шаньдун (255000)). 940698343@qq.com

Yuru ZHU, master's student, Shandong University of Technology (No. 266, Xincun West Road, Zhangdian District, Zibo City, Shandong Province (255000), 940698343@qq.com, Wechat: 18369916798

ЧИРКОВ Кирилл Александрович, научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (Нахимовский пр., 32, Москва, 117997). E-mail: kyros56@mail.ru

Kirill CHIRKOV, research fellow, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997). E-mail: kyros56@mail.ru

ШЕМЕТОВА Алеся Александровна, соискатель кафедры культурологии, преподаватель кафедры русского языка как иностранного УО Белорусский государственный университет культуры и искусств (220007, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Рабковская, 17. E-mail: lesy086@gmail.com

Alesia SHEMETAVA, applicant for the Department of Cultural Studies, lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language, Belarusian State University of Culture and Arts (220007, Republic of Belarus, Minsk, Rabkorovskaya St., 17. E-mail: lesy086@gmail.com

ШЭНЬ Юаньин 申元瑛, аспирант, Философский факультет, Пекинский педагогический университет (Синьцзекоувай пр., Пекин, 19, 100875). E-mail: angelssf@163.com

Yuanying SHEN, PhD student, Faculty of Philosophy, Beijing Normal University (19, Xijiekouwai Ave., Moscow, 100875). E-mail: angelssf@163.com

Научное издание

**Тезисы докладов
XXV Международной научной конференции
«Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура»**

Москва, 5—6 июня 2024 г.

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Корректор *Н.Б. Потапова*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Ивашиной*

Подписано в печать 04.10.2024.

ФГАУН ИКСА РАН

Электронная библиотека ИКСА РАН

www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.